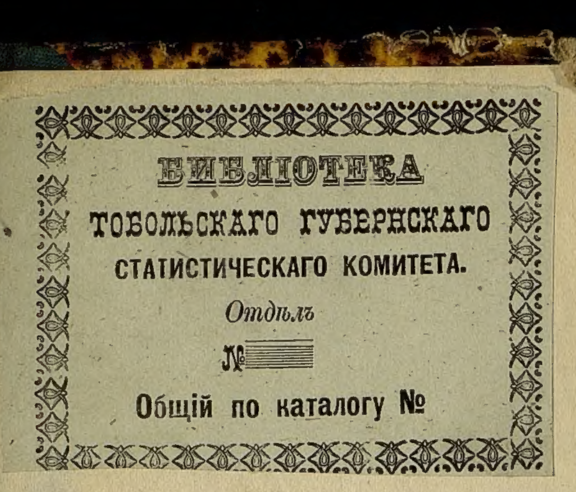
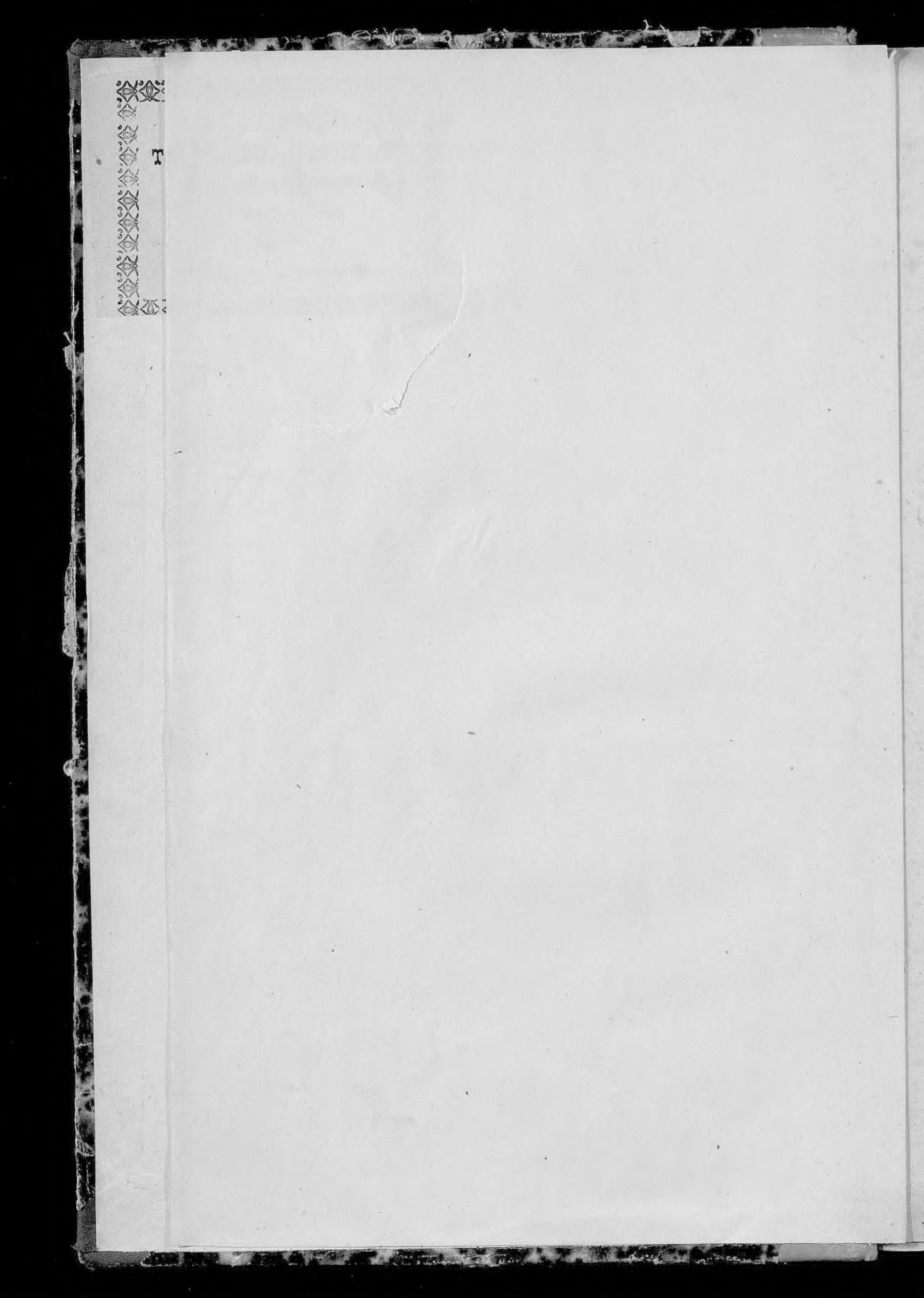
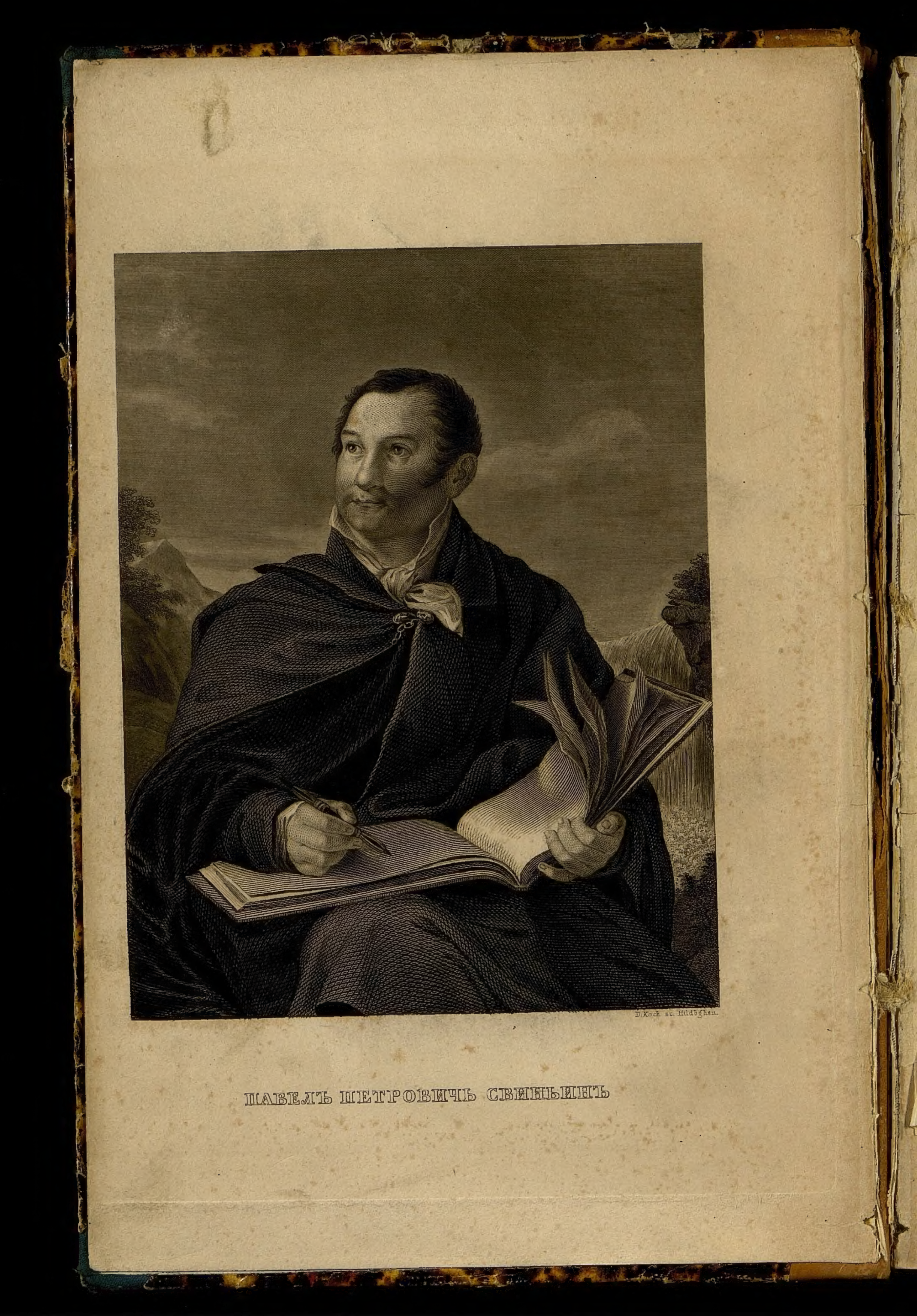

63529(2)
C 24

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО
СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.
Отдѣлъ
№
Общій по каталогу №

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ СВИНЬИНЪ

КАРТИНЫ РОССІИ

и

БЫТЪ

РАЗНОПЛЕМЕННЫХЪ ЕЯ НАРОДОВЪ,

изъ

ПУТЕШЕСТВІЙ

П. П. СВИНЬИНА.

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Жуковскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 19-го Ноября 1838 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

Въ типографіи Н. Греча.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ,
Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ!...
И предки славные, отечески законы,
Священны алтари, царей любимыхъ троны,
И гробы праотцевъ, обычай ихъ простой...
И потъ кровавый ихъ за граждань пролитой,
И слава отъ того и честь пріобрѣтенны...
Угрюмы скалъ верхи, и горъ пещеры темны...
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ,
Жилищъ отеческихъ, я въ сердцѣ чту святымъ!

М. Крюковской.

Въ благородномъ стремленіи Россіянъ во всѣхъ сословіяхъ къ узнанію обширнаго, необъятнаго своего отечества, и въ радушномъ вниманіи просвѣщенныхъ сограждань къ каждому новому открытію, въ хранилищахъ Отечественной Исторіи, — просвѣщенный наблюдатель жизни народовъ видитъ вѣрный залогъ быстрыхъ и утѣшительныхъ успѣховъ Россіи. Знаніе различныхъ подробностей, касающихся до

родной старины, питаетъ любовь къ ней, возбуждаетъ народную гордость, всегда готовую на подвиги для славы отечества, и одушевляя усердіемъ къ самоотверженію, ведетъ государство на верхъ славы и могущества. Мы жадно ищемъ познать во всѣхъ отношеніяхъ государство, къ которому принадлежимъ, т. е. его народный бытъ, мѣста историческихъ воспоминаній, даже живописное положеніе ихъ, однимъ словомъ все то что, воспламеняя сердца наши чистѣйшими чувствами любви и приверженности къ святой родинѣ, можетъ радовать, возвышать нашу душу.

Описанія и изображенія Россіи, составляемыя въ послѣднее время большею частію въ кабинетахъ издателей, не имѣвшихъ средствъ обозрѣть со всѣхъ сторонъ наше отечество, естественно не могутъ удовлетворить потребности патріотовъ и соотвѣтствовать ожиданіямъ Европы, слѣдящей за исполинскими шагами Россіи. Ласкаю себя надеждою, что этотъ недостатокъ устранится изданіемъ въ свѣтъ прекрасныхъ альбомовъ Г-на Статскаго Совѣтника Свиньина.

Павелъ Петровичъ Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, журнала, неоспоримо более многихъ другихъ распространившаго въ прошедшемъ десятилѣтіи любовь и уваженіе къ родному, народному, Русскому, посвятилъ нѣсколько годовъ лучшей жизни для изученія Россіи на самыхъ классическихъ мѣстахъ. Съ пособіемъ Исторіи и Статистики, Г-нъ Свиньинъ обозрѣлъ достопамятнѣйшіе города и урочища, отъ береговъ Сѣвернаго Океана до Чернаго Моря, отъ Балтики до Каспія, отъ степей Бессарабскихъ до снѣжнаго хребта Кавказа и гордаго Урала,

замѣчая все достойное вниманія съ безпристрастіемъ наблюдателя опытнаго, съ искусствомъ знатока просвѣщеннаго, и рѣдкою способностію пользоваться всѣмъ, что природа и люди представляли взорамъ его въ современномъ быту своемъ и обычномъ движеніи. И отъ того какая правда, какая истина дышитъ въ его рисункахъ! Въ нихъ подмѣчены, уловлены не только малѣйшія измѣненія въ чертахъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ безконечные предѣлы Царства Русскаго, но и различные отливы неба, и особенности мѣстности; даже физіономіи растеній сохранены съ удивительною отчетливостію. Отъ того и описанія его исполнены свѣтлыми, самобытными мыслями и замѣчаніями, обличающими вмѣстѣ съ тѣмъ и опытнаго литератора, владѣющаго перомъ сильнымъ и увлекательнымъ, знакомаго съ просвѣщенными странами Стараго и Новаго Свѣта. Въ свидѣтельство этого напомню, что отрывки изъ наблюденій Г-на Свиньина, помѣщаемы были въ Европейскихъ и Американскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а съ 1815 года, въ Сынѣ Отечества, гдѣ также, въ послѣдствіи, видѣли мы и многіе опыты его путешествія по Россіи, и что онъ, находясь при посольствѣ нашемъ въ Америкѣ, издалъ въ Филадельфіи въ 1813 году, весьма любопытную книжку о Россіи: Sketches of Moscow and St. Petersbourg, съ картинками. Американскіе журналы весьма выгодно отзывались о семъ необыкновенномъ явленіи въ ихъ литературѣ, замѣчая, что эта книжка была принята съ тѣмъ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ Американскою публикою

что явилась въ такое время, когда всѣ жаждали получить ближайшее понятіе о Государствѣ, ниспровергшемъ колоссъ, подавлявшій Европу. Наши лучшіе журналы того времени: Вѣстникъ Европы и Россійскій Музеумъ также достойно оцѣнили заслуги и дарованія Русскаго въ Америкѣ.

Все сіе сообщаю я публикѣ не для того, чтобы привлечь ее къ покупкѣ книги, но единственно для принесенія признательности моей почтенному автору за то, что онъ избралъ меня быть распространителемъ полезныхъ, занимательныхъ и благонамѣренныхъ трудовъ своихъ, представляющихъ драгоцѣнный плодъ многолѣтнихъ, безпрерывныхъ путешествій его по отечеству, чтобы дать видѣть Европѣйцамъ Россію въ достойной ея картинѣ, не щадя ни какихъ усилій и пожертвованій къ выполненію любимой мысли и цѣли занимательной, поэтической жизни его.

Для изданія сего прекраснаго творенія, я воспользовался сношеніями съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Германіи гравировальныхъ заведеній — Библіографическимъ Институтомъ въ Гильдбурггаузенѣ, который до тѣхъ поръ, (въ продолженіи слишкомъ трехъ лѣтъ), исполнялъ всѣ заказы гравюръ I и II части Всемірной Панорамы моей, съ примѣрнѣйшею точностію. Добросовѣстность сего заведенія, во время изданія означенныхъ книгъ, служила мнѣ залогомъ и будущаго исполненія моихъ требованій. Условясь, посредствомъ корреспонденціи, съ хозяиномъ Библіографическаго Института, Г-мъ Мейеромъ, въ цѣнѣ и заготовленіи для меня всѣхъ 40 гравюръ на стали для I части Картинъ Россіи, въ совершенной точно-

сти этихъ гравюръ съ оригинальными рисунками Г-на Свиньина, и въ томъ, чтобы онъ, начавъ поставку не позже пяти мѣсяцевъ со дня полученія рисунковъ, кончилъ ее къ Декабрю 1838 года съ возвращеніемъ и ввѣренныхъ ему оригинальныхъ 40 рисунковъ, — я отправилъ къ нему послѣдніе въ Маѣ, того же года. Исполнивъ такимъ образомъ съ своей стороны заключенное съ нимъ условіе, я открылъ на первую часть *Картинъ Россіи* въ Маѣ 1838 года подписку объявленіемъ, которымъ обязался издать сію книгу въ концѣ того же года, т. е. тремя недѣлями позже того срока, къ которому Г. Мейеръ обязался кончить поставку сорока гравюръ въ числѣ 120,000 оттисковъ.

Но Г. Мейеръ не устоялъ въ словѣ, и поставилъ меня чрезъ то въ непріятнѣйшее положеніе не только предъ публикою, привѣтствовавшею столь радушно обѣщанное мною изданіе, но и предъ почтеннымъ другомъ моимъ Павломъ Петровичемъ, авторомъ *Картинъ Россіи.* Когда же, по прошествіи пяти мѣсяцевъ, я началъ побуждать Г. Мейера убѣдительнѣйшими письмами къ исполненію обязанностей его, — онъ въ Ноябрѣ увѣдомилъ меня, что къ концу года могутъ поспѣть только до десяти досокъ, а гравировка остальныхъ будетъ кончена постепенно въ первой половинѣ слѣдующаго 1839 года; вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ онъ, на усмотрѣніе мое, пробные оттиски съ четырехъ досокъ, въ числѣ которыхъ находился и видъ «Церкви Василія Блаженнаго,» совершенно непохожій на оригинальный рисунокъ.

Не получивъ отъ Г. Мейера ни малѣйшаго отзыва о видѣ «Церкви Василія Блаженнаго,» я отправился въ

началѣ Апрѣля 1839 года въ С. Петербургъ къ Павлу Петровичу, для оправданія себя предъ нимъ въ неизданіи напечатанной уже первой части *Картинъ Россіи*, и сообщенія ему лично всей корреспонденціи моей съ Г. Мейеромъ.

Но едва успѣлъ я прибыть въ С. Петербургъ, 8 Апрѣля, и доказать въ тотъ же день почтенному другу моему, что по ввѣренному мнѣ изданію я съ своей стороны исполнилъ свою обязанность и надѣялся даже кончить ее ранѣе назначеннаго срока, и что одинъ Г. Мейеръ былъ причиною случившейся остановки, — какъ неисповѣдимому Провидѣнію угодно было лишить насъ незабвеннаго сего соревнователя отечественной славы, добраго отца семейства и радушнаго, доброжелательнаго друга! Павелъ Петровичъ Свиньинъ скончался 9-го Апрѣля 1839 года отъ апоплексическаго удара.

Пораженный симъ новымъ несчастнымъ событіемъ, я находилъ утѣшеніе въ одномъ токмо сознаніи, что всеблагое Провидѣніе даровало мнѣ возможность, доказать незабвенному моему другу на канунѣ его смерти, что я невиненъ въ случившейся остановкѣ по изданію творенія, которому посвятилъ онъ лучшую часть своей жизни. Переселяясь въ предѣлы вѣчности благородная душа его была убѣждена, что онъ не обманывался въ предположеніяхъ своихъ обо мнѣ, когда ввѣрялъ изданіе Картинъ Россіи моему усердію.

Отдавъ священный долгъ дружбы праху незабвеннаго автора, я увѣдомилъ почтенную публику о преждевременной кончинѣ его ниже помѣщенною ста-

тьсю, напечатанною въ № 80 Сѣверной Пчелы 1839 года *), и съ сердцемъ, исполненнымъ горчайшихъ ощущеній, воротился въ Митаву, куда прибылъ въ совершенно разстроенномъ здоровіи, и гдѣ ожидали меня непріятнѣйшія извѣстія, ибо Г. Мейеръ, обидѣвшійся моими понужденіями, увѣдомилъ меня, что онъ прекратилъ гравировку всѣхъ заказанныхъ у него гравюръ.

---

*) Въ прошедшемъ году, при открытіи подписки на твореніе Павла Петровича Свиньина, подъ названіемъ: *Картины Россіи и быть разноплеменныхъ ея народовъ*, я обѣщалъ издать первую часть сей книги съ 40 картинками, гравированными на стали, въ концѣ 1838 года, потому что гравировальное заведеніе, которому поручилъ я исполненіе гравюръ съ доставленіемъ ему задаточной суммы, обязалось поставить ихъ къ помянутому сроку.

Непредвидѣнныя обстоятельства не дозволили однакоже гравировальному заведенію выполнить заключеннаго съ нимъ договора во всемъ его объемѣ. Непріятное это событіе, поставившее меня безвинно предъ почтеннымъ авторомъ и предъ всею публикою въ видѣ несостоятельнаго издателя, побудило меня, съ одной стороны, принять мѣры, въ слѣдствіе которыхъ гравировальное заведеніе вѣрно уже не оставитъ исполнить и прислать остальныя картины въ полномъ числѣ ихъ, а съ другой, пріѣхалъ 8 Апрѣля въ С. Петербургъ, для убѣжденія Павла Петровича въ истощеніи мною всѣхъ средствъ, могшихъ ускорить изданіе прекраснаго уже напечатаннаго творенія. Но едва успѣлъ я въ день моего пріѣзда сообщить ему всѣ мои дѣйствія и успокоиться одобреніемъ его, какъ неумолимая смерть лишила меня 9-го Апрѣля любезнѣйшаго друга.

Какъ скоропостижная кончина его можетъ распространить въ публикѣ сомнѣніе на счетъ изданія *Картинъ Россіи*, то и поспѣшаю объявить, что онѣ выйдутъ непремѣнно, и полагаю, даже въ непродолжительномъ времени. Онѣ будутъ изданы, сообразно первому моему объявленію, въ роскошнѣйшемъ видѣ, и смѣю надѣяться, удовлетворятъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданіямъ почтенной публики. Для добросовѣстнаго исполненія съ моей стороны принятыхъ на себя обязанностей, призываютъ меня не только данное слово, но и соотношенія мои съ незабвеннымъ другомъ, которыя и за предѣлами жизни прекратиться не могутъ. На скромную его могилу я положу изданіемъ *Картинъ* его, неувядаемый

Прибывъ въ Гильдбурггаузенъ въ Августѣ минувшаго года, я убѣжденъ былъ обстоятельствами и по совѣту опытныхъ и дѣловыхъ людей, вступить съ Мейеромъ въ переговоры, и успѣлъ наконецъ склонить его кончить гравировку заказанныхъ у него сорока досокъ и къ непремѣнной доставкѣ съ нихъ отпечатковъ, — къ Декабрю 1839 года.

Во время дальнѣйшаго путешествія моего изъ Гильдбурггаузена (съ 15 Августа минувшаго года) по Южной Германіи, условился въ Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ, Мюнхенѣ, Прагѣ, Регенсбургѣ и разныхъ другихъ городахъ, со многими отличнѣйшими граверами насчетъ исполненія на стали по заказамъ моимъ всѣхъ картинокъ, которыя понадобятся мнѣ для будущихъ моихъ изданій, такъ что по исполненію досокъ я не буду болѣе зависѣть отъ произвола подрядчиковъ. Сіи результаты соглашеній моихъ съ отличными художниками тѣмъ болѣе меня обрадовали, что многіе изъ нихъ изъявили даже готовность прибыть ко мнѣ въ Митаву, для исполненія моихъ заказовъ, такъ что мнѣ представляется возможность учредить у себя, въ Митавѣ, собственное гравировальное заведеніе; и я теперь стараюсь привести этотъ планъ въ исполненіе.

вѣнокъ воспоминанія о благонамѣренныхъ, патріотическихъ трудахъ, достойныхъ гражданина, добраго отца семейства, искренняго друга, какихъ на свѣтѣ мало, и который вѣрно будетъ оплакиваемъ всѣми, имѣвшими случай узнать изящность его души, благородство его правилъ, умилительное добродушіе и всѣ тѣ рѣдкія душевныя качества, которыя ознаменовываютъ людей добродѣтельныхъ и необыкновенныхъ. С. Петербургъ. 10 Апрѣля 1839 года. — *Иванъ Делакроа.*

Между тѣмъ Г. Мейеръ изъ оставшихся за нимъ остальныхъ 28 гравюръ, которыя обязался онъ поставить мнѣ къ концу 1839 года, онъ прислалъ въ Митаву не прежде какъ въ Апрѣлѣ и Маѣ сего года, только 20, за нѣсколько дней предъ симъ еще 6, а насчетъ остальныхъ двухъ, увѣдомилъ меня наконецъ, что ихъ поставить вовсе не можетъ, потому что граверы въ Лондонѣ не только не принимались еще за гравировку ихъ, но даже затеряли оригинальные рисунки (!!)

Это неожиданное извѣстіе едва не убило меня, и всѣ сіи неудачи, вѣрно оправдаютъ меня предъ цѣлымъ свѣтомъ въ неизданіи къ сроку *Картинъ Россіи.*

Послѣ сей исповѣди о постигшихъ меня несчастіяхъ, я долгомъ считаю увѣдомить Гг. подписавшихся и покупателей сей книги:

1. Что недостающія двѣ картинки, будутъ первымъ доставлены по адресамъ, а послѣднимъ выданы книгопродавцами по предъявленіи билетовъ, вмѣстѣ съ книгою розданныхъ, — надѣюсь чрезъ полгода а можетъ быть и ранѣе сего срока.

2. Что въ память незабвеннаго автора, я украсилъ первую часть Картинъ Россіи портретомъ его, гравированнымъ по заказу моему однимъ изъ тѣхъ художниковъ, которые будутъ находиться у меня въ Митавѣ при учреждаемомъ гравировальномъ заведеніи, и по рисунку, снятому съ оригинальнаго портрета Павла Петровича Свиньина, писаннаго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ извѣстнымъ Московскимъ живописцемъ Тропининымъ.

3. Что къ сей же первой части *Картинъ Россіи* я прилагаю еще пейзажъ изъ числа картинъ, украшающихъ третью часть Всемірной Панорамы, на которую открылъ я подписку, напечатанную на обертке сей книги.

Двумя сими гравюрами — портретомъ и пейзажемъ, пополняю я предварительно число сорока гравюръ на стали, обещанныхъ мною для первой части Картинъ Россіи; но такъ какъ недостающія две гравюры будутъ доставлены въ непродолжительномъ времени, то смею просить принять портретъ и пейзажъ за доказательство, что съ одной стороны, я чту память незабвеннаго моего друга, а съ другой всемерно стараюсь заслужить вниманіе и благосклонность просвещенной публики нашей, которымъ она удостоиваетъ мои предпріятія.

Коллежскій Ассессоръ И. Делакроа.

Митава, въ Іюле
1840 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

СОЧИНИТЕЛЯ.

Многія обстоятельства и неожиданные случаи содѣйствовали къ возбужденію во мнѣ желанія обозрѣть красоты и достопамятности обширнаго нашего отечества: въ особенности утвердилъ во мнѣ страсть сію незабвенный Президентъ Греціи, Графъ Каподистрія. Счастливая судьба познакомила меня съ симъ знаменитымъ мужемъ еще въ Корфу, въ 1806 году, когда онъ былъ секретаремъ Сената Іонической Республики, а я дипломатическимъ чиновникомъ при Главнокомандующемъ Россійскими войсками въ Адріатикѣ и Средиземномъ морѣ, Адмиралѣ Сенявинѣ. Графъ Каподистрія, замѣтивъ страсть мою къ живописи,

указывалъ мнѣ любопытнѣйшія мѣста поэтической Корциры. Такимъ образомъ, перешли на бумагу развалины, едва замѣтныя близъ городскаго вала, кои краснорѣчивый мой наставникъ почиталъ остатками волшебныхъ чертоговъ и вѣчно-цвѣтущихъ садовъ Алкиноевыхъ, обнесенныхъ, по словамъ Гомера, мѣдною стѣною, съ золотыми воротами. На другомъ рисункѣ представлена была рѣчка Месонжи, протекавшая чрезъ тополевый лѣсъ, нѣкогда посвященный Минервѣ, гдѣ укрылся Улиссъ на утломъ челнокѣ отъ ярости моря, и, скитаясь въ рощѣ, увидѣлъ прекрасную царевну Навзикаю, пришедшую мыть платье и купаться! — Не забыта была и деревня Буцинтро, изъ коей Пирръ отправился на завоеваніе Сициліи и Корсики, и тотъ вертоградъ, гдѣ отдыхалъ Виргилій на пути своемъ въ Грецію, и та утесистая скала, на коей Эней нашелъ Елену во время бѣгства своего изъ разрушенной Трои, трепеща отъ предсказаній гарпіи Селены..... Прелестныя воспоминанія героическихъ вѣковъ нерѣдко воспламеняли душу Каподистрія, сего избраннаго сына Эллады. Нерѣдко говорилъ онъ, что весьма хотѣлось бы ему совершить путешествіе по Аттикѣ, что онъ взялъ бы на себя часть описательную, а мнѣ предоставилъ бы живописную. Но вскорѣ политическія обстоятельства, по

заключеніи Тильзитскаго мира, изгладившаго и самую тѣнь Республики Іонической, воспрепятствовали исполненію нашихъ желаній. Адмиралу Сенявину, со всѣми Русскими силами, предписано было возвратиться въ Россію, а Каподистрія, снабженный одобрительными письмами добраго начальника, отправился въ Петербургъ, гдѣ получилъ чинъ статскаго совѣтника и три тысячи рублей ежегодной пенсіи.

Разставшись съ нимъ въ Корфу, я снова встрѣтился съ Графомъ Каподистрія въ С. Петербургѣ, въ 1809 году, и, по старому знакомству, нерѣдко посѣщалъ скромный уголокъ его, въ верхнемъ этажѣ дома Гонаропуло, у Синяго Моста; а онъ захаживалъ въ мое низменное жилище, въ Фонарномъ Переулкѣ.

Въ это время, имѣя мало занятій по службѣ, я предался совершенно моей страсти къ живописи, и Каподистрія, любуясь однажды моими Казаками, Черкесами и особенно лихими тройками и другими картинами, въ коихъ старался я схватывать черты Русскаго быта и физіономіи Русскихъ, сказалъ: «Вамъ бы слѣдовало сыскать случай обозрѣть Россію, съ карандашемъ въ рукѣ.» Сіи слова электричествомъ проникли въ мою душу и, можно сказать, съ того самаго часа я сталъ себя готовить къ любимѣйшему

моему предпріятію: но судьбѣ угодно было разрушить мои мысли, отбросивъ меня въ Америку.

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ моихъ живописныхъ произведеній имѣли счастіе понравиться Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ; это подало надежду въ успѣхѣ моего предпріятія, и въ семъ предположеніи, Графъ вызвался написать для меня прилагаемую при семъ записку о живописномъ путешествіи по Россіи. Не смотря на краткость изложенія, нельзя не узнать въ ней сильнаго пера искуснѣйшаго дипломата, нельзя не подивиться чистымъ, свѣтлымъ понятіямъ иностранца о Россіи. По крайней мѣрѣ я останусь навсегда признательнымъ Графу Каподистрія за то, что онъ первый посѣялъ во мнѣ мысль и поощрилъ на дерзкое предпріятіе объѣхать Россію, предпріятіе, которое, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, удалось мнѣ выполнить, и совершенно по его плану, съ тою только разностію, что я не искалъ постороннихъ пособій, а выполняя мысль мою по усердію къ отечеству, жертвовалъ собственнымъ своимъ достояніемъ.

Полагая, что для всякаго будетъ любопытно прочесть сію записку, списываю подлинникъ ея отъ слова до слова съ дипломатическою точностію.

Мысль о живописномъ путешествіи по Россіи.

«Государство безмѣрное, и отчасти неизвѣстное, объемлющее всѣ климаты и богатства всѣхъ широтъ Земнаго Шара, народы, происхожденія различнаго, коихъ нравы, обыкновенія, обычаи погребены въ безднѣ временъ и пространствъ, мѣста, достопамятныя для Исторіи сихъ народовъ и для славы Монарха, ими владычествующаго, прелестные виды, представляющіе новые образцы для живописи и гравированія, земля и лѣса, остающіеся безлюдными и необработанными, ибо не довольно ихъ знаютъ и потому не могутъ оцѣнить ихъ обильнаго плодородія и прелести житья въ оныхъ: такова общность предметовъ, которую предполагается изложить въ собраніи картинъ, присовокупивъ къ этому замѣчанія описательныя, историческія и статистическія; та-

---

Idée d'un voyage pittoresque en Russie.

Une région immense et en partie inconnue, qui embrasse tous les climats et les richesses de toutes les latitudes; des peuples d'une origine différente et dont les moeurs, les usages, les coutumes sont ensevelis dans l'oubli du tems et des distances, des sites qui intéressent l'histoire de ces peuples et la gloire du Souverain qui les gouverne; des vues charmantes qui offrent de nouveaux modèles à la peinture et à la gravure; des terres et des forêts qui restent depeuplées et incultes parcequ'on ne les connait pas assez pour en apprécier la fertilité, et pour en regretter le séjour: telle

ково сочиненіе, которое представятъ Русскимъ и иностранцамъ, подъ названіемъ: Живописнаго Путешествія по Россіи.

«Такое предпріятіе не новость, но исполненіе онаго донынѣ занимало только, или любопытство, или расчетливость чужеземцевъ; въ скоромъ времени должно появиться въ Европѣ подобное сочиненіе, въ которомъ трудъ и достоинство выполненія принадлежатъ Русскимъ, но честь собранія отнесется къ издателю, Баварцу, Барону Рехсбергу.

«Желательно было бы, чтобъ сей ученый болѣе путешествовалъ по внутренней Россіи, и не повторяя того, что провозглашаетъ толпа иностранцевъ, путешествовавшихъ мысленно, и представилъ намъ изображеніе, въ которомъ истина была бы выражена вполнѣ.

---

est la masse des objets qu'on se propose de peindre dans une collection de tableaux, et d'illustrer par des notes descriptives historiques; et tel est l'ouvrage que l'on viendrait mettre sous les yeux de la nation Russe et des nations étrangères sous le titre de Voyage pittoresque en Russie.

Ce projet n'est pas nouveau: son exécution cependant n'a pas interessé jusqu'aprésent que la curiosité et les spéculations des étrangers: et l'on verra bientôt paraitre en Europe un ouvrage de ce genre dont le travail et le mérite sont dûs à des Russes, mais dont la gloire appartiendra à son rédacteur le Bavarois Baron de Reichsberg.

Il serait à desirer que ce savant eût beaucoup voyagé dans l'intérieur de la Russie, et que sans répéter ce que débitent quan-

«Но предполагая въ немъ для того всю добрую волю, надобно знать, довольно ли извѣстны ему люди и предметы, которые переданы карандашемъ художника? И будучи иностранцемъ, не думалъ ли онъ объ нихъ и не обсуживалъ ли ихъ при чужомъ посредствѣ.

«Впрочемъ, въ сочиненіяхъ сего рода предметы не представляются наблюдателю сами собою. Надобно трудиться, отыскивать ихъ, искусно схватывать и быстро изучать, когда находятся они въ настоящей точкѣ зрѣнія. Наука и искусство не даютъ сего дарованія: мы бываемъ одолжены имъ природѣ, и только благородная страсть можетъ воспламенить сіе дарованіе. Почему отказали бы Русскому въ способности чувствовать её въ себѣ?

«Исполненный сихъ мыслей и желанія

---

tité d'écrivains, qui voyagent en idée, il nous présenta un portrait, dans lequel la vérité fût rendue toute entière.

Mais en lui supposant la meilleure bonne volonté, il reste à savoir s'il connait assez les hommes et les choses, que le crayon d'un artiste a tracé sur les tableaux et si en qualité d'étranger il n'a pas pensé et réflechi par l'entremise des autres.

D'ailleurs dans cette espèce d'ouvrage les objets ne se présentent pas d'eux mêmes à l'observation. Il faut les chercher avec peine, les surprendre avec adresse et les étudier rapidement, lorsqu'ils se trouvent dans leur véritable point de vue. L'instruction et l'art ne donnent pas ce talent: c'est à la nature qu'on le doit, et c'est une noble passion qui seule peut l'enflammer. Pourquoi refuserait-on à un Russe le privilége de la sentir?

доказать мою ревность и любовь къ отечеству моему и Монарху, предполагаю совершить живописное путешествіе по Россіи, и осмѣливаюсь представить слабыя мои средства для выполненія сего.

«Опыты мои съ давняго времени въ семъ родѣ занятій, и снисхожденіе, съ какимъ были они приняты, даютъ мнѣ нѣкоторую надежду на успѣхъ сего огромнаго предпріятія. Мнѣ потребны только общее одобреніе и пособіе, при посредственномъ моемъ состояніи необходимое.»

Въ 1813 году, мы встрѣтились опять съ Графомъ Каподистрія въ Богеміи, куда прибылъ я изъ Америки, сопровождая Генерала Моро въ Русскую Армію. Графъ былъ уже Статсъ-Секретаремъ Императора Александра. Не смотря на быстрое возвышеніе свое, онъ почтилъ меня прежнею ласкою и искренностію, и разсматривая альбомъ мой съ видами Америки, припоминалъ

Pénétré de ces considérations, et de l'envie de donner des preuves de mon zèle et de mon patriotisme à mon Souverain et à ma patrie, j'ài conçu l'idée d'un voyage pittoresque en Russie, et j'ose offrir mes foibles moyens pour son éxécution.

Les essais que depuis longtems j'ài fait dans ce genre, et l'indulgence avec laquelle ils ont été accueillis, me donnent l'espoir de quelque succés dans cette grande entreprise. Je ne réclame que la protection publique et des secours que la médiocrité de ma fortune me rendent nécessaires.

о нашихъ предположеніяхъ, которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, уже были мною выполнены, при изданіи, въ Филадельфіи и въ Лондонѣ двухъ опытовъ о Россіи на Англійскомъ языкѣ, съ 12-ю картинками, подъ заглавіемъ Sketches of Russia. Главнымъ предметомъ перваго было, дать хотя поверхностное, но вѣрное понятіе о Россіи въ Новомъ Свѣтѣ, наполненномъ славою Наполеона, и жаждавшемъ узнать о народѣ, низпровергшемъ сего дивнаго исполина. Въ 1814 году, по возстановленіи Александромъ мира въ Европѣ, картинные магазины, стѣны на перекресткахъ и книжныя лавки въ Лондонѣ наполнялись изображеніями казаковъ, и всего Русскаго, но, къ сожалѣнію, сдѣланными такъ неправильно, такъ небрежно, что вмѣсто удовольствія и самолюбія возбуждали въ Русскихъ или смѣхъ или негодованіе. Это побудило меня согласиться на предложеніе извѣстнаго Лондонскаго книгопродавца Акермана, издать мои очерки о Россіи въ великолѣпнѣйшемъ видѣ и въ пространнѣйшемъ объемѣ.

Должно замѣтить, что хотя въ составленіи рисунковъ и описаній видовъ Санктпетербурга и Москвы, нѣсколькихъ изображеній домашняго Русскаго быта, казаковъ, Черкесовъ и т. п., я руководство-

вался весьма поверхностными свѣдѣніями и источниками, не менѣе того, изданія сіи имѣли большой успѣхъ въ Америкѣ, читались на берегахъ Миссури, де ла Платы, и Святаго Лаврентія; въ Англіи же, въ одинъ не съ большимъ мѣсяцъ разошлось все изданіе, и признаюсь, это убѣдило меня въ мысли расположить и нынѣшнее мое изданіе по плану прежнихъ изданій.

Возвратясь изъ Англіи въ 1815 году, исполненный впечатлѣніями, оставленными во мнѣ пятилѣтнимъ путешествіемъ по просвѣщеннѣйшимъ странамъ Стараго и Новаго Свѣта, я получилъ возможность изучить свое отечество. Удаленіе отъ службы облегчило для меня возможность привести въ исполненіе предпріятіе мое въ обширнѣйшемъ видѣ. Опытъ мой въ этомъ родѣ я началъ съ изданія Достопамятностей С. Петербурга и его окрестностей, что, по тогдашнему состоянію гравировальнаго искусства въ Россіи, смѣю думать, было выполнено отчетливо и удовлетворительно. Въ 1820 году, я предпринялъ уже изданіе Отечественныхъ Записокъ, въ коихъ помѣщалъ все замѣченное и пріобрѣтенное мною во время путешествій, при сношеніяхъ моихъ съ разными лицами по всѣмъ концамъ Россіи, собранныя мною свѣдѣнія обо всемъ, что заключало въ себѣ какое либо достоинство новости, занимательности и

наставительности по части Русской Исторіи, Географіи, Статистики, Археологіи, что было отголоскомъ древней и современной народности. Излишне говорить, сколько исполненіе сей новой мысли встрѣтило затрудненій и кривыхъ толковъ, сколько нужно было твердости, самоотверженія, чтобъ не упасть духомъ и не поколебаться въ семъ предпріятіи, сколько нужно было принесть пожертвованій всякаго рода, чтобъ достигнуть, сколько нибудь, своей цѣли! Но справедливость требуетъ сознанія, что успѣхъ, особенно соревнованіе, возбужденное трудами моими, превзошли самое лестное ожиданіе. Разысканіе и разработка отечественныхъ источниковъ людьми просвѣщенными, требованіе публики отъ журналовъ роднаго, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что Отечественныя Записки сильно дѣйствовали на общественный вкусъ: направленіе умовъ къ отечественному не было напрасно. Представляя теперь свѣту плоды совѣтовъ Графа Каподистрія, смѣю надѣяться лестнаго одобренія.

Первый приступъ къ изданію моихъ путешествій по Россіи сдѣланъ былъ мною въ 1825 году. Находясь въ то время въ Москвѣ, я напечаталъ программу сего путешествія подъ названіемъ: Россія въ живописныхъ видахъ, съ описаніемъ нравственнаго,

физическаго и политическаго ея состоянія, въ четырехъ частяхъ, съ 200 рисунковъ разнаго рода. Непредвидѣнныя обстоятельства, о коихъ здѣсь излишне упоминать, не допустили меня привести въ исполненіе сіе обширное предпріятіе. Столько же неудачна была и другая попытка, сдѣланная мною чрезъ четыре года потомъ. Наконецъ, постоянное пребываніе въ деревнѣ, въ продолженіе почти семи лѣтъ, дало мнѣ возможность, между прочими литературными занятіями, обработать, какъ рисунки, такъ и текстъ съ большею тщательностію и совершенствомъ, приведя тѣ и другіе въ избранную мною форму, въ видѣ отдѣльныхъ статей. Въ этомъ, я отчасти руководствовался многими превосходными твореніями, извѣстными въ Европѣ и собственнымъ своимъ опытомъ, основаннымъ на познаніи склонностей большей части читателей, требующихъ разнообразія. Вотъ почему я не держался даже послѣдовательнаго порядка, отъ чего въ одной и той же части читатели найдутъ разительныя противоположности. Увидятъ, напримѣръ, образчикъ угрюмой сѣверной природы, и картину прелестнаго юга; возлѣ великолѣпныхъ, величественныхъ ландшафтовъ Сибири, утомительную картину степей Киргизскихъ; возлѣ заоблачныхъ горъ Кавказа и Тавриды, образчикъ топкихъ бо-

лотистыхъ полей Бѣлоруссіи; вмѣстѣ съ огненнымъ Черкесомъ, встрѣтятъ увалистаго Чухонца; съ прекраснымъ, мочнымъ обитателемъ благословенныхъ береговъ Волги, неуклюжаго Лопаря, послѣднюю ступень человѣчества, и т. д. Убѣдясь, что авторъ долженъ быть весьма остороженъ съ читателями, и обладать большимъ умѣньемъ представлять имъ только то, что достойно общаго вниманія, не увлекаясь ни какими побочными обстоятельствами или требованіями для распространеннаго, по большей части мелочнаго и дѣлающагося скучнымъ, разсказа, я ограничился, въ нынѣшнемъ моемъ изданіи Картинъ Россіи, однѣми общими, любопытнѣйшими чертами предметовъ; остальныя же подробности моихъ путешествій по Россіи съ должною откровенностію постараюсь выдать въ свѣтъ со временемъ, подъ особеннымъ заглавіемъ: Отчетъ путешественника по Россіи. Тутъ помѣстятся не только статистическія свѣдѣнія, но и любопытнѣйшія встрѣчи съ людьми замѣчательными, современныя событія и полный отчетъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ.

Весьма справедливо кто-то сказалъ о Россіи: «что солнце никогда въ ней не заходитъ, что въ одномъ углу ея ищутъ убѣжища отъ холода, а въ другомъ не знаютъ,

какъ укрыться отъ палящаго зноя.» Но обширность нашего отечества еще болѣе изумительна въ нравственномъ отношеніи: какое пространное поле представляетъ оно для наблюденій! Можно ли не поразиться высокимъ чувствомъ изумленія при видѣ стройнаго согласія государства, не смотря на отдаленнѣйшее пространство, раздѣляющее его части, не смотря на различіе правъ и преимуществъ различныхъ областей онаго, и не взирая на противоположность языковъ, вѣроисповѣданій и обычаевъ!

Кремль въ Москвѣ

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

КРЕМЛЬ

И ЕГО СОБОРЫ.

Предпринимая говорить о Россіи, не должно ли начать Москвою, а говоря о Москвѣ, не надлежитъ ли прежде всего сказать о Кремлѣ, семъ палладіумѣ славы и величія Царства Русскаго?

Тогда какъ надмѣнный Наполеонъ возвѣщалъ въ бюллетенѣ своемъ, что древняя столица Россіи не существуетъ уже болѣе, что Кремль взлетѣлъ на воздухъ, и въ прахѣ исчезъ навѣки, тогда какъ ужасная новость сія, достигши быстро до Америки, потрясла души немногихъ Россіянъ, тамъ находившихся, они утѣшались надеждою, что Москва, подобно фениксу, возстанетъ изъ праха своего въ новой красѣ и величіи; они провозглашали это въ Новомъ Свѣтѣ, постигая могущество любви къ отечеству и духъ па-

родный, чувствуя, что пока бьются сердца въ груди Русскихъ, рука ихъ не допуститъ, чтобы древняя столица православныхъ Царей лежала въ развалинахъ сиротѣющею; они предугадывали, что благоговѣніе Москвитянъ къ святынѣ, заключающейся въ стѣнахъ кремлевскихъ, подастъ имъ новый случай показать свое усердіе, и открыть предъ взоромъ Европы обильный источникъ внутренняго богатства Россіи (*), и они не обманулись: свершилось ожидаемое ими. Едва протекло четыре года съ того времени, какъ Москва нашествіемъ Наполеона съ силами двадцати народовъ превращена была въ развалины, долго дымившіяся, она уже явилась прекраснѣе, великолѣпнѣе прежняго. Но возрожденіе сіе во многомъ измѣнило прежній видъ и положеніе города, а отъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ урочищъ едва остались примѣты или преданія.

Наблюдать сіи измѣненія, мечтать при памятникахъ древности о событіяхъ протекшихъ и наслаждаться прелестными мѣстоположеніями и великолѣпіемъ быстро возраждающейся столицы, безъ сомнѣнія, было удовольствіемъ каждаго посѣтителя Москвы. Кто изъ Русскихъ не находилъ наслажденія посвятить нѣсколько часовъ времени возвышеннымъ мечтаніямъ въ Кремлѣ, въ семъ святилищѣ, гдѣ каждый предметъ краснорѣчиво говоритъ сердцу Русскому, гдѣ каждымъ шагомъ касаемся священныхъ останковъ

(*) Сочинитель *Картинъ Россіи* издалъ тогда, въ Филадельфіи (1813 г.), на Англійскомъ языкѣ, книгу, подъ названіемъ: Sketches of Russia (Отрывки о Россіи), въ коей старался ознакомить Американцевъ съ Россіянами, и книжка его имѣла необыкновенный успѣхъ, читалась съ любопытствомъ на берегахъ Св. Лаврентія и Миссиссипи, въ Канадѣ и Флоридѣ.

древности, пробуждаемъ отзывъ временъ минувшихъ, соединенныхъ съ судьбами отечества.

Взглянуть ли съ Краснаго Крыльца царскаго на прелестное Замоскворѣчье, ввести ли любопытнаго прежде въ сокровища Палаты Оружейной или Ризницы Патріаршей, войти ли съ нимъ въ древніе соборы и монастыри, или показать ему необозримость и красу бѣлокаменной столицы Русской, съ поднебесья, на высотѣ Ивановской колокольни? Всѣ пути одинаково любопытны, одинаково достопамятны; но поспѣшимъ туда, гдѣ всего явственнѣе еще остаются слѣды первоначальнаго устройства Москвы; начнемъ съ знаменитой древности кремлевской, которая познакомитъ и съ исторіею основанія Москвы.

Подлѣ высокаго царскаго терема, въ тѣни Императорскаго Дворца, взоръ любопытнаго открываетъ низенькую церковь, глубоко вросшую въ землю, отъ бремени вѣковъ, ее тяготящихъ, подобно старцу, склоняющемуся къ землѣ отъ удрученія лѣтъ. Это соборный храмъ Спаса на Бору; одно сіе имя переноситъ воображеніе за предѣлы 10 столѣтій, когда мѣсто сіе, теперь средоточіе многолюдной столицы, покрыто было густымъ, чернымъ боромъ. Существуетъ преданіе, что Олегъ, опекунъ Игоря, проѣзжая сею страною изъ Новагорода въ Кіевъ, въ 882 году, положилъ основаніе городу при рѣчкѣ Неглинной. Но достовѣрнѣе, мы знаемъ, что въ 1147 году, Марта 28, Князь Суздальскій Юрій Долгорукій, роскошно угощалъ въ Москвѣ друга и союзника своего, Князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. Однако Москва еще не была тогда городомъ, а отчиною богатаго тысяцкаго Степана Ивановича Кучки, кото-

раго дубовый домъ стоялъ на Чистыхъ Прудахъ. Тамъ, въ уединенномъ теремѣ, скрыта была отъ глазъ чуждыхъ дочь боярина; но вездѣ шла молва о красотѣ ея; гордые ея братья хвалились сестрою; княжій сынъ Андрей увидѣлъ красавицу, и женился на ней. Съ тѣхъ поръ, вѣроятно, мѣста сіи сдѣлались извѣстнѣе, населеннѣе и, безъ сомнѣнія, въ то же время, срубленъ и густой боръ на кремлевской горѣ, которую, въ 1300 году, Князь Даніилъ Александровичъ обнесъ деревяннымъ палисадомъ, а Великій Князь Іоаннъ Даніиловичъ, въ 1339 году, послѣ пожара, окружилъ дубовыми стѣнами. Онъ же заложилъ и церковь Спаса Преображенія, въ 1330 году Мая 10 дня, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла, въ чащѣ бора, низкая, бѣдная хижина отшельника Букала (вѣроятно, Вукола). Здѣсь, Князь, набожный и милостивый къ бѣднымъ, устроилъ обитель, бесѣдовалъ съ другомъ своимъ, архимандритомъ Іоанномъ, угощалъ нищихъ, надѣляя ихъ деньгами изъ большаго кошеля, называемаго *калитою*, отъ чего и самъ получилъ прозваніе Калиты—знаменитое въ потомствѣ, и здѣсь же онъ постригся предъ своею кончиною. Храмъ сохранилъ свою первобытную простоту, будучи менѣе подверженъ измѣненіямъ, постигнувшимъ другія великолѣпнѣйшія зданія и храмы въ Кремлѣ, а потому это утверждаетъ и донынѣ Москвитянъ въ мысли, что Спасскій Соборъ былъ первою церковью, построенною въ Кремлѣ, когда зодчество наше не производило еще ничего огромнаго и смѣлаго, и люди, скромные въ своихъ желаніяхъ и нуждахъ, предпочитали спокойствіе роскоши; но исторія говоритъ, что за четыре года до того времени былъ уже торжественно

заложенъ Успенскій Соборъ, въ послѣдствіи перестроенный и возобновленный Іоанномъ Великимъ.

Великій Князь, чрезъ два года послѣ построенія церкви храма Спасо-Преображенскаго, прозваннаго народомъ Спасъ на Бору, перевелъ въ него братію изъ Даниловской обители, и учредилъ въ немъ монастырь: въ семъ положеніи оставалась Спасская обитель до княженія Ивана Васильевича, который, построивъ для братіи новый монастырь за городомъ, въ Таганкѣ, извѣстный и донынѣ подъ именемъ Новоспасскаго, переименовалъ Спасо-Преображенскую обитель въ соборъ.

Въ немъ четыре придѣла: 1-й, Святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива; 2-й, Чудотворца Спиридонія Тримуфунскаго; 3-й, Архангела Михаила; 4-й, трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; здѣсь опочиваютъ подъ спудомъ мощи перваго просвѣтителя и епископа Пермскаго Стефана. Сей великій мужъ, по усердію къ обращенію дикихъ Пермянъ и Зырянъ изъ идолопоклонства въ Христіанскую Вѣру, изобрѣлъ для нихъ особенныя буквы, научилъ ихъ сей азбукѣ, и перевелъ на ихъ языкъ многія церковныя книги.

Мы распространились о Спасскомъ Соборѣ потому болѣе, что съ исторіею сего храма соединена исторія основанія Кремля и самой Москвы. О прочихъ соборахъ кремлевскихъ, соображаясь съ предѣлами книги, къ сожалѣнію, должны будемъ говорить короче, а другія замѣчательныя зданія, находящіяся въ Кремлѣ, будутъ описаны отдѣльно.

Начнемъ съ Успенскаго Собора. Въ соборъ сей нельзя войти безъ особеннаго сердечнаго умиленія; нельзя не почувствовать, что вступаешь въ первопре-

стольный храмъ первопрестольной столицы Русской. Не только не осталось ни малѣйшаго признака поруганія, коему подверглось сіе святилище (*) отъ святотатственной руки враговъ, въ 1812 году, но возобновленный въ прежнемъ видѣ и порядкѣ, попеченіемъ духовнаго начальства и усердіемъ Москвитянъ, Успенскій Соборъ явился въ новомъ блескѣ; стѣны его и иконостасъ снова покрылись серебромъ и золотомъ. Торжественна, незабвенна минута, когда преосвященный Августинъ, сопровождаемый духовенствомъ и безчисленными толпами народа, при пѣніи: *Царю небесный,* вступилъ въ двери соборнаго храма, и въ восторгѣ умиленнаго чувства воскликнулъ, повергшись на колѣни: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ и достопамятныхъ по историческимъ воспоминаніямъ святыхъ иконъ, здѣсь находящихся, должно указать сперва на образъ Пр. Богородицы Владимірскія, писанный апостоломъ и евангелистомъ Лукою. Риза на иконѣ сей изъ чистѣйшаго золота и украшена изумрудами и алмазами въ старинномъ вкусѣ. Солитеръ въ убрусѣ цѣнится въ 80 тысячъ, а вся риза въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Икона сія знаменита въ бытописаніяхъ нашего отечества, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она встрѣчена была, при перенесеніи ея изъ Владиміра въ Москву, воздвигнутъ Срѣтенскій Монастырь.

На другой сторонѣ царскихъ вратъ, мѣстный образъ Всемилостиваго Спаса, весь обложенъ золотомъ, а вѣнецъ украшенъ алмазами, яхонтами и изумруда-

(*) Здѣсь Французы чеканили монету.

ми. Образъ сей присланъ былъ отъ Греческаго Царя Эмануила въ даръ Новугороду, гдѣ оный и стоялъ, въ Софійскомъ Соборѣ, до 1570 года, когда Грозный перенесъ его въ Москву.

На сей же сторонѣ еще замѣчателенъ образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, писанный первымъ Московскимъ митрополитомъ Петромъ. Нельзя не удивляться на сей иконѣ свѣжести красокъ.

Слѣдующія иконы не менѣе возбуждаютъ благоговѣніе христіанъ и вниманіе наблюдателей древности: 1) Въ алтарѣ, за престоломъ, образъ Спаса, и другой, надъ жертвенникомъ, Влахернскія Божіей Матери (изъ мастики), и у одного изъ четырехъ столбовъ, поддерживающихъ церковные своды, образъ Іерусалимскія Божіей Матери, вывезенный по преданію, изъ Корсуня Владиміромъ, просвѣтившимъ Россійскую землю святымъ крещеніемъ. Они находились въ Новѣгородѣ, а оттуда перенесены сюда Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Послѣдній образъ, по преданію, писанъ апостолами въ 15 лѣто по вознесеніи Христовомъ въ Геѳсиманіи, и прославленъ чудеснымъ спасеніемъ многихъ Греческихъ городовъ отъ нападенія враговъ (*). 2) Въ Петропавловскомъ придѣлѣ, на стѣнѣ, изображеніе всадника, почитаемаго Св. Георгіемъ, изсѣченное изъ камня, весьма искусной работы; къ сожалѣнію, достоинство сего памятника, доставленнаго изъ Рима, много терпитъ отъ расписанія его красками, въ 1740 году. 3) Надъ южными дверями, въ кіотѣ, спимокъ съ чудотворной иконы Псково-

(*) Многіе замѣчаютъ, что накапунѣ празднества сей иконы Французы вышли изъ Москвы.

печерской обители. Изъ надписи видно, что сей образъ украшенъ золотымъ окладомъ и алмазами, въ 1740 году, Императрицею Анною Іоанновною, въ возблагодареніе за побѣды, одержанныя ея войсками надъ Турками и Татарами, съ 1736 по 1740-й годъ. 4) По лѣвую сторону патріаршаго мѣста, находится образъ Владимірскія Божіей Матери, принесенный въ храмъ сей Императрицею Анною, въ знаменіе счастливаго окончанія войны, въ 1733 году, противу Французовъ и Поляковъ; причемъ взятъ былъ городъ Гданскъ (Данцигъ). Сверхъ того, въ Успенскомъ Соборѣ находится много другихъ достопамятныхъ иконъ и домовыхъ царскихъ образовъ.

Въ серебряной створчатой кіотѣ, украшенной дорогими каменьями и сохраняемой въ особомъ великолѣпномъ иконостасѣ (устроенномъ въ алтарѣ за жертвенникомъ), блюдется святая и многоцѣлебная риза Господня, за царскою печатью. Она принесена въ Москву изъ Персіи, въ 1626 году, послами Русанбекомъ и Муратбекомъ, стараніемъ бывшаго тамъ Россійскаго посланника Василья Коробьина, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, который приказалъ Крутицкому митрополиту Кипріану сочинить для того нарочные стихиры и канонъ, и установилъ празднество ей Іюля въ 10 день. Въ томъ же иконостасѣ, два ковчега, серебряный и золотой; въ первомъ часть ризы Божіей Матери, принесенная въ даръ первопрестольному сему храму Княземъ Василіемъ Голицынымъ, а во второмъ гвоздь Креста Господня, вывезенный изъ Грузіи, въ 1686 году, царемъ Арчиломъ, и принесенный сюда Игнатіемъ, митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ.

Каждый Россіянинъ, вступающій въ соборъ, спѣшитъ почтить благоговѣйнымъ поклоненіемъ святыя мощи, здѣсь почивающія, и съ умиленіемъ обозрѣть гробницы священныхъ патріарховъ, митрополитовъ и архіереевъ, изъ коихъ многіе были образцами добродѣтелей и заслугъ отечеству.

Съ восторгомъ благоговѣнія лобзаетъ онъ святыя мощи великаго изъ святителей, митрополита Филиппа. Вызванный Провидѣніемъ изъ мирной обители Соловецкой быть главою Церкви Россійской, онъ принялъ важный санъ первосвятителя, не для блеска мірскаго, не для суетной славы или возвышенія, но чтобъ быть отцемъ, заступникомъ, утѣшителемъ обширной паствы своей, въ тѣ дни горести, когда самоуправство и насилія терзали Россію, когда все трепетало отъ взоровъ раздраженнаго Іоанна. Святый Филиппъ, въ семъ храмѣ, при многочисленномъ собраніи народа не убоялся повѣдать строгую истину грозному властелину, дерзнулъ напомнить Іоанну, «Аще и образомъ Божіимъ почтенъ ты, но персти земной, яко человѣкъ причастенъ!» Смерть увѣнчала праведника, подвизавшагося за благоденствіе паствы, и за спасеніе души Царя (*). Онъ кончилъ жизнь въ Отрочѣ Монастырѣ; но при Царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, по просьбѣ иноковъ Соловецкаго Монастыря, святыя мощи его были перевезены въ обитель сію, а въ послѣдствіи Царь Алексѣй Михаиловичъ, по ревности усердія къ святителю

(*) Описаніе подвиговъ Филиппа составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ IX тома Россійской Исторіи Н. М. Карамзина, стр. 93 — 109.

Филиппу, поручилъ архіепископу Новгородскому Никону, не менѣе славному въ иноческомъ смиреніи, какъ и въ блескѣ патріарха, перенесть ихъ въ царствующій градъ Москву, и поставить въ первопрестольномъ храмѣ Успенскомъ. И тогда же, въ 1655 году, устроена, по царскому повелѣнію, для святыхъ мощей Филиппа серебряная позлащенная рака.

По правую руку отъ сѣверныхъ дверей, въ углу церкви возвышаются св. мощи Іоны митрополита, въ той же самой драгоцѣнной ракѣ, которая устроена для нихъ усердіемъ Царя Ѳеодора Іоанновича. Въ 1812 году, когда грабители, вторгшись въ святый храмъ, расхищали всѣ драгоцѣнности, богатѣйшая рака Митрополита Іоны чудесно осталась неприкосновенною отъ хищниковъ.

Въ алтарѣ, на лѣвой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей мощи чудотворца Петра, перваго митрополита Московскаго. Онъ почіетъ въ каменной гробницѣ, сооруженной собственными его руками. «Если ты, говорилъ святитель Князю Іоанну Даниловичу Калитѣ, въ духѣ пророчества, если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въономъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ (*).» Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году 4-го Августа, заложилъ въ Москвѣ, на площади, первую церковь каменную во имя Успенія Божіей Матери, при великомъ стеченіи народа. Такимъ образомъ Петръ ми-

(*) Исторія Россійск. Госуд. Т. IV. стр. 216.

трополитъ, перенеся и утвердивъ свой престолъ въ едва возникающей Москвѣ, провидѣлъ государственное возрожденіе Россіи.

А тамъ, за царскимъ мѣстомъ, является цѣлый рядъ гробницъ знаменитыхъ святителей. Сердце невольно влечетъ къ подножію Гермогеновой и Филаретовой, великихъ страдальцевъ за спасеніе и славу Россіи.

Вспомнимъ, что во время смутъ Россіи, въ то самое время, когда Гермогенъ возвышалъ голосъ свой въ защиту законнаго Царя и Православія, Филаретъ, находившійся въ числѣ пословъ, отправленныхъ къ Польскому Королю, вѣрный долгу своему, не внимая ни какимъ обольщеніямъ, отвѣчалъ на угрозы Поляковъ: *умру, но не измѣню.* Гермогенъ благословлялъ Россіянъ на смерть за вѣру и на защиту отечества. Филаретъ, не видя Гермогеновой подписи на присланной къ нему грамотѣ, не колебался предпочесть страданія льстивымъ предложеніямъ враговъ Россіи. Гермогенъ, угрожаемый мученическою смертію, если не повелитъ разойтись войску Пожарскаго, смѣло отвѣчалъ: «Бога боюсь и болѣе никого: благословляю «воиновъ, ополчившихся за Москву: да поразитъ «гнѣвъ Божій измѣнниковъ отечества.»

Великій страдалецъ, истомленный гладомъ, кончилъ жизнь въ Чудовѣ Монастырѣ, 17 Февраля 1612 года, и тамъ же погребенъ, а оттуда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, перенесенъ въ Успенскій Соборъ. Память его безсмертна, прославлена Церковію и отечествомъ.

Филаретъ, томясь 9 лѣтъ въ Литовской землѣ, сохраненъ Промысломъ для преподанія юному сыну своему великой науки царствованія, благополучно возвратился въ Россію, въ 1619 году, возведенъ былъ

совѣтомъ бояръ и духовныхъ на патріаршій Всероссійскій престолъ, и правя Церковью болѣе 14-ти лѣтъ, 1633 года окончилъ дни свои въ славѣ, мирѣ и тишинѣ.

Подлѣ гробницы Филарета покоятся останки патріарховъ: перваго изъ нихъ, Іова, поставившаго Годунова на царство, потомъ Іоасафа и Іосифа, а подлѣ Гермогеновой Іоасафа II, Питирима, Іоакима и Адріана, послѣдняго изъ патріарховъ. Къ полному числу Россійскихъ патріарховъ, здѣсь недостаетъ одного Никона, погребеннаго въ Воскресенскомъ Монастырѣ.

За гробницами патріаршими находятся гробницы митрополитовъ Московскихъ. Здѣсь почіетъ благодушный Макарій, краснорѣчивѣйшій, просвѣщеннѣйшій изъ великихъ пастырей Церкви Россійской. Здѣсь Кипріанъ, Фотій, Θеогностъ и другіе, коихъ имена соединены съ бытописаніями отечества.

У входа въ южныя двери представляется достопамятное царское мѣсто, извѣстное подъ именемъ Мономахова, носящее на себѣ отпечатокъ Византійскаго искусства, который можно отнести къ XIV столѣтію или еще ранѣе. Оно изъ дерева, и рѣзьба, изображающая съ трехъ сторонъ историческія происшествія и кругомъ надписи, заслуживаетъ вниманіе отечественныхъ изыскателей древности.

На той же сторонѣ устроено, у перваго столба, мѣсто патріаршее, каменное съ шатромъ, осѣненное животворящимъ крестомъ. Внутри, на стѣнѣ, написанъ образъ Спасителя, а вверху Знаменія Богоматери. При немъ сохраняется жезлъ патріарха Никона.

Мѣсто для Императорской Фамиліи находится у лѣваго столба, то есть при входѣ въ сѣверныя двери.

Внутреннія двери собора расписаны al fresco стѣнною живописью по золотому полю, въ старинномъ вкусѣ, который сохраненъ былъ съ величайшею тщательностію, при возобновленіи живописи собора, бывшемъ въ 1773 году, по указу Императрицы Екатерины II. Разныхъ священныхъ предметовъ, здѣсь представленныхъ, считается 240, а лицъ до 2066.

Вступающій въ соборную ризницу, устроенную надъ однимъ изъ придѣловъ, спѣшитъ съ нетерпѣніемъ благоговѣйно приложиться къ священному кресту, принадлежавшему Царю Константину. Не злато, не дорогіе каменья, коими онъ обложенъ, дѣлаютъ его для всякаго Русскаго первою здѣсь драгоцѣнностію — нѣтъ! Онъ болѣе блистаетъ священными воспоминаніями, памятію о первомъ его обладателѣ и о сохраненіи жизни Петра Великаго. Крестъ сей былъ на персяхъ нашего вѣнценосцаго героя въ Полтавской битвѣ, когда тысяча смертей носились надъ главою его. Пуля стремилась пробить грудь его, но святый крестъ удержалъ смертный ударъ ея. На краю лѣваго затвора весьма явственно видно мѣсто, куда она попала: оно согнуто, и нѣсколько серебра вкругъ его надломлено. Крестъ сей четвероконечный, длиною въ пять вершковъ, а шириною немного менѣе. Онъ присланъ Царю Ѳеодору Іоанновичу въ даръ отъ обители святой Аѳонской Горы. На одной сторонѣ его начертанъ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое,» а на другой: «Имѣяй вѣру непостыдну и исполняяй заповѣди Божія, побѣдитъ враги своя.»

Въ ризницѣ также находится крестъ кипарисный съ золотымъ окладомъ и съ мощами святыхъ, прине-

сенный въ даръ бояриномъ Борисомъ Годуновымъ, въ 1594 году.

Два древнія Евангелія, писаны на пергаментѣ, на Еллинскомъ языкѣ; третье же, писано благочестивою Царевною Ириною Михайловною. Кромѣ необыкновенной красоты почерка, блеска и живости красокъ въ замысловатыхъ изображеніяхъ, искусно нарисованныхъ по золоту (особливо съ самомъ заглавіи), сіи письмена напоминаютъ, что многія изъ Великихъ Княженъ и Царицъ нашихъ поставляли себѣ въ число христіанскихъ подвиговъ предпринимать подобные труды, а потому они любопытны, какъ свидѣтельства ихъ благочестія и усердія къ Церкви, и какъ памятники искусства и вкуса тѣхъ вѣковъ.

По великолѣпію украшеній и по огромности, напрестольное Евангеліе, принесенное въ даръ Царицею Наталіею Кириловною, въ 1693 году, есть, конечно, единственное въ своемъ родѣ. Оно напечатано на большой александрійской бумагѣ, въ листъ, обложено съ обѣихъ сторонъ золотыми чеканными досками, которыя унизаны алмазами, яхонтами и изумрудами. Сіи послѣдніе необыкновенной величины и красоты: на нихъ съ большимъ искусствомъ вырѣзаны изображенія святыхъ Евангелистовъ и нѣкоторые церковные праздники. При Екатеринѣ II, украшенія сего Евангелія были оцѣнены въ 200 тысячъ рублей.

Евангеліе Царя Θеодора Іоанновича также великой цѣны, по красотѣ и богатству.

Изъ множества драгоцѣнныхъ церковныхъ сосудовъ, должно особенно замѣтить слѣдующіе:

Потиръ и дискосъ золотые—Царя Іоанна Васильевича, вѣсомъ въ 7 фунт. 78 золотниковъ.

Сосуды, состоящіе изъ потира, дискоса, двухъ блюдъ со звѣздою, лжицы и копія, вѣсомъ въ 30 фунтовъ 58 золотн. чистаго золота, принесены въ даръ Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ.

Два прекраснѣйшіе золотые сосуда Екатерины II, украшенные превосходною рѣзьбою на драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Екатерина II собственноручно поставила ихъ на жертвенникъ, 1775 года 9 Іюля, въ возблагодареніе за славный миръ, заключенный съ Портою.

Золотые сосуды, удивительные по изяществу отдѣлки, присланные Благословеннымъ Александромъ изъ Парижа, употребляются при церковномъ служеніи въ праздничные дни.

Не менѣе драгоцѣнны янтарные сосуды, трудовъ Императрицы Маріи Θеодоровны.

Наконецъ, два потира Антонія Римлянина, привезенные Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ числѣ сокровищъ, взятыхъ изъ Новагорода. Одинъ изъ нихъ выдѣланный изъ восточнаго оникса, есть одна изъ такихъ рѣдкостей, коей нельзя назначить цѣны; другой сдѣланъ изъ восточной яшмы и осыпанъ яхонтами.

Въ ящикѣ за стекломъ хранится яшмовый сосудъ съ таковою же покрышкою. Онъ употребляется при мѵропомазаніи Государей, и какъ, дошло по преданію, есть Римской, древней работы, тотъ самый, который присланъ отъ Императора Константина Владиміру Мономаху, съ прочими регаліями; къ крышкѣ онаго прикрѣплена финифтяная змѣйка, символическое знаменіе вѣчности. По этому же преданію, крабійца сія принадлежала Августу Кесарю.

Нельзя еще не упомянуть о золотыхъ вѣнцахъ,

для царскаго бракосочетанія, объ огромномъ золотомъ блюдѣ, посвященномъ Княземъ Потемкинымъ, и простой костяной ложкѣ Петра митрополита, напослѣдокъ о финиковыхъ вѣтвяхъ, доставляемыхъ изъ Палестины для Царской Фамиліи. Съ ними стояли Государи наши въ церкви въ Вербное Воскресеніе, и хаживали на лобное мѣсто, сопровождая шествіе патріарха. Вѣтви сіи разной величины; рукоятки ихъ обложены бархатомъ и парчею, а листья сплетены наподобіе косъ.

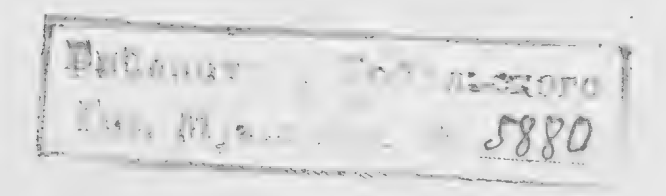
Къ каждому изъ исчисленныхъ нами сосудовъ принадлежатъ особые воздухи, или покровы, одни другихъ богатѣе и великолѣпнѣе; но всѣ превосходитъ пелена, вклада Бориса Годунова. Крестъ посреди ея съ рѣдкимъ по величинѣ изумрудомъ и унизанъ отмѣнно крупнымъ жемчугомъ.

Ризы для священнослужителей соотвѣтствуютъ великолѣпіемъ своимъ прочему богатству и знаменитости первопрестольнаго Россійскаго собора. Скажемъ коротко, что пять полныхъ разрядовъ облаченій унизаны жемчугомъ и по мѣстамъ украшены драгоцѣнными каменьями. Они устроены отъ щедротъ и усердія почти всѣхъ Россійскихъ Монарховъ, со временъ Михаила Романова; но достопамятнѣйшіе изъ нихъ суть ризы, шитыя золотомъ собственными руками Императрицы Екатерины Великой, въ продолженіи 2 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ, и присланныя сюда, въ 1796 году, къ празднику Святыя Пасхи. Онѣ состоятъ изъ 38 штукъ свѣтлоголубаго атласу съ золотымъ вязаньемъ и фольгою; также сохраняются ризы, подаренныя Императоромъ Александромъ I, съ вензелемъ 1812 года.

Пелены для покрова мощей и къ свят. иконамъ, не менѣе богаты жемчугомъ и дорогими каменьями. Онѣ употребляются во всѣ торжественные праздники и случаи.

Къ числу главныхъ драгоцѣнностей должно отнести и дарохранительницу, находящуюся на престолѣ алтаря, подъ стеклянымъ покровомъ. Она принесена въ даръ Княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, въ 1778 году, въ возблагодареніе Господу Силъ, за побѣды надъ Турками, и представляетъ Синайскую Гору, на коей Моисей пріемлетъ отъ Господа Бога святыя скрижали; сдѣлана изъ золота, вымываемаго извѣстными рѣками въ Княжествѣ Волошскомъ. Гора сія вышиною 1 аршинъ съ $^1/_2$ вершкомъ, длиною внизу 11, а шириною 6 вершковъ. Чистаго золота въ разныхъ украшеніяхъ, превосходно отдѣланныхъ, 19, а серебра 20 фунтовъ. Въ подножіи сей дарохранительницы положенъ, въ глазетовомъ чахлѣ, Наказъ Законодательной Коммиссіи, писанный собственноручно Великою Екатериною. Мысль прекрасная, положить на престолъ Божій плодъ любви къ отечеству мудрой Монархини, повергнуть безсмертный Наказъ подъ покровъ скрижалей Моисеевыхъ, служившихъ руководствомъ чистыхъ христіанскихъ истинъ, коими дышитъ каждое въ немъ слово. Поправки на листахъ, сдѣланныя собственною рукою Екатерины, представляютъ рукопись сію еще болѣе драгоцѣнною въ понятіи Россіянина; онъ воображаетъ, какъ Екатерина обдумывала каждое слово, ею начертанное, повѣряя каждую мысль свою, направленную ко благу народа.

Трудно сообразить и исчислить, сколько здѣсь серебра въ разной утвари и на образахъ; упомянемъ

только, что огромное паникадило, вкладъ боярина Ильи Ивановича Морозова, вѣсившее 113 пудовъ серебра, и дѣланное въ Венеціи, похищено въ 1812 году непріятелемъ и замѣнено новымъ имѣющимъ 20 пудовъ. Сіе послѣднее сдѣлано изъ серебра, отбитаго казаками при бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы. Замѣтимъ наконецъ, что мѣсто гроба Господня вылито изъ бронзы, и въ немъ сохраняется плащаница, шитая Царевнами.

Не менѣе привлекаютъ любопытство южныя соборныя двери, вылитыя изъ мѣди: на нихъ изображены Сивиллы, съ начертаніемъ ихъ прорицаній; искусство отдѣлки оныхъ и древность заслуживаютъ особенное вниманіе. Вѣроятно, что и другія двое дверей были такія же, но похищены или истреблены Татарами или Поляками.

Въ Успенскомъ Соборѣ исключительно совершаются многіе особенные торжественные обряды богослуженія. Примѣчательнѣйшій изъ нихъ Омовеніе ногъ, въ Великой Четвертокъ.

Въ храмѣ семъ также помазываются и вѣнчаются Монархи на царство Русское. Какое перо изобразитъ сіе священное торжество, когда Богомъ избранный и благословенный сердцами, юный Вѣнценосецъ приносилъ здѣсь обѣтъ, жить для блага подданныхъ, когда краснорѣчивый, вдохновенный Платонъ, помазавъ Александра, сказалъ въ привѣтствіи своемъ: «Вѣнецъ сей на главѣ Твоей, Государь, есть наша слава, но Твой подвигъ; сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе; порфира и держава есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя.»

Нельзя не вспомнить также, что въ возобновлен-

номъ Успенскомъ Соборѣ совершалось вѣнчаніе всѣхъ Государей Россійскихъ, со времени внука Іоанна Великаго, также посвященіе Патріарховъ; сюда, въ недѣлю Православія, собрались всѣ чины государственные, и по трехъ-дневномъ постѣ, приступили къ избранію, въ 1613 году, на Царство Русское Михаила Романова.

Мы видѣли уже, что первое основаніе Успенскаго Собора положилъ св. Петръ митрополитъ въ 1325 году; но, не смотря на всѣ усилія его, храмъ сей совершенъ былъ уже по смерти святителя, и освященъ, въ 1327 году 4-го Августа, Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ.

Чрезъ полтараста лѣтъ, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, видя соборъ сей весьма тѣснымъ и приходящимъ въ разрушеніе, повелѣлъ, въ 1472 году, разобрать его до основанія, и на томъ же мѣстѣ построить другой, мѣрою и наружностію подобный храму Пресвятыя Богородицы во Владимірѣ, воздвигнутому Великимъ Княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Уже зданіе приходило къ концу, какъ 1474 года Мая 21, въ ночи, своды со стѣнами обрушились, и Великій Князь, видя, что причиною сему было неискусство нашихъ художниковъ, послалъ нарочнаго въ Италію за пріисканіемъ лучшаго зодчаго. Наконецъ прибылъ изъ Венеціи знаменитый Аристотель, родомъ изъ Болоніи. Онъ тотчасъ же принялся за дѣло, и въ три года, т. е. 1479 года, совершенно окончилъ построеніе сего великолѣпнаго храма въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ и донынѣ оный находится, и того же года 12-го Марта, соборъ сей былъ освященъ митрополитомъ Геронтіемъ.

При Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ, въ 1514 году, внутренность собора украшена иконописаніемъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1550 году, приказалъ вызолотить соборную кровлю, а Михаилъ Θеодоровичъ своею собственною казною великолѣпно обновилъ внутреннюю живопись по золотому полю (al fresco). Для сего употреблено было 210,100 золотыхъ листовъ, вѣсомъ на 1721 червонецъ. Расписывалъ его Иванъ Паисеинъ два года, подъ надзоромъ нарочно опредѣленныхъ отъ Царя: боярина Князя Репнина, стольника Пушкина и дьяка Угодскаго.

Наконецъ, въ 1771 году, стѣны сіи вновь поновлены живописью по повелѣнію Императрицы Екатерины II, для чего избраны были живописцы изъ духовнаго званія.

Успенскій Соборъ о пяти главахъ; куполы ихъ ярко вызолочены чрезъ огонь. Вышина его отъ купола большой главы до помоста 55 аршинъ (болѣе 18 саженъ), длина отъ горняго мѣста до западныхъ дверей 50, а ширина отъ южныхъ до сѣверныхъ дверей 35 аршинъ; въ средней главѣ находится особая церковь, или придѣлъ Похвалы Богородицы, основанная митрополитомъ Іоною, въ 1425 году, въ память изгнанія изъ Россіи Татаръ, доходившихъ до береговъ Оки, подъ предводительствомъ Сеитъ-Ахмета. Второй придѣлъ Іоанна Лѣствичника, а третій поклоненіе веригамъ св. апостола Петра. Сіи послѣдніе первоначально устроены были въ 1328 году, въ благодареніе Богу за усмиреніе Псковитянъ.

Архангельскій Соборъ, хотя и не вмѣщаетъ въ себѣ столько драгоцѣнныхъ иконъ, какъ Успенскій, но заключаетъ въ стѣнахъ своихъ не менѣе великіе пред-

меты для размышленія историка. Въ немъ погребены Цари и Князья Русскіе, изъ коихъ многіе, бывъ украшеніемъ трона, сдѣлались украшеніемъ отечественныхъ лѣтописей: глядя на останки державныхъ Владыкъ, чувствуешь невольный трепетъ. Они безмолвствуютъ, но въ то же время представляются краснорѣчивыми; они хладны, покойны, но кажутся отдающими отчетъ за своихъ подданныхъ.

И здѣсь, сколь многіе изъ предстоящихъ намъ Владыкъ переносили трудныя испытанія въ самомъ ихъ величіи? сколь многимъ изъ нихъ предстоялъ выборъ между честію, свободою и благосостояніемъ подданныхъ? Вотъ одинъ изъ сихъ страдальцевъ-героевъ, Михаилъ Черниговскій! Свирѣпый Батый повелѣлъ ему почтить поклоненіемъ кумиры или ждать мученической смерти. Михаилъ, свергнувъ съ себя княжескую мантію, сказалъ убійцамъ. «Возьмите славу міра, хочу небесной,» и палъ подъ ударами убійцъ. Екатерина II, пламенѣвшая любовію ко всему великому, приказала перенесть сюда мощи св. мученика, въ 1774 году, изъ Тайницкой башни, и соорудила на нихъ драгоцѣнную раку, кованную изъ серебра.

Рака благовѣрнаго Царевича Димитрія Іоанновича находится у праваго столба съ лѣвой стороны. Десятилѣтній Царевичь умерщвленъ въ Угличѣ 1591 года; но само Небо было мстителемъ убійцамъ мученика.

У задней стѣны, черезъ три гробницы отъ В. К. Іоанна Даниловича Калиты, покоится прахъ Димитрія Іоанновича Донскаго. Можно ли не остановиться предъ симъ священнымъ для всякаго Русскаго именемъ? можно ли не вспомнить здѣсь о Куликовской битвѣ, которая была зарею возрожденія силъ и духа

Россіянъ отъ вѣковаго порабощенія Татарами? Недалеко отъ него покоится и доблестный братъ и сподвижникъ его, Владиміръ Андреевичъ.

Россіянинъ преклонитъ колѣни предъ гробницею Іоанна III, основателя Государства Россійскаго, который совершилъ то, что началъ Донской, — привелъ раздробленныя княженія къ единовластію, и утвердилъ независимость Россіи. Иностранные лѣтописцы, непріязненные намъ, напримѣръ, Польскій Длугошъ и многіе Шведскіе XVI столѣтія, согласно именуютъ его Великимъ; о немъ же славный Молдавскій воевода Стефанъ говорилъ: «Сватъ мой сидитъ дома, веселит-«ся, спитъ спокойно и торжествуетъ надъ врагами, а «я всегда на конѣ и въ полѣ, и не умѣю защитить «земли своей.» Дѣйствительно, Іоаннъ принадлежитъ къ числу Государей, избранныхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ подобно Петру, есть герой не только Россійской, но Всемірной Исторіи. Іоаннъ скончался 27 октября 1505 года, 66 лѣтъ отъ роду; царствовалъ 43 года.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный положенъ въ придѣлѣ. Долго Императоръ Іосифъ стоялъ предъ его гробницею въ размышленіи, и наконецъ спросилъ митрополита Платона: «Отъ чего гробница Іоаннова «одна только покрыта черною пеленою?» Отъ того, отвѣчали ему, что Іоаннъ одинъ изъ владыкъ Россійскихъ принялъ схиму передъ смертью. Онъ скончался 1584 года 19 марта, и въ иночествѣ переименованъ Іоною. Если Русскій не можетъ приблизиться къ гробницѣ Іоанновой съ умиленіемъ сердечнымъ, если черная пелена, ее покрывающая, напомнитъ ему не столько постриженіе Грознаго, какъ мрачное время каръ,

тяготѣвшихъ надъ Россіею, то не можетъ однако же забыть о трехъ царствахъ, имъ пріобрѣтенныхъ, о многихъ учрежденіяхъ его времени, относящихся къ славѣ его царствованія, къ пользѣ отечества.

Приближаясь къ гробницѣ Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, забудемъ ли, что онъ, мужествомъ своимъ, избавилъ отечество отъ Лжедимитрія Отрепьева, угрожавшаго Россіи бо́льшимъ бѣдствіемъ, нежели всѣ другіе самозванцы, являвшіеся въ продолженіе царствованія сего несчастнаго Государя, который и самъ былъ наконецъ силою постриженъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ скоро кончилъ плачевные дни свои. Тѣло его оставалось 23 года въ Польшѣ, и уже Михаилъ Ѳедоровичъ, заключивъ, 1635 года, мирный трактатъ съ Владиславомъ, посылалъ въ Польшу Кн. Львова взять его останки и перевезть въ Москву.

При имени Михаила Ѳеодоровича, Россіянинъ видитъ отечество свое успокоеннымъ отъ бурь безначалія, на степени благоденствія, распространяющейся по мѣрѣ доблестей Дому Романовыхъ. Михаилъ Ѳедоровичъ царствовалъ 32 года, успокоилъ Россію и язвы ея минувшихъ бѣдствій.

Недалеко отъ него гробница достойнаго его преемника, Царя Алексѣя Михайловича. Онъ скончался 1676 года января 29; царствовалъ 30 лѣтъ.

Сей мудрый и кроткій Царь-законодатель и воинъ, проложилъ первую стезю къ просвѣщенію Россіи, и пріуготовилъ ее къ той великой перемѣнѣ и внезапному перевѣсу въ политикѣ Европы, которые, какъ бы нѣкіимъ очарованіемъ, произвелъ геній великаго сына его, Петра I, геній твердый, непоколебимый

въ препятствіяхъ, дѣятельный, пламенный къ пользамъ отечества.

Насупротивъ родителя погребены Цари Θеодоръ Алексѣевичъ и Іоаннъ Алексѣевичъ. Первый вступилъ на престолъ 15-ти лѣтъ отъ рожденія, будучи одаренъ прекрасными качествами души и сердца, но удрученный изнеможеніемъ тѣлеснымъ. Θеодоръ царствовалъ около семи лѣтъ, и въ послѣдніе годы, пріобрѣтя опытность въ государственныхъ дѣлахъ, показалъ себя достойнымъ царскаго скипетра. Іоаннъ достоинъ уваженія по великодушной уступкѣ вѣнца меньшому брату своему Петру, котораго признавалъ способнѣе себя къ правленію царствомъ.

У того же столба положенъ Петръ II, одинъ изъ сана Императоровъ, погребенный въ Москвѣ. Слѣдующая надпись, начертанная на гробницѣ юноши-Царя, жениха, удовлетворяетъ любопытству каждаго:

Благочестивѣйшій
и Самодержавнѣйшій Государь
Петръ Вторый
Императоръ Всероссійскій,
Рожденъ въ лѣто 1715, октября 12, прародительское владѣніе пріемши 1727 года, 7 мая, вѣнчанный и помазанный
1728 г., февраля 28 дня,
великихъ благъ чаяніемъ
подданныхъ своихъ
вкратцѣ обнадеживъ,
изволеніемъ Божіимъ
къ вѣчному царствію
преселися
въ лѣто 1730, Іаннуарія 18.

«Разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачь ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашей, горе намъ, яко согрѣшихомъ.» Плачь Іереміи, гл. 5.

Многія подобныя изреченія изъ Священнаго Писанія здѣсь бесѣдуютъ съ душею пришедшаго поклониться праху державныхъ особъ; — о богатствѣ пеленъ, коими покрывались гробницы, можно получить понятіе изъ того, что Царь Алексѣй Михайловичъ на покрывало родителю своему пожаловалъ въ соборъ 3000 рублей, да вотчину въ Каширскомъ уѣздѣ съ 1600 душами. Для поминанія по усопшимъ Князьямъ и Царямъ, находились при соборѣ особенные архіереи, съ 1599 года до половины XVIII вѣка.

Къ любопытнымъ историческимъ достопамятностямъ Архангельскаго Собора принадлежитъ воспоминаніе о древнемъ обыкновеніи, класть челобитныя на царскія гробницы. Никто не смѣлъ препятствовать просителю принесть сюда свою грамоту, и никто не дерзалъ прочесть ея, кромѣ Царя.

Нельзя не замѣтить еще, что здѣсь погребенъ одинъ изъ Царей Казанскихъ, названный при крещеніи Александромъ. Но между достопамятными изъ царственныхъ гробницъ, есть одна непринадлежащая царственному имени, но привлекающая къ себѣ благодарное участіе каждаго Россіянина любящаго славу отечества; она стоитъ уединенно въ одномъ изъ придѣловъ Іоанна Предтечи: подъ нею Россія нѣкогда погребла надежду своего благоденствія, юнаго князя Михаила Скопина-Шуйскаго, знаменитаго вождя, сіявшаго доблестями и умомъ въ думѣ государственной, избавителя Москвы отъ Поляковъ. Другой его безсмертный памятникъ въ Исторіи Карамзина.

Тамъ передано потомству изображеніе его въ плѣнительныхъ чертахъ.

Стѣны и столбы собора внутри, кромѣ иконъ, украшены изображеніями многихъ Царей и Великихъ Князей. Четыре изъ нихъ: Царей Ѳеодора Іоанновича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Кн. М. В. Скопина Шуйскаго, не смотря, что много потерпѣли отъ времени, представляютъ драгоцѣнные памятники искусствъ Русскихъ въ живописи XVII столѣтія. Въ алтарѣ находится подлинный портретъ Ѳеодора Іоанновича. Иконостасъ въ четыре яруса. Мѣстные образа покрыты сплошь серебряными, вызолоченными ризами. Ризница богата многими драгоцѣнными и достопамятными предметами и утварью; но нѣтъ ничего чрезвычайно отличнаго, кромѣ древняго рукописнаго Евангелія, современнаго извѣстному Остромірову, писаннаго для Мстислава Владиміровича, когда онъ княжилъ еще въ Новѣгородѣ. Оно взято изъ Новгородскаго Софійскаго Собора; богатый переплетъ его сдѣланъ изъ филиграннаго золота съ изображеніями и осыпанъ бриліантами.

Архангельскій Соборъ первоначально сооруженъ въ 1330 году, В. К. Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, въ возблагодареніе за избавленіе Русской земли отъ голода. Въ 1505 году, онъ вновь перестроенъ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, и оставался въ семъ положеніи до 1772 года, когда усердіемъ Императрицы Екатерины II приведенъ въ нынѣшнее цвѣтущее состояніе.

Соборъ сей о пяти главахъ, ярко вызолоченныхъ снаружи.

Благовѣщенскій Соборъ, первоначально сооруженъ В. К. Василіемъ Димитріевичемъ, и съ 1403 года былъ

постоянно дворцовою, или лучше сказать, домашнею церковью Россійскихъ Государей, а потому заключаетъ въ себѣ великое множество священныхъ предметовъ, драгоцѣнныхъ по своей рѣдкости, древности и воспоминаніямъ о благочестіи и усердіи вѣнценосныхъ дателей.

Въ семъ соборѣ, замѣтны особое тщаніе и блестящая затѣйливость въ отдѣлкѣ бронзою и золотомъ, не только внутри, но даже снаружи; можно съ нѣкоторою вѣроятностію полагать, что онъ воздвигнутъ по образцу какого нибудь знаменитаго Іерусалимскаго или Константинопольскаго храма. Въ семъ предположеніи удостовѣряетъ и драгоцѣнный мозаическій помостъ, (pavimentum sectile), выложенный изъ четыреугольныхъ плитокъ восточнаго агата; по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что сія мозаика доставлена сюда изъ Греціи, гдѣ, какъ въ прежнихъ языческихъ, такъ и во многихъ храмахъ христіанскихъ, въ базиликахъ и чертогахъ, находятся подобные полы: какъ въ церкви, такъ и въ алтарѣ онъ добавленъ, по краямъ, чугунными плитами.

При вступленіи въ соборъ, благоговѣніе и вниманіе наблюдателя останавливается на двухъ предметахъ въ папертн: во 1-хъ, на чудотворномъ образѣ Всемилостиваго Спаса, писанномъ на стѣнѣ. Предъ нимъ неугасимо теплится лампада и почти безпрерывно поются молебны. Потомъ вниманіе наблюдателя обращается на иконопись стѣнъ; при разсматриваніи ихъ, сперва представляются лики св. праотцевъ и пророковъ, далѣе изображенія славнѣйшихъ Греческихъ мудрецовъ: Аристотеля (*), Анахарсиса, Менандра,

---

(*) Онъ написанъ надъ сѣверными дверями, стоящимъ возлѣ пра-

Птоломея, Өукидида, Зенона, Анаксагора, Плутарха, Діугина (Діогена), Омира и т. п. Замѣтивъ сіе любопытное свидѣтельство христіанской терпимости нашихъ предковъ, не оставимъ безъ вниманія и просвѣщенной ихъ разборчивости. Древніе мудрецы и Сивиллы представлены здѣсь держащими свитки, на коихъ начертаны большею частію слова изъ Свящ. Писанія, или хотя и собственныя ихъ изреченія, но такія, кои близки къ чистому христіанскому ученію. Напримѣръ, у Аристотеля на хартіи написано: «*Первѣе Богъ, по-«томъ же Слово и Духъ сіи едино*; у Сивиллъ: «*Бла-«гословенъ Господь Богъ Израилевъ: яко посѣти и со-«твори избавленіе людямъ Своимъ.*» У Сократа: «*До-«браго мужа ни какое зло не постигнетъ; душа наша «безсмертна; по смерти будетъ добрымъ награда, а «злымъ наказаніе.*» У Платона: «*Должно надѣяться, «что самъ Богъ ниспошлетъ небеснаго учителя и на-«ставника людямъ* и т. п.» Сіе допущеніе изображеній языческихъ мудрецовъ можетъ быть изъяснено и оправдано извѣстнымъ обычаемъ древнихъ учителей Христіанской Вѣры, убѣждать противниковъ ея согласующимися съ ея правоученіемъ мнѣніями многихъ чтимыхъ въ древности мудрецовъ. При возобновленіи собора при Петрѣ I и Екатеринѣ II, живопись тщательно была сохранена въ древнемъ видѣ, по особенному ихъ приказанію.

Первою достопамятностію внутри собора должны почесться древнія панагіи и кресты, хранящіеся въ рамѣ у лѣваго столба. Послѣдніе носимы были Великими Князьями и Царями Русскими, и какъ тѣ, такъ

отца Іосифа, можетъ быть, въ напоминаніе зодчаго Аристотеля Фіоровапти.

и другіе большею частію присылались въ даръ отъ Греческихъ Императоровъ и Патріарховъ новорожденнымъ дѣтямъ царскимъ.

У противоположнаго праваго столба находится царское мѣсто, рѣзное изъ дерева, старшиной работы. Само по себѣ разумѣется, что всѣ мѣстныя иконы покрыты богатыми ризами, по образъ *Донскія Божіей Матери* замѣчателенъ еще и тѣмъ, что былъ съ Вел. Кн. Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ Полѣ, а съ Борисомъ Годуновымъ въ походѣ на Хана Казы-Гирея. На обратной сторонѣ сей иконы, которую носили на древкѣ вмѣсто хоругви, изображено Успеніе Богоматери, а вокругъ ея искусною кистію Фламанской Школы, 18 лицъ праматерей, начиная съ Еввы. Ризница содержитъ несмѣтныя богатства въ жемчугахъ, каменьяхъ, золотѣ и серебрѣ, равно заключаетъ въ себѣ и нѣсколько предметовъ археологическаго достоинства, въ томъ числѣ два рукописныя Евангелія, одно съ рисунками, отличной работы, а другое вкладъ Іоанна Грознаго.

Внутренній свѣтъ изливается изъ середней большой главы, которая снаружи ярко вызолочена, равно какъ остальныя восемь меньшихъ главъ и самая кровля. Есть преданіе въ народѣ, которое подтверждается и древними рукописями, что крестъ на середней главѣ вылитъ изъ чистаго золота. Подъ сѣнію другихъ главъ устроены особые небольшіе придѣлы. Въ одномъ изъ нихъ, во имя Св. Александра Невскаго, помѣщены св. иконы ангеловъ Дома Романовыхъ отъ Царя Михаила Ѳеодоровича до Императора Александра I. На хорахъ обыкновенно слушали церковную службу Царицы и Царевны съ ихъ приближен-

ными особами женскаго пола. Подъ обширными сводами собора хранилась, при Великихъ Князьяхъ Московскихъ, ихъ казна.

Образъ Благовѣщенія, написанный al fresco на внѣшней стѣнѣ собора, обращенной къ Красному Крыльцу, отличителенъ особенностію своею, свидѣтельствующею о древности его: Пресвятая Дѣва представлена на немъ принимающею благовѣстіе отъ Ангела, почерпая воду изъ колодца.

Нельзя не замѣтить, что на Благовѣщенскомъ Соборѣ были устроены, въ 1404 году, монахомъ Лазаремъ, первые въ Россіи часы, названные въ лѣтописи *часомѣромъ съ колоколомъ, въ который на всякій часъ ударяетъ молотокъ, измѣряя и расчитая часы нощные и дневные: не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростію преизметано и преухищрено*, и что въ немъ происходило бракосочетаніе многихъ Великихъ Князей и Государей Россійскихъ. Здѣсь вѣнчался также Казанскій Царь Семіонъ, въ 1504 г., съ Маріею Кутузовою Клеопиною.

Укажемъ еще на особенную красивость мѣста, на коемъ воздвигнутъ Благовѣщенскій Соборъ. Оно есть самое возвышенное въ Кремлѣ. Къ Москворѣчью устроена свѣтлая паперть за стеклянными рамами; сюда послѣ обѣдни и раздачи милостыни выходили Цари и Царицы любоваться на обширную столицу и на свое Воробьевское Село, представляющееся вдалекѣ какъ подъ серебряною пеленою! Съ одной стороны паперть сообщалась съ дворцомъ, а съ другой широкое каменное крыльцо, которое и теперь существуетъ, вело въ плодовитый садъ, въ коемъ были прудки или выкла-

денные свинцомъ водоемы, наполненные красивыми рыбками.

Со времени Іоанна Грознаго, протоіереи сего собора всегда бывали духовниками Царей и донынѣ каждый избираемый въ духовники получаетъ и званіе протопресвитера Благовѣщенскаго Собора, почему смотрѣніе за соборомъ возлагается на ключаря, который, подобно Успенскому, состоитъ подъ особеннымъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода.

Къ кремлевскимъ соборамъ принадлежитъ *Ивановская Колокольня*, извѣстная болѣе подъ именемъ *Ивана Великаго*: это фаросъ древней столицы, представляющійся первымъ предметомъ путешественнику при приближеніи его къ Москвѣ. Не столько значительная высота колокольни, сколько возвышенное ея мѣстоположеніе въ срединѣ города, дѣлаютъ ее столь колоссальною. Съ этой башни можно обозрѣть не только Москву, но и окрестности ея на далекое пространство, верстъ на 30. И зрѣлище сіе тѣмъ привлекательнѣе, что съ каждаго этажа панорама Москвы представляется въ различномъ видѣ и размѣрѣ.

Ивановская Колокольня доселѣ остается въ первоначальномъ видѣ, т. е. точно такъ, какъ построена при Борисѣ Годуновѣ, и есть памятникъ его бѣдственнаго царствованія и мудрости въ дѣлахъ государственныхъ. Когда, въ 1600 году, гнѣвъ Божій поразилъ землю Русскую насланіемъ повсемѣстнаго голода со всѣми его ужасами, Годуновъ, для занятія народа, стекавшагося отвсюду въ столицу за милостынею, приказалъ занимать его построеніемъ каменныхъ зданій, и тогда-то воздвигнута и сія колокольня, по плану выписаннаго имъ изъ-за границы зодчаго Вильке.

Ивановскою названа она во имя древней церкви Іоанна списателя Лѣствицы, находящейся внизу.

Колокольня сія осьмиугольная, имѣетъ въ вышину $38^1/_2$ саженъ, въ томъ числѣ глава ея содержитъ 5 саж. 1 арш., а крестъ самъ по себѣ длиною 2 саж. 2 арш. Глава и крестъ покрыты мѣдными листами, вызолоченными черезъ огонь. Замѣчательно, что нынѣшній крестъ сдѣланъ вновь, на мѣсто стараго, который снятъ былъ по приказанію Наполеона, повѣрившаго сказкѣ, что онъ золотой, и что между народомъ ходитъ преданіе, будто съ потерею Ивановскаго креста настанетъ погибель Россіи. Видимая вокругъ главы надпись, заключаетъ слѣдующія слова:

«Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Вели-«каго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Өео-«доровича, всея Россіи Самодержца, и сына его бла-«говѣрнаго Великаго Государя, Царевича Князя Өео-«дора Борисовича всея Россіи, сей храмъ совершенъ «и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108 «года.» При преемникахъ престола Годунова подпись эта была залѣплена, но Петръ Великій приказалъ ее возобновить.

Во всѣхъ ярусахъ колокольни повѣшено 33 колокола разной величины. Сверхъ того сдѣлана была патріархомъ Филаретомъ особенная пристройка для помѣщенія 4-хъ самыхъ большихъ изъ нихъ. Зданіе сіе при отступленіи Французовъ, въ 1812 году изъ Кремля, было совершенно разрушено, посредствомъ мины, цѣлію коей вѣроятно было ниспроверженіе соборовъ, но къ счастію, инженеры ихъ недовольно хорошо изслѣдовали основаніе колокольни Ивана Великаго, коего фундаментъ, равный со дномъ Москвы

рѣки, удержалъ своею крѣпостью гибельную силу страшнаго взрыва. Замѣчательно, что при этомъ случаѣ, три изъ колоколовъ: Реутъ (старин. *ревунъ*), Лебедь и Воскресный, остались почти невредимы, а разбился только самый большой, называемый Успенскимъ, вѣсившій 3551 пудъ. Зданіе чрезъ два года выстроено вновь, по образцу стараго, а колоколъ замѣненъ новымъ, въ 4000 пудовъ. Въ верхнемъ ярусѣ обратите вниманіе на два древніе *Корсунскіе зазвонные* колокола; ихъ легко отличите по бѣловатому цвѣту, что, вмѣстѣ съ чистотою звука, издающагося отъ нихъ, заставляетъ полагать, что они вылиты изъ серебра, такъ какъ *вѣчевой Новгородскій*, находящійся въ числѣ прочихъ колоколовъ, отличался, говорятъ, особенно унылымъ, голосомъ наводящимъ грусть. Онъ долго висѣлъ отдѣльно на одной изъ небольшихъ башень, близь Покровскихъ Воротъ, называемой Сторожевою, и былъ предметомъ любопытства любителей древности. Взгляните на колоколъ сей, какъ на урокъ превратности судьбы человѣческой! Теперь забытый, незамѣтный среди множества другихъ — онъ нѣкогда голосомъ своимъ волновалъ тысячи умовъ, рѣшалъ судьбы многихъ тысячъ людей, былъ символомъ народной воли, торжествомъ мнимой свободы сильныхъ Новгородцевъ! Сойдя внизъ, подивитесь *Царь-колоколу*, величайшему въ свѣтѣ, превосходящему объемомъ и вѣсомъ славный Эрфуртскій колоколъ, и втрое болѣе Пекинскаго колокола. Онъ вѣситъ 12,000 пудовъ, и перелитъ въ 1734 году изъ стараго Годуновскаго колокола, въ который звонили только въ первостепенные праздники, во время аудіенцій, даваемыхъ въ Кремлѣ иностраннымъ посламъ, и по кончинѣ Царей

3

и первосвятителей, ударяя присемъ три раза съ большою остановкою. Колоколъ сей не долго былъ на высотѣ. Во время Троицкаго пожара (1733 г.), онъ опять упалъ въ ту яму, въ которой былъ вылитъ, и оставался въ ней сто три года предметомъ всеобщаго любопытства. Въ нее сходили по узенькой лѣсенкѣ, а выбитый край служилъ входомъ для обозрѣнія внутренности. По повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, онъ поднятъ, въ 1836 году, и поставленъ на каменномъ піедесталѣ во всей красѣ своей, недалеко отъ прежней своей могилы, совершенно заровненной. Наружныя украшенія сей бронзовой пирамиды отработаны съ отличною тщательностію: сверху, между грудными изображеніями особъ Императорскаго Дома, видно изображеніе, во весь ростъ, Императрицы Анны Іоанновны, а по срединѣ, изваянія Московскихъ Чудотворцевъ. Въ вышину онъ имѣетъ 19 футовъ, а въ окружности 60, въ стѣнѣ его около 2 ф. толщины, а языкъ длиною 17 футовъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что чудотворный образъ Святителя Николая Гостунскаго, находящійся въ придѣлѣ церкви Св. Іоанна Лѣствичника, перенесенъ сюда, въ 1816 году, изъ упраздненнаго послѣ разоренія непріятелями, въ 1812 году, Гостунскаго Собора, богатаго историческими воспоминаніями. Соборъ сей находился на теперешней Ивановской Площади, противъ такъ называемаго Николаевскаго дворца, и былъ построенъ на мѣстѣ Ордынскаго подворья, гдѣ жили ханскіе баскаки для надзора за Великими Князьями Русскими. Сосѣдство это не понравилось супругѣ В. К. Іоанна Васильевича, и хитрая Софія, дабы избавиться отъ столь опасныхъ соглядатаевъ, послала дары къ

женѣ ханской съ просьбою объ уступкѣ ей сего подворья, для сооруженія на немъ церкви по нѣкоему видѣнію. Татарская царица доставила ей желаемое согласіе Хана; подворье сломали, и съ тѣхъ поръ уже Татары не живали въ Кремлѣ. Москвитяне имѣли особенное усердіе къ сей иконѣ. Издревле велось обыкновеніе, что отцы и матери, помолвивъ дочерей своихъ, приходили съ ними къ Николѣ Гостунскому, служили ему молебенъ, записывали имя невѣсты и жениха въ книгу, хранившуюся въ соборѣ, какъ бы поручая ихъ ходатайству и заступленію угодника Божія, бывшаго покровителемъ юнымъ четамъ во время святаго житія своего.

Къ достопамятности Гостунскаго Собора принадлежитъ и воспоминаніе, что діаконъ онаго, Іоаннъ Ѳедоровъ, былъ первымъ типографщикомъ въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ Петромъ Мстиславцемъ, напечаталъ, подъ руководствомъ митрополита Макарія, первую книгу, *Апостолъ*, въ 1564 году, но, по смерти Макарія, гонимый суевѣріемъ и даже обвиняемый списателями книгъ въ чародѣйствѣ, оставилъ свое отечество, и странствуя по Польшѣ, поселился въ Острогѣ, гдѣ напечаталъ Библію, скорбѣлъ объ оставленномъ отечествѣ, скончался и погребенъ во Львовѣ (Лембергѣ). Гробница его донынѣ сохранилась и показывается съ уваженіемъ къ безсмертной памяти нашего отечественнаго Гуттенберга, столько же пламенно любившаго свое искусство, потерпѣвшаго великодушно множество гоненій, но неимовѣрными трудами достигшаго полнаго и блестящаго успѣха въ своихъ начинаніяхъ.

Нынѣ Кремлевскіе Соборы соединены великолѣпною чугунною рѣшеткою въ готическомъ вкусѣ, и чрезъ то

предъ царскими палатами образовался обширный Красный Дворъ, отдѣльно отъ Ивановской Площади, значительно увеличенной уничтоженіемъ Гостунскаго Собора, такъ что теперь нѣсколько тысячъ войска весьма свободно могутъ на ней помѣщаться и производить ежедневные разводы.

Кромѣ обозрѣнныхъ нами соборовъ, въ Кремлѣ еще находятся два монастыря: Чудовъ и Воскресенскій дѣвичій, изъ коихъ каждый заслуживаетъ быть изображеннымъ и описаннымъ. Прочія церкви, наполнявшія Кремль, мало по малу уничтожились. Можно повѣрить свидѣтельству Олеарія, что ихъ было болѣе 50, ибо достовѣрно знаемъ, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отъ Спаскихъ Воротъ до Никольскихъ, ихъ считалось до пятнадцати; равномѣрно не осталось ни одного частнаго дома, коими встарину наполнялся Кремль: тогда въ немъ находилось болѣе 20 улицъ. Еще понынѣ открываются въ землѣ остатки кирпичныхъ сводовъ отъ погребовъ боярскихъ. Почти всѣ знатнѣйшіе бояре имѣли здѣсь свои палаты. Теперь остались только одни общественныя зданія, какъ то: дворцы: Царскій, Николаевскій, Потѣшный, Оружейная Палата, Патріаршія Палаты, Арсеналъ и Сенатъ; каждому изъ сихъ зданій посвящена будетъ также особенная статья, а потому заключимъ на сей разъ описаніемъ стѣнъ, окружающихъ Московскій Кремль.

Кремль составляетъ неправильный многоугольникъ, обнесенный высокими зубчатыми стѣнами съ десятью высокими разнохарактерными башнями по концамъ. Первою каменною стѣною онъ былъ обнесенъ еще въ княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго (въ 1367 г.), но нынѣшняя, есть произведеніе знаменитыхъ Итали-

янскихъ художниковъ Марка и Петра Антонія, вызванныхъ Іоанномъ III изъ отечества Медицисовъ, для украшенія столицы прочными, красивѣйшими зданіями. Строеніе сіе начато было ими, въ 1485 и кончено въ 1491 году, и можетъ быть включено въ число огромнѣйшихъ памятниковъ зодчества XV вѣка. Составивъ крѣпкій, необоримый оплотъ на случай непріятельскаго нападенія, высокія стѣны не только не скрыли красотъ Кремлевскихъ, но еще болѣе возвысили ихъ, отдѣляя отъ пестрѣющейся массы безконечной Москвы какимъ-то свѣтлымъ кольцомъ, и смѣшавъ готическіе разновидные минареты своихъ чудныхъ башень, съ золотыми главами и разноцвѣтными кровлями соборовъ и теремовъ царскихъ.

Кремль сообщается съ городомъ пятью воротами: съ восточной стороны, Никольскими и Спасскими, съ западной, Троицкими и Боровицкими, съ юга Тайницкими, и только сіи послѣднія удержали древнее свое названіе; прочія назывались первоначально: Фроловскими, Курятными и проч. Кромѣ стѣны, Кремль окруженъ былъ съ трехъ сторонъ глубокимъ рвомъ, который наполнялся водою изъ рѣчки Неглинной, протекавшей съ западной части города. Теперь рѣчка сія течетъ подъ землею, въ каменной трубѣ, а грязный и смрадный ровъ превращенъ, въ 1821 году, въ прелестнѣйшій садъ, составляющій теперь одно изъ любимыхъ гуляній Московской публики. Должно отдать справедливость искусству художника, умѣвшаго на столь небольшомъ пространствѣ провесть столько разнообразныхъ дорожекъ, составить столь много тѣнистыхъ убѣжищъ, открыть столь много прелестныхъ видовъ. Садъ сей начинается у Иверской Часовни, гдѣ

отгороженъ великолѣпною чугунною рѣшеткою, и оканчивается у самой рѣки Москвы, которой широкая набережная представляетъ какъ будто продолженіе гульбища.

Кремль, слово Татарское, означаетъ крѣпость; Русскіе также почитаютъ его роднымъ, примѣняя къ своему слову: *кремень*. Встарину онъ назывался еще Дѣтинцемъ.

Можно ли оставить безъ замѣчанія любопытныя отличительности двухъ изъ кремлевскихъ воротъ: *Спасскихъ* и *Никольскихъ?* Къ первымъ принадлежитъ обыкновеніе, свято доселѣ наблюдаемое, не проходить чрезъ нихъ съ покрытою головою. Ни морозъ, ни дождь не останавливаютъ прохожаго отъ выполненія сего обычая, о которомъ разно толкуютъ наши историки: иные относятъ сей благочестивый обрядъ къ почитанію святой иконы Спасителя, украшающей башню, другіе же къ воспоминанію отъ чудеснаго избавленія Кремля при нашествіи Татаръ. Надпись, начертанная надъ Никольскими Воротами, поясняетъ, что при взрывѣ воротъ сихъ и арсенала, въ 1812 году, причемъ Никольская башня треснула почти до основанія, образъ Николая Чудотворца и даже стекла кіоты, подъ коею онъ находился, остались совершенно невредимыми. Припомнимъ, что отъ дворца къ Москвѣ-Рѣкѣ былъ подземный ходъ, или тайникъ, на случай опасности. Ходы сего рода устроивались во многихъ городахъ Россійскихъ, и служатъ памятникомъ минувшихъ бѣдствій отечества, противоположныхъ съ настоящимъ его спокойствіемъ и величіемъ. Въ выдавшейся къ рѣкѣ части башни, образующей правильный четвероугольникъ, видѣнъ донынѣ глубокій колодезь.

Должно думать, что колодезь сей спабжалъ городъ водою во время осадъ, а въ народѣ ходитъ преданіе, будто яма сія есть не что иное, какъ тайный подземный ходъ подъ рѣку.

Наконецъ скажемъ, что Каменный Мостъ чрезъ рѣку Москву, видимый на рисункѣ, построенъ во время правительства Софіи Алексѣевны по плану предложенному какимъ-то монахомъ. Какъ величественно представляется отсюда златоверхій Кремль! При взглядѣ на него припоминаемъ съ восторгомъ стихи *Пѣвца на Кремлѣ:*

. . .«Зоветъ Кремля священный гласъ!
«Какъ древле вѣстникъ славы,
«Съ его высотъ глядитъ на насъ
«Орелъ нашъ двоеглавый.
«О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
«Красуйся, обновленный! . . .

«О Кремль! отеческій твой прахъ
«Лобзаемъ въ умиленьѣ!
«Смотрите: на его стѣнахъ
«Отчаянное мщенье
«Слѣдъ черный впечатлѣло свой!
«Казня въ безумствѣ камень,
«Губитель трепетной рукой
»На нихъ свой бросилъ пламень.
«*Не будь Кремля!* изрекъ злодѣй.
«Но Кремль стоитъ священный...

Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ЦЕРКОВЬ
ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО
съ красною площадью и лобнымъ мѣстомъ.

Подъ именемъ Василья Блаженнаго извѣстенъ *Покровскій Соборъ, что на рву,* находящійся въ части или отдѣленіи Москвы, называемой Китай-Городомъ, близъ Спасскихъ Воротъ.

Примѣчательный храмъ сей заложенъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, въ 1555 году, въ ознаменованіе благодарности за покореніе Казанскаго Царства въ день Покрова Божіей Матери, и конечно, нѣтъ въ мірѣ другаго памятника, въ которомъ бы можно было найти подобное смѣшеніе противоположныхъ архитектуръ: затѣйливости и пестроты Азіятской съ величіемъ и благородствомъ Италіянской, смѣлости и легкости Мавританской съ тяжелостію и излишествомъ въ украшеніяхъ готическаго вкуса, и изъ всего со-

ставить нѣчто стройное, но фантастическое, исполненное поэзіи и своенравія! Мнѣніе объ изяществѣ и великолѣпіи сего зданія было такъ велико, что молва, всегда болѣе увеличивающая худую, чѣмъ добрую славу, въ числѣ явныхъ вымысловъ, распространила повѣрье, что Іоаннъ, наградивъ зодчаго съ царскою щедростью, приказалъ лишить его зрѣнія, чтобы онъ нигдѣ не могъ произвесть ничего лучшаго или подобнаго. Сказка эта идетъ издревле. Таннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1689 г., упоминаетъ объ ней, но нелѣпость ея доказывается тѣмъ, что при Іоаннѣ церковь Покровская оставалась неоконченною, и было въ ней только *десять* придѣловъ, кромѣ главнаго храма; строеніе продолжалось послѣ того, съ перемежками, болѣе 125 лѣтъ, и въ царствованіе Θеодора Іоанновича, Михаила Θеодоровича и Θеодора Алексѣевича пристроено придѣловъ еще одиннадцать. Этимъ объясняется и разнообразная фантастическая форма сей груды колоколенъ и главъ, крылецъ и террасъ, похожей, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ путешественниковъ, на глыбу сталактитовъ.

Внутренность собора заключаетъ 19 придѣловъ, изъ коихъ почти надъ каждымъ возвышается глава, отличающаяся одна отъ другой размѣромъ, стилемъ и краскою. Одна винтообразная, другая острая въ видѣ пирамиды, та чешуйчатая съ круглымъ куполомъ, другая продолговатая въ видѣ минарета, одна зеленая, другая красная съ золотыми звѣздами, и т. п. Возвышенность мѣста, на коемъ воздвигнутъ храмъ сей и сосредоточеніе къ нему главнѣйшихъ улицъ Китай-Города, много способствуютъ къ выставкѣ его оригинальности. Онъ представляется первымъ пред-

метомъ, когда вступаешь на Красную Площадь отъ Воскресенскихъ Воротъ; онъ поражаетъ глаза съ первымъ шагомъ изъ Кремля чрезъ Спасскія Ворота (здѣсь изображенныя съ правой стороны); онъ, можно сказать, служитъ фаросомъ всякому, подымающемуся отъ Москворѣчья по крутой улицѣ. Отъ Ильинки церковь Василья Блаженнаго открывается еще живописнѣе, еще удивительнѣе — въ соединеніи съ башнями и теремами кремлевскими. Именемъ Василія Блаженнаго соборъ сей наименованъ по древнему преданію, что Василій Юродивый, знаменитый святостію своей жизни, имѣлъ обыкновеніе сидѣть на ступеняхъ сего собора, и наказывалъ похоронить себя въ немъ: мощи его почіютъ подъ спудомъ, въ одномъ изъ придѣловъ, и на гробницѣ его висятъ тяжелыя вериги, которыя носилъ на себѣ Блаженный. Благочестивые прибѣгающіе къ гробницѣ его, и съ молитвою надѣваютъ на себя сіи вериги. Ежегодно, бываетъ въ день Покрова, ходъ въ Покровскій Соборъ изъ Кремля. Древнія иконы и пестрота украшеній привлекаютъ вниманіе посѣтителя собора на всѣ многочисленныя его отдѣленія.

Другимъ, не менѣе любопытнымъ, предметомъ, представляющимся здѣсь на картинкѣ, должно почесть *Лобное Мѣсто,* которое есть не что иное, какъ круглый каменный помостъ съ такимъ же вокругъ обводомъ и лѣстницею. Оно представляется какъ бы подножіемъ великолѣпной церкви, и замыкаетъ обширную *Красную Площадь.* Это форумъ первопрестольной столицы Русской, свидѣтель и позорище событій горестныхъ и утѣшительныхъ. Взглянемъ въ зерцало древности, и напомнимъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, содѣ-

лывающихъ Лобное Мѣсто съ Красною Площадью столь достопамятными для Русскаго. Вспомнимъ, что здѣсь неоднократно своевольная чернь, пользуясь слабостію правительства (напримѣръ при Темномъ, въ 1445 году), учреждала преступное *вѣче*, и самоуправно предала казни ненавистныхъ ей сановниковъ: Глинскаго, Бѣльскаго, Плещеева, Траханіотова.... Здѣсь, на Лобномъ Мѣстѣ, знаменитый Шуйскій испыталъ ужасъ смерти: уже голова его лежала на плахѣ, какъ получилъ онъ помилованіе отъ Лжедимитрія. Здѣсь совершилось одно изъ торжественнѣйшихъ зрѣлищъ, поразившихъ Россію умилительною неожиданностію. Юный Іоаннъ, въ послѣдствіи прилично названный Грознымъ, принявъ бразды правленія, и въ короткое время приведя въ ужасъ Москву и Россію своею жестокостію и необузданностію страстей, собралъ, въ 1550 г., со всего государства *избранныхъ людей*. Въ страхѣ явились въ Москву представители народа, въ ожиданіи новыхъ кровопролитій и бѣдствій, какъ увидѣли совершенно противное. Увидѣли юнаго Царя, со смиреніемъ восходящаго на Лобное Мѣсто, и со слезами на глазахъ обращающагося къ митрополиту, съ мольбою: да будетъ онъ ходатаемъ у Престола Всевышняго за все зло, имъ доселѣ содѣланное; услышали, какъ Іоаннъ представлялъ въ оправданіе свое нерадивое попеченіе о немъ его воспитателей, коварство и смуты боярскія, и просилъ, да будетъ онъ предъ лицемъ Господа и представителями государства, свидѣтелемъ обѣта его загладить свои проступки любовію и попеченіемъ о своихъ подданныхъ, быть обороною слабаго предъ сильнымъ, защитою утѣсненныхъ, утѣшителемъ убогихъ, отцемъ своего народа...... И народъ зарыдалъ отъ

изумленія, отъ восторга, забылъ жестокости Царя и славилъ однѣ его милости. Іоаннъ потребовалъ всеобщаго примиренія, и враги кинулись въ объятія одинъ другаго.... О это, конечно, было пріятнѣйшею, благороднѣйшею минутою въ жизни Іоанна, минутою, какими рѣдко освѣщается человѣчество! Но, увы! не болѣе какъ черезъ семь лѣтъ послѣ того, на этомъ же самомъ мѣстѣ, тотъ же Іоаннъ великодушный, образецъ вѣнценосцевъ, слава и гордость Россіи, съ неразгаданнымъ хладнокровіемъ губилъ тысячи добродѣтельныхъ воиновъ и гражданъ, лилъ кровь именитыхъ сановниковъ и вождей доблестныхъ; вокругъ этого же Лобнаго Мѣста, по повелѣнію Грознаго, пылали костры, клокотала вода въ котлахъ, возвышались висѣлицы для казни подпавшихъ его гнѣву!..... Вспомнимъ, что съ Лобнаго же Мѣста предатели читали обольстительную грамоту Самозванца, и Москвитяне, забывъ присягу, данную незадолго юному сыну Годунова, провозгласили Лже-Димитрія Царемъ Русскимъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ небольшимъ, кровавый, обезображенный трупъ похитителя лежалъ уже на Лобномъ Мѣстѣ съ маскою, дудкою и волынкою въ рукѣ, а трупъ вѣрнаго товарища его злодѣяній и безпутствъ, Басманова, повержень былъ у ногъ его. Съ Лобнаго Мѣста, въ 1610 году, изречено было мятежнымъ Ляпуновымъ сверженіе Шуйскаго, подтвержденное толпами буйнаго народа, и черезъ три года мятежнаго самоуправства и безначалія, Красная Площадь огласилась побѣдными кликами Пожарскаго и Минина, и здѣсь снова явилась милость Божія надъ Москвою, въ указаніи Михаила Романова для успокоенія, счастія и славы Россіи. Съ Лобнаго Мѣста

Авраамій возвѣстилъ народу избраніе въ Цари юнаго Михаила, совершившееся на Троицкомъ подворьѣ; отсюда радостная вѣсть сія пронеслась по всѣмъ концамъ государства и была принята единодушно. Съ Лобнаго Мѣста окроплялъ святою водою знаменитый Никонъ доблестнаго Царя Алексѣя Михайловича и несмѣтную рать его, готовую выступить въ славный походъ, коего плодами было возвращеніе отъ Поляковъ древнихъ Русскихъ городовъ, Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и другихъ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича видѣли подобное зрѣлище, видѣли, какъ патріархъ Іоакимъ благословлялъ, окропляя грозное ополченіе, собранное на защиту Кіева и Украйны отъ Турокъ, и возложилъ на Князя Черкасскаго крестъ Константина, а на Долгорукова икону Сергія Радонежскаго. Во время стрѣлецкихъ бунтовъ, когда никто не дерзалъ приблизиться къ Лобному Мѣсту и изъявить сожалѣніе къ жертвамъ ихъ злобы, повергнутымъ вокругъ онаго въ грязи, Арабъ, слуга Матвѣева, одинъ отважился собрать растерзанные члены своего благодѣтеля. Изверги, пораженные смѣлостію существа, столь презрѣннаго по ихъ мнѣнію, не препятствовали ему совершить примѣрный подвигъ благодарности. — На Красной Площади преступная Софія дозволила стрѣльцамъ, желавшимъ оправдать себя въ злодѣйствахъ, воздвигнуть каменный столбъ съ начертаніемъ на желѣзныхъ доскахъ мнимыхъ преступленій бояръ, умерщвленныхъ ими, за мнимую измѣну отечеству. Но ужасныя картины Красной Площади изглаживаются изъ мыслей воспоминаніемъ о стрѣльцахъ, стекшихся сюда изъ Троицкой Лавры съ поникшими головами, съ веревками на шеѣ, съ плахами

и топорами въ рукахъ, на собственную казнь свою принесенныхъ, когда, при видѣ раскаянія преступниковъ, сердце Великаго Петра изрекло имъ помилованіе....

Издревле, почти съ самаго основанія Москвы, Красная Площадь была мѣстомъ народнаго собранія, какъ средоточіе Москвы; и въ горѣ и въ радости Московскіе жители стекались сюда потолковать, послушать новостей, узнать, что положено на *думѣ царской*. Мнѣніями Красной Площади дорожили Великіе Князья и Цари. Народъ любилъ собираться на Красной Площади и потому, что здѣсь какъ бы терялось различіе въ степеняхъ и званіяхъ людей, и однѣ заслуги, добродѣтели и незазорная старость давали право на отличіе и всеобщее почтеніе. Забудемъ ли также, что на сей площади происходили извѣстныя во времена Ѳеодора Алексѣевича *семейныя судилища?* Гражданинъ, сошедшій съ пути своихъ обязанностей, увѣщеваемъ былъ сперва въ кругу своего семейства; ежели увѣщанія не дѣйствовали, тогда старцы призывали его на *Красную Площадь*, гдѣ, предъ лицемъ всего народа, уличали его въ дурномъ поведеніи, снова увѣщевали и давали время на исправленіе; но если и эта мѣра была недѣйствительна, тогда старцы-судьи дѣлались обвинителями преступника предъ закономъ. Въ послѣдствіи видѣли здѣсь грамотныхъ писцевъ и подьячихъ, предлагавшихъ услуги свои въ сочиненіи просьбъ и жалобъ.

Къ числу повѣрій или обрядовъ Москвичей, освященныхъ обычаемъ, было обыкновеніе стричь себѣ волосы на Красной Площади у Посольскаго Двора, особенно въ Великій Четвертокъ; тогда, по словамъ

Олеарія, земля устилалась волосами, какъ *мягкими тюфяками*.

И нынѣ Красная Площадь не менѣе многолюдна и шумна; и нынѣ съ утра до вечера волнуются вокругъ Лобнаго Мѣста пестрыя толпы народа, стучатъ и гремятъ кареты, дрожки и разныя повозки, скачутъ со всѣхъ сторонъ верховые, тянутся безконечные обозы, воздухъ оглашается разными криками и звонкими голосами; но не исполненіе приговора царскаго, не бесѣда вѣнценосца съ народомъ, не совѣщанія гражданъ созываютъ сюда и волнуютъ тысячи. Лобнаго Мѣста не сторожитъ уже Царь-пушка (*) съ подобными ему исполинами, обращенными для защиты Кремля, а иногда обращавшимися и противъ него! Одна промышленость, одна мирная торговля оживляютъ здѣсь безпрерывную дѣятельность при неимовѣрномъ стеченіи народа. Здѣсь сосредоточена торговля не только всей Москвы, но и всего Государства, а потому можно получить здѣсь понятіе не только о духѣ Русскаго народа, но и объ отношеніи столицы ко всей Имперіи. Изрѣдка еще на *Лобномъ Мѣстѣ* является другое, поразительнѣйшее зрѣлище, котораго ни описать, ни представить на картинѣ невозможно; но надобно видѣть, когда крестный ходъ останавливается здѣсь для совершенія съ колѣнопреклоненіемъ торжественнаго молебствія. Едва заколеблются хоругви на Лобномъ Мѣстѣ, едва послышится пѣніе церковнаго клира и ярко заблистаетъ свѣча на поднятомъ вверхъ фонарѣ, какъ тысячи людей, доселѣ шумныхъ, не-

(*) При описаніи Арсенала скажемъ подробнѣе о семъ дивѣ Московскомъ.

укротимыхъ, какъ волны морскія, дѣлаются неподвижными, и тихо, въ умиленіи сердечномъ, возносятъ мольбы свои къ Престолу Всевышняго, при пѣніи духовнаго клира и моленіи церковнослужителей, блистающихъ золотыми парчами облаченій въ дыму ѳиміама, какъ бы въ нѣкоемъ облакѣ. Эти церковныя торжества оживляютъ въ памяти воспоминаніе празднествъ, отправлявшихся здѣсь въ древнія времена въ день *Ваій*. Безчисленныя толпы народа, съ пальмовыми и финиковыми вѣтвями въ рукахъ, при пѣніи духовныхъ стихиръ отроками въ бѣлыхъ одеждахъ, встрѣчали у Лобнаго Мѣста и провожали въ Кремль, мимо Покровскаго Собора, Патріарха, ѣхавшаго на жребяти ослемъ: такъ обыкновенно называли коня подъ покровомъ, придававшимъ ему видъ осленка. Подъ ноги его подстилали сукна и разныя ткани, за узду его велъ самъ Царь. Съ уничтоженіемъ патріаршества уничтожилось это великолѣпное шествіе. Но продажа здѣсь вербъ и доселѣ существуетъ. Въ Субботу, наканунѣ Вербнаго Воскресенья, площадь между Кремлемъ, Гостинымъ Дворомъ и Лобнымъ Мѣстомъ, т. е. вокругъ памятника Минина и Пожарскаго, покрывается безчисленнымъ множествомъ искусственныхъ вербъ, которыя грубою отдѣлкою какъ бы свидѣтельствуютъ древность народнаго обычая, отличаясь яркостію цвѣтовъ, представляющею впрочемъ для глазъ пріятную пестроту. Главная выработка сихъ издѣлій производится монахинями Вознесенскаго Монастыря, которыя единственно въ этотъ день посѣщаются толпами покупщиковъ ихъ издѣлій, получающихъ позволеніе проникать въ ихъ затворы. Доселѣ еще, по древнему обычаю, здѣсь бываетъ гулянье въ Субботу, наканунѣ

Вербнаго Воскресенья. Замѣчательно, что это первое Московское гулянье, по хронологическому порядку, служитъ предвѣстіемъ возвращенія весны, хотя въ то время природа бываетъ еще скудна и только что начинаетъ оживать отъ благотворныхъ лучей приближающагося солнца.

Названіе *Лобнаго*, встрѣчается въ лѣтописяхъ Русскихъ съ незапамятныхъ временъ, и судя по смыслу подобнаго слова въ Священномъ Писаніи, всегда означало *возвышенное мѣсто*, въ чемъ убѣждаетъ и самый видъ онаго. Иные напрасно придаютъ наименованію сему другое происхожденіе, толкуя, что тутъ найденъ былъ лобъ или черепъ человѣческій; это не что иное, какъ подновленный разсказъ о Римской Капитоліи. Можно также съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что сіе названіе присвоено Италіянскими архитекторами, строившими Лобное Мѣсто, отъ Латинскаго слова lobium, означающаго каѳедру, мѣсто, съ коего говорятъ народу.

Красная Площадь въ древности не была такъ обширна, какъ нынѣ. Намъ извѣстно, что на ней находилось нѣсколько церквей и множество деревянныхъ домовъ частныхъ лицъ. Лѣтописи говорятъ, что богатый купецъ Тараканъ выстроилъ здѣсь, по правую сторону Спасскихъ Воротъ, у стѣны Кремлевской, первый каменный домъ, бывшій долго предметомъ удивленія Московскихъ жителей. Въ царствованіе Іоанна III очистили мѣсто около Кремлевской стѣны, но въ послѣдствіи предписаніе не наблюдалось, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже подтверждено было обывателямъ не строиться близко къ Кремлевской стѣнѣ. Но окончательное очищеніе площади послѣдовало

послѣ Московскаго пожара, 1812 г.; тогда сломали ряды, которые протягивались отъ Спасскихъ до Никольскихъ Воротъ подлѣ Кремля, и лавки на Спасскомъ Мосту чрезъ ровъ, а также строеніе около Василія Блаженнаго. Теперь Красная Площадь составляетъ въ длину 135 и въ ширину 75 саженъ. Съ правой стороны она простирается вдоль Кремлевской стѣны, а съ лѣвой почти всю длину ея занимаетъ Гостиный Дворъ, обнесенный въ 1815 году великолѣпною колоннадою подъ одну крышу, такъ что, придавая украшеніе площади, представляетъ самъ по себѣ какъ бы особенный городокъ, освѣщенный сверху слабымъ сіяніемъ солнца, съ улицами, переулками, часовнями, разнородными строеніями, разнородными жителями. До 1786 года, когда лавкамъ дана первая правильность и единообразіе, ряды представляли еще болѣе фантастическаго разнообразія, бывъ составлены изъ лавокъ всякаго рода, одна подлѣ другой, выстроенныхъ по вкусу и способамъ владѣльца, подобно тому, какъ недавно еще мы видѣли въ Лиссабонскомъ и Мадритскомъ театрахъ ложи, также украшенныя по вкусу, знатности и богатству наемщика, что составляло пестроту пріятную, даже очаровательную для глазъ Европейца.

При отдѣльномъ изображеніи Гостинаго Двора, называемаго въ Москвѣ *городомъ*, мы ознакомимъ читателей короче съ симъ любопытнымъ по многимъ отношеніямъ зданіемъ, заглянемъ въ Русскія ресторацiи и кофейни, гдѣ, за чашкою чаю, заключаются всѣ сдѣлки оптовыя и мелочныя, и кинемъ общій взглядъ на торговлю Москвы и купеческое званіе. Въ тоже время представимъ читателямъ подробное описаніе

великолѣпнаго памятника изъ бронзы *Минину и Пожарскому*, который служитъ лучшимъ и достойнѣйшимъ украшеніемъ *Красной Площади*; а на сей разъ ограничимся замѣчаніемъ, что нельзя было избрать лучше мѣста для памятника спасителямъ отечества, какъ по срединѣ Красной Площади: это почти то же, что посреди Россіи. Славному вѣку Александра предоставлена была честь оцѣнить подвиги сихъ героевъ-благодѣтелей отечества, и чрезъ 200 лѣтъ выразить священную дань признательности потомства нѣсколькими словами, начертанными на гранитномъ подножіи памятника: «*Гражданину Минину и Князю* «*Пожарскому благодарная Россія.*»

Великихъ двѣ души сошлися,
Онѣ другъ другу поклялися
Стать за отечество горой,
Изгнать враговъ съ земли родной.
Уже знамена развивались,
Идетъ Пожарскій Русь спасать;
Со всѣхъ сторонъ къ нему сбирались
Бояре, воины на рать.
И полетѣли соколами
Подъ бѣлокаменну Москву!
И подъ зубчатыми стѣнами
Дружины встрѣтили Литву.
Пожарскій, какъ орелъ пустился —
Полки противные разить!
У ратныхъ мечъ объ мечъ дробился,
Стучали копья въ твердый щитъ;
Стальные бердыши сверкали;
Разятъ, сцѣпясь рука съ рукой;
Ряды противныхъ упадали,
И торжествуетъ вождь-герой!
Примѣтилъ Мининъ, — за рѣкой

Враги обходятъ Русскихъ съ-тылу;
Боярскихъ кликнулъ онъ дѣтей;
Могучихъ рядъ богатырей,
Напалъ, какъ левъ, на вражью силу.
По мхамъ съ Донскаго поля гналъ,
Въ осеннихъ рвахъ стѣснилъ и смялъ,
Повсюду раздалась побѣда,
И вражьяго не стало слѣда!
Затихла буря грозныхъ тучъ,
Съ зарею новый день свѣтаетъ,
Златаго солнца ясный лучъ
Москву на радость освѣщаетъ!
Гудетъ родной, веселый звонъ,
Творцу возносится моленье;
Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Отчизны празднуютъ спасенье;
Пѣснь Князю, Минину поютъ! —
Они въ сердцахъ поднесь живутъ. (*)

(*) См. Четыре времени года, *Соч. Ѳ. Слѣпушкина.*

Оружейная Палата

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА.

Любопытство каждаго пріѣзжающаго въ первопрестольную Москву, и Русскаго и чужеземца, преимущественно обращается на то хранилище драгоцѣнныхъ государственныхъ памятниковъ, которое представляетъ *Оружейная Палата*, помѣщенная въ зданіи, замѣчательномъ по величественному зодчеству. Она воздвигнута въ 1810 году, по плану архитектора Іеготова, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находились палаты Бориса Годунова. Статуи, бюсты, барельефы, снаружи украшающіе Оружейную Палату, пріуготовляютъ уже посѣтителя къ тому, что онъ увидитъ внутри. Предъ нимъ изображенія великихъ мужей Россіи, коихъ заслуги останутся навсегда въ памяти благодарнаго потомства. Здѣсь витязь *Холмскій*, другъ Іоанновъ, слав-

ный въ бояхъ и душа царской думы; *Ординъ Нащокинъ*, сложившій съ себя иноческую одежду, чтобы снова облещись въ кафтанъ посольскій — для служенія отечеству, перешедшій изъ тихой кельи на поприще политики, чтобъ заключить миръ въ селѣ Андрусовѣ (въ 1670 г.), славный для Россіи, и послѣ столь великаго подвига, отвергнувъ всѣ почести, предлагаемыя признательнымъ Монархомъ, возвратиться снова въ мирную обитель. Далѣе видѣнъ *Князь Василій Васильевичъ Голицынъ*, прославившійся договоромъ съ Польшею 1686 года; *Бояринъ Матвѣевъ*, достойный другъ Царя и народа; *Долгорукій*, Катонъ Русскій. Изъ мрака вѣковъ, облекающаго событія древности, усердіе признательности стремилось вызвать и олицетворить *Добрыню* — славнаго богатыря и наперсника Владимірова; знаменитыхъ *Претича*, *Пересвѣта* и *Ослябю*, Куликовскихъ героевъ подъ клобуками; *Ермака* — завоевателя Сибири; *Минина* и *Пожарскаго* — безсмертныхъ спасителей Россіи....

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ,
Ужъ нѣтъ вождей побѣды.
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины пожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги.
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ —
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Барельефы представляютъ также происшествія изъ Исторіи Русской, служащія ей украшеніемъ. Между ними отличается *принятіе Владиміромъ пословъ* всѣхъ

исповѣданій, изображеніе славной битвы Донскаго съ Татарами, побѣдъ надъ Турками при Кагулѣ и Чесмѣ, надъ Шведами, при Полтавѣ и Красной Горѣ, и т. п.

Предъ Палатою раскидывается обширная площадь, окруженная великолѣпными и, можно сказать, изящнѣйшими зданіями вѣковъ Петра I и Екатерины II, Арсеналомъ и Сенатомъ, кои почти соединяются между собою готическою башнею Никольскихъ Воротъ. Вступая въ Кремль чрезъ сіи послѣдніе, видишь все зданіе сокровищницы отечественныхъ воспоминаній вполнѣ, точно какъ представляется здѣсь на рисункѣ.

Широта лѣстницы ведетъ во второй этажъ Палаты, гдѣ, вступивъ въ обширную залу, раздѣляющую зданіе на двѣ равныя половины, обозрѣватель видитъ съ правой стороны отдѣленіе, посвященное храненію *драгоцѣнностей* разнаго рода, а съ лѣвой исключительно собраніе *оружія*. Обратимъ вниманіе на первую половину.

Пройдя длинную комнату, входишь въ четвероугольную свѣтлую залу, и глаза самаго равнодушнаго посѣтителя не могутъ не поразиться при видѣ безчисленнаго собранія сокровищъ, столь же безцѣнныхъ историческими воспоминаніями, какъ и вещественнымъ своимъ достоинствомъ. Правда, большая часть здѣшнихъ сокровищъ собрана державнымъ поколѣніемъ Романовыхъ; при самозванцахъ были расхищены драгоцѣнности, принадлежавшія древнимъ Государямъ Россіи, но и въ небольшомъ числѣ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ отдаленной древности, нѣсколько столѣтій сохраненныхъ, еще видны остатки богатствъ, стяжанныхъ мужествомъ и мудростію Великихъ Кня-

зей и Царей рода Рюрикова. Они, можно сказать, воскрешаютъ предъ взоромъ забытыя времена, сближая давноминувщее съ настоящимъ, и служатъ свидѣтельствомъ Русской славы, напоминая, что еще со временъ Олега и Святослава, Россія пріобрѣтала богатства побѣдами отъ народовъ, враждовавшихъ съ нею, а въ дни мира отъ первостепенныхъ Европейскихъ державъ: Императоровъ Греческихъ и Римскихъ, Королей Французскихъ, Венгерскихъ, Богемскихъ, Польскихъ, Шведскихъ, Норвежскихъ и Англійскихъ, съ коими соединена была родственными связями и политическими союзами, получала богатые дары и дани. Многія драгоцѣнности Востока перешли также въ сокровищницы государственныя, въ томъ числѣ славная жемчужина Крымскаго Хана Менгли-Гирея, шатеръ Казанскаго Царя Аминя, коему никто не могъ назначить цѣны — столь велики драгоцѣнности, его украшавшія! Вспомнимъ, что во время трехдневнаго торжествованія покоренія Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, издержано на одни награжденія до 400 пудовъ серебра въ дѣлѣ; что Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, въ день прибытія въ Москву Датскаго Принца Іоанна, послалъ къ нему царскій столъ на стѣ большихъ золотыхъ блюдахъ съ таковыми же покрышками; что во время его стана подъ Серпуховымъ, цѣлыя шесть недѣль ежедневно угощаемы были 10,000 человѣкъ царскимъ столомъ въ великолѣпныхъ шатрахъ на серебряной посудѣ....

Теперь укажемъ на любопытнѣйшія изъ драгоцѣнностей, ослѣпляющихъ глаза посѣтителя, въ недоумѣніи незнающаго, на что прежде обратить свое вниманіе: такъ все плѣнительно, великолѣпно, очарователь-

но! Начнемъ съ регалій, которымъ уваженіе къ древности ихъ и священному употребленію придаетъ титло Мономаховыхъ. Онѣ состоятъ: изъ шапки большаго и малаго наряда, скипетра, державы, креста и золотой цѣпи. Сіи регаліи служили для вѣнчанія на царство Русское Государей до Петра Великаго, а съ сего времени регаліи сіи выносятся на подушкахъ при Императорскихъ коронаціяхъ и погребеніяхъ. Судя по сходству работы и почерку буквъ надписей, должны быть отнесены къ симъ драгоцѣнностямъ и *царскія оплечья*, или *святыя бармы*, и *рѣзной тронъ*, сохраняющійся въ Успенскомъ Соборѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ антикваріевъ полагаютъ, что вѣнецъ втораго наряда принадлежитъ Великой Княгинѣ Ольгѣ, крестившейся въ Царѣградѣ, гдѣ получила она въ память сего событія корону, совершенно сходную съ вѣнцами Греческихъ императоровъ.

Оставляя любителямъ и знатокамъ древностей выводить догадки на счетъ историческаго происхожденія сихъ регалій, опишемъ просто наружный видъ ихъ, и замѣтимъ символическое значеніе креста, цѣпи и бармъ.

Большая шапка Мономахова, золотая, въ видѣ конуса, опушенная мѣхомъ, украшенная яхонтами, изумрудами, лаллами и бурмитскими зернами.

Его же шапка, втораго наряда, совершенно похожа и формою и украшеніями на первую.

Скипетръ Мономаховъ, золотой; яблоко его увѣнчано короною съ большимъ крестомъ, поддерживаемымъ по сторонамъ двуглавыми орлами. Онъ украшенъ алмазами, яхонтами и изумрудами; сверхъ того на немъ изображены чернью двѣнадцать дѣяній изъ Новаго Завѣта съ Греческими надписями.

Держава. Золотой шаръ, въ окружности 13 вершковъ. Промежутки, образовавшіеся между дощечками, па коихъ чернью изображены четыре событія изъ библейскихъ, относящіяся къ жизни Боговдохновеннаго Царя-Псалмопѣвца, осыпаны почти сплошь алмазами, яхонтами, изумрудами, бурмитскимъ и Кафинскимъ жемчугомъ.

Крестъ съ святыми мощами осыпанъ драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ. Таковые кресты надѣвались Царями Русскими не только при вѣнчаніи на царство, но и при всѣхъ торжественныхъ выходахъ, въ доказательство православія и соединенія въ державѣ ихъ власти духовной и свѣтской.

Цѣпь золотая, вѣсомъ 2 фун. 17 зол., длиною 2 арш. 2 вершка. Она служила символомъ неразлучнаго союза Монарха съ подданными, эмблемою силы и могущества во взаимной ихъ связи! Цари препоясывались златыми цѣпями крестообразно на оба плеча.

Бармы надѣвались сверхъ порфиры, что знаменовало бремя, тягость, возлагаемыя ими на рамена свои принятіемъ государственнаго правленія. Оплечья сіи имѣютъ видъ круглый и сдѣланы изъ глазетовой ткани, покрытой семью золотыми бляхами, которыя осыпаны драгоцѣнными камнями; на золотѣ представлены чернью разныя изображенія изъ Священнаго Писанія.

Послѣ сего обратимъ вниманіе на короны покоренныхъ Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Польскаго. *Первая* сдѣлана изъ сканнаго золота съ чернью и украшена драгоцѣнными каменьями. Яблоко состоитъ изъ огромной жемчужины съ таковымъ же яхонтомъ.

Корона царства Астраханскаго несравненно богаче первой, и отличается отъ прочихъ дугами поверхъ яблока.

Корона царства Сибирскаго отличается отъ всѣхъ другихъ запонками.

Корона послѣдняго Короля Польскаго, просто изъ золота, безъ всякихъ украшеній, была сдѣлана для церемоніи погребенія Станислава, скончавшагося въ С. Петербургѣ, въ 1798 году.

Наконецъ здѣсь хранится и корона *Грузинская*, подаренная Императоромъ Павломъ I Георгію, по присоединеніи Грузинскаго Царства къ Россійской державѣ. Она имѣетъ видъ особый отъ всѣхъ другихъ коронъ, ибо состоитъ изъ осьми золотыхъ дугъ, соединяющихся кольцами своими снизу и сверху яблока.

Засимъ привлекаютъ вниманіе богатоукрашенныя короны Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сколько по величинѣ лалла и шпинеля, составляющихъ яблоки надъ вѣнцами, столько и по небывалому до того событію, для коего онѣ были сдѣланы совершенно похожими одна на другую, и очевидно по образцу Мономаховой шапки. Но самый богатѣйшій изъ всѣхъ царскихъ вѣнцовъ есть *корона* Императрицы Екатерины I. Извѣстно, что Петръ — бережливый для себя, не любившій пышности, ничего не пощадилъ для придачи царскаго великолѣпія коронованію своей супруги. Онъ приказалъ для ея короны вынуть драгоцѣннѣйшіе камни изъ своей державы, а для яблока употребить величайшій въ свѣтѣ лаллъ, купленный, въ 1676 году, въ Пекинѣ, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, бывшимъ у Богдыхана Канг-хи Россійскимъ посланникомъ Спафаріемъ. Вѣнцемъ симъ въ

послѣдствіи короновались Петръ II и Императрица Анна Іоанновна. Онъ сдѣланъ сквознымъ, и имѣетъ видъ архіерейской митры.

Изъ скипетровъ, кромѣ Мономахова, сохраняются два подобныхъ: Царя Іоанна и Петра Алексѣевича, еще скипетры Польскаго Короля Станислава и Грузинскаго Царя Георгія.

Державъ также двѣ, сдѣланныя въ царствованіе Царей-братій: одна изъ нихъ богаче.

Царскихъ крестовъ, кромѣ Мономаховскаго, три, а золотыхъ цѣпей девять, въ томъ числѣ орденскіе знаки Св. Андрея Первозваннаго, которые носилъ учредитель сего ордена, Петръ Великій.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и крестъ, принадлежавшій знаменитому Д'Обиссону, бывшему Мальтійскимъ гросмейстеромъ въ 1476 году, и прославившемуся отраженіемъ отъ стѣнъ Родоса полчищъ Магомета II. Крестъ сей потомъ былъ возложенъ на храбраго Валета, избраннаго въ Гросмейстеры въ 1557 году. Онъ поднесенъ Императору Павлу I въ торжественной аудіенціи полномочнымъ посломъ Мальтійскимъ Гр. Литтою, когда Россійскій Монархъ принялъ на себя званіе Великаго Магистра сего древняго ордена. Крестъ сей нѣсколько вѣковъ считался важнѣйшимъ сокровищемъ Мальтійскаго Ордена.

Изъ царскихъ одѣяній, хранимыхъ въ Оружейной Палатѣ, древнѣйшее есть *далматикъ, кабатъ* или порфира Великаго Князя Іоанна Васильевича. Она сдѣлана изъ малиноваго бархата, усыпаннаго жемчугомъ. Въ семъ одѣяніи, въ которое облекались Россійскіе Государи при вѣнчаніи своемъ на царство, они совершали обрядъ, также заимствованный отъ Греческихъ Импера-

торовъ: по совершеніи торжества царскаго вѣнчанія, шествовали въ Архангельскій Соборъ на поклоненіе гробамъ Августѣйшихъ Предковъ своихъ — да въ первыя минуты величія царскаго припоминаютъ себѣ о часѣ смертномъ, о тлѣнности земной славы и о безсмертіи добродѣтели.

Становый кафтанъ Царя Іоанна Васильевича сохраняется 290 лѣтъ безъ малѣйшаго поврежденія: онъ сдѣланъ изъ парчи необыкновенной плотности, и какъ будто кованый изъ золота. Подобный же *кафтанъ* Царя Михаила Ѳеодоровича. Какъ тотъ, такъ и другой, весьма сходны покроемъ съ архіерейскими саккосами.

Кружева съ порфиры Царя Іоанна Васильевича. Они сдѣланы изъ золота и украшены алмазами и яхонтами. Такими кружевами обшивали царскіе кафтаны по рукавамъ и по краямъ.

Двѣ пары драгоцѣнныхъ *нарукавниковъ* Царя Ѳеодора Іоанновича.

Становый кафтанъ Петра I, сдѣланный къ восшествію Его на престолъ, въ 1682 году. Онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что былъ послѣднимъ; ибо послѣ его становые кафтаны замѣнены *мантіями*, изъ золотаго глазета съ двуглавыми орлами, и подбитыми горностаемъ.

Въ числѣ Императорскихъ вѣнчальныхъ облаченій, сохраняется и нѣсколько вещей изъ платья Петра Великаго. Его Польскій красный кафтанъ, шкиперское платье, которое носилъ онъ въ Сардамѣ, и ботфорты, бывшіе на немъ въ достопамятную Полтавскую битву.

Послѣ сего любопытство посѣтителей обращается на *царскіе троны*. Разсмотримъ ихъ съ подробностію.

1) *Греческія кресла*, рѣзныя изъ слоновой кости, поднесены были въ 1478 году Великому Князю Іоанну Васильевичу Греческимъ посломъ, при поздравленіи его съ бракосочетаніемъ съ Царевною Софіею, послѣднею отраслію Константинопольскаго Императорскаго Дома, дочерью Ѳомы Палеолога. Полагаютъ, что тронъ сей принадлежалъ Императору Еммануилу II, и укрытъ, въ числѣ немногихъ государственныхъ сокровищъ, отъ завоевателей Греческой Имперіи.

2) *Кресла Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова*, присланныя въ даръ отъ Персидскаго Шаха Абаса, въ 1605 году. Они обложены золотыми листами, и украшены драгоцѣнными каменьями, бирюзою и жемчугомъ.

3) Золотыя кресла Царя Михаила Ѳеодоровича.

4) Такъ называемыя *алмазныя кресла*, поднесенныя Царю Алексѣю Михайловичу, въ 1653 году, торговою въ Испагани Армянскою компаніею.

Всѣ сіи троны употребляются въ Успенскомъ Соборѣ и въ Грановитой Палатѣ при коронаціяхъ, а въ древнія времена выносились за Царями и на прочія пиршества, въ палаты при пріемѣ пословъ, на Лобное Мѣсто, на Красную Площадь, и т. п.

5) Тронъ совокупно царствовавшихъ Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сдѣланъ въ Гамбургѣ изъ литаго серебра. Въ спинкѣ трона небольшое отверзтіе, закрытое парчею, устроено было, по преданію, для Царевны Софіи Алексѣевны, правительствовавшей въ продолженіе малолѣтства обоихъ Государей.

Въ собраніи *посоховъ*, *тростей* и *жезловъ*, конечно, самый любопытный есть посохъ Великаго Князя

Александра Невскаго. Къ усугубленію его исторической достопамятности принадлежитъ еще то, что когда Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ избранъ былъ на царство, при отправленіи въ Ипатіевскій Монастырь посольства отъ всѣхъ чиновъ, посохъ сей былъ препровожденъ къ нему для врученія, какъ избранному Царю, въ завѣтъ самодержавной власти. По записнымъ книгамъ о *царскихъ выходахъ* видно, что посохъ сей въ послѣдствіи былъ подаваемъ Царямъ въ дни Свѣтлаго Воскресенія, Рождества Христова и при другихъ особенныхъ торжествахъ. Нельзя не замѣтить также *причастнаго посоха*, обложеннаго перломутромъ. Онъ напоминаетъ обыкновеніе Царей Русскихъ во время говѣнья облачаться въ одѣяніе особеннаго рода, которое называлось *причастнымъ*.

Остальныя вещи состоятъ изъ великаго множества драгоцѣнныхъ сосудовъ разнаго рода и вида, золотыхъ, серебряныхъ, изъ восточнаго хрусталя и оникса, осыпанныхъ алмазами, яхонтами, жемчугомъ, присланныхъ въ даръ отъ иностранныхъ Государей и поднесенныхъ отъ усердія бояръ и частныхъ людей, съ замѣчательными надписями и важными историческими событіями.

Не оставьте сего отдѣленія, не обративъ вниманія на серебряный вызолоченый ковчегъ, сдѣланный при Екатеринѣ Великой, для храненія подлинника Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Сія драгоцѣнная для каждаго Русскаго хартія написана на столбцѣ мѣрою болѣе 400 саженъ, съ 3000 подписей.

Другая половина дома Оружейной Палаты, состоящая также изъ длинной колоннады и залы съ полукруглымъ отдѣленіемъ позади, посвящена собранію

оружій и разныхъ воинскихъ доспѣховъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, Европейскихъ и Азіятскихъ, богатыхъ по украшеніямъ своимъ, безцѣнныхъ по достоинству воспоминаній, и замѣчательныхъ по величинѣ и малости. Къ сожалѣнію, весьма мало сохранилось объ нихъ археологическихъ свѣдѣній, а потому укажемъ только на извѣстные и любопытнѣйшіе.

Регаліи занимаютъ первое мѣсто; ихъ составляютъ:

I. *Государственный щитъ.* Онъ имѣетъ въ діаметрѣ 13¼ вершковъ, украшенъ лаллами, яхонтами, изумрудами, бирюзою и золотою насѣчкою; работы Азіятской. Щитъ сей извѣстенъ со временъ Великаго Князя Мстислава, вступившаго на Кіевскій престолъ въ 1125 году.

II. *Императорскій мечъ.* Онъ длиною 1 аршинъ, 13½ вершковъ. Клинокъ его во всю длину украшенъ богатою золотою насѣчкою, а рукоять орлиными головами съ коронами.

III. *Государственное знамя.* Оно сдѣлано изъ желтаго атласа, и обложено кругомъ золотымъ позументомъ съ такою же бахрамою; по срединѣ вышитъ гербъ Россійскій, окруженный по сторонамъ гербами всѣхъ губерній. Знамя длиною 2½, а шириною 2 аршина; древко съ копьемъ 4 арш. Въ прежнія времена, оно употреблялось во всѣхъ походахъ, подъ названіемъ хоругви, и означало присутствіе Царя въ лагерѣ, а нынѣ съ прочими регаліями выносится только во время коронацій и на погребеніяхъ Государей, однимъ изъ знатнѣйшихъ военныхъ сановниковъ.

Между знаменами замѣчательно *знамя Царя Іоанна Васильевича*, развѣвавшееся предъ стѣнами упорной Казани. Оно цвѣтомъ лазоревое, съ золотыми звѣздами; по срединѣ въ кругу изображенъ Саваоѳъ съ надписью: «*Царь Царемъ и Господь Господемъ. За Спасомъ воинство небесное идяху въ слѣдъ за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облечени въ виссонъ бѣлъ и чистъ.*»

Десять знаменъ *Царя Алексѣя Михайловича*, разнообразныхъ, какъ цвѣтомъ, такъ и мѣрою, украшенныхъ то эмблеммами, то избранными краткими изреченіями изъ Священнаго Писанія, принадлежали, вѣроятно, регулярнымъ полкамъ, заведеннымъ симъ Государемъ.

Знамя Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго, какъ увѣряютъ, есть то самое, съ которымъ въ знаменитую Куликовскую битву палъ доблестный Брянскій, не выпустивъ его изъ рукъ. По срединѣ онаго изображенъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, а подъ нимъ лики Св. великомученика Георгія, преподобнаго Сергія и Архистратига Михаила.

Обратимъ еще благоговѣйный взглядъ на *знамя* Князя Пожарскаго, развѣвавшееся на стѣнахъ спасенной имъ Москвы. Оно малиноваго цвѣту. На одной сторонѣ изображенъ Господь Вседержитель, а на другой Архистратигъ Михаилъ и Іисусъ Навинъ, стоящій предъ нимъ на колѣняхъ; кругомъ приличныя надписи изъ Священнаго Писанія.

Сія достопримѣчательная хоругвь до 1827 года хранилась въ церкви села Пуриха, нѣкогда принадлежавшаго Князю Пожарскому, въ кіотѣ надъ святыми вратами. Жители окрестныхъ мѣстъ имѣли къ ней великое благоговѣніе.

Оружіе представляетъ также множество любопытныхъ и достопримѣчательныхъ предметовъ, начиная съ *доспѣховъ Димитрія Донскаго*, въ которые облекался побѣдитель Мамая въ юношескихъ лѣтахъ своихъ, пріучая мощное тѣло свое къ перенесенію подвиговъ ратныхъ. Здѣсь остановитесь передъ *шлемами* 1) *Св. Александра Невскаго*, сдѣланнымъ изъ гладкой стали, съ иконою Архистратига Михаила, и 2) Казанскаго Царя Шихъ-Алея, также стальнымъ и украшеннымъ бирюзою. По краямъ его Арабская надпись.

Булавы у всѣхъ народовъ были знакомъ повелительства, а восточными властителями употреблялись вмѣсто скипетра. Римское оружіе, alcides, сходствуетъ съ булавами, которыя у насъ назывались *буздыханами, пернатами, шестоперами*, по виду ихъ яблоковъ, или наконечниковъ. Орудій сихъ разнаго рода и достоинства находится великое множество. Одни достались Государямъ по праву владѣнія; другія сдѣланы нарочно въ память значительнѣйшихъ завоеваній; остальныя получены изъ покоренныхъ странъ, или присланы въ даръ отъ разныхъ владѣльцевъ. Иногда сами Государи жаловали булавами, какъ бояръ своихъ въ знакъ полномочія при отправленіи въ дальнія воеводства, такъ и главныхъ воеводъ для предводительства войсками. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

1) *Новгородская булава*, бывшая знакомъ посадника; сдѣлана изъ чистаго золота, съ 12-ю перевивающимися полосами. На верху огромный яхонтъ, а въ рукояткѣ по финифти изумруды и яхонты. Въ оконечность вставлена бирюза.

2) *Лифляндская*, принадлежавшая Лифляндскимъ рыцарямъ, и поднесенная, въ 1577 году, Королю Ма-

гнусу гражданами Кокенгузена, въ чаяніи пощады отъ приближавшагося съ великою силою грознаго Царя Іоанна Васильевича. Она яшмовая, съ золотыми украшеніями сканной работы; на верхушкѣ большой граненый изумрудъ.

3) *Казанская,* принадлежавшая Мегметъ-Аминю. Также яшмовая, восточной работы, украшенная яхонтами и изумрудами.

4) *Гетмана Богдана Хмельницкаго,* поднесенная имъ, въ 1654 году, Царю Алексѣю Михайловичу при вступленіи съ Малороссіею въ подданство Россіи. Булава сія изъ порфира, съ наконечникомъ, имѣющимъ видъ яблока, и также украшена яхонтами и изумрудами.

5) *Польскихъ Конфедератовъ,* принадлежавшая начальнику мятежныхъ войскъ Вавржецкому. Она сдѣлана изъ листоваго золота и украшена бирюзами и другими драгоцѣнными каменьями.

6) *Сибирская* — булатная, съ рукоятью, обдѣланною серебромъ. Она досталась Ермаку съ сокровищами Кучума.

7) *Хрустальная,* поднесенная въ Астраханѣ Маринѣ, женѣ двухъ Лжедмитріевъ, отъ имени Шаха-Аббаса.

8) *Грузинскій буздыханъ,* поднесенъ былъ Царю Алексѣю Михайловичу, въ 1658 году, Грузинскимъ Царемъ Теймуразомъ, въ изъявленіе подданства его со всею Грузіею.

9) *Два желѣзныхъ шестопера,* отобранные, въ 1675 году, у Калмыцкихъ Тайшей.

Знатоки и любители рѣдкаго и древняго оружія находятъ въ собраніи при Оружейной Палатѣ много

отличнаго и драгоцѣннаго всѣхъ вѣковъ и достоинствъ. Таковы: сабля Греческаго Императора Константина, мечъ Мстислава храбраго, сабля Владиміра Мономаха, булатъ съ перломутровымъ ефесомъ, присланный отъ Порты, въ числѣ даровъ, по случаю перваго мира 1773 года, сабля Грознаго съ желобомъ по срединѣ, по коему катается жемчужина, колчаны Царей Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳеодоровича, старинное ружье, необыкновенной красоты и изящества; наконецъ двѣ шпаги Петра Великаго.

Покровы на сани, чапраки и *сѣдла* изумляютъ своимъ богатствомъ, а съ нѣкоторыми соединены и историческія воспоминанія. Таково, напримѣръ, сѣдло патріаршее, употреблявшееся въ торжественномъ церковномъ шествіи въ Вербную Недѣлю; Царь велъ за узду коня, на которомъ ѣхалъ первосвятитель, въ воспоминаніе входа Господня во Іерусалимъ.

Заключимъ прогулку по верхнему этажу Оружейной Палаты указаніемъ двухъ предметовъ, надъ коими можетъ остановиться и чтитель героисма, и наблюдатель превратности человѣческаго счастія: это Шведскія литавры, взятыя на Полтавскомъ полѣ, и носилки Карла XII, на коихъ носимъ былъ сей герой, получивъ незадолго предъ битвою рану въ ногу.

Въ нижнемъ этажѣ сохраняется модель огромнаго дворца, который Императрица Екатерина II предполагала воздвигнуть въ Кремлѣ въ 1767 году, или лучше сказать, который долженствовалъ занять все пространство Кремля, заключающееся между Спасскими и Троицкими Воротами, такъ, что соборы, монастыри и колокольня Ивана Великаго составили бы только принадлежность сего исполинскаго зданія, ко-

торое, бывъ окончено по предположенному плану, превзошло бы размѣромъ и великолѣпіемъ все доселѣ извѣстное въ семъ родѣ. Говорятъ, что на сооруженія сего дворца требовалось болѣе 50-ти милліоновъ рублей, и одна модель стоила до 60 тысячъ рублей. Ближайшее разсмотрѣніе сего произведенія убѣждаетъ болѣе и болѣе въ высокомъ, необыкновенномъ дарованіи Баженова, который показалъ здѣсь творческій геній, роскошное воображеніе и уроки опытнаго зодчаго, соединивъ во всякомъ отдѣленіи приличную красоту и удобность.

На другой половинѣ нижняго этажа помѣщено хранилище рукописей Палаты. Оно содержитъ болѣе 8000 столбцевъ и 1250 рукописныхъ книгъ. Содержаніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, относится преимущественно до дворцовой части и состоитъ изъ описей вещамъ, которыя собственно принадлежали Царямъ, Царицамъ и Царевнамъ, и изъ книгъ ихъ приходовъ и расходовъ. Дворцовыя записки весьма близко могутъ ознакомить съ образомъ жизни Государей Русскихъ, а изъ описей видно, какія доставлялись тогда отъ разныхъ мѣстъ и городовъ приношенія и дары, также отъ пословъ и другихъ лицъ; изъ расходныхъ книгъ также можно усмотрѣть что и сколько отпускаемо было въ жалованье придворнымъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, чѣмъ Цари жаловали, и за какія отличныя службы.

Всѣ сіи предметы, передавая въ вѣрной картинѣ бытъ нашихъ предковъ, оживляя давноминувшее, принадлежатъ къ драгоцѣнному достоянію Русской Исторіи.

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

Село Коломенское.

СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ.

Если окрестности Москвы не имѣютъ ничего особенно разительнаго со стороны искусствъ или древностей, чѣмъ отличаются многія изъ столицъ Европы, то нѣтъ путешественника, который не сознался бы, что онъ мало гдѣ встрѣчалъ положенія миловиднѣе, окрестностей Москвы; что подмосковныя нашихъ богачей не уступаютъ паркамъ Лондонскимъ, замкамъ близъ Парижа, вилламъ въ окрестностяхъ Рима или Неаполя. Для Русскаго онѣ дѣлаются еще прелестнѣе многими воспоминаніями старины, а часто и народной славы.

Дорога въ Коломенское, чрезъ Серпуховскую Заставу, очень пріятна и богата роскошными сельскими картинами и разнообразными видами древней столицы. Мѣстоположеніе Коломенскаго также счастливо

избрано для загороднаго дворца: село это расположено на возвышенномъ берегу Москвы рѣки, откуда всѣ окрестности открываются на большое пространство, и древняя столица представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ. Вѣроятно, эта высота и близость разстоянія, 7 верстъ, причиною, что Коломенское постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, было любимымъ лѣтнимъ пребываніемъ Русскихъ Царей, а при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ славилось своимъ великолѣпіемъ, которому удивлялись и иностранцы, что видно изъ донесеній полномочныхъ Польскихъ пословъ Гнинскаго и Бротовскаго къ Польскому Королю, въ 1672 году.

Къ сожалѣнію, Коломенское бѣднѣе всѣхъ другихъ мѣстъ древними памятниками; не только нѣтъ тамъ и слѣдовъ палатъ Царя Іоанна Васильевича, но и знаменитые чертоги Алексѣя Михайловича исчезли совершенно, а отъ дворца Екатерины Великой осталось только одно каменное основаніе! Призовемъ же на помощь воспоминаніе, и съ воображеніемъ, симъ свѣтильникомъ любопытства, — постараемся, хотя по слабымъ признакамъ, оживить древность, собрать въ одну картину событія, соединенныя съ исторіею Коломенскаго.

Съ первымъ шагомъ на красный дворъ царскій, вступая чрезъ дубовыя ворота, украшенныя рѣзьбою, и по преданію воздвигнутыя при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, видишь прямую дорогу ко дворцу царскому; теперь кусты сирени означаютъ мѣсто великолѣпныхъ палатъ Царя Алексѣя Михайловича. Замѣчательно, что рисованное изображеніе этого дворца и самое правильное, самое отчетистое, находится въ Британскомъ

Музеумѣ. Англичане съ любопытствомъ распрашиваютъ Русскаго путешественника о чудныхъ, остроглавыхъ, узорчатыхъ минаретахъ, о башнѣ съ шестью теремами и о прочихъ отличительностяхъ сего дворца; но только на-угадъ можно указать высокую свѣтлицу, гдѣ воспитывалась хитрая и прелестная Царевна Софія Алексѣевна; комнаты, въ которыхъ Петръ приготовлялся къ торжеству послѣ взятія Азова и послѣ побѣды подъ Полтавою; назначить золоченныя окошки въ покояхъ прекрасной, умной Царицы Наталіи Кириловны, и тотъ теремъ, гдѣ родилась Императрица Елисавета Петровна. Но когда вниманіе любопытныхъ обратится на каменный невысокій столбъ, представленный здѣсь предъ широкими окнами *опочивальни* царской, то Русскій съ гордостію объяснитъ почтенное назначеніе онаго и заставитъ удивляться доброму Царю Русскому, который, съ первымъ лучемъ свѣтила небеснаго, начиналъ день свой милостію и правосудіемъ. У столба сего дожидались пробужденія царскаго утѣсненные и недовольные рѣшеніями Приказовъ, и увидѣвъ Государя у окошка, низко кланялись ему и оставляли на столбѣ свои челобитныя, которыя въ тотъ же день просматривалъ мудрый Царь Алексѣй Михайловичъ! Неумолимое время не пощадило и сего памятника царственныхъ доблестей; однако же можно догадываться, что этотъ почтенный столбъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ, въ 38 шагахъ отъ Вознесенской церкви, въ виду царской опочивальни.

Старинный дворецъ за ветхостію разломанъ, въ 1776 году. Екатерина, уважавшая отечественныя древности, повелѣла снять съ него вѣрнѣйшую модель

и подробные планы. Изъ нихъ видно, что великолѣпный Коломенскій дворецъ увеличиваемъ былъ по временамъ разными пристройками безъ соразмѣрности и порядка, соединявшимися между собою корридорами и переходами. Въ обоихъ этажахъ онаго заключалось болѣе 150 комнатъ, большихъ и малыхъ.

Вступая на крыльцо древней, донынѣ сохранившейся въ цѣлости церкви Вознесенія Господня, переходишь изъ мечтательности въ нѣкоторую существенность. Храмъ сей представляетъ каменную башню въ 25 саженъ вышины (до креста), которая составляетъ и церковную главу и колокольню. Она окружена широкою папертью, или открытою галереею. Въ сей послѣдней каждый Русскій съ любопытствомъ смотритъ на каменныя кресла царскія, придѣланныя къ алтарной стѣнѣ. Сюда, по старому преданію, добрый Царь выходилъ изъ церкви отдыхать и провождать нѣсколько часовъ въ духовныхъ бесѣдахъ, имѣя предъ глазами своими бѣлокаменную столицу и природу во всей красотѣ ея лѣтнихъ богатствъ. Внутренность церкви, кромѣ огромности, ничего не имѣетъ отлично замѣчательнаго, ничего, что бы осталось на память прежняго ея великолѣпія, хотя видно изъ хранящейся здѣсь записки, что отецъ Іоанна Грознаго воздвигъ храмъ сей въ 1531 году, *украсивъ его многоцѣнными сосудами и святыми образами съ златомъ, сребромъ и дорогими каменьями, и что не было во всей Россіи церкви подобной высотою, красотою и свѣтлостію.*

Склоненіе башни къ главѣ начинается почти съ половины высоты, и отсюда до креста прикрѣплена желѣзная цѣпь, вмѣсто лѣстницы. Сказываютъ, что почти въ каждый приходскій праздникъ вызкивается

смѣльчакъ, который, ударясь объ закладъ, взбирается, при всеобщей похвалѣ и удивленіи народа, на эту ужасную высоту, и по той же цѣпи спускается внизъ, что однако жъ и самые удалые считаютъ чрезвычайно опаснымъ и страшнымъ.

И другая церковь, во имя Казанскія Пресвятыя Богоматери, находится въ цѣлости. Она замѣчательна тѣмъ, что построена Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ память избавленія Москвы отъ Поляковъ, и принадлежала къ Коломенскому дворцу, изъ котораго и проведены были въ нее длинные, покойные переходы изъ обоихъ ярусовъ зданія.

Что сказать о дворцѣ Екатерины Великой? — Оставшійся фундаментъ показываетъ, что онъ не былъ обширенъ, а нѣкоторые старожилы увѣряютъ, что и внутренность его не представляла ничего великолѣпнаго; но за то мѣсто для него было избрано самое открытое и прекрасное, на крутомъ берегу рѣки Москвы, нѣсколько влѣво отъ Вознесенской Церкви, и память его украшается событіями важными для Россійской исторіи. Здѣсь сочиненъ былъ Великою Царицею безсмертный наказъ; отсюда Она всякій разъ, во время своего пріѣзда въ первопрестольную столицу свою, переѣзжала торжественно по древнему царскому обычаю, въ Кремлевскій Дворецъ.

Можно считать справедливымъ, что Село Коломенское основано выходцами изъ города Коломны, которые спасаясь отъ нашествія Татаръ, въ 1237 году, приплыли сюда на ладьяхъ своихъ по теченію рѣки, и узнавъ о раззореніи и опустошеніи непріятелемъ своей отчизны, остались здѣсь навсегда. Вѣроятность сего мнѣнія подтверждается, какъ самымъ названіемъ

Коломенскаго, такъ и охотою къ садоводству выходцевъ изъ Коломны, чѣмъ изстари славился сей городъ. Они, по привычкѣ, не принимались за хлѣбопашество, а завели сады и огороды, что по близости столицы приноситъ имъ, до сего времени, большія выгоды.

Село Коломенское всегда славилось плодовыми садами своими, которые отдаются на откупъ за нѣсколько тысячъ рублей на лѣто. Проходя сплошными вишневыми аллеями, можно вообразить, сколько въ прежнія времена онѣ были обширны и изобильны, а огромные Сибирскіе кедры и вѣтвистые дубы свидѣтельствуютъ, что сады сіи разведены уже нѣсколько столѣтій; но любопытство здѣсь останавливается преимущественно на двухъ достопамятныхъ предметахъ: на древнемъ дубѣ, подъ которымъ, по преданію, Зотовъ обучалъ въ лѣтнее время грамотѣ юнаго Петра I, и на тѣнистомъ кедрѣ, подъ сѣнію коего, въ 1787 году, также учился Александръ I. Нельзя быть равнодушнымъ при видѣ столь драгоцѣнныхъ памятниковъ; нельзя не пожелать, чтобъ они были замѣчены для всѣхъ, ибо конечно не только Русскій, но и всякой иностранецъ остановится съ благоговѣніемъ предъ сими живыми свидѣтелями начальнаго образованія двухъ великихъ Монарховъ Сѣвера; сіе случайное сближеніе событій, не было ли предзнаменованіемъ той славы, которою озарился потомокъ Великаго?

Подлѣ глубокаго рва нижняго сада, показываютъ еще столѣтнюю ясень, служившую мишенью для Императора Александра, когда онъ учился здѣсь стрѣлять изъ ружья и пистолета. И доселѣ видны на ней скважины.

Петръ Великій любилъ Коломенское болѣе всѣхъ другихъ лѣтнихъ дворцевъ. Извѣстно, что сюда ѣздилъ онъ, въ 1691 году, впервые водою изъ Москвы, на яхтѣ, построенной Брандтомъ; отсюда два раза, торжественно, въѣзжалъ онъ въ Москву, въ 1695 году, по возвращеніи изъ Азовскаго похода, и въ 1709, одержавъ побѣду Полтавскую. Въ одной изъ палатъ древняго царскаго дворца хранилась колыбель Петра I, и это подало, кажется, поводъ А. П. Сумарокову почесть Коломенское мѣстомъ рожденія великаго Монарха, и сочинить слѣдующую надпись:

«Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско Село,
«Которое на свѣтъ Петра произвело!
«Ты счастья нашего источникъ и начало:
«Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло;
«Младенца, коего ты зрѣло въ пеленахъ,
«Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ,
«И океанъ ему подъ область отдалъ воды,
«Дрожали отъ него всея земли народы.»

И многія другія эпохи въ исторіи нашей относятся къ знаменитымъ воспоминаніямъ Коломенскаго. Оно принадлежало нѣкогда знаменитому брату и сподвижнику Донскаго, Владиміру Андреевичу Храброму. Тамъ же былъ священникомъ тотъ властолюбивый *Митяй*, который ознаменовалъ себя въ послѣдствіи присвоеніемъ самовольно бѣлаго клобука, сего отличія первосвятителей церкви. Въ Коломенскомъ жилъ почти мѣсяцъ Ханъ Едигей, готовясь на приступъ къ Москвѣ. Въ Коломенскомъ, Царь Іоаннъ Васильевичъ получилъ, 29 Августа 1554 года, извѣстіе о завоеваніи Астраханскаго Царства. Здѣсь ежегодно праздновалъ онъ, съ царскимъ великолѣпіемъ, день своего рожденія и тезоименитства. Коломенское служило главнымъ

сборнымъ мѣстомъ ополченія Казы-Гирея, приступавшаго къ Москвѣ въ 1591 году; тамъ же, близъ рѣчки Сѣтуни, становились станомъ первый и второй Лжедимитріи, и въ 1610 году, Жолкевскій. Вѣроятно Татары или Поляки способствовали къ разрушенію любимыхъ теремовъ Грознаго Іоанна. Но мрачныя воспоминанія смѣняются пріятными. Царь Алексѣй Михайловичъ часто забавлялся въ Коломенскомъ соколиною охотою, которую онъ любилъ страстно, и здѣсь также совершался пріемъ въ сокольники, по особенному, весьма замѣчательному обряду. Въ 1668 году, составлена книга, называемая *Урядникъ*, *новое уложеніе и устроеніе сокольничьяго пути*, съ собственноручными замѣчаніями Царя, и съ отмѣткою, что «Зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя.» По уставу, новопожалованный сокольничій долженъ принимать кречета на руку *образцово, красиво, бережно, осторожно, смѣло, весело, радостно, надежно, сановито*, и проч. Малолѣтные Цари Іоаннъ и Петръ, при новыхъ возмущеніяхъ стрѣльцовъ въ Москвѣ, 1-го Сентября 1682 года, отвезены были сначала для безопасности Царицею Натальею Кириловною въ Село Коломенское. Императоръ Петръ II часто тѣшился здѣсь псовою и соколиною охотою, которая была обыкновенною забавою того времени.

Дочь Петра Великаго, родясь въ Коломенскомъ, тщательно поддерживала древній дворецъ своихъ предковъ, и во время пребыванія своего въ Москвѣ нерѣдко пріѣзжала сюда, съ пышнымъ Дворомъ своимъ, праздновать по старинному царскому чиноположенію.

Царицыно

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ЦАРИЦЫНО.

Царицыно находится въ 16 верстахъ отъ Москвы. Прежде въ него проведена была изъ Коломенскаго прямая широкая аллея, усаженная березками; но какъ въ послѣдствіи проѣздъ по ней сдѣлался неудобнымъ отъ поврежденія мостовъ, то теперь въ Царицыно ѣздятъ старою Каширскою дорогою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, замѣчаешь открывающіяся въ густой зелени черныя высокія башни. Неужели это Царицыно? спрашиваешь самого себя, мѣсто удовольствій, радостей, представляющееся воображенію миловиднымъ, привлекательнымъ, куда въ лѣтніе дни пріѣзжаютъ Москвичи цѣлыми семействами, отдохнуть, повеселиться, не смотря на дальность разстоянія отъ столицы? И чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Царицыну, тѣмъ кажется оно угрюмѣе. Мрачный видъ готическихъ зданій оживляетъ мысль о древнихъ рыцар-

скихъ замкахъ. Но вдругъ видъ сей, не теряя своей величественности, перемѣняется въ самый пріятный, когда въѣдешь въ предѣлы замка, на чистый, зеленый лугъ, замѣняющій красный дворъ. Тутъ можно сказать съ Жуковскимъ.

«Надъ озеромъ стѣны
«Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
«Прибрежны дубравы
«Склонялись къ водамъ,
«И стлался кудрявый
«Кустарникъ, по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Готическая архитектура, кажется, чрезвычайно соотвѣтствуетъ большимъ зданіямъ: любишь пробираться этими узкими переходами, предаваться мечтамъ, расхаживая по висячимъ галереямъ, взбираться потаенными лѣсенками въ уединенные терема. Даже мракъ подземныхъ склеповъ возбуждаетъ какой-то пріятный, таинственный трепетъ. Подъ этими смѣлыми сводами воображеніе получаетъ новыя силы, нѣкую выспренность, полетъ — и человѣкъ дышитъ свободнѣе. Вотъ, кажется, причины, отъ чего готическое зодчество въ особенности нравилось Екатеринѣ Великой! Купивъ отъ Кантемира, въ 1774 году, Царицыно, Государыня приказала знаменитому Баженову представить себѣ планъ для готическаго дворца; но между тѣмъ, завистники великаго дарованія успѣли оклеветать его при Дворѣ: планъ отданъ былъ для нѣкоторыхъ измѣненій и исполненія другому архитектору, который, не постигая истиннаго Мавританскаго вкуса, сдѣлалъ изъ дворца нѣчто неопредѣленное, смѣшанное. Недостатки сіи въ особенности замѣчательны при сравненіи его съ мостомъ и нѣко-

торыми другими зданіями, построенными по плану Баженова. Съ перваго взгляда отличаешь ихъ отъ прочихъ, узнаешь зодчаго, признаннаго первоклассньмъ во всей Европѣ (*).

Сады здѣшніе очень пріятно расположены, въ Англійскомъ вкусѣ, на берегахъ нѣсколькихъ прудовъ; вода въ нихъ всегда чиста и прозрачна; пруды составились отъ сліянія двухъ рѣчекъ и называются: Орѣховскимъ, Лазаревскимъ, Верхнимъ, Хохловскимъ, Шипиловскимъ и Царебрисовскимъ. На двухъ послѣднихъ устроены мельницы. Лодка съ двумя гребцами, которую содержитъ отставной инвалидъ, готова для удовольствія посѣтителей: они могутъ объѣхать всѣ пруды, и пользуясь пріятностію прогулки по водѣ, любоваться многими видами, которые иначе были бы закрыты отъ ихъ взора.

Зелень въ саду подобрана съ особеннымъ искусствомъ. Нѣсколько бесѣдокъ приготовлено въ такомъ видѣ, что пріѣзжающіе сюда для гулянья, могутъ располагаться въ нихъ даже съ нѣкоторымъ хозяйствомъ. При каждой есть небольшая особая кухня. Лучшая изъ бесѣдокъ *Миловида*. Каменная сквозная арка ея, составляющая залу, украшена довольно хорошими, мраморными бюстами. Есть преданіе, что счастливое названіе бесѣдки сей, *Миловидою*, дано самою Екатериною. И дѣйствительно, ни откуда не представляются виды милѣе, привлекательнѣе.

Прочія бесѣдки называются: *Езопкою, хижинкою* и т. п.; многія изъ дорожекъ и аллей также отли-

---

(*) Доселѣ показывается въ Римѣ, какъ лучшій проектъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы въ Капитолій.

чаются замысловатыми прозвищами, въ томъ числѣ самая сѣнистая и темная изъ сихъ послѣднихъ извѣстна подъ именемъ *Несторовой*. Езопка сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою, что напоминаетъ деревни Барабинской степи, выстроенныя подобнымъ образомъ.

Нельзя не пожалѣть, что сломанъ старый боярскій домъ знаменитаго Кантемира. Роскошная купальня, воздвигнутая на его развалинахъ, не можетъ замѣнить сей утраты.

Царицыно было подарено Кантемиру Петромъ Великимъ, который, какъ извѣстно, столь много цѣнилъ его къ себѣ преданность и усердіе, что готовъ былъ скорѣе разрушить мирные переговоры при Прутѣ или отдать Туркамъ земли до Курска, чѣмъ выдать Кантемира. Здѣсь глубокомысленный Князь Димитрій, въ мирѣ и тишинѣ, предавался любимой страсти своей наукамъ и словесности. Здѣсь получилъ первоначальное образованіе и проводилъ счастливые дни дѣтства и славный сынъ его, Антіохъ, первый Россійскій поэтъ, которому и донынѣ не находимъ равнаго въ остроуміи и полезной цѣли сатиры, который былъ образцемъ просвѣщенія и образованности своего вѣка.

Царицынскія оранжереи находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ окрестностяхъ Москвы онѣ не имѣютъ равныхъ себѣ, ни по обширности своей, ни по достоинству лелѣемыхъ въ нихъ плодовъ.

Въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій, которое издали представляется развалиною, помѣщается гостиница. Пріѣзжающіе для прогулки въ Царицыно находятъ въ ней довольно хорошій и дешевый обѣдъ.

VI

Троицкая — Сергіева Лавра

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКАЯ
ЛАВРА.

Сергіевская Лавра отстоитъ отъ Москвы въ 65 верстахъ; но не смотря на это, дорога къ ней, во всякое время покрыта экипажами и странниками, какъ на многолюдной улицѣ столицы. Нельзя удивляться этому, вспомнивъ, сколько сія обитель имѣетъ правъ на благоговѣніе, признательность и любовь Россіянъ, когда съ важнѣйшими историческими событіями, со многими безцѣнными памятниками славы и величія отечества, соединяются разительныя свидѣтельства святости сего мѣста, умилительные примѣры благодати къ прибѣгающимъ подъ кровъ ея въ немощахъ тѣлесныхъ и скорбяхъ душевныхъ, кто бы они ни были: великій земли или сирый нищій, царедворецъ ли, притекшій на великолѣпной колесницѣ, или усталый странникъ,

пришедшій, съ посохомъ въ рукѣ, изъ отдаленнѣйшихъ концевъ Россіи. По этому и обозрѣніе Троицкой Лавры должно быть представлено съ трехъ сторонъ. Начнемъ съ краткаго очерка дѣяній благочестиваго основателя сей обители, что вмѣстѣ будетъ исторіею святыни.

Въ началѣ княженія Симіона Іоанновича Гордаго, два юные сына одного Ростовскаго боярина, Стефанъ и Варѳоломей, чувствуя влеченіе къ пустынной, уединенной жизни, удалились въ глубину Радонежскихъ лѣсовъ, и тамъ, на берегу рѣчки Кончуры, построили себѣ небольшую келью и церковь во имя Св. Троицы. Стефанъ не могъ перенесть мрачности избранной ими дикой пустыни, и оставивъ юнаго брата одного посреди дремучихъ лѣсовъ и ущелій, удалился въ Московскій Богоявленскій Монастырь, а Варѳоломей, постригшись отъ руки старца Митрофана, и принявъ имя Сергія, положилъ основаніе новой обители. Года черезъ два или три стали приходить къ нему изъ окрестныхъ обителей монахи съ просьбою позволить имъ жить въ пустыни, уже прославленной святою жизнію основателя. Сергій радушно принималъ искавшихъ у него убѣжища, а по смерти Митрофана, убѣжденный неотступными мольбами братій, принялъ званіе игумена.

Между тѣмъ слава о святости настоятеля Сергіевской Пустыни, привлекая отвсюду многочисленныхъ посѣтителей и богатые дары, достигла до береговъ Чернаго Моря и Архипелага. Греческій Патріархъ Филоѳей прислалъ въ даръ Сергію крестъ, парамандъ и схиму, и благословилъ его грамотою на продолженіе духовныхъ подвиговъ: распространеніе благоче-

стія, напутствованіе поученіями прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами, содѣйствіе въ построеніи обители и храмовъ Божіихъ. И Димитрій Донской, готовясь на страшную борьбу съ Мамаемъ, спѣшилъ въ Троицкую обитель, со всѣми своими боярами и воеводами, принять благословеніе отъ Сергія. Святый старецъ предсказалъ Донскому кровопролитіе ужасное, смерть многихъ храбрыхъ, но побѣду и торжество Россіи, и, въ знаменіе участія самой Церкви, отпустилъ съ державнымъ вождемъ Русскихъ силъ Пересвѣта и Ослабю — нѣкогда славныхъ витязей, а тогда смиренныхъ иноковъ своей обители; и доблестная смерть сихъ витязей отшельниковъ на полѣ битвы запечатлѣла обѣтъ, данный ими святому ихъ настоятелю. Наконецъ, чтобы одушевить Донскаго новою бодростію, Сергій отправилъ къ нему, на самое полѣ битвы, гонца съ благословеніемъ, и скоро потомъ встрѣтилъ его съ ликованіемъ радости у стѣнъ обители, изъ коей незадолго предъ тѣмъ отпустилъ его, утвержденнаго упованіемъ на Божію помощь въ правомъ дѣлѣ.

Сергій преставился въ сентябрѣ 1393 года, и въ теченіе многихъ вѣковъ святая обитель, имъ прославленная, по благости Божіей къ молитвамъ святаго угодника, оставалась неприкосновенною бѣдствіямъ, обуревавшимъ Россію. Чему другому можно приписать чудесное избавленіе ея отъ нашествія Крымскаго Хана, выжегшаго, въ царствованіе Грознаго Іоанна, посады Московскіе и окрестности столицы, но не коснувшагося обители Сергія? Потомъ, въ 1610 году, спасеніе отъ 16 мѣсячной осады 30,000-ной Польской арміи, подъ начальствомъ отважнѣйшихъ вождей Сапеги и Лисовскаго? Крѣпчайшія стѣны и твердыни не устояли бы и

сокрушились подъ безчисленными ударами изъ 60 огнестрѣльныхъ спарядовъ; но было ли въ возможности человѣческой, чтобъ однимъ геройствомъ малаго числа осажденныхъ, запертыхъ въ монастырѣ, безропотнымъ перенесеніемъ ужасовъ голода, всѣхъ возможныхъ потерь, труда и лишеній, отстоять святую обитель въ продолженіе столь долгаго усилія могущественнаго непріятеля, отразить безпрерывные, отчаянные его приступы? Нѣтъ! видимая небесная помощь одушевляла слабыхъ, мудрыхъ иноковъ на дѣла геройскія, безпримѣрныя въ лѣтописяхъ Исторіи.

Другимъ, хотя не столь кровопролитнымъ и продолжительнымъ, но тѣмъ не менѣе достопамятнымъ послѣдствіями отраженіемъ силъ непріятельскихъ, ознаменовалась Лавра въ 1612 году, когда Королевичъ Владиславъ, пылая мщеніемъ къ Россіи за лишеніе престола, и въ особенности къ Лаврѣ за смерть Чаплинскаго, убитаго монастырскими служителями на Клементьевомъ Полѣ, подступилъ къ стѣнамъ ея — взыскать смерть вождя своего на обители. Безсмертный заслугами ума, добродѣтелей, и личной доблести, келарь Авраамій, приказалъ выжечь вокругъ Лавры всѣ посады, и тѣмъ напомнилъ Полякамъ о прежней бѣдственной для нихъ осадѣ. Начались переговоры, сперва съ Лаврою, потомъ съ Москвою, и наконецъ, подъ стѣнами обители Св. Сергія, заключенъ былъ Деулинскій миръ, столь благотворный для первоначальнаго успокоенія государства.

Но, сколько еще другихъ воспоминаній сопряжено съ исторіею Лавры? Кто изъ Русскихъ забудетъ объ участіи, которое Лавра брала въ избавленіи Россіи? Она первая выслала своихъ слугъ и ратниковъ въ

Москву, когда Польскій воевода Гонсевскій разорилъ ее. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій, первые разослали гонцевъ съ грамотами во всѣ предѣлы Царства Русскаго, въ понизовыя земли и на поморье, и, внимая ихъ моленію, ополчились воеводы Переяславскіе: Волынскій и Волконскій, отъ Калуги поднялся Трубецкой, отъ Коломны Ляпуновъ, даже Заруцкій отъ Тулы, Просовецкій отъ Владиміра. Изъ Лавры доставлены имъ были въ изобиліи запасы и снаряды. Русскія дружины тѣснили уже непріятеля, когда Гетманъ Хоткевичъ подступалъ съ свѣжими войсками, а между Русскими вождями возникли смуты и распри. Изъ Лавры посланы новые гонцы къ владыкѣ Казанскому Ефрему, въ Ярославль, во Владиміръ и Нижній, гдѣ между тѣмъ вспыхнула искра чистаго самоотверженія въ груди Минина, и пролилась пламенемъ по всей землѣ Русской. И тѣ же моленія и слезы Діонисія и Палицына убѣдили Пожарскаго двинуться изъ Ярославля къ Русскому стану подъ Москвою, обуреваемому заговорами и предательствомъ. Здѣсь уже доблестному келарю Троицкому предстояло дѣйствовать не однимъ краснорѣчіемъ и убѣжденіями: въ кровавой битвѣ подъ Дѣвичьимъ едва ли не самое блистательное мѣсто принадлежитъ ему. Подвигнувъ къ участію суровыя души алчныхъ казаковъ, не хотѣвшихъ подать помощи отряду Рожинскаго, рубившемуся съ ранняго утра въ глазахъ ихъ съ Поляками, умиливъ ихъ пожертвованіемъ сокровищъ ризницы монастырской, Авраамій кинулся съ ними черезъ рѣку Москву съ кликомъ: *Сергій! Сергій! на непріятеля!* и — рѣшилъ судьбу битвы и Россіи:

Москва возвращена и — спасена Россія!

Чудно повторился для Россіи и Лавры, ровно чрезъ два столѣтія, 1612 годъ въ событіяхъ общихъ и частныхъ: Французы заступили мѣсто Поляковъ, въ Лаврѣ Авраамія Палицына и Діонисія достойно заступилъ митрополитъ Платонъ — ветхій годами жизни, но твердый, крѣпкій вѣрою въ Бога и въ заступленіе Св. Сергія, онъ не приказалъ выносить ни изъ церквей, ни изъ ризницы сокровищъ, давно привлекавшихъ на себя алчность непріятеля, и въ день Покрова Пресв. Богородицы, 1-го Октября, когда Французы шли на расхищеніе Лавры громоносною тучею, Платонъ осѣнялъ стѣны Лавры святыми хоругвями — и полчища Наполеоновы вдругъ обратились вспять съ половины дороги!

Сіе замѣчательное знаменіе благодати Божіей напоминаетъ еще два подобныя явленія, въ 1770 и 1831 годахъ. Въ первый разъ чума, свирѣпствовавшая въ столицѣ и окрестностяхъ, не дерзнула проникнуть въ ограду св. обители, хотя врата ея были денно и нощно отверзты для прибѣгавшихъ искать здѣсь своего спасенія; даже зараженные получали въ ней исцѣленіе. Въ годину холеры, чудное явленіе сіе повторилось въ глазахъ нашихъ: тяжкая болѣзнь тяготѣла надъ столицею и почти всею Россіею, — Лавра осталась неприкосновенною.

Благоговѣніе Русскаго къ Троицкой Лаврѣ и убѣжденіе въ духовномъ присутствіи въ ней ея покровителя, увеличивается воспоминаніями, что въ стѣнахъ ея два раза находилъ спасеніе Великій Петръ въ своей юности. Уже ножъ свирѣпаго стрѣльца занесенъ былъ на пораженіе державнаго отрока, тщетно укрывавшагося предъ алтаремъ въ соборной церкви, въ

объятіяхъ отчаянной матери, какъ нѣкая сила останавливаетъ руку убійцы — и надежда Россіи спасена отъ погибели. Въ другой разъ, укрылся сюда Петръ во время заговора Щегловитаго, посланнаго честолюбивою Софіею въ Преображенское, на пораженіе ея державнаго брата. И въ то же время вспомнимъ, дивясь правосудію Божію, что Василій Темный, тщетно искалъ убѣжища въ святынѣ сей обители: жестокій ослѣпитель двоюроднаго брата своего; Василья Юрьевича, отвлеченъ былъ отъ гроба угодника, дабы самому принять страшное возмездіе отъ кровныхъ своихъ....

Мощи Св. Сергія опочиваютъ въ древнемъ Троицкомъ Соборѣ, возобновленномъ на мѣстѣ построеннаго имъ изъ бѣлаго камня преподобнымъ Никономъ. При митрополитѣ Платонѣ ярко вызолочена кровля его. Великолѣпная серебряная рака устроена Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, и таковой же балдахинъ Императрицею Анною Іоанновною. Съ утра до вечера стоитъ на ступеняхъ у раки гробовой іеромонахъ, указывающій къ ней путь молельщикамъ, тѣснящимся прикоснуться устами къ цѣлебнымъ мощамъ угодника; съ утра до вечера раздается молебное пѣніе, курится ѳиміамъ и сіяютъ тысячи свѣчъ, возжигаемыхъ отъ усердія прибѣгающихъ къ его помощи и заступленію. Послѣ сего, благоговѣніе молельщиковъ обращается на два образа преподобнаго, написанные на древнихъ гробовыхъ доскахъ его. Тотъ, который менѣе, сопровождалъ Царя Алексѣя Михайловича въ его походахъ и Петра Великаго въ Шведскую войну, а въ отечественную войну 1812 года, носимъ былъ предъ рядами ополченій. Отсюда, т. е. отъ самыхъ южныхъ дверей

до сѣверныхъ, весь первый ярусъ иконостаса облитъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Врата царскія, балдахинъ надъ престоломъ, обширный хоросъ подъ куполомъ, всѣ подсвѣчники и огромныя паникадилы вылиты изъ серебра; ковчеги, Евангелія, сосуды и прочая священная утварь изъ золота, украшены жемчугомъ и каменьями — выше всякой оцѣнки.

Но чтобъ получить полное понятіе о богатствахъ Лавры, которыя могутъ служить свидѣтельствомъ пламеннаго усердія Царей и народа Русскаго къ святой обители, должно обозрѣть здѣшнюю ризницу. Сокровища ея въ жемчугахъ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ и металлахъ, приводятъ въ изумленіе всякаго, и превосходятъ, какъ утверждаютъ путешественники, сокровища всѣхъ извѣстныхъ монастырей Испаніи и Италіи, не исключая самой Лоретты. Преосвященный Платонъ болѣе всѣхъ другихъ умѣлъ сдѣлать изъ нихъ приличное употребленіе, и представить ихъ на видъ любопытства и удивленія. Такимъ образомъ, изъ лежащаго въ сундукахъ жемчуга и каменьевъ, сооружена одежда на престолъ и жертвенникъ, стоящая болѣе милліона рублей: каждая жемчужина въ крестѣ оцѣнена во 100 червонныхъ. На великолѣпныя кресла, вѣсомъ въ три пуда, превосходной чеканной работы, употреблены имъ также обломки серебра. Плащаница, неоцѣнимая по богатству, сдѣлана митрополитомъ же Платономъ, оставившимъ здѣсь столько же слѣдовъ изящнаго вкуса и великолѣпія, сколько Никонъ въ Патріаршей Ризницѣ, и, повсюду, къ чему ни прикасались сіи необыкновенные мужи, мы замѣчаемъ чрезвычайное между ними сходство. Высокая работа сей драгоцѣнности заслуживаетъ еще болѣе

удивленія, когда узнаемъ, что она есть произведеніе одной знатной особы, желавшей получить въ награду за труды свои — мѣсто въ оградѣ Лавры по смерти своей! Замѣчательно, что Царь Іоаннъ Васильевичъ, а по немъ Царь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, щедрѣе всѣхъ надѣлили Лавру вкладами и льготами. Вспомнимъ, что при посѣщеніи Лавры Императоромъ Павломъ I, послѣ коронованія, Преосвященный Платонъ встрѣтилъ его въ сопровожденіи духовенства въ самыхъ блистательныхъ облаченіяхъ, но самъ въ полинялой ризѣ изъ простой, грубой ткани. Императоръ взглянулъ на него съ удивленіемъ. — Государь! сказалъ митрополитъ, я встрѣчаю Ваше Величество въ самомъ драгоцѣннѣйшемъ украшеніи Лавры: одѣяніе, которое Вы на мнѣ видите, есть одѣяніе Святаго Сергія!

Сокровища ризницы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Слѣдуя за ними, вы читаете живую лѣтопись щедротъ Монарховъ, отъ временъ Донскаго, и знаменитыхъ сановниковъ ихъ, отъ пожертвованій коихъ Лавра наконецъ имѣла во владѣніи своемъ до 106,000 душъ съ богатѣйшими угодьями и хозяйственными заведеніями. Къ чести славной обители должно замѣтить, что она неоднократно употребляла свои богатства на пользу государственную, и была какъ бы хранилищемъ ихъ для нуждъ Церкви и отечества. Два раза давала она Шуйскому большія суммы на заплату Шведамъ найма, два раза кормила его войско изъ своихъ житницъ; мы видѣли, что, истощивъ казну свою на вспомоществованіе спасенія Россіи, она готова была пожертвовать и священными своими сокровищами. Петръ Великій нерѣдко бралъ

деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь тамъ хранятся. Карамзинъ разсказываетъ, что Государь отсылалъ архимандрита въ церковь, и оставшись наединѣ съ келаремъ, дружески спрашивалъ: «Есть ли у васъ деньги?» Келарь отвѣчалъ: «Какъ не быть для Вашего Величества,» и приносилъ мѣшки съ золотомъ и серебромъ.

Хотя съ учрежденія *штатовъ* отошли отъ Лавры всѣ недвижимыя имѣнія, богатства ея не уменьшаются, благолѣпіе ея храмовъ болѣе и болѣе увеличивается, и все это, какъ замѣчено выше, отъ усердія и вѣры богомольцевъ. Достаточно упомянуть, что у мощей угодника отправляется ежегодно до 12,000 молебновъ; когда же молебенъ бываетъ всѣмъ соборомъ, то архимандритъ даруетъ отправляющему его, икону св. Сергія Чудотворца.

Іоаннъ Грозный украсилъ Лавру многими зданіями и памятниками, въ томъ числѣ соорудилъ *Успенскій Соборъ*, по образцу Московскаго, и церковь *Сошествія Св. Духа*, въ память взятія Казани. Онъ также много способствовалъ въ постройкѣ монастырскихъ стѣнъ, которыя потомъ исправлены были Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, послѣ поврежденія ихъ Поляками, подобно тому, и церковь надъ гробомъ Св. Никона, созданная въ царствованіе Грознаго, перестроена вновь незабвеннымъ архимандритомъ Діонисіемъ. Прочіе зданія и памятники не столь древни: часовня на колодцѣ изъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, и величественная церковь съ трапезою и открытою папертью или галереею во сто саженъ окружности, расписана шахматомъ и украшена рѣзными колоннами

изъ камня, напоминающими вкусъ первыхъ лѣтъ вѣка Петрова. Весьма замѣчательно древнее обыкновеніе, соблюдаемое здѣсь отъ временъ патріаршихъ. Въ храмовые обѣды становится посреди трапезной палаты столъ для митрополита и знатнѣйшихъ особъ духовнаго чина. Съ него посылаются *подачи* на другіе столы при величаніи панагіи.

Колокольня Лаврская славится высотою наровнѣ съ Иваномъ Великимъ и шпицомъ Петропавловскаго Собора С. Петербургской крѣпости. Она о пяти ярусахъ и съ куполомъ имѣетъ 41 саженъ съ аршиномъ; начата строеніемъ при Аннѣ Іоанновнѣ, а кончена въ 1767 году.

Духовная Академія помѣщается въ чертогахъ Петра Великаго, построенныхъ на мѣстѣ древняго дворца Царя Іоанна Васильевича. Нѣкоторые наблюдатели не оставили безъ замѣчанія счастливой случайности помѣстить разсадникъ наукъ въ стѣнахъ, гдѣ живалъ державный Создатель просвѣщенія Россіи. Академія преобразована изъ Семинаріи, доведенной до блистательной степени попеченіями Митрополита Платона. Академическая библіотека заключаетъ въ себѣ много историческихъ рукописей, кои дѣлаются еще замѣчательнѣе тѣмъ, что ими пользовалась Императрица Екатерина при составленіи своихъ Записокъ Россійской Исторіи.

Въ оградѣ и церквахъ монастырскихъ покоятся останки многихъ достопамятныхъ и именитыхъ людей. Прежде всего поклонимся праху славнѣйшаго изъ Архимандритовъ лаврскихъ, Діонисія, преставльшагося послѣ 25-ти лѣтняго правленія Лаврою, и оплаканнаго всѣмъ государствомъ. Самъ патріархъ Фила-

ретъ воздалъ ему послѣднюю честь. Долго искали возлѣ него и гробницы знаменитаго сподвижника его Авраамія Палицына; преосвященный Платонъ тщетно употреблялъ всѣ средства къ открытію оной, наконецъ счастливый случай указалъ, что она утаена была въ Пустыни Соловецкой, гдѣ былъ постриженъ Авраамій, и куда, по многихъ трудахъ и подвигахъ, возвратился онъ совершить свое знаменитое поприще на землѣ.

Сойдите подъ своды трапезной церкви, и вы отличите между многими другими два простые камня, покрывающіе останки великаго и несчастнаго защитника Смоленска, боярина Шеина, и славнаго участіемъ въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ Князя Димитрія Трубецкаго.

Внутри Успенскаго Собора только четыре гроба, но каждый изъ нихъ возбуждаетъ различныя воспоминанія. Ближайшій, епископа Вологодскаго Іосифа, одного изъ судей патріарха Никона. Іосифъ согласился на осужденіе великаго первосвятителя; но когда увидѣлъ, что повлекли его въ заточеніе на Бѣло-Озеро въ одной рясѣ, не смотря на жестокій морозъ, снялъ съ себя самого шубу и отдалъ ему. Другая гробница Московскаго архіепископа Августина, достойнаго преемника Платона и по возвышенному духу, и по высокимъ дарованіямъ. Въ остальныхъ гробницахъ двѣ жертвы непонятной политики и подозрительности Царя Іоанна Васильевича: двоюродная племянница его, Мароа Владиміровна, выданная имъ за несчастнаго Магнуса, коего судьбою такъ жестоко игралъ Грозный, давая ему города, чтобъ снова отнимать ихъ, приказывая Лифляндцамъ быть ему вѣр-

ными и жестоко ихъ наказывая за ихъ вѣрность, жалуя его въ Короли, чтобъ послѣ наложить на него оковы, какъ на плѣнника. Въ монастырскомъ заточеніи прекратилась жизнь сей единственной Королевы Ливонской, а дочь ея умерла преждевременно. Но вотъ и семейство гонителя ея, не менѣе несчастнаго, хотя и вѣнчаннаго,—Годунова. Царь Борисъ, супруга его, юный Ѳеодоръ и прекрасная Ксенія, погребены подлѣ сѣверныхъ вратъ собора, подъ кровомъ низенькой каменной палатки. Кто не остановится тутъ, какъ сказалъ краснорѣчивый исторіографъ нашъ, подумать о чудныхъ бѣдствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Кто, прибавимъ, не содрогнется при мысли о судьбѣ сего властолюбца и рода его? — При церкви Св. Духа славный архимандритъ Діонисій воздвигъ часовню надъ уединеннымъ гробомъ Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Сей великій страдалецъ за любовь къ истинѣ и просвѣщенію, послѣ 12-тилѣтняго заключенія въ Волоколамскомъ Монастырѣ, кончилъ земное поприще свое въ нѣдрахъ Троицкой Лавры, гдѣ послѣднимъ подвигомъ его было стараніе удержать Іоанна Грознаго отъ путешествія въ Кирилловъ Монастырь, какъ будто предузнавъ пагубныя слѣдствія для Россіи отъ свиданія Царя съ Вассіаномъ. Прозорливый Максимъ, видя Государя непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи, предсказывалъ ему кончину Царевича Димитрія, что и случилось во время его странствованія.

Не оставимъ обозрѣнія лаврскихъ памятниковъ, не взглянувъ на каменный обелискъ, сооруженный митрополитомъ Платономъ между колокольнею и Тро-

ицкимъ Соборомъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, начертаны четыре эпохи славы монастыря и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи: 1) Благословеніе и содѣйствіе Димитрію Донскому Св. Сергія на брань съ Мамаемъ. 2) Славное отраженіе 16-ти мѣсячной осады Польской арміи. 3) Дѣйствія архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, и пожертвованія Лавры къ освобожденію Россіи отъ Поляковъ, и 4) Двукратное спасеніе Петра въ стѣнахъ Троицкихъ отъ злобы Стрѣльцовъ и властолюбія Софіи.

Прогулка по оградѣ и башнямъ монастырскимъ доставитъ много удовольствія, ожививъ въ памяти священныя воспоминанія. Ограда имѣетъ въ окружности 640 саженъ и восемь башенъ. Ходъ по стѣнѣ весьма широкъ и во многихъ мѣстахъ покрытъ.

Замѣчательнѣйшею изъ башенъ почитается *круглая*, представленная здѣсь на рисункѣ. Противъ нея устремлены были всѣ усилія непріятеля, по ней стрѣлялъ изъ огромной своей пищали панъ Лисовскій, стоявшій таборомъ въ противолежавшей Терентьевской рощѣ, и подъ нее веденъ былъ Поляками отъ Подольскаго Монастыря тайный подкопъ, приводившій долгое время въ страхъ и недоумѣніе осажденныхъ. Нѣсколько Литовскихъ ядеръ осталось въ стѣнахъ.

Чрезъ *водяную* башню дѣлались частыя вылазки изъ монастыря. На краю этого оврага стоялъ и пивной дворъ, обнесенный крѣпкимъ тыномъ, котораго не могли взять Поляки во все время продолжительной осады, хотя старались неоднократно зажечь и истребить сей безпокойный для нихъ острогъ, изъ которато производились кровопролитныя вылазки на Красную Гору, занимавшуюся станомъ гетмана Сапѣги, и изъ котора-

го сожжена была большая часть Польскихъ туровъ. При всемъ стараніи Ляховъ, они не могли преградить и сообщенія острога съ Лаврою, ибо оно производилось чрезъ подземный тайникъ.

Плотичная башня извѣстна въ послѣдствіи подъ именемъ *оружейной*. Въ ней хранились снаряды Лавры и оружіе: бердыши, мечи и пищали, доколѣ не перевезъ ихъ въ С. Петербургъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Шуваловъ, по указу Императрицы Елисаветы, оставя весьма мало на память монастырю, въ томъ числѣ нѣсколько сотень острыхъ зубчатокъ, извѣстныхъ подъ именемъ желѣзнаго чесноку, которыя кидали по ночамъ безстрашные иноки въ траву вкругъ стана непріятельскаго и обители, для удержанія набѣговъ конницы, много пострадавшей отъ желѣза, вонзавшагося въ копыта коней.

Сѣверная оконечность ограды заключается *каличьею* башнею. Это самая высшая изъ всѣхъ башень. Съ нея можно видѣть окрестности на большое пространство. Она, сказываютъ, служила лечебницею для доблестныхъ защитниковъ Лавры, а теперь служитъ любимымъ мѣстомъ для философскихъ размышленій и поэтическихъ восторговъ воспитанниковъ Академіи. Въ часы отдохновенія и праздниковъ, найдете въ каждомъ изъ четырехъ ярусовъ нѣсколько питомцевъ музъ, то углубившихся въ разсматриваніе фоліанта, то прохаживающихся въ глубокой думѣ, или сидящихъ въ амбразурѣ съ перомъ въ рукѣ.

Можетъ быть, ландшафты, представляющіеся изъ сей башни, разнообразнѣе; но съ *террассы* архимандритской они болѣе сосредоточиваются и выставляютъ, какъ въ рамѣ, любопытнѣйшіе историческіе предметы:

вотъ за рѣкой мѣсто *Терентьевской* рощи и табора Лисовскаго; вотъ, по дорогѣ къ Александрову, служалыя слободы и мельницы, отколѣ такъ часто бывали нападенія, а тамъ въ самой дали, бѣлѣется, въ зелени, какъ луна на темномъ эѳирѣ, живописная *Виѳанія*. Обратитесь въ другую сторону, и взорамъ вашимъ представятся: *Клементьевская* слобода, и Литовское поле, и дорога въ Дмитровъ, куда бѣжали Сапѣга и Лисовскій, испуганные побѣдами Скопина-Шуйскаго, и наконецъ достопамятная гора *Волкуша*, на которой незабвенный Діонисій и келарь Авраамій благословили всѣмъ соборомъ ополченіе Пожарскаго и Минина на спасеніе Москвы и Россіи.

Дорога изъ Москвы въ Троицкую Лавру довольно разнообразна и пріятна. Она проходитъ богатыми многолюдными селеніями и мѣстами, напоминающими многія историческія событія, сохраненныя перомъ незабвеннаго исторіографа. По этой дорогѣ, замѣчаетъ онъ, Русскіе Цари и Царицы часто ѣзжали и ходили на богомолье испрашивать побѣды, или благодарить за нее Всевышняго въ обители, основанной святымъ мужемъ-патріотомъ.

При выѣздѣ изъ Москвы, первымъ любопытнымъ предметомъ представляется село *Алексѣевское*. Карамзинъ, въ 1803 году, видѣлъ еще здѣсь обширный деревянный дворецъ, въ которомъ обыкновенно останавливался Царь Алексѣй Михайловичъ на возвратномъ пути изъ Монастыря Троицкаго, и распоряжалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Исторіографъ засталъ еще и развалины двухъ бань, въ которыя ѣзжали Царевны нерѣдко, изъ Москвы, даже зимою. Теперь отъ всѣхъ зданій осталась одна каменная цер-

ковъ и нѣсколько деревъ, указывающихъ мѣсто бывшаго сада.

Далѣе, по Троицкой дорогѣ, обращаетъ вниманіе путешественника *Мытищенскій* водопроводъ, служащій прекраснымъ памятникомъ попеченія Императрицы Екатерины о снабженіи Москвы первою необходимостью — хорошею, здоровою водою, въ коей она болѣе всего нуждалась. Здѣсь водопроводъ идетъ черезъ низкую долину въ видѣ длиннаго моста на каменныхъ сводахъ, подобно древнимъ Римскимъ.

Деревня *Ростокино*, въ семи верстахъ отъ столицы, достойна примѣчанія воспоминаніемъ, что здѣсь народъ Московскій, нетерпѣливый изъявить дань восторга и благодарности побѣдителю Казани, встрѣтилъ съ образами и хоругвями юнаго Царя своего, еще сіявшаго царскими добродѣтелями, и отсюда Іоаннъ, снявъ съ себя воинскую одежду и надѣвъ корону Мономахову, въ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ.

Невдалекѣ, влѣво съ большой дороги, находится село *Тайнинское*, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Запруженная Яуза кажется тутъ большою рѣкою, такъ, что бывшіе здѣсь дворцы Алексѣя Михайловича и потомъ Императрицы Елисаветы Петровны, представлялись построенными на островѣ, *утаенными* въ непроницаемой зелени вѣковыхъ деревъ.

Въ *Мытицахъ* замѣчательны колодцы, изъ коихъ проведена вода въ Москву, на Сухареву башню, образуя внутри башни видъ озера; ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, а всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ красивымъ селеніемъ.

Село *Пушкино* (въ 26-ти верстахъ отъ Москвы) памятно въ Исторіи нашей, взятіемъ въ немъ подъ стражу боярина Ивана Андреевича Хованскаго, любимаго начальника мятежныхъ Стрѣльцовъ.

Въ селѣ *Братовщинѣ*, Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ; тутъ былъ ихъ лѣтній дворецъ съ *вышками*. Карамзинъ еще засталъ одинъ изъ сихъ теремовъ, бывшихъ въ большомъ употребленіи у Русскихъ бояръ, и теперь встрѣчаемыхъ только въ южныхъ губерніяхъ. Это не что иное, какъ бесѣдка, устроенная на высокихъ столбахъ, гдѣ сквозной вѣтеръ поддерживаетъ прохладу въ самый сильный зной. Карамзинъ видѣлъ здѣсь и древнія развалины дворца Елисаветы, и новыя — Екатерины.

Въ селѣ *Воздвиженскомъ*, отстоящемъ въ 12 верстахъ отъ Троицы, совершилась казнь несчастнаго Хованскаго. Напрасно именитый старецъ со слезами просилъ бояръ дозволить ему сказать одно слово въ свое оправданіе. Сего то и боялась Софія, и потому безъ малѣйшаго суда прочитанъ былъ его обвинительный приговоръ и ему отрубили голову. Тщетно будемъ отыскивать слѣдовъ дворца царскаго, который долженъ былъ находиться здѣсь, ибо извѣстно, что Дворъ, выѣхавъ изъ Москвы по случаю опасеній отъ мнимаго злоумышленія Хованскихъ, жилъ нѣсколько времени въ селѣ Воздвиженскомъ.

Съ горы *Волкуши*, находящейся на сей же дорогѣ, открываются златыя главы церквей Троицкихъ среди зелени лѣсовъ.

Не оставьте посѣтить и село *Деулино*, находящееся въ 4-хъ верстахъ отъ Лавры, по Углицкой дорогѣ. Тутъ заключенъ съ Поляками тотъ достопамятный

миръ, по которому Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и родитель державнаго Михаила, святитель Филаретъ, возвращенъ изъ плѣна. Россія принуждена была уступить Польшѣ Смоленскъ и еще нѣсколько городовъ, и въ доказательство, какъ тяжело было на это рѣшиться Русскимъ сановникамъ, хотя необходимость успокоенія государства была свыше всѣхъ пожертвованій, Русскіе полномочные, по словамъ лѣтописцевъ, три раза съѣзжались съ Польскими воеводами: въ первый разъ побранились, въ другой едва не подрались (*), и уже въ третій заключили Деулинскій договоръ, бывшій послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую Поляки столь долгое время разыгрывали въ нашемъ отечествѣ. Церковь Деулинская воздвигнута во имя св. Сергія Царемъ Михаиломъ, на память сего мира. И такъ, замѣчаетъ краснорѣчивый путешественникъ по Святымъ Мѣстамъ Русскимъ, и кровавый бой за отчизну и желанный миръ по столькихъ смятеніяхъ, все здѣсь, все у той же Обители, которая одна сосредоточила въ себѣ судьбы всей Россіи, и какъ ангелъ хранитель стала на распутіи съ мечемъ и маслиной.

(*) Соч. Карамзина, Т. IX, стр. 218.

Храмъ Плащаницы въ Виѳаніи

ПЛАТОНОВЪ ХРАМЪ

ВЪ ВИѲАНІИ.

Митрополитъ Платонъ, исполненный духа творческаго, обильный мыслями новыми, глубокими, воздвигъ въ Виѳаніи храмъ, единственный въ своемъ родѣ. На вершинахъ дикой скалы, представляющей образъ горы Ѳаворской, поростшей волчцемъ и терніемъ, возвышается въ красотѣ храмъ во имя *Преображенія Господня*; подъ нимъ, внутри горы, въ углубленіи пещеры, устроенъ другой храмъ во имя *Лазарева Воскресенія*, совершившагося въ Виѳаніи. Мысль высокая, величественная! Въ утесѣ весьма естественно представлена глубокая разщелина. Павелъ I, полагая, что сіе произошло отъ поврежденія горы, замѣтилъ опасность взбираться на верхъ ея по узенькой, извивающейся лѣсенкѣ, обнесенной березовыми

перилами съ корою, повидимому, рухлыми и непрочными; но Платонъ отвѣчалъ Императору, что трещина сдѣлана для изображенія событія, когда по распятіи Іисуса Христа «земля дрогнула въ основаніи и разсѣлась гора.» При входѣ въ пещеру, въ правомъ склепѣ, почіютъ бренные останки знаменитаго строителя храма. На гробницѣ его вырѣзана надпись:

«Здѣсь погребено тѣло митрополита Платона Московскаго, архимандрита Троицко-Сергіевскія Лавры, и сея Виѳанскія обители и при ней семинаріи основателя.»

Надгробная оканчивается стихами, исполненными высокой мысли;

«Единъ покой на небесахъ.
«Лети къ нимъ вѣрой на крылахъ.

Въ рамкѣ надъ гробницею поставлено и трогательное завѣщаніе митрополита Платона, въ которомъ смиренно прощаясь съ паствою, предаетъ онъ себя Господу съ живымъ благодареніемъ за всѣ несказанныя Его щедроты, наипаче же за то, что даровалъ ему быть Христіаниномъ и даже служителемъ Церкви. «Нельзя равнодушно читать сего завѣщанія, говоритъ краснорѣчивый историкъ святыхъ мѣстъ въ Россіи, не зная Платона, кажется видишь его предъ собою и соединяешься съ нимъ молитвою (*).

Съ симъ памятникомъ смерти сопредѣленъ залогъ безсмертія. Подлѣ гробницы Платона хранится гробъ, въ которомъ обрѣтены нетлѣнныя мощи преподобнаго Сергія Радонежскаго. Страждущіе зубною болью прикасаются къ нему устами.

(*) Подлинникъ сего завѣщанія хранится въ лаврской ризницѣ, въ особомъ ковчегѣ.

Въ иконостасѣ верхняго храма нѣтъ ни золота, ни серебра; при всемъ томъ онъ представляется великолѣпнымъ; блестящіе металлы замѣнены въ немъ другими предметами драгоцѣнными въ существенномъ смыслѣ изящнаго и достопамятнаго. Такова *Тайная Вечеря*, барельефы изъ слоновой кости, трудовъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; *древній образъ съ мощами*, присланный въ даръ Платону отъ Іерусалимскаго патріарха; *образъ Маріи Магдалины*, написанный Карломъ Дольче на ониксѣ превосходнаго достоинства, такъ, что солнечные лучи и золотыя тучи обрисованы на камнѣ самою природою; *явленіе пастухамъ*, кисти Бергема. На хорахъ, коими опаясана вокругъ вся церковь, между картинами, много хорошихъ Италіянскихъ произведеній. Дарохранительница, изъ черепахи, превосходной работы, принадлежала нѣкогда дворцовой церкви Лудовика XVI; но запасные дары хранятся въ серебряномъ голубѣ, парящемъ надъ престоломъ. Церковные сосуды большею частію фарфоровые и хрустальные.

Не менѣе замѣчательна небольшая церковь во имя Св. Духа, устроенная въ архіерейскихъ келліяхъ, которыя отличаются также самою скромною простотою, тѣмъ болѣе достойною уваженія, что здѣсь было постоянное и любимѣйшее мѣстопребываніе первосвятителя, показывавшаго въ общественной жизни своей склонность къ торжественности и великолѣпію, чтимаго рядомъ Монарховъ. Въ сей церкви, вмѣсто иконостаса, поставлены однѣ царскія двери съ двумя образами, писанными золотомъ на стеклѣ. На одной ихъ половинѣ начертано: «*Законъ Моисеемъ данъ бысть*, а на другой «*благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть.*»

Какъ счастливо однимъ стихомъ Евангелиста изображены оба Завѣта! Остальную часть иконостаса составляютъ низкій балюстрадъ и шелковый занавѣсъ съ иконами, вышитыми золотомъ. Занавѣсъ сей напоминалъ древнюю завѣсу, отдѣлявшую отъ Іерусалимскаго храма Святая-Святыхъ. Въ этой церкви первосвятитель Московскій, слагая величіе своего сана, отправлялъ должность дьячка, а за іерея служилъ духовникъ его, отецъ Ааронъ. Въ келліяхъ, нѣкогда занимаемыхъ Платономъ, помѣщаются ректоры Виѳанской семинаріи; но вся мебель и украшенія, бывшія въ нихъ при немъ, остаются безъ малѣйшей перемѣны; стѣны увѣшаны тѣми же за стеклами портретами, эстампами, програмами академическихъ и семинарскихъ диспутовъ, имъ самимъ задаваемыхъ, и собственноручными письменами царственныхъ отроковъ, Великихъ Князей Александра, и Константина Павловичей. Письмо Александра отъ 23 іюля 1787 года, изъ Царскаго Села, начертано еще нетвердымъ почеркомъ, но исполнено, такъ сказать, проникнуто, умилительною откровенностію дѣтства. Въ письмѣ Константина замѣчательна Греческая приписка, сдѣланная имъ самимъ красиво и правильно. Надъ входомъ въ архимандритскій домъ, начертаны разныя поучительныя надписи; напр.: «Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе;» и вездѣ по монастырю представляются слѣды Платона въ памятникахъ и надписяхъ, даже въ надгробныхъ скромныхъ иноковъ. Предъ окномъ его кабинета представляется памятникъ посѣщенія Виѳаніи и благотворительности Императора Павла, который возвелъ пустыню своего наставника на степень второкласнаго муже-

скаго монастыря, и назначилъ значительныя суммы на учрежденіе и содержаніе при ономъ семинаріи. Надпись на памятникѣ содержитъ разговоръ посѣтителя съ Виѳаніею о причинахъ ея радости. Въ воротахъ монастырскихъ изображены Евангельскія событія, относящіяся къ древней Виѳаніи.

Между надгробіями замѣчательны своею затѣйливостію и изобрѣтательностію надписи въ память Варнавы, Николая, Ипполита и нѣкоторыхъ другихъ старцевъ. Въ нихъ выражается въ какой-то простотѣ характеръ Платона. Такимъ образомъ, на гробницѣ старца Николая положенъ мечъ, обвитый четками, а въ надписи говорится, что онъ былъ воинъ, сражавшійся мечемъ съ врагами человѣчества; эпитафія Ипполита содержитъ игру словъ: «что онъ возжигая церковныя свѣщи, и самъ, какъ свѣща горѣлъ вѣрою.»

Зданіе семинарское, построенное по плану Платона, образуетъ четвероугольникъ съ башнями по угламъ. Внутри обширный дворъ, а средину фасада занимаетъ зала для торжественныхъ собраній и экзаменовъ. Внутренность онаго украшена разными историческими барельефами и бюстами, посреди коихъ замѣчателенъ портретъ митрополита Платона, представленнаго въ кругу воспитанниковъ, для коихъ, по истинѣ, онъ былъ самымъ нѣжнымъ отцемъ, слѣдя не только ихъ успѣхи въ наукахъ, но придумывая для нихъ разнаго рода удовольствія, гимнастическія игры, рекреаціи, самъ съ ними прогуливаясь по окрестнымъ рощамъ и холмамъ, отличеннымъ классическими названіями: Темпея, Парнасса и т. п., можетъ быть по сходству мѣстоположеній. Дорогіе органы, находящіеся въ залѣ, подарены Графомъ Орловымъ. Библіотека семинарская

богата рѣдкими богословскими книгами; но вниманіе посѣтителя предпочтительно останавливается на драгоцѣнномъ собраніи переписки преосвященнаго Платона съ разными знаменитыми особами; въ числѣ ихъ до 300 своеручныхъ писемъ Императрицъ Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны, Императоровъ Павла I и Александра I и Великой Княгини Натальи Алексѣевны. Тутъ и достопамятное письмо Императора Павла, отъ 23-го Декабря 1777 года, извѣстившаго своего наставника о рожденіи Александра. Воспитанники, содержимые въ семинаріи на счетъ капитала, положеннаго Платономъ, обязаны принимать фамилію Платоновыхъ.

Рѣшительно можно сказать, что каждый шагъ въ Виѳаніи напоминаетъ о ея основателѣ; здѣсь доселѣ все еще исполнено воспоминаніемъ о семъ необыкновенномъ мужѣ, бывшемъ столпомъ Церкви въ царствованіе Екатерины, образцемъ витійства и образованности своего вѣка, мужа, стяжавшаго уваженіе всѣхъ его знавшихъ и владѣвшаго такою счастливою способностію убѣжденія, что однимъ словомъ могъ преклонять, поражать говорившихъ съ нимъ. Дерзкій вольнодумецъ Дидеротъ, гордившійся мнимымъ титломъ философа, увидѣвъ преосвященнаго Платона, обратился къ нему со словами: «Нѣсть Бога!» Митрополитъ отвѣчалъ ему: «И во псалмопѣвцѣ сказано: «*рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога.*» Іосифъ II, путешествовавшій по Россіи подъ именемъ Графа Фалкенштейна, на вопросъ Императрицы Екатерины: что онъ нашелъ всего примѣчательнѣе въ Москвѣ? отвѣчалъ «Платона!» Послѣ сего, сколько достойна вниманія самая простая скамья предъ вхо-

домъ въ обитель, на которой знаменитый первосвященникъ, въ скромной одеждѣ инока, любилъ сидѣть съ иноками въ тихой назидательной бесѣдѣ, и, встрѣчая съ ласкою путника, показывать ему свою пустыню, не открывая своего сана. Въ 1812 году, незабвенный Платонъ прислалъ Императору Александру въ благословеніе образъ святаго Сергія и въ пророческомъ духѣ писалъ о Наполеонѣ: «Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни.» Изъ Виѳаніи же Платонъ писалъ, отъ 23-го Іюля, «что новый Фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ Морѣ, а Россія воспоетъ: «Царю Небесный! Ты изведеши, яко свѣтъ, правду Монарха, и судьбу Россіи, яко полудне!» Въ Виѳаніи же Платонъ, услышавъ вѣсть о вторженіи въ Москву, пролилъ слезы, но не упалъ духомъ, не отчаялся въ спасеніи отечества, ожидалъ и предсказывалъ паденіе сильнаго врага, и, услышавъ радостную вѣсть о его изгнаніи изъ Москвы, сказалъ: «*Слава Богу! Москва свободна, и я теперь умру спокойно!*» Краснорѣчиво привѣтствовалъ онъ Святѣйшій Синодъ отъ избытка сердца съ чудеснымъ спасеніемъ Лавры и Виѳаніи, и скончался 11-го Ноября 1812 года, оплаканный тысячею питомцевъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, всею Москвою, всею Россіею. Платонъ сдѣлалъ свое любимое мѣстопребываніе навѣки достопамятнымъ. Виѳанія, можно сказать, стоитъ подъ сѣнію Троицкой Сергіевской Лавры, находясь отъ оной не далѣе какъ въ 3-хъ верстахъ, и прогулка въ нее, дѣлаясь обя-

занностію всякому просвѣщенному путешественнику, дополняетъ для него знаменитыя воспоминанія Лавры.

Въ 1837 году, 2-го Августа, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, поклонившись св. Сергію въ Троицкой Лаврѣ, почтилъ Своимъ посѣщеніемъ и Виѳанію, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ изволилъ разсматривать въ подробности, какъ храмъ и архіерейскій домъ, такъ и вновь отстроенную семинарію, и долго бесѣдовалъ о знаменитомъ іерархѣ, прославившемъ мѣста сіи.

Теремъ Димитрія Царевича въ Угличѣ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

ПАЛАТЫ ЦАРЕВИЧА

ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА

ВЪ УГЛИЧѢ.

Палаты С. Царевича Димитрія въ Угличѣ (отстоящемъ отъ С. П. Б. 713½ в., а отъ Москвы 260¼ верстъ) представляютъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ памятниковъ въ нашемъ отечествѣ, на которыхъ лежитъ горестное воспоминаніе. Здѣсь послѣдняя царственная отрасль рода Рюрикова пала подъ лезвеемъ ножа убійцы. Здѣсь закланъ агнецъ въ цвѣтѣ отрочества, развивавшагося къ наслажденію жизнію, но здѣсь же, на семъ самомъ мѣстѣ, надъ убійцами его совершился грозный судъ Божій, столь разительно переданный въ краснорѣчивомъ повѣствованіи знаменитаго нашего исторіографа. Самая наружность Углицкаго дворца привлекаетъ любопытное вниманіе. Не видѣнъ ли здѣсь образецъ древняго Русскаго зодчества, лучше

всѣхъ другихъ сохранившійся? Онъ составляетъ четвероугольникъ, вышиною въ 5 саженъ, и, по всей вѣроятности, былъ о трехъ ярусахъ. Подъ нижними сводами устроены были приспѣшни, что доказывается трубою, выведенною снизу по внѣшней стѣнѣ; въ среднемъ, вѣроятно, помѣщались приближенные люди, или дворъ Царевича, а въ верхнемъ онъ жилъ самъ съ своею матерью, Царицею Маріею Ѳеодоровною. Усердіе добраго Углицкаго гражданина Кожевникова, сдѣлавшаго еще въ недавнія времена значительное пожертвованіе для сохраненія сихъ развалинъ, приходившихъ въ разрушеніе, къ сожалѣнію, отъ невѣдѣнія, совершенно исказило расположеніе внутренности дворцовыхъ покоевъ, по соображенію котораго легко бы можно было добраться до значенія всѣхъ теремовъ дворца, и ознакомиться ближе съ домашнею, семейною жизнію знаменитыхъ его обитателей! При этой перестройкѣ, выпуты всѣ перегородки, такъ что внутренность дворца теперь составляетъ одну огромную палату, расписанную неискусно рукою несвѣдущаго. По старинному преданію, острые своды главнаго терема были нѣкогда расписаны изображеніями Притчей. Противъ дверей, между окнами, простѣнокъ, почти весь, занимается образомъ Нерукотвореннаго Спаса въ серебряномъ вѣнцѣ. Художникъ, какъ говорятъ, только поновилъ его по старымъ слѣдамъ.

Лицевая сторона палатъ менѣе потерпѣла отъ передѣлки, и, кажется, остается въ первоначальномъ своемъ видѣ; тотъ же искусственный безпорядокъ въ размѣщеніи и величинѣ оконъ, тотъ же тяжелый карнизъ, какъ брустверомъ опоясывающій все зданіе, который мы замѣчаемъ почти на всѣхъ зданіяхъ XVI

вѣка. Къ увеличенію правдоподобія воспоминаній, въ окнахъ сохранились желѣзныя рамы со слюдою, вмѣсто стеколъ. Но роковое крыльцо, на которое няня Волохова предательски выманила изъ-подъ надзора, или лучше сказать, исторгла изъ объятій матери святаго младенца, разобрано до послѣдняго камня, и замѣнено какою-то безобразною лѣстницею; исчезъ также и широкій дворъ, на коемъ совершилось злодѣяніе. На мѣстѣ онаго Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ воздвигъ церковь во имя Св. Димитрія, надѣливъ ее богатѣйшею утварью и драгоцѣнными вкладами, въ томъ числѣ наперснымъ крестомъ своимъ, который онъ, снявъ съ себя, надѣлъ на образъ Св. мученика. Но вниманіе археолога обратится болѣе на четыре орѣшка, найденные въ оцѣпенѣлой рукѣ умерщвленнаго Царевича. Предъ симъ живымъ напоминаніемъ, другія богатства теряютъ свой блескъ. Орѣшки придѣланы къ серебряной доскѣ, при коей хранится воспоминаніе, не менѣе драгоцѣнное: описаніе убіенія Царевича, собственноручно начертанное святымъ Димитріемъ Ростовскимъ.

Но вотъ та достопамятная колокольня соборная, сверху которой понамарь, увидѣвшій злодѣяніе, подалъ первую о немъ вѣсть, ударивъ во всѣ колокола. Битяговскій и Качаловъ кинулись умертвить столь опаснаго для нихъ свидѣтеля, но понамарь заперся такъ крѣпко, что убійцы, при всей торопливости, не въ силахъ были разломать дверей, а между тѣмъ народъ и почетнѣйшіе граждане Углицкіе спѣшили въ ужасѣ со всѣхъ сторонъ на мѣсто убійства, грозя мщеніемъ ненавистнымъ злодѣямъ, которые бросились было искать спасенія въ бѣгствѣ; но преслѣдуемые

совѣстію, страхомъ, а можетъ быть, подстрекаемые любопытствомъ и обманчивою безпечностію, возвратились къ мѣсту своего злодѣянія, и получили достойную месть, бывъ растерзаны раздраженнымъ народомъ.

Оставался еще главный виновникъ злодѣянія, но и онъ не укрылся отъ кары небесной ни подъ сѣнію престола, ни подъ личиною невинности, которую старался придать себѣ, заставивъ Шуйскаго, посланнаго для изслѣдованія сего дѣла въ Угличь, донести Царю Ѳедору Іоанновичу, будто несчастный младшій братъ его самъ былъ причиною своей смерти, упавъ на ножикъ, которымъ игралъ. Годуновъ даже подвергнулъ опалѣ родныхъ дядей Царевича, Нагихъ, сославъ ихъ въ заточеніе за мнимую небрежность въ охраненіи царственнаго ихъ родственника, который отданъ былъ на ихъ попеченіе.... И, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, къ отмщенію за Димитрія, имя погибшаго сдѣлалось орудіемъ кары. Бѣглый монахъ, назвавшись именемъ убіеннаго Царевича, исхитилъ скипетръ у хитраго, могущественнаго Годунова, покрылъ поруганіемъ его семейство, а лжесвидѣтель Шуйскій, съ высоты царскаго престола низвергся въ темницу, въ плѣнъ и во всѣ ужасы бѣдствій, хотя въ 1606 году уже со слезами раскаянія встрѣчалъ въ Москвѣ перенесенныя туда, по его повелѣнію, мощи святаго мученика, которыя и поставлены въ Архангельскомъ Соборѣ. Носилки, обитыя бархатомъ, на коихъ несены были мощи, равно и саркофагъ, въ которомъ сокрытъ былъ гробъ Св. Царевича, сохраняются въ Углицкомъ Соборѣ, который и самъ по себѣ заслуживаетъ вниманіе, ибо это одинъ изъ числа трехъ

храмовъ, воздвигнутыхъ при Петрѣ I, объ одномъ сводѣ внутри.

Доселѣ въ Угличѣ уцѣлѣло много преданій о воспоминаніи плачевнаго событія; но всего умилительнѣе празднованіе, бывающее ежегодно въ соборѣ въ день убіенія Царевича. Тогда приводятъ со всѣхъ концевъ города дѣтей, и они попарно проходятъ подъ пеленою Св. мученика, которую держатъ надъ ними два священника. Еще есть обычай у Углицкихъ гражданъ пѣть панихиду на мѣстѣ совершенія убійства, въ случаѣ тяжкой болѣзни ихъ малолѣтныхъ дѣтей. У Ростовскаго выѣзду градское кладбище называется *кладбищемъ на крови*. По преданію, тутъ капула кровь изъ гроба святаго мученика, когда понесли его въ Москву, и въ то же самое время гробъ его сдѣлался чрезвычайно легокъ, такъ что несшіе его не чувствовали ни какой тяжести; между тѣмъ какъ по другой дорогѣ, которая сначала предположена была для шествія, за тяжестію гроба нельзя было отдѣлить его отъ помоста.

Дворецъ Царевича Димитрія стоитъ посреди кремля, нѣкогда обнесеннаго каменною стѣною и башнями, отъ коихъ осталось одно основаніе. Нѣсколько проваловъ показываютъ, что подъ всею площадкою существуютъ своды. Въ одномъ изъ угловъ кремля, обращенныхъ къ Волгѣ, и занесенномъ теперь пескомъ и иломъ, старожилы помнятъ окошечко, которое, вѣроятно, было не что иное, какъ подземный выходъ изъ крѣпости къ пристани, въ случаѣ ухода изъ города. Другіе старики разсказываютъ, какъ лѣтъ за 50 вынули изъ подъ одного обвалившагося свода сундукъ съ парчами. На видъ онѣ были блестящи, какъ но-

выя, но при малѣйшемъ прикосновеніи распадались наподобіе Геркуланскихъ и Помпейскихъ древностей сего рода; оставалось одно серебро, коего и собрали съ нихъ болѣе пуда. Это заставляетъ заключать, что археологъ оказалъ бы немалую услугу отечественной исторіи, если бъ рѣшился обозрѣть подземные ходы Углицкаго кремля, которые, говорятъ, могли бъ быть доступны тому, кто вооружится рѣшимостію и трудомъ.

Покатые берега, оставшіеся отъ глубокаго рва, коимъ былъ окруженъ кремль, доставили возможность здѣсь развесть садъ въ Англійскомъ вкусѣ. Есть бесѣдки и мѣста для сидѣнья, обращенныя на Волгу, пріятный пріютъ для отдыха, съ которымъ не хотѣлось бы скоро разстаться. При этомъ, кажется, здѣсь весьма удобно бы было соединить пріятное съ полезнымъ. Изъ остатковъ рва, съ небольшимъ пожертвованіемъ легко сдѣлать удобную гавань для зимовки барокъ, теперь отсылаемыхъ въ г. Мышкинъ, и нерѣдко подвергающихся опасности при разлитіи Волги. Для сего стоитъ только сдѣлать запруду со шлюзами у обоихъ ручьевъ, примыкающихъ ко рву. Издержки скоро могли бы возвратиться платою, которую стали бы вносить суда, отвсюду приходящія сюда на зимовку.

Послѣ Рыбинска и Ростова, городъ Угличъ можетъ назваться лучшимъ уѣзднымъ городомъ Ярославской Губерніи. Въ немъ около 800 домовъ, изъ коихъ болѣе 200 каменныхъ, и 24 церкви, кромѣ собора и двухъ монастырей: мужескаго Алексѣевскаго, и женскаго Богоявленскаго. Жителей около 9000 душъ обоего пола.

Углицкіе жители не могутъ похвалиться обширностію торговыхъ оборотовъ, хотя болѣе 25 барокъ ежегодно отправляются отъ города въ С. Петербургъ съ разными товарами, большею частію скупленными зимою на ярмаркахъ: съ хлѣбомъ, яйцами, холстомъ, мыломъ, юфтью, пестредью и т. п.; но мануфактурная часть находится въ цвѣтущемъ состояніи. Кромѣ 7-ми кожевенныхъ заводовъ, славящихся въ самой Англіи превосходствомъ своихъ издѣлій, находятся еще фабрики писчей бумаги, суконная и ситцовая, 5 полотняныхъ, 5 салотопныхъ заводовъ и 17 кирпичныхъ. Почти всѣ заводы и фабрики красиво расположены по берегу Волги, дѣлающей мимо города крутой оборотъ, и составляютъ какъ бы особое предмѣстіе. На другой сторонѣ рѣки картина заключается великолѣпною виллою Г-жи Супоневой.

Бородинское поле

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

«Долой съ коня — и на колѣна!
Здѣсь Бородинскія поля:
Здѣсь гладіатора арена
Въ крови крещеная земля.
. . . .
Хоть много насъ погибло въ сѣчѣ,
Хоть дорогъ сталъ намъ этотъ споръ,
Но все же мы, въ опасной встрѣчѣ
Твой опрокинули напоръ,
И мы же здѣсь, на смертномъ вѣчѣ,
Твой подписали приговоръ.

С. Стромиловъ.

Пройдутъ вѣка, исчезнутъ съ лица земли многіе города и самыя государства, возникнутъ новыя, усовершится военное искусство; можетъ быть, настанутъ битвы еще кровопролитнѣйшія Бородинской; быть можетъ, погибнутъ самые твердые памятники, самыя письменныя свидѣтельства о сей знаменитой битвѣ, но изустная память о ней переживетъ самое время;

сказанія о ней, подобно сказаніямъ о Куликовскомъ побоищѣ, о Полтавскомъ боѣ, будутъ передаваться изъ устъ въ уста, отъ отца къ сыну, цѣлыми поколѣніями, доколѣ имя Русское будетъ существовать въ мірѣ. Скажемъ болѣе: подвигаясь съ каждымъ годомъ ближе къ потомству, не далѣе какъ черезъ полвѣка сказанія о сей удивительной борьбѣ Россіи съ цѣлымъ западомъ Европы, ставшимъ подъ знамена величайшаго полководца и счастливѣйшаго побѣдителя, обнажась отъ всѣхъ одностороннихъ сужденій, отъ всѣхъ личныхъ вліяній, займутъ умы и перо людей безпристрастныхъ, и какъ бой Фарсальскій, какъ битва при Замѣ, сдѣлаются предметомъ стратегическихъ наблюденій и разысканій о нравственныхъ силахъ народовъ, о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія!

Куликовская битва предвозвѣстила спасеніе Россіи отъ ига Татарскаго, Бородинская предуготовила освобожденіе Европы отъ тяжкихъ оковъ Наполеона. Куликовская показала возрожденіе усыпленныхъ силъ государства, едва не погасшихъ подъ бременемъ двувѣковаго ига; другая, подобно Полтавской, рѣшила вопросъ политическаго существованія Россіи: *Быть или не быть?* To be or not to be?

Съ такими мыслями пріидетъ на мѣсто Бородинской битвы, черезъ сто или болѣе лѣтъ, маститый старецъ, потомокъ героя, падшаго здѣсь за отечество, и пылкому юношѣ, готовому летѣть подъ орлы Русскіе, укажетъ дѣянія доблестныхъ его предковъ, воспламенитъ юное сердце къ подражанію.

Свѣтлая лунная ночь не мало способствуетъ къ представленію картины Бородинскаго боя, живѣе, правдоподобнѣе. Блуждающіе на безконечной равнинѣ

оттѣнки отъ бѣгущихъ облаковъ по синему эѳиру, трепещущіе верхи деревъ, колеблемыхъ вѣтромъ, рисующіеся черными исполинами, какъ бы населяютъ поле битвы живыми существами или возставшими тѣнями убитыхъ воиновъ; самая зарница, разсѣкающая вдали горизонтъ яркими полосами, представляется воспламененному воображенію заревомъ 2000 орудій, изрыгавшихъ здѣсь смерть и гибель въ продолженіе двухъ сутокъ, а глухой гулъ изъ близлежащаго бора кажется ревомъ страшнаго боя.

Едва ли когда на землѣ былъ бой упорнѣе, кровопролитнѣе, едва ли когда два безчисленныя воинства были воспламенены большею необходимостію въ побѣдѣ, какъ на Бородинскомъ полѣ; одни по славолюбію, другіе по любви къ отечеству. Французы, отъ Императора до послѣдняго солдата, желали сраженія, обольщаясь увѣренностію, что однимъ сильнымъ ударомъ купятъ себѣ славу завоевателей сильнѣйшаго царства Европейскаго, не признававшаго законовъ властелина Европы; что въ Москвѣ ожидаетъ ихъ довольство, изобиліе, невообразимыя богатства и удовольствія; что путемъ несомнѣнной побѣды они возвратятся въ свое отечество съ новыми лаврами, для вѣчной славы и отдохновенія. Сверхъ того, въ разноплеменныхъ рядахъ Наполеоновыхъ полчищъ оказывались уже знаки безначалія, своевольствъ и ропота на недостатки всякаго рода. Русскіе ждали боя не менѣе Французовъ. Продолжительное отступленіе отъ береговъ Нѣмана, отступленіе, съ которымъ боролось чувство народной гордости, и личнаго мужества, начинало поселять уныніе въ войскахъ и возбуждать недовѣрчивость къ вождю. Съ горестію видѣли успѣ-

хи непріятеля и быстрое приближеніе его къ священнымъ стѣнамъ Москвы, для защиты которой готовы были всѣ положить свои головы; въ недоумѣніи, неохотно Русскіе жгли и истребляли запасы и магазейны, заготовленные по дорогѣ, которою отступали, какъ вдругъ, прибытіе къ войску новаго главнокомандующаго, бывшаго нѣкогда правою рукою Суворова, и снова покрывшагося лаврами на войнѣ съ Турками, ободрило, оживило его; уныніе обратилось въ восторгъ, усилившій жажду сразиться съ врагами и остановить стремленіе ихъ, ознаменованное грабительствомъ, святотатствомъ и опустошеніемъ Россіи, напомнившимъ времена Тамерлановы. Прибытіе Кутузова къ арміи, 18 Августа, Французы замѣтили по необыкновенному въ ней движенію, также, какъ нѣкогда Тюрень отгадалъ смерть Монтекукулли при взглядѣ на Австрійскую армію. И Кутузовъ не упустилъ воспользоваться счастливымъ расположеніемъ духа воиновъ: избравъ поля Бородинскія для генеральнаго сраженія, онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, не теряя времени, отступить къ сей позиціи, которую они и заняли 22-го Августа. Первая армія, состоявшая изъ 76,700 человѣкъ, подъ начальствомъ храбраго Барклая де-Толли, вождя, безропотно сложившаго съ себя верховное начальство и ставшаго въ ряду воиновъ, помѣщена была на *правомъ флангѣ,* укрѣпленномъ отъ самой природы крутыми берегами рѣки Колочи и глубокими оврагами, поросшими кустарникомъ, и *въ центрѣ,* прикрывавшемся также противъ села Бородина Колочею и ручьемъ Стонцемъ, издревле носившими сіи имена, вѣроятно, въ воспоминаніе минувшихъ битвъ и какъ бы въ предвѣстіе будущихъ.

Лѣвое крыло, лишенное всякой природной обороны, занято было второю арміею, предводительствуемою славнымъ Княземъ Багратіономъ. Силы ея не превышали 34,000 человѣкъ. Сверхъ того находилось при обѣихъ арміяхъ 7000 казаковъ, 10,000 ратниковъ ополченія и 640 орудій. Тотъ же часъ приступлено было къ укрѣпленію позиціи, судя по удобности мѣстоположенія, люнетами, флешами, засѣками, но не успѣли еще кончить близъ села Шевардина большаго редута, какъ, 24 числа, показался Наполеонъ съ 185,000 войска, заключавшаго въ себѣ цвѣтъ всей Европы, и съ огромною артиллеріею, простиравшеюся до 1000 орудій.

Первое дѣйствіе Французовъ обращено было на Шевардинскій редутъ, который препятствовалъ Наполеону обозрѣть Русскую армію и развернуть огромныя силы свои на большомъ пространствѣ. Четыре раза переходилъ редутъ этотъ изъ рукъ въ руки, и хотя послѣ отчаяннаго, кровопролитнаго сопротивленія, Французы были вынуждены возвратить его Русскимъ, но какъ цѣль устроенія онаго, открыть истинное направленіе силъ непріятельскихъ и самаго намѣренія Наполеона, была нѣкоторымъ образомъ уже достигнута, и притомъ укрѣпленіе это находилось далеко впереди строевой линіи, то главнокомандующій приказалъ ночью оставить его.

Слѣдующій день, 25 Августа, обѣ арміи провели въ приуготовленіяхъ къ смертному бою и въ наблюденіяхъ. Кутузовъ не сомнѣвался, что Наполеонъ мгновенно замѣтитъ слабость лѣваго Русскаго крыла и возможность, при превосходствѣ силъ своихъ, обойти его по старой Смоленской дорогѣ, а потому взялъ

всѣ возможныя предосторожности, и приготовилъ сильныя подкрѣпленія для отраженія непріятеля въ семъ важномъ пунктѣ. Съ обѣихъ сторонъ ничего не было упущено къ возбужденію мужества и бодрости въ войскахъ. Въ полдень, Кутузовъ приказалъ носить по полкамъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, и когда воины возсылали теплыя молитвы къ Подательницѣ благъ, испрашивая ея благословенія, — вдругъ надъ грознымъ воеводою силъ Русскихъ показался въ воздухѣ орелъ. Кутузовъ обнажилъ главу свою, украшенную почтенными сѣдинами, предъ вѣстникомъ побѣды, и громкое ура! пронеслось по безчисленнымъ рядамъ восхищеннаго воинства. Между тѣмъ, какъ въ Русскомъ станѣ царствовала какая-то благоговѣйная тишина, во Французскомъ раздавались шумныя восклицанія и плески. При громѣ: vive l'Empereur! читали дневный приказъ Наполеона: онъ напоминалъ солдатамъ, съ силою ему одному свойственнаго лаконизма, ихъ прежніе подвиги, заключивъ, что требуетъ побѣды отъ нихъ, тогда какъ Русскіе испрашивали ея отъ святыни. И эта насмѣшка надъ набожностію Русскаго народа произвела, можетъ быть, болѣе восторга и дѣйствія въ сердцахъ кичливыхъ вольнодумцевъ, чѣмъ всѣ воззванія и самая лесть, которыя употребилъ Наполеонъ, зная духъ своего народа. Въ продолженіе роковой ночи, съ 25 на 26-е число, враждующіе станы представляли не меньшую противуположность: Русскій покрытъ былъ какимъ-то таинственнымъ мракомъ; едва курились бѣлымъ дымомъ истлѣвавшія головни костровъ, вокругъ коихъ отдыхали храбрые воины, готовые воспрянуть по первому зову, чтобъ летѣть на врага и на явную

смерть. Казалось, ангелъ мира помавалъ надъ ними крыломъ своимъ. Они были покойны: за нихъ бодрствовалъ неусыпный стражъ ихъ, ихъ воевода, вождь, посѣдѣвшій на поляхъ побѣдъ; только въ его ставкѣ замѣтно было движеніе и дѣятельность, только въ его ставкѣ виднѣлся по временамъ огонь..... Напротивъ того, трескъ пылавшихъ костровъ, музыка, пѣніе, трубные звуки и крики, дикимъ гуломъ приносились отъ стана непріятельскаго, и въ заревѣ огней, то являлись, то исчезали, подобно тѣнямъ фантасмагоріи, толпы буйныя и нестройныя. Легко было заключить, что симъ волненіемъ и кликами знаменовалось присутствіе Наполеона, который всю ночь провелъ на конѣ, переносясь отъ одного корпуса къ другому, тревожимый опасеніемъ, чтобъ Русскіе не оставили опять безъ боя своей позиціи.

Наконецъ изъ густаго тумана показались и первые лучи дневнаго свѣтила: «Это Аустерлицкое солнце!» воскликнулъ Наполеонъ, и приказалъ начать сраженіе.

Первое Французское ядро упало у ставки Кутузова, не сдѣлавъ ни какого вреда; и это во всякомъ другомъ случаѣ незамѣченное обстоятельство, вмѣстѣ съ появленіемъ наканунѣ орла надъ главою вождя, принято было знаменіемъ благословенія къ нему небеснаго Промысла. И вотъ, застонала земля, дрогнули окрестные поля и лѣса, открылся бой на всѣхъ точкахъ съ одинаковымъ почти стремленіемъ и ожесточеніемъ; самый жестокій завязался на лѣвомъ крылѣ Русскомъ. Обѣ стороны равно постигали, что высоты Семеновскія были ключемъ Русской позиціи, и обѣ употребили всѣ хитрости военнаго искусства, всѣ

усилія мужества, даже ярости и отчаянія, чтобъ остаться властелинами оныхъ. Укрѣпленія высотъ по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки; Французы лѣзли по трупамъ своихъ товарищей прямо на пушки. Русскіе и только штыкъ Русскій могъ останавливать ихъ изступленіе. Русскіе генералы и офицеры примѣрами самоотверженія удерживали равновѣсіе армій, несоразмѣрныхъ въ числѣ; съ горстію храбрыхъ кидались на непріятеля втрое сильнѣйшаго, стояли подъ градомъ ядеръ и картечь, вырывавшихъ цѣлые ряды, стояли, не трогаясь съ мѣста, и покрытые язвами, истекающіе кровію, не оставляли знаменъ своихъ.

Поля, лѣса, овраги покрылись тѣлами убитыхъ, оторванными членами раненыхъ, облились кровію; въ полдень огонь начиналъ слабѣть, аттаки дѣлались рѣже и не столь кровопролитными: казалось, обѣ стороны изнемогали. Французы, не смотря на величайшее превосходство свое въ числѣ и на всѣ свои пожертвованія, не получили почти ни какой поверхности надъ Русскими, какъ Наполеонъ снова соединилъ сильныя колонны, и прикрывъ ихъ огнемъ 400 орудій, кинулся на лѣвое крыло наше съ удвоеннымъ стремленіемъ и отвагою; но осторожный, предусмотрительный Кутузовъ встрѣтилъ его также съ свѣжими резервами и 300 пушками. И подъ убійственнымъ грохотомъ 700 орудій, нерѣдко поставленныхъ на ружейный выстрѣлъ одно противъ другаго, битва сдѣлалась скоро рукопашною сѣчею. Пѣшіе, конные, артиллеристы, Русскіе, Французы, Нѣмцы, Поляки, Испанцы, смѣшались, такъ сказать, въ одну кучу, оспоривая смертію другъ у друга каждый шагъ земли,

каждое движеніе впередъ. Въ пылу этой сѣчи смертельная рана поражаетъ Князя Багратіона; Тучковъ, Кутайсовъ и нѣкоторые другіе генералы и офицеры убиты, другіе ранены: между ними Ермоловъ и Воронцовъ. — Русскіе отряды, лишаясь начальниковъ, подаются назадъ, а Французы врываются во флеши, и если бъ Коновницынъ не подоспѣлъ возстановить порядокъ между отступившими за оврагъ Семеновскій, не одушевилъ ихъ безпримѣрнымъ мужествомъ, а Наполеонъ внялъ просьбамъ своихъ маршаловъ, которые убѣждали его тогда же двинуть молодую гвардію, составлявшую резервъ, то сраженіе могло бы имѣть гибельный для Русскихъ конецъ. Но рука Провидѣнія видимо спасла Русскую армію и Россію: Наполеонъ, доселѣ рѣшительный, проницательный, не воспользовался этою счастливою для него минутою, обративъ вниманіе на разстройство лѣваго крыла своего, произведенное блистательною кавалерійскою аттакою Уварова. Между тѣмъ, какъ онъ напрягалъ всѣ усилія исправить эту неудачу и опрокинуть нашъ центръ, Коновницынъ занялъ высоты за Горскимъ и Семеновскимъ оврагами, и уже тщетно, во все продолженіе дня, побѣдитель Европы старался вознаградить минутное свое преимущество; тщетно кавалерійскіе его корпуса Латуръ-Мобура и Нансути кидались чрезъ оврагъ, чтобъ вытѣснить Русскихъ съ позицій и обойти по большой Смоленской дорогѣ; три отчаянныя аттаки кирасирской дивизіи Сентъ-Жермена на гвардейскіе полки, Измайловской и Московскій, не имѣли также ни какого успѣха. Правда, въ сумеркахъ, Понятовскому удалось внезапнымъ нападеніемъ заставить Багговута оставить курганъ, занимаемый имъ

за Утицкою равниною, но потомъ напрасны были всѣ усилія его выбить Русскихъ изъ занятой ими высоты, при вершинѣ ручья Семеновскаго. Въ 9 часовъ вечера, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ штыками выгналъ непріятеля, засѣвшаго въ противуположномъ лѣсу.

Между тѣмъ и перестрѣлка, продолжавшаяся по всей линіи съ одинаковымъ ожесточеніемъ, начинала слабѣть; побѣдныя восклицанія той и другой стороны становились рѣже, аттаки кавалерійскія слабѣе; жажда крови простывала, битва замирала. Наконецъ, ночная темнота совершенно прекратила сраженіе. Противныя арміи равно нуждались въ отдохновеніи, равно изнемогали отъ трудовъ и усилій минувшаго дня, и большая часть ихъ осталась ночевать, такъ сказать, на трупахъ своихъ товарищей, еще не преданныхъ землѣ, еще не охладѣвшихъ. Французскіе корпуса отступили на позиціи, которыя занимали поутру; одни передовые посты ихъ остались въ Бородинѣ, Утицѣ и во взятыхъ ими укрѣпленіяхъ. Русская армія также расположилась на первоначальной своей позиціи.

И вотъ мертвая тишина воцарилась въ Русскомъ лагерѣ; одни оклики часовыхъ возвѣщали жизнь. Утомленные, изнуренные воины вкушали отдохновеніе, забывъ всѣ ужасы битвы, но Французы лишены были и этой отрады: разсыпавшіеся казаки не давали имъ ни на минуту покоя, тревожили ихъ во всю ночь, и къ утру распространили смятеніе до самой палатки Наполеона, такъ что старая его гвардія должна была стать въ ружье. Освѣженная благотворнымъ отдохновеніемъ, Русская армія, въ 6 часовъ утра снялась съ позиціи своей въ такомъ порядкѣ и тишинѣ, что

Французы, отягченные усталостію, не замѣтили того ранѣе 10 часовъ.

Такъ кончилась знаменитая и достопамятнѣйшая въ лѣтописяхъ современной исторіи Бородинская битва, которую Французы называютъ битвою генераловъ (bataille de généraux), потерявъ 9 генераловъ убитыми и 30 ранеными. Со стороны Русскихъ пали въ битвѣ 4 генерала, и ранено 11. Потеря въ войскѣ была равномѣрная: въ каждой арміи выбыло изъ-подъ ружья болѣе трети воиновъ. Русская армія, изъ числа 120,000, лишилась болѣе 15 тысячъ убитыми и вдвое того ранеными; утрата, конечно, огромная, тяжкая, но она легко могла быть исправлена замѣненіемъ свѣжими ополченіями, стекавшимися отвсюду, между тѣмъ какъ Наполеонъ, отдѣленный тысячами верстъ отъ источниковъ своихъ силъ, лишенъ былъ возможности пополнить свою матеріяльную потерю, тогда какъ Бородинскій бой, разрушивъ мечты объ окончаніи войны однимъ ударомъ, убѣдилъ, что она только что начинается. Важнѣе всего было то, что съ этой минуты поселилось въ рядахъ разноплеменныхъ полчищъ Наполеоновыхъ пагубное для него уныніе, которое было предтечею дальнѣйшихъ ошибочныхъ его расчетовъ и неудачъ, не смотря на самое занятіе имъ Москвы.

Ожесточеніе, съ какимъ происходила Бородинская битва, доказывается еще малымъ числомъ плѣнныхъ и трофеевъ, доставшихся той и другой сторонѣ. Число первыхъ не превышало 1000 человѣкъ, а вторые ограничивались 10 орудіями, которыя отбиты Русскими, и 13, которыя захвачены Французами.

Возлѣ первой флеши, у деревни Семеновской, гдѣ

палъ храбрый генералъ Тучковъ, вдова его соорудила церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса. Въ храмѣ семъ, напоминающемъ благочестивое обыкновеніе нашихъ предковъ ознаменовывать великія событія подобными памятниками, ежегодно 25 августа бываетъ крестный ходъ изъ села Бородина, и совершается панихида въ память Русскихъ воиновъ, падшихъ на поляхъ Бородинскихъ. На этотъ день стекается сюда великое множество народа, не только изъ окрестныхъ селеній, но и изъ Можайска и другихъ близлежащихъ городовъ; приходятъ на клюкахъ и инвалиды, бывшіе участниками въ семъ великомъ дѣлѣ. Вѣримъ разсказу добраго старика Ѳомы, здѣшняго привратника, что православные снимаютъ шляпы при видѣ сихъ героевъ, отличающихся отъ прочихъ богомольцевъ почтенными знаками храбрости, потерею руки, ноги, глаза и т. п. Онъ же указывалъ и на деревянный крестъ, поставленный противъ алтаря, проходившими изъ Воронежа въ С. Петербургъ, военно-сиротскими воспитанниками, въ память отцевъ своихъ. Добрыя дѣти, возросшія въ правилахъ Вѣры и нравственности, пѣли здѣсь и панихиду. Старецъ привратникъ укажетъ въ предсѣніи храма мѣсто, откуда видно почти все поле сраженія, Колоцкій Монастырь, село Бородино и прочія деревни, занятыя нѣкогда непріятелемъ, даже мѣста его баттарей противъ праваго нашего фланга. Онъ надѣлитъ и пулями и картечами, доселѣ находимыми здѣсь во множествѣ, особенно въ лѣсу, бывшемъ цѣлію безпрерывной перестрѣлки въ продолженіе 12 часовъ.

Нынѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, воспослѣдовавшаго 26 февраля 1838 года, учреждается на мѣ-

стѣ семъ обитель подъ именемъ Спасскаго общежительнаго женскаго монастыря. Уже съ 1833 года находилось здѣсь Спасо-Богородицкое женское общежитіе, съ цѣлію доставить мирное и душеполезное убѣжище обремененнымъ нуждами, скорбями и суетою жизни, 20-ти женщинамъ; но скоро введенный порядокъ и призрѣніе больныхъ и безпомощныхъ привлекли въ общежитіе болѣе, нежели вдвое предположеннаго числа сестръ, такъ что вдова доблестнаго Тучкова, всегда дѣятельная, усердная попечительница сего богоугоднаго учрежденія, получила отъ Святѣйшаго Синода дозволеніе учредить, на мѣсто онаго, обитель, въ которой бы всегда приносились молитвы о душахъ православныхъ Россіянъ, животъ свой положившихъ во брани за Вѣру, Царя и отечество.

VI

Ипатьевскій монастырь.

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ИПАТІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Первою достопамятностію въ Костромѣ есть, неоспоримо, Ипатіевскій Монастырь, по воспоминаніямъ, священнымъ для Россіянина. Юный Михаилъ, родоначальникъ царственнаго дома Романовыхъ, укрывался въ стѣнахъ онаго отъ руки иноплеменныхъ злодѣевъ, искавшихъ его погибели; отсюда призванъ онъ общимъ гласомъ освобожденной Россіи на престолъ царскій; отсюда, съ родомъ Романовыхъ, возсіяла заря блаженства и славы для Россіи.

Монастырь лежитъ на крутомъ берегу рѣки Костромы, гдѣ вливаетъ она въ величественную Волгу быстрыя свои воды, далеко замѣтныя въ ней отдѣльною струею сизаго цвѣта. Рѣки сіи при весеннемъ разливѣ представляются необозримымъ моремъ, изъ котораго возвышается Ипатіевская Обитель. Садъ, разбитый по верху болверка, построеннаго для предо-

храненія отъ напору льда и кажущійся воздушнымъ, придаетъ не мало красоты грознымъ древнимъ башнямъ и огромному зданію, огражденному зубчатыми стѣнами.

Основаніе обителей въ Россіи напоминаетъ большею частію какое нибудь изъ достопамятныхъ событій, которыя предки наши любили передавать потомству въ памятникахъ сего рода.

Основателемъ Ипатіевскаго Монастыря былъ Татарскій Мурза Четъ, бѣжавшій въ Россію съ дѣтьми своими и многими другими Мурзами въ 1330 году изъ Золотой Орды, обуреваемой междоусобными мятежами. Плывя вверхъ по Волгѣ, и привлеченный красотою плѣнительнаго мѣстоположенія, онъ раскинулъ здѣсь шатры свои для отдыха. Но въ то же время его постигла тяжкая болѣзнь: онъ уже чувствовалъ близость смерти, когда представилась ему въ чудесномъ видѣніи Богоматерь со святымъ мученикомъ Ипатіемъ; больной далъ обѣтъ принять Христіанскую Вѣру, если получитъ облегченіе, исцѣлился и поспѣшилъ въ Москву принять отъ руки Петра Митрополита святое крещеніе съ именемъ Захарія, а въ свидѣтельство благодарности промыслу Божію, построилъ здѣсь деревянную церковь Живоначальныя Троицы, съ придѣломъ священномученика Ипатія. Въ послѣдствіи, одинъ изъ потомковъ Татарскаго князя, бояринъ Димитрій Годуновъ, въ 1586 году, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, вмѣсто деревянной церкви построилъ каменную съ пятью золотыми главами, а потомъ каменный же теплый Рождественскій Соборъ съ трапезою, и каменную ограду вокругъ монастыря съ настоятельскими кельями и святыми вратами. Такъ

основалась обитель, издревле именовавшаяся Свято-Троицкою Ипатіевскою.

Во вкладной монастырской книгѣ значится, что на сооруженіе сей великолѣпной ограды, конюшимъ Димитріемъ Ивановичемъ дано 815 рублей. Сумма важная въ то время, и сверхъ того, имъ же, и братомъ его, бояриномъ Иваномъ Ивановичемъ, принесены въ даръ многія сокровища, доказывающія, сколь великими богатствами обладала сія фамилія. Золотой окладъ, на одной изъ мѣстныхъ иконъ того времени, осыпанный крупнымъ жемчугомъ и разными драгоцѣнными каменьями, по нынѣшней цѣнѣ стоитъ не менѣе 100,000 рублей. Три Шведскія золотыя медали на лентахъ у сего образа суть даръ Царя Михаила Ѳеодоровича, и, вѣроятно за первый миръ, заключенный имъ съ Швеціею въ 1617 году, февраля 17-го дня, въ Столбовой; миръ, успокоившій Россію по долгихъ смутахъ и положившій основаніе ея возрожденію. Щедрые Годуновы принесли въ даръ сей обители около 90 разныхъ иконъ, изъ коихъ 45 въ золотыхъ окладахъ, а остальныя въ серебряныхъ. Сверхъ того, подарены бояриномъ Дмитріемъ Годуновымъ драгоцѣнная плащаница, вышитая жемчугомъ и стоящая болѣе 50,000 рублей; золотые сосуды, со всѣми утварями, украшенные бурмитскими зернами и драгоцѣнными каменьями, вѣсомъ 8 фунтовъ 42 золотника; двѣ большія серебряныя чаши для водоосвященія въ 11 фунт. вѣсомъ, въ вѣчный поминокъ по своихъ женахъ; серебряный чеканный престолъ съ покровомъ, украшеннымъ жемчугомъ; рукописное Евангеліе рѣдкой красоты, обложенное серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и которое Димитрій далъ въ обитель за

свое здравіе и за свою жену Матрену, «а Богъ по душу сошлетъ, ино по своей душѣ и по своихъ родителяхъ для вѣчныхъ благъ.» Братомъ его Иваномъ Ивановичемъ подарены серебряные сосуды въ 6 фунтовъ и печатное Евангеліе въ богатоукрашенномъ окладѣ. Многіе изъ бояръ рода Годуновыхъ, въ томъ числѣ отецъ, и мать Бориса Годунова, Стефанида, во инокиняхъ Сундулея, усердствуя къ сему мѣсту, завѣщали положить здѣсь бренные свои останки и погребены подъ нижнимъ сводомъ Рождественской церкви. Гробницы ихъ покрыты были чрезвычайно богатыми покровами, вышитыми жемчугомъ, который, по обветшаніи ихъ, снятъ и употребленъ для архіерейскихъ митръ и на два драгоцѣнные саккоса. Большой колоколъ, въ 600 пудъ, находящійся въ монастырѣ, есть вкладъ, въ 1642 году стольника Алексѣя Годунова, и сродника его Василья Стрѣшнева. Сверхъ сего, Ипатіевская обитель была столько надѣлена богатыми селами и угодьями, что въ 1764 году, до изданія штата, считалось за нею 11,000 душъ мужескаго пола. Доходы съ вотчинъ обращались не только на братію, но и на содержаніе бѣдныхъ всякаго званія. По указамъ царскимъ, весьма многіе присылались на содержаніе монастырское; такимъ образомъ обители замѣняли и богоугодныя заведенія. Изъ книгъ монастырскихъ видно, что въ числѣ ежегодныхъ запасовъ получалось для обители 200 пудъ меду, 500 осетровъ и бѣлугъ, кромѣ другой рыбы; хлѣба 500 четвертей и проч. Всѣ запасы покупались и провозились безпошлинно, а притомъ Ипатіевская Обитель пользовалась особеннымъ правомъ, бывъ освобождена патріаршею граматою отъ

надзора и суда патріаршихъ десятинниковъ, собиравшихъ съ монастырей десятую часть на патріарха.

Нынѣшній Троицкій Соборъ построенъ въ 1652 году, по дозволительной граматѣ Царя Алексѣя Михайловича монастырскимъ иждивеніемъ, на мѣсто стараго, разрушеннаго страшнымъ вихремъ, бывшимъ въ 1649 году Января 29 дня. Старинная живопись по стѣнамъ уцѣлѣла донынѣ, но иконостасъ передѣланъ, въ 1758 году, по образцу Успенскаго Собора. Подъ нижнимъ сводомъ сего собора устроена, въ 1768 году, церковь во имя св. Лазаря; весьма замѣчательно, что въ ней нѣтъ ничего деревяннаго: все сдѣлано изъ камня, даже самый иконостасъ. Стѣны сей церкви расписаны выразительными живописными изображеніями, относящимися къ божественной молитвѣ: *Отче нашъ*. Въ преддверіи, служащемъ папертью для Лазаревой церкви, скромный памятникъ показываетъ мѣсто, гдѣ погребенъ архипастырь Дамаскинъ, прославившійся краснорѣчіемъ, дѣятельною и добродѣтельною жизнію.

Имъ же была перестроена и распространена теплая соборная Рождественская церковь, въ 1760 году. Епископъ Евгеній въ послѣдствіи устроилъ во внутренности сего собора десять колоннъ Іоническаго ордена, для поддержанія пространнаго потолка, что придало красоты и самому храму.

Монастырская ограда, еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, распространена къ западу почти на 500 саженъ, и украшена тремя башнями, изъ коихъ подъ среднею устроены врата на томъ самомъ мѣстѣ, откуда выѣхалъ юный Монархъ въ Москву, для принятія вѣнца царскаго.

Сіе достопамятное происшествіе послужитъ навсе-

гда славою Ипатіевской обители. Воспоминаніе о немъ драгоцѣнно для Русскаго сердца. Откинемъ завѣсу временъ минувшихъ, чтобъ вполнѣ насладиться имъ: перенесемся мыслію въ 1612 годъ.

Спасители отечечества, Мининъ, Пожарскій и Палицынъ, уже освободили Москву отъ неистовыхъ враговъ; но Россія не была еще успокоена; народъ требовалъ Государя; присланные отъ всѣхъ городовъ люди выборные не рѣшались еще наименовать Царя... Многіе честолюбивые бояре замышляли захватить бразды правленія. Но мужъ, безпримѣрный великодушіемъ и самоотверженіемъ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, указалъ отечеству надежду благоденствія въ юномъ Михаилѣ Θеодоровичѣ Романовѣ, какъ ближайшемъ потомкѣ древнихъ Русскихъ вѣнценосцевъ, коего высокій родъ не оскорблялъ горделивыхъ бояръ, и который, не имѣвъ участія въ смутахъ, могъ вѣрнѣе укротить ихъ, не принадлежа ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Счастливая мысль сія, какъ нѣкое вдохновеніе, распространилась по столицѣ, овладѣла всѣми умами и водворила единодушіе. Послѣ всеобщаго совѣщанія, бывшаго 21 февраля 1613 года и всенощнаго молебствія по соборамъ, приступили къ сочиненію извѣстительной граматы во всѣ города Россіи о единодушномъ избраніи Михаила Романова на царство Русское. Для извѣщенія юнаго Монарха, избраны были Θеодоритъ, архіепископъ Рязанскій, Авраамій Палицынъ, келарь Троицкаго монастыря, бояринъ Θеодоръ Ивановичъ Шереметевъ со многими другими государственными сановниками, и готовились отправиться въ Костромскую отчину Михаила, въ которой онъ имѣлъ пребываніе, какъ новая опасность едва

было не ввергнула Россію въ новыя бѣдствія безначалія и междоусобій.

Поляки и Литовцы, разорявшіе Россію, узнавъ о единодушномъ избраніи Михаила въ Москвѣ, умыслили на злодѣйство, и послали сильный отрядъ наѣздниковъ въ Костромскую вотчину Романовыхъ. Время было ненастное, холодное, начинало смеркаться, когда враги встрѣтили крестьянина Ивана Сусанина, и суля ему золота, взяли его себѣ проводникомъ къ помѣстью Романовыхъ. Вѣрный и усердный къ своему боярину Сусанинъ догадался о умыслѣ злодѣевъ, и показывая, что съ радостію готовъ выполнить ихъ желаніе, послалъ между тѣмъ своего зятя извѣстить Михаила о предстоящей опасности, а самъ повелъ ихъ лѣсомъ въ противную сторону:

Идутъ, а снѣгъ имъ по колѣни,
И къ вечеру ужъ близокъ день,
Устали Ляхи, слышны пени,
Не видно селъ, ни деревень;
Въ сердцахъ таится подозрѣнье,
Во взорахъ ихъ ожесточенье.
Куда ведешь ты насъ, сѣдой?
Гляди, весь лѣсъ сплелся стѣной!
Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,
Въ какую глушь заведены?
Одни медвѣжьи тутъ берлоги
Чупыжникомъ завалены!
«Путь дологъ, кажется, родные,
«Тому, кто въ первый разъ идетъ;
»Но волосы мои сѣдые
«Вамъ знакъ, что я найду здѣсь слѣдъ.»
Повелъ ихъ въ чащу, межъ елями,
Здѣсь хлещетъ лѣсъ въ глаза вѣтвями,
И слышенъ межъ нагихъ деревъ
Крикъ птицъ ночныхъ, звѣриный ревъ;

Мятель клубится въ ночи темной,
Холодный зимній вѣтеръ вылъ;
Въ дубравѣ, снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ,
И совы зоркія летали;
Но вотъ со всѣхъ сторонъ оврагъ.
Куда? — Сусанину вскричали,
Куда ты насъ завелъ, злой врагъ?
Погибнешь ты! — «Когда хотите,
Вотъ голова моя — рубите!
Ищите сами вы пути,
А до Царя вамъ не дойти!
Что стали? Говорю вамъ ясно,
Далеко наше солнце красно!
Мнѣ смерть близка, я знаю самъ,
За злато жъ душу не отдамъ!
У Русскихъ не найдешь измѣны.»
И палъ Сусанинъ пораженный!
Онъ палъ за Русскаго Царя,
Но славой дни его покрылись:
И на бездушный трупъ смотря,
Литовцы въ трепетѣ дивились.

Такъ передалъ въ прекрасныхъ стихахъ подвигъ Сусанина сельскій поэтъ изъ Русскихъ крестьянъ Слѣпушкинъ. Мѣсто, гдѣ палъ Сусанинъ, показываютъ въ селѣ Исуповѣ, откуда Поляки, не надѣясь отыскать убѣжища Михаилова, и не зная, куда скрылся онъ, отправились на Бѣло-Озеро.

Между тѣмъ Михаилъ, получивъ предостереженіе, пробрался окрестными дорогами въ Ипатіевскій Монастырь, гдѣ находилась родительница его, инокиня Мароа Ивановна, и гдѣ, судя по крѣпости стѣнъ, онъ былъ болѣе въ безопасности.

Вскорѣ и посольство, отправленное изъ Москвы, прибыло въ новое селище, находящееся въ виду города Костромы на противномъ берегу Волги, а на

другой день, 14 марта, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго стеченія народа обоего пола, поднявъ кресты, хоругви и чудотворныя иконы, принесенныя изъ Москвы, приближалось къ Ипатіевской Обители. Не помышляя о земномъ величіи, Марѳа Ивановна съ христіанскимъ смиреніемъ вышла за врата съ юнымъ своимъ сыномъ на встрѣчу крестному ходу, и съ благоговѣніемъ приложились къ святымъ иконамъ; но какъ изобразить изумленіе нѣжной матери, и скромнаго отрока, когда послы подали имъ свои граматы, и предъ алтаремъ Божіимъ провозгласили избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича. Но избранный отрекался отъ престола́. Тщетно архіепископъ Ѳеодоритъ и келарь Палицынъ употребляли убѣжденія духовнаго краснорѣчія, тщетно бояринъ Шереметевъ представлялъ необходимость отечества, и народъ рыданіями испрашивалъ согласіе: Марѳа Іоанновна и сынъ ея были непреклонны. Она страшилась благословить своего юнаго сына на царство при столь смутныхъ обстоятельствахъ, при волненіи, обуревавшемъ Россію; Михаилъ чувствовалъ себя не въ силахъ поднять тяжкое бремя правленія, боялся согласіемъ своимъ возбудить мщеніе Поляковъ на отца своего Филарета Никитича, захваченнаго ими въ плѣнъ..... Тогда Ѳеодоритъ, дѣйствуя святынею Вѣры, беретъ образъ Божіей Матери, написанный Петромъ митрополитомъ, а Палицынъ икону великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, и приблизясь къ нимъ, вѣщаютъ твердымъ голосомъ: «Повинуйтесь волѣ Божіей Матери: Она притекла возвѣстить вамъ опредѣленіе ваше; Она умудритъ васъ въ предстоя-

щихъ трудахъ и подвигахъ; не народомъ, а Богомъ и Богоматерію избраны вы на великое дѣло!»

Послѣ сего Мареа Іоанновна не могла болѣе противиться; зарыдавъ, она пала предъ образомъ Божіей Матери, помолясь, подвела къ нему державнаго юношу, и сказала: «Се Тебѣ, о Богомати, Пречистая Богородица, въ Твои пречистыя руцѣ, Владычице, чадо свое предаю; яко же хощеши, устроиши ему полезная и всему православному христіанству.»

Внезапно слезы печали превратились въ слезы радости, уныніе въ восторгъ, и юный Михаилъ тутъ же провозглашенъ Царемъ, возведенъ послами на великокняжеское мѣсто, нѣкогда устроенное для Великаго Князя Василія Дмитріевича, который, въ 1408 году, удалясь въ Кострому, имѣлъ нѣкоторое время пребываніе свое въ Ипатіевской Обители, и принявъ царскій жезлъ, слушалъ на немъ торжественное молебствіе. Послы тотчасъ отправили гонцевъ въ Москву съ радостнымъ извѣщеніемъ, и въ память сего знаменитаго событія установлено праздновать, въ сей день, т. е. 14 марта, явленіе Чудотворныя Ѳеодоровскія иконы, находящейся въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ, которое до того времени праздновалось августа 16-го дня.

Образъ Пресвятыя Богородицы, въ покровъ Которой Мареа Іоанновна поручила своего сына, тогда же поставленъ въ соборную церковь надъ царскими вратами, гдѣ и донынѣ находится. Первымъ дѣломъ новаго Царя было изъявленіе благодарности къ памяти и роду Сусанина, великодушно пожертвовавшаго собою для спасенія его. Царь повелѣлъ перевесть тѣло его въ Ипатіевскій Монастырь, и предать землѣ съ по-

честью. Время разрушило гробницу, и чтитель отечественныхъ доблестей не найдетъ уже мѣста, гдѣ покоится прахъ Сусанина. Но въ честь его воздвигается памятникъ въ Костромѣ, и подвигъ его, избранный предметомъ для великолѣпнаго народнаго зрѣлища Жизнь за Царя (*), оживленъ предъ глазами потомства и воспламеняетъ сердца восторгомъ къ великодушному самоотверженію Сусанина, смертію своею сохранившаго Россіи жизнь Михаила.

Зятю Сусанина, Богдану Собинину, и всему его потомству дарована вѣчная свобода отъ всѣхъ податей, работъ и рекрутства, и половина земли, принадлежавшей селенію Деревнищъ, называемому нынѣ Деревницы. А какъ село Домнино съ деревнями, въ томъ числѣ и Деревницы, отказаны были, по кончинѣ инокини Мароы Іоановны, Новоспасскому монастырю въ Москвѣ, то потомкамъ Сусанина Михаиломъ Өеодоровичемъ дана взамѣнъ на лѣвой сторонѣ Волги пустошь Коробово, отстоящая отъ Костромы въ 43 верстахъ. Они поселились на сей землѣ, основали деревню сего имени, и пользуясь донынѣ дарованными имъ правами, называются бѣлопашцами, коихъ по 6 ревизіи считалось 78 душъ мужескаго пола. Обѣ жалованныя отъ Михаила Өеодоровича граматы, касательно ихъ свободы и собственности, подтверждены, въ 1720 году, Царями Іоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ, а потомъ, въ 1767 году, Императрицею Екатериною II и, въ 1837 г., нынѣ царствую-

(*) Превосходная музыка для сей оперы составлена изъ Русскихъ народныхъ напѣвовъ извѣстнымъ знатокомъ и любителемъ музыки М. И. Глинкою.

щимъ Государемъ Императоромъ. Донынѣ многочисленные потомки Сусанина совершаютъ торжественное поминовеніе по немъ въ день его смерти.

Вскорѣ по совершеніи вѣнчанія своего на царство, бывшаго 1613 года 1-го Іюля, Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ въ Ипатіевскую Обитель, въ память своего восшествія на Всероссійскій Престолъ, царское мѣсто, которое хранится въ соборѣ у праваго столба. Оно вырѣзано изъ липоваго дерева, и нѣсколько походитъ на папскую тіару. Вышина его 10 аршинъ; на верху двуглавый орелъ. Въ 1767 году, Императрица Екатерина, путешествуя по Волгѣ въ Казань, остановилась въ Костромѣ, и 15-го Мая наономъ слушала Божественную Литургію, которую совершалъ преосвященный Дамаскинъ; въ память сего изображено на семъ царскомъ мѣстѣ вензелевое имя Государыни, украшенное лаврами.

Въ каменномъ флигелѣ, обращенномъ къ Собору, были тѣ достопамятныя кельи, въ коихъ имѣлъ свое пребываніе Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда пріѣзжалъ въ сію обитель, а другой, подлѣ него, служилъ для помѣщенія Марѳы Іоанновны. Внутренность перваго совершенно передѣлана; второй остается, кажется, въ первоначальномъ своемъ видѣ, что свидѣтельствуетъ древность его сводовъ и самое расположеніе келій. Флигель сей о двухъ этажахъ, вышиною до кровли 3 сажени, длиною $12^1/_2$ саженъ. Въ верхнемъ этажѣ двое сѣней, отъ коихъ налѣво шесть жилыхъ комнатъ, а направо двѣ, служившія поварнею и приспѣшнею. Во всѣхъ комнатахъ были, какъ видно, круглые своды, кои остались только въ двухъ крайнихъ, удобныхъ еще для жительства. Существуетъ

преданіе, что большая четвероугольная келья расписана была однимъ иностраннымъ художникомъ, присланнымъ изъ Москвы отъ Царя Михаила Ѳеодоровича, и что живопись представляла, на одной стѣнѣ, восшествіе его на престолъ, на другой прощаніе съ родительницею и съ Костромичами, на третьей переправу его чрезъ Волгу, а на четвертой, торжественный въѣздъ въ Москву. Нельзя не пожалѣть, что не пощадили сего любопытнаго памятника. Стѣны этой комнаты выбѣлены столь густымъ слоемъ извести, что нѣтъ возможности спасти что либо отъ сей живописи. На лицевой сторонѣ келій видны еще остатки шахматной живописи, подобной той, какою покрыта большая трапезная церковь въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Примѣтны также развалины крыльца, которое нѣкогда вело прямо во второй этажъ, нынѣ же лѣстница на верхъ устроена снизу. Остатки стѣны между обоими флигелями ясно показываютъ еще мѣста, гдѣ были западныя врата, и надъ ними церковь, которая, вѣроятно, служила Марѳѣ Іоанновнѣ вмѣсто домовой; изъ ея кельи былъ прямо ходъ въ оную.

Благочестивые потомки чтутъ слѣды своихъ предковъ. Въ 1817 году, посѣтилъ Ипатіевскую Обитель Великій Князь Михаилъ Павловичъ, и удивляясь красотѣ жилища своего Родоначальника, воскликнулъ: «Вотъ каковы были царскіе чертоги!» Въ послѣдствіи Ипатіевская Обитель осчастливлена была посѣщеніемъ нынѣ царствующаго Государя Императора и Государя Наслѣдника, приходившихъ на поклоненіе мѣсту, бывшему убѣжищемъ вѣнценоснаго ихъ Родоначальника. Попеченіемъ Монарха древность сей обители не только предохранена отъ разру-

шенія, но составлены планы для ея возобновленія въ лучшемъ видѣ.

Къ воспоминаніямъ Ипатіевской Обители принадлежитъ долговременное, 12-ти-лѣтнее пребываніе въ ней двухъ знаменитыхъ трудами братьевъ Лихудовъ. Еще замѣтимъ, что въ 1830 году холера, свирѣпствовавшая въ Костромѣ, не коснулась Ипатіевской Обители, которая, такъ же какъ и Троицко-Сергіевская Лавра, чудесно ограждалась отъ бѣдствій своею святынею.

Недалеко отсюда запрудни, гдѣ былъ патріаршій домъ, а къ западу отъ монастыря замѣчательно Озеро Святое, прежде именовавшееся Мерскимъ, отъ народа Мери.

Г. Кострома

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

КОСТРОМА.

Приложенный присемъ видъ Костромы снятъ отъ Татарской слободы. Хотя онъ не даетъ полнаго понятія о величественномъ положеніи города, расположеннаго полукружіемъ по откосу высокаго берега, изрытаго глубокими оврагами, но выказывая великолѣпный соборъ съ его вызолоченными главами, глядящимися въ зеркало водъ широкой Волги, знакомитъ и съ живописнымъ достопамятнымъ утесомъ, теперь служащимъ ему достаточнымъ подножіемъ, а въ древности нерѣдко представлявшимъ въ оградѣ своей убѣжище для Великихъ Князей Московскихъ, при пагубныхъ набѣгахъ на Россію хищныхъ Татаръ. Такимъ образомъ, въ 1382 году, Великій Князь Димитрій Іоанновичъ Донской укрывался въ стѣнахъ Костромскаго кремля, при нашествіи Тохтамыша, а Великій Князь Василій Димитріевичъ, въ 1408 году, отъ грознаго Эдигея. Но не одна неприступность мѣстоположенія да-

вала Московскимъ Князьямъ увѣренность въ личной ихъ безопасности въ семъ городѣ: испытанная издревле преданность Костромичей къ Великимъ Князьямъ была еще сильнѣйшею тому причиною. Костромичи, не смотря, что не рѣже другихъ удѣловъ переходили отъ одного Князя къ другому, то по наслѣдству, то по правамъ войны, считали своими законными властителями однихъ Князей Московскихъ, и эта привер-женность къ ихъ роду, какъ мы видѣли въ предъидущей статьѣ, ознаменовалась во всемъ блескѣ безсмертнымъ подвигомъ Сусанина. Кострома также, подобно другимъ удѣламъ Русскимъ, временемъ возвышалась, временемъ упадала. Въ 1272 году, при княженіи Василія Ярославича, она даже величалась именемъ столицы Русской земли, а при первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, въ 1708 году, причислена была къ Московской, и такъ оставалась до 1715 года, т. е. до открытія Костромской Губерніи.

Если Кострома должна уступить Ярославлю, а можетъ быть и нѣкоторымъ другимъ приволжскимъ городамъ въ общемъ смыслѣ правильности и красоты строенія, то конечно, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ столь обширной, великолѣпной площади, какова Сусанинская. Вступая на нее съ пристани по едва замѣтной отлогости, открываешь въ переднемъ планѣ нѣсколько огромныхъ зданій, въ томъ числѣ прекрасный домъ Г-на Борщова, служившій для пріема Высочайшихъ Посѣтителей. Зданія сіи образуютъ дугу, съ одной стороны ограничивающуюся боковымъ фасомъ огромнаго дома присутственныхъ мѣстъ, съ другой красивымъ портикомъ каланчи. Между ними въ видѣ лучей пробиваются пять широкихъ прямыхъ

поперечныхъ улицъ. Съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что огромныя зданія, занимавшія по этимъ улицамъ цѣлые кварталы съ ихъ фабриками, кладовыми, садами и оранжереями, выстроенныя нѣкогда именитымъ Костромскимъ купечествомъ, приходятъ часъ отъ часу болѣе въ разрушеніе и запустѣніе. Наконецъ, длинные фасы площади представляютъ еще два продолговатые четвероугольника, заключающіе гостиный дворъ съ 300-ми лавокъ. Съ передней стороны, обращенной къ Волгѣ, начинаются двѣ длинныя улицы, изъ коихъ одна, Мшанская, продолжается въ прямомъ направленіи, какъ стрѣла, до Костромы рѣки, а другая, обойдя соборъ и извиваясь по всѣмъ направленіямъ неправильностей горнаго берега, оканчивается у Татарской слободы, что составитъ въ прямой линіи около $4^1/_2$ верстъ, между тѣмъ какъ дуга, соединяющая ихъ оконечности и составляющая окружность города съ нагорной стороны, болѣе десяти верстъ.

Изобиліе садовъ выказывающихся между домами, пестрѣющимися на ровностяхъ, открываетъ много отдѣльныхъ картинъ, достойныхъ кисти искуснаго художника. Но если кто хочетъ видѣть одинъ изъ прелестнѣйшихъ ландшафтовъ, видѣть величественную Волгу во всей красотѣ и дѣятельности, то пусть переѣдетъ на противоположный берегъ, въ Селище, и оттуда полюбуется на городъ въ тихій лѣтній вечеръ, когда закатывающееся солнце подернетъ золотомъ красные, бѣлые, зеленые верхи зданій и садовъ, и въ глубинѣ прозрачныхъ водъ выстроится другой волшебный городъ, совершенное подобіе перваго, но еще миловиднѣе, еще живѣе отъ движенія перебѣгающихъ струй. Къ довершенію наслажденія, слухъ нѣжится

вмѣстѣ съ зрѣніемъ, тысячи звуковъ долетаютъ съ барокъ, разукрашенныхъ и подвигающихся плавно, какъ гордые лебеди, по теченію быстрой рѣки. На одной раздается стройная круговая пѣсня, съ другой доносится заунывное пѣніе рулеваго, или трели рожка кручиннаго добраго молодца, тоскующаго объ оставленной имъ далеко подругѣ, а по зеркалу бездонной Волги, кажется, движется другой подобный флотъ....

Не смотря на упадокъ нѣкоторыхъ богатѣйшихъ купеческихъ домовъ, двигавшихъ еще незадолго милліонами, бывшихъ украшеніемъ своего полезнаго сословія, выгодное положеніе города для производства мелочной промышлености, придаетъ еще много жизни и способовъ городу, особенно съ открытіемъ судоходства, когда купечество, богатое и бѣдное, спѣшитъ отправляться въ низовые города за хлѣбомъ, купленнымъ заблаговременно, и одинъ передъ другимъ торопится скорѣе доставить его въ Рыбинскъ, Москву, или С. Петербургъ. Костромское купечество производитъ также немалую торговлю холстомъ, саломъ, льнянымъ масломъ и кожами. Холстъ закупается по селамъ и деревенскимъ базарамъ, и на ярмаркахъ, бывающихъ въ самой Костромѣ, въ десятую пятницу, которыя преимущественно славятся торгомъ лошадей. Кожевенные заводы и доселѣ поддерживаютъ древнюю славу свою достоинствомъ издѣлій. Рыболовство занимаетъ также не мало рукъ и капиталовъ.

Въ Костромѣ считается не болѣе 12,000 обоего пола жителей; домовъ 2,377, въ томъ числѣ 243 каменныхъ; церквей, кромѣ двухъ монастырей, 35.

Кострома уже во 2-й половинѣ XIII вѣка производила сильную торговлю съ Новгородомъ и до позд-

нѣйшихъ временъ считалась однимъ изъ самыхъ ремесленныхъ, промышленныхъ городовъ въ государствѣ; нынѣ остаются 4 полотняныя фабрики и 7 кожевенныхъ, 6 свѣчныхъ (въ томъ числѣ 2 восковыхъ), 2 табачныхъ и 1 колокольный заводъ. Уменшеніе фабрикъ не мало должно приписать недостатку работниковъ. Привычка жителей Костромской Губерніи искать въ столицахъ промысловъ и ремесленности, отъ чего во многихъ деревняхъ Чухломскаго, Галичскаго, Нерехотскаго и Солигалицкаго Уѣздовъ, остаются на лѣто одни старики, дѣти и женщины, — преобладаетъ и надъ жителями губернскаго города. Петербургъ наполненъ отличными ремесленниками изъ Костромы во всѣхъ родахъ искусствъ: отъ того не ищите здѣсь отличнаго по части художественной; отсутствіе богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ помѣщиковъ, проживающихъ въ столицахъ изъ видовъ службы, или для удовольствія жизни, заставляетъ также чувствовать въ городѣ недостатокъ общественнаго духа, народнаго мнѣнія и самостоятельности, а въ селахъ, управляемыхъ наемниками, не замѣтно того совершенства въ сельскомъ хозяйствѣ, которое давно разлилось по сосѣдственнымъ губерніямъ.

Любопытство призываетъ путешественника къ важнѣйшей достопамятности города, къ первому украшенію Костромы — къ обозрѣнію собора. Мы уже сказали, что на семъ мѣстѣ, въ древнія времена, существовала неприступная крѣпость; остатки рва и вала, уцѣлѣвшіе съ восточной стороны, даютъ понятіе, сколь глубокъ былъ первый и высокъ второй. Съ сѣвера и до запада не осталось малѣйшихъ слѣдовъ отъ нихъ: на мѣстѣ ихъ разведенъ прекрасный, тѣнистый бульваръ,

для общественнаго гулянья. На самой оконечности крѣпостной площадки, висящей, такъ сказать, надъ Волгою, возвышается величественное зданіе Успенскаго Собора.

Первоначальное основаніе сего храма относится къ 1250 году; но только съ 1773 года, послѣ пожара, превратившаго въ пепелъ всѣ строенія, заключавшіяся въ оградѣ древняго кремля, можно вести его исторію. Щедротами Императрицы Екатерины II, пожаловавшей для возобновленія собора 12,000 рублей, и пожертвованіями усердствующихъ гражданъ и богомольцевъ, стекающихся даже съ Дона на поклоненіе чудотворному образу Өеодоровскія Божія Матери, вскорѣ изъ обгорѣвшихъ стѣнъ явился храмъ въ лучшей лѣпотѣ и первоначальномъ готическомъ вкусѣ, съ пятью вызолоченными, какъ жаръ, главами; внутренность украсилась золотомъ и серебромъ вдесятеро противу прежняго; ризница наполнилась сосудами золотыми и серебряными, драгоцѣнными крестами, панагіями и митрами, жемчужными покровами, парчевыми сакосами, ризами и. т. п.; но, къ сожалѣнію, при пожарѣ утратились многіе дорогіе вклады достопамятныхъ лицъ въ Русской Исторіи и хартіи, какъ отдаленной древности, такъ и временъ Царя Михаила Өеодоровича, въ особенности усердствовавшаго къ святой чудотворной иконѣ, коей покровительству ввѣрила его родительница, благословляя на царство Русское. Икона сія составляетъ первую драгоцѣнность и достопамятность соборнаго храма. Преданіе говоритъ, что въ уваженіе того, что оная обрѣтена Великимъ Княземъ Василіемъ Ярославичемъ на рѣчкѣ Запрудиѣ, лежащей къ западу, обращены въ

эту сторону и алтари соборные, между тѣмъ, какъ извѣстно, что, по законамъ Греческой Церкви, алтари въ цѣломъ Русскомъ Царствѣ дѣлаются на востокъ. Нынѣ при холодномъ соборѣ устроена, попеченіемъ протоіерея Арсеньева, изъ огромной паперти теплая церковь во имя Θеодора Стратилата.

Щедроты Царя Михаила Θеодоровича къ Костромскому Собору, распространены были и на причетъ онаго. Ему дарованы многія выгоды и преимущества, въ томъ числѣ *денежная и хлѣбная руга* выдавались, въ сравненіи со Срѣтенскимъ Соборомъ, *что у насъ*, такъ сказано въ граматѣ, *на Москвѣ, на нашемъ Дворѣ;* воску для неугасаемой свѣщи присылалось ежегодно 7 пудъ, и сверхъ того ведро винограднаго вина и 12 ф. ладону; причетъ и всѣ принадлежащіе къ собору крестьяне изъяты были отъ суда намѣстниковъ и тіуновъ, кромѣ смертоубійства, а вѣдалъ ихъ и судилъ протоіерей.

Въ одно время положено было основаніе и теплому Богоявленскому Собору, на мѣстѣ, нѣкогда занятомъ Крестовоздвиженскимъ Дѣвичьимъ Монастыремъ. Великолѣпный храмъ сей, объ одной главѣ, представляя благолѣпіе, приличное Дому Божію, свидѣтельствуетъ и объ искусствѣ зодчаго, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что принадлежитъ не знаменитому художнику, а простому гражданину Солигалицкому, Воротилову, питомцу природы, вдохнувшей въ него изящный вкусъ при вѣрномъ взглядѣ и удивительной точности въ математическихъ соображеніяхъ. Сіи достоинства украшались еще необыкновеннымъ трудолюбіемъ и безкорыстіемъ. Разочтясь съ работниками по окончаніи построенія собора и не менѣе огромной колокольни его

въ 30 саженъ вышины, Воротиловъ остался безъ копѣйки. Преосвященный Симонъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ выдать зодчему въ прибавку 15 рублей, «дабы не явился тощъ въ домъ свой по толь тяжелой работѣ и знаменитомъ подрядѣ,» и безкорыстный зодчій въ малой наградѣ нашелъ для себя великое утѣшеніе.

Въ куполѣ помѣщается соборная библіотека, содержащая болѣе 5000 книгъ, и безпрестанно умножающаяся покупкою лучшихъ твореній. Придите сюда, чтобъ провести нѣсколько пріятнѣйшихъ минутъ: видъ на городъ, на Волгу, на окрестности доставитъ несравненное наслажденіе самому хладнокровному, равнодушному созерцателю красотъ величественной природы. При соборахъ устроены два большіе дома, одинъ для пріѣзда архіерея и жительства протоіерея, въ другомъ помѣщается уѣздное духовное училище, въ коемъ бываетъ нерѣдко до 300 учениковъ.

Въ Костромѣ находится еще два монастыря: мужескій Богоявленскій, и женскій Крестовоздвиженскій, переведенный отъ собора на мѣсто упраздненнаго Анастасіина, основаннаго первою супругою Іоанна Грознаго, Царицею Анастасіею, и гдѣ въ послѣдствіи было архіерейское подворье.

Въ Богоявленскомъ Монастырѣ помѣщается семинарія, находящаяся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и библіотека, содержащая много рѣдкихъ книгъ, особенно богословскихъ. Высокая стѣна монастырская съ разнохарактерными башнями, представляетъ также одинъ изъ уцѣлѣвшихъ образцовъ древняго укрѣпленія городовъ и монастырей, подходящій зодчествомъ къ циклопическому, ибо и здѣсь также цѣлыя груды

диких камней взгромождены на высоты и держатся собственною своею тяжестью; вѣковыя деревья выросли на зубцахъ и бойницахъ. Позади ограды замѣчательны огромные кедры, осѣняющіе келью настоятельскую. За монастыремъ симъ было болѣе 6000 душъ.

Женскій Крестовоздвиженскій Монастырь славится трудами инокинь, не уступающими изяществомъ и красотою издѣліямъ извѣстной Арзамасской обители.

Обозрѣвая богоугодныя заведенія Приказа Общесвеннаго Призрѣнія, нельзя не замѣтить *Инвалиднаго Дома* и прекраснаго храма въ тюремномъ острогѣ. Первый устроенъ, въ 1826 году иждивеніемъ именитаго гражданина Углечанинова на 10 человѣкъ, и содержится въ большомъ порядкѣ, а второй, въ 1817 г., помѣщикомъ Кологривовымъ, положившимъ сверхъ того достаточную сумму для содержанія священника съ причетомъ. Замѣчательно, что церковь сія послужила примѣромъ къ устроенію подобныхъ храмовъ въ прочихъ тюремныхъ заведеніяхъ въ Россіи.

Костромская Гимназія можетъ также быть признанною въ числѣ отличныхъ учебныхъ заведеній сего рода въ Россіи; но для чтителя природнаго генія, она еще замѣтна и тѣмъ, что въ ней образуется тотъ необыкновенный мальчикъ-математикъ, Рагозинскій, который, на 11-мъ году возраста, дивилъ и приводилъ въ недоумѣніе быстротою своихъ соображеній знаменитѣйшихъ математиковъ.

Не оставьте Костромы, не погулявъ въ бору, чернѣющемся у Татарской слободы, нерѣдко призывающемъ городскихъ жителей для отдохновенія подъ тѣнію вѣковыхъ сосенъ, осѣняющихъ бѣлыя чалмы на памятникахъ Мусульманъ. Возьмите съ перевоза лод-

ку съ четырьмя мочными гребцами, и не замѣтите, какъ перелетятъ съ вами пять верстъ по теченію быстрой Волги.

Татары, населяющіе сію слободу, суть потомки Казанскихъ выходцевъ, переселенныхъ сюда Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Съ похвальнымъ постоянствомъ, сохраняютъ они не только свою вѣру, но и языкъ свой, обычаи и связь съ прежнимъ своимъ отечествомъ. Главный торгъ ихъ, товарами, получаемыми изъ Казани; сверхъ того промышляютъ они мѣною лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ, бывъ страстными любителями псовой охоты. Жены ихъ прядутъ самыя тонкія нитки.

Жареный бугоръ на Волгѣ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ЖАРЕНЫЙ БУГОРЪ.

На верховьѣ Волги, близъ Костромы, есть урочище, называемое *Жареный Бугоръ*. Издревле ведется обычай, свято наблюдаемый бурлаками, (такъ называются работники на водоходныхъ судахъ), останавливаться при семъ урочищѣ, и тѣ изъ нихъ, которые не бывали на *Низу*, то есть въ Астрахани, обязаны взбѣгать на крутую гору безъ отдыха, и оттуда спускаться внизъ по песку и глинѣ. Извѣстно, что и Астрахань находилась прежде на нагорной сторонѣ Волги, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 8-ми верстахъ отъ оной находится урочище, также называемое *Жаренымъ* Бугромъ, и гдѣ еще примѣтны развалины города. Въ семъ мѣстѣ многіе искатели кладовъ рылись, и находили древнія золотыя и серебряныя монеты и другія металлическія вещицы. Можетъ быть, обоимъ холмамъ дано одинаковое наименованіе по наружному ихъ сходству, а еще вѣроятнѣе потому, что при одномъ начиналось плаваніе, а другое было его цѣлію, и тамъ оно оканчивалось. Иные полагаютъ, напротивъ, что настоящее имя обоихъ бугровъ, вмѣсто *Жареной*, есть *Шареной*, основывая таковое названіе на разры-

тіи земли, въ первомъ мѣстѣ искателями кладовъ, а въ другомъ, спускающимся съ высоты горы внизъ бурлаками. Можно полагать съ нѣкоторою достовѣрностію, что на Жареномъ Бугрѣ, въ верховьѣ Волги, была въ древнія времена кумирня Чудская, у которой останавливались пловцы, спускавшіеся внизъ по Волгѣ и приносили жертвы для испрошенія счастливаго плаванія. Въ этой догадкѣ утверждаетъ болѣе то, что при подобныхъ урочищахъ, находящихся въ другихъ мѣстахъ по Волгѣ, какъ то: *Орловъ Камень* близъ Ярославля, *Рыжая Кобыла* между Решмою и Юрьевцемъ, *Толоконныя Горы* у Симбирска, исполняются бурлаками подобные обряды. Впрочемъ, обычай взбѣгать на гору и спускаться съ нея, даетъ поводъ къ предположенію, не есть ли онъ символомъ преодолѣнія трудностей, представляющихся при плаваніи по быстрой и часто бурной Волгѣ, царицѣ рѣкъ Русскихъ? Какъ бы то ни было, исполненіе сего обычая доставляетъ веселымъ, безпечнымъ бурлакамъ шумную забаву. Непроворныхъ и неповоротливыхъ старые гоняютъ лямками, и сталкиваютъ подъ гору. Обрядъ сей напоминаетъ очищеніе, свято наблюдаемое доселѣ матросами всѣхъ націй на свѣтѣ, проходящими въ первый разъ черезъ экваторъ. Выполнивъ его, бурлаки весело пускаются по Волгѣ, и тогда шумно раздается надъ волнами ихъ любимая пѣсня:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая!

Посидѣлки

Рисовалъ съ натуры [illegible]

ПОСИДѢЛКИ.

Послѣ уборки хлѣба, со дня Св. Козьмы и Даміана, во всѣхъ деревняхъ сѣверной Россіи настаетъ время посидѣлокъ: дѣвушки дѣлаютъ между собою складчины деньгами и хлѣбомъ, закупаютъ сласти, варятъ пиво, и веселыя вечеринки продолжаются до конца масляницы или до весны, когда, вмѣсто душной избы, зеленые луга и тѣнистыя рощи призываютъ къ себѣ на труды и веселье сельскихъ жителей.

Дѣвушки и женщины приходятъ на посидѣлки съ прялками, старики съ работою лаптей, а молодые парни съ разсказами, пѣснями и балалайками. Часто утухающая лучина покровительствуетъ тайнымъ знакамъ, даже поцѣлуямъ любви, и наоборотъ, даетъ способъ деревенской красавицѣ показаться во всей прелести, когда, при ея приближеніи, зажигать лучину, яркое пламя озолотитъ ея красныя щечки и освѣтитъ прелестныя формы ея гибкаго стана, или когда, присѣвъ на донцѣ, запоетъ:

Гори, гори, лучинушка,
Гори посвѣтлѣе!
Прядись, прядись, мой чистый ленъ,
Прядись поскорѣе!

Нигдѣ столько нельзя услышать Русскихъ пѣсень и ознакомиться съ народными напѣвами, какъ на посидѣлкахъ. Разнообразіе ихъ удивительно: веселыя смѣняются печальными, печальныя свадебными:

Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточки доносила:
Къ тебѣ будетъ дорогой гость, и проч.

Но никогда не соединяется болѣе веселья, игръ, пѣсень на посидѣлкахъ, какъ на святочныхъ вечерникахъ. Тогда уже сельскія красавицы ходятъ по зву, безъ работъ, садятся чинно одна возлѣ другой, и между тѣмъ, какъ гостепріимство радушно угощаетъ ихъ пирогами, пряниками, пивомъ, онѣ поютъ величаніе съ припѣвомъ.

«Кому вынется, тому сбудется,
«Кому сбудется — не минуется.
Слава!

Потомъ пойдутъ игры, гаданья:

«Покачу я колечко кругомъ города,
«А за тѣмъ я колечкомъ сама пойду,
«Сама пойду, мила друга найду,
Слава!

Катилося зерно по бархату,
Еще-ли то зерно бурмитское;
Прикатилось зерно ко яхонту,
Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ
Хорошъ женихъ со невѣстою.

Или:

Пойду млада къ вереюшкѣ,
Брякну я во колечушко,
Слава!

Какъ колечко скажется,
Такъ суженой откликнется
Слава!

И когда у однѣхъ сердце бьется отъ надежды и опасенія, рѣзвость возбуждаетъ въ другихъ шутки и смѣхъ.

Жуковскій прекрасно воспользовался картиною святочной вечеринки въ очаровательной балладѣ Свѣтлана:

«Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ
Снявъ съ ноги, бросали,
Снѣгъ пололи, подъ окномъ
Слушали, кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
Ярый воскъ топили,
Въ чашу полную водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны,
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсеньки подблюдны.»

Подблюдныя пѣсни всегда начинались хвалою Богу и Царскому Дому: отличительная черта Русскаго благочестія и усердія къ Царямъ; съ незапамятныхъ временъ пѣли:

Слава Богу на небѣ,
Слава!

Государю нашему на сей землѣ
Слава!

Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, и проч.

Костромской мѣщанинъ

Рисовалъ съ натуры И. [illegible]

Костромская мѣщанка

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

КОСТРОМСКІЕ МѢЩАНЕ.

Представляя здѣсь изображеніе Костромскихъ мѣщанъ въ народной ихъ одеждѣ, скажемъ о приверженности ихъ къ старинѣ и вообще о достоинствахъ Костромичей, въ числѣ которыхъ многіе изъ самаго простаго званія возвысились своими дарованіями. При всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что въ наружной образованности между Костромичами и Ярославцами существуетъ большое различіе, не смотря на сосѣдство и близкія ихъ сношенія. Хотя молодое поколѣніе обѣщаетъ перенять людкость и ловкость привѣтливыхъ, оборотливыхъ сосѣдей, но еще донынѣ Костромскіе граждане, въ особенности пожилые, съ постоянствомъ придерживаются всего старипнаго, и сохраняютъ не только одежду, но и самый характеръ своихъ дѣдовъ: степенный, твердый, упорный. Они ближе къ природѣ, за то и природа щедрѣе къ нимъ, чѣмъ ко многимъ другимъ. Мало найдется губерній, которыя болѣе бы могли похвалиться числомъ гражданъ съ счаст-

ливыми способностями къ наукамъ и изящнымъ искусствамъ. Въ Петербургѣ многіе изъ Костромитянъ пользуются славою первостепенныхъ художниковъ. Таковы два брата *Чернецовы*. Старшій извѣстенъ по прекрасной картинѣ, представляющей парадъ, бывшій на Царицыномъ Лугу, въ коей на первомъ планѣ, въ числѣ сопровождающихъ Государя и зрителей болѣе 300 портретовъ замѣчательныхъ современниковъ, весьма искусно выполнены. Меньшой, Никаноръ, обогащенный изученіемъ роскошнѣйшей природы Кавказа и Крыма, украшаетъ теперь столицу отличными картинами въ родѣ Верпета и Рейздаля. — Два брата *Соловьевы* считаются, по справедливости, опасными соперниками Скотти въ живописи на клею, но рѣшительно можно сказать, не имѣютъ соперника въ изображеніи цвѣтовъ. — Рѣщикъ *Захаровъ* затмилъ своимъ рѣзцомъ славившагося дотолѣ Кретана. Достаточно видѣть его рѣзьбу изъ ясени и дубоваго дерева въ Александринскомъ дворцѣ, чтобъ отдать ему первенство предъ всѣми другими въ правильности рисунка, нѣжности и отчетливости его произведеній. — Физикъ-механикъ *Соболевъ* продолжаетъ съ пользою заниматься очищеніемъ огромныхъ Петербургскихъ зданій отъ сырости и зловредныхъ испареній. — Укажемъ еще разъ на юнаго *Рагозина*, крестьянскаго сына, оканчивающаго свое воспитаніе отъ щедротъ Государя Императора въ Костромской Гимназіи и обѣщающаго много для славы своей отчизны. Природа надѣлила его самымъ быстрымъ соображеніемъ. Еще въ дѣтствѣ онъ удивлялъ разрѣшеніемъ такихъ задачъ, которыя могли бы принести честь ученому математику. Въ 1834 году, во время посѣщенія Ко-

стромы Государемъ Императоромъ, чудный мальчикъ сей былъ представленъ Его Величеству и въ Высочайшемъ присутствіи разрѣшилъ многія чрезвычайно мудреныя алгебраическія задачи—быстро и смѣло. Гидравликъ *Шкуринъ* представилъ нѣсколько моделей изобрѣтенныхъ имъ подводныхъ судовъ, гдѣ конопать замѣняется стружками. Наконецъ Костромичи гордятся своимъ *Красильниковымъ* — природнымъ оптикомъ, физикомъ, зодчимъ.

И дѣйствительно, сколько сей почтенный гражданинъ заслуживаетъ удивленія по своимъ способностямъ и дарованіямъ, еще болѣе по той пользѣ, которую доставляетъ онъ обществу и просвѣщенію благородными своими занятіями. У помѣщиковъ, въ глуши самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ, найдете электрическія машины съ любопытными приборами, электрическія лампы съ электрофорами, микроскопы, камеробскуры, гидрометры, термометры, компасы, солнечные часы, пантографы, астролябіи, хронометры, токарные станки и т. п. — работы Красильникова, дешевые и изящные. Мало этого — красивѣйшія церкви по городамъ и селамъ, мосты и пріятной наружности домы выстроены большею частію симъ природнымъ зодчимъ, заслужившимъ довѣріе къ прочности своихъ произведеній, какъ художникъ практическій. Войдите въ его чистенькій, уютный домикъ, и вы найдете въ немъ скромнаго человѣка, протекшаго половину пути жизни посреди любимыхъ своихъ занятій, окруженнаго предметами, которые украсили бы и ученый кабинетъ столичнаго профессора!

Галичъ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

ГАЛИЧЪ.

Галичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ уѣздныхъ городовъ, которые, въ царствованіе Императора Александра I, превратились изъ грязныхъ въ чистые, изъ безобразныхъ въ правильно устроенные и красивые.

Живописно положеніе его при обширномъ озерѣ у подошвы высокаго юговосточнаго берега, который, обогнувъ его дугою, какъ неприступнымъ валомъ, придаетъ ему неимовѣрную привлекательность и разнообразіе. Когда спускаешься съ Чухломской или Кинешемской дороги, прежде всего открываются позлащенные верхи церквей и колоколень, какъ будто выходящіе изъ нѣдръ земли; потомъ предъ взорами стелются ряды разноцвѣтныхъ крышъ и теремовъ, какъ будто плавающихъ на зеркальной поверхности озера, которое съ другой стороны обложено синими горами, какъ кольцомъ изъ драгоцѣнныхъ сафировъ.

Напротивъ, когда подъѣзжаешь съ озера или изъ Буя, Галичь представляется совершенно въ другой картинѣ: шпицы высочайшихъ колоколень едва досягаютъ до вершины горъ, закрывающихъ горизонтъ съ противоположной стороны, и волшебно отражающихся, вмѣстѣ съ храмами и домами, въ зеркалѣ чистыхъ водъ озера.

И въ отношеніи къ древности, Галичь не менѣе другихъ городовъ богатъ историческими воспоминаніями и урочищами, останавливающими вниманіе любопытныхъ изыскателей древности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Галичь лежитъ на землѣ Мерячей, народа, нѣкогда могущественнаго и извѣстнаго въ нашей Исторіи многими событіями: союзомъ съ прочими народами, согласившимися призвать Рурика на царство Русское, походомъ къ Царюграду, упорствомъ въ принятіи Христіанской Вѣры, побѣгомъ за рѣку Оку, гдѣ большая ихъ часть соединилась съ Мордвою, а остальная такъ слилась съ Русскими племенами, что исчезла съ лица земли, и совершенно потеряла свое народное отличіе; только въ Галичѣ удержался языкъ Мерячей, извѣстный подъ именемъ Елманскаго, и нѣкоторыя урочища, села и города въ Костромской Губерніи, носятъ еще названія, данныя первобытными обладателями сихъ странъ, какъ то рѣки: Нея, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь; озера: Неро, Нико, Раминъ; села: Шебано, Емена, Юхоть, Кледемъ, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома и проч.; но названіе Галичь, можетъ ли быть отнесено къ той же эпохѣ? Галичь на сѣверѣ является въ исторіи въ одно время съ Галичемъ Волынскимъ;

впрочемъ селеніе Мерячей здѣсь существовало гораздо прежде Галича Волынскаго. По преданію лѣтописцевъ, Галичь построенъ, на образецъ Волынскаго Галича, Великимъ Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, утѣшавшимъ себя въ потерѣ великокняжескаго престола, устроеніемъ городовъ въ Ростовскомъ своемъ княженіи по подобію Кіевскихъ, т. е. избирая для нихъ по большей части сходныя положенія мѣстъ, и давая имъ имена одинаковыя съ послѣдними.

Въ послѣдствіи Галичь принадлежалъ къ Ростовскому Княжеству, наконецъ къ Владимірскому.

Съ 1245 года, опять появляются Князья Галицкіе, начиная съ Константина Ярославича Удалаго, Ѳеодоръ Васильевичъ, получилъ ярлыкъ отъ Хана Чанибека и на Княжество Костромское, а наслѣдникъ его, Димитрій Ѳеодоровичъ, лишенъ былъ княжескаго удѣла Великимъ Княземъ Московскимъ, знаменитымъ Димитріемъ Донскимъ, вѣроятно, за союзъ свой съ Княземъ Суздальскимъ, врагомъ Великаго Князя.

Съ 1362 года, Галицкое Княжество отдано было Донскимъ сыну его, Юрію, и значительно увеличено присоединенными къ нему удѣлами и завоеванными землями: Двинкою, Колмогорскою и Емью. Дѣти Князя Юрія Димитріевича, Василій Косой и Димитрій Шемяка, были послѣдними Князьями Галицкими. По окончаніи постыдной и кровавой борьбы Шемяки съ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ о Московскомъ престолѣ, которая рѣшилась въ 1450 году близъ Галича, городъ сей вошелъ въ составъ единодержавія Московскаго, и сталъ управляться великокняжескими боярами. Судъ и расправа были въ рукахъ ихъ, но переносъ дѣлъ слѣдовалъ въ Москву,

гдѣ учрежденъ былъ особый Приказъ, подъ названіемъ Галицкой четверти (*).

Галичь, подобно Новугороду, не преклонялся предъ свирѣпымъ Батыемъ, превратившимъ Россію въ пожарище, и не обстоятельства, не чудо отвели отъ него хищныхъ Монголовъ, а храбрость Галицкаго Князя Димитрія Константиновича, который пылалъ нетерпѣніемъ отмстить за кровь брата своего, Василія Ростовскаго, падшаго съ мечемъ въ рукахъ при рѣкѣ Сити. Галичь храбро выдержалъ четырехнедѣльное облежаніе, въ 1427 году, отъ Казанскихъ Татаръ; но если онъ избавился отъ разоренія Монголовъ, то былъ неоднократно жертвою удѣльныхъ междоусобій. Также опустошала его троекратно моровая язва. Бугры, видимые на урочищѣ, называемомъ Столбище, показываютъ мѣста укрѣпленій древняго Галича. Высокій земляной валъ, спускаясь съ крутизны горы до самаго берега озера, обезопасивалъ живущихъ въ сей неприступной оградѣ, даже при вторженіи непріятеля. Они имѣли средство спастись на лодкахъ чрезъ озеро. На вершинѣ горы замѣтно еще небольшое укрѣпленіе, служившее, вѣроятно, наблюдательною бойницею для города. На Столбищахъ показываютъ мѣста княжескаго дворца и обширныхъ садовъ, отъ коихъ еще остались вѣковыя деревья. Есть преданіе, что здѣсь сокрыты Шемякою сокровища, награбленныя имъ и братомъ его въ Москвѣ и Ярославлѣ во время ихъ бѣг-

(*) Къ Приказу сему принадлежали многіе города: Галичь, Бѣлевъ, Карачевъ, Кашинъ, Кологривъ, Коломна, Кашира, Мценскъ, Мещовскъ, Новосиль, Пареѳньевъ, Ростовъ, Сольгаличь, Судай, Суздаль, Унжа, Чухлома, Шуя и Юрьевецъ-Поволжскій.

ства послѣ утраты великокняжескаго престола, а суевѣріе разсѣяло слухъ между легковѣрными простолюдинами, будто кладъ сей выходитъ наружу въ видѣ золотаго корабля, но что заклинанія, которыми вызываютъ его, такъ страшны, что никто еще не рѣшался добыть его. Однако глубокія ямы доказываютъ, что были смѣльчаки, которые не боялись заклятій, и пробовали дорыться до золотой кормы.

Непонятно, почему, послѣ разоренія Галича В. К. Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ, дядя его, Юрій Димитріевичъ Галицкій, перенесъ крѣпость и дворецъ свой на новое мѣсто, которое, кажется, не представляло удобствъ для обороны отъ непріятеля по древнему образу войны, ни пріятностей для жизни; судя по разности мѣста, занимаемаго новымъ валомъ, оно долженствовало быть топкое и нездоровое, и долго еще послѣ того дремучій лѣсъ окружалъ городъ. Если небольшая рѣчка Кешма, протекающая по южную сторону вала, обезпечивала крѣпость въ продовольствіи водою, то непріятель весьма легко могъ заградить ея теченіе, а внутри не видно слѣдовъ пруда, какой доселѣ существуетъ на Столбищѣ, не смотря на чрезмѣрное возвышеніе мѣста.

Окружность новаго вала простирается до 577 саженъ, поперечныхъ около 200, а вышиною до 4-хъ. Послѣ сего можно судить о первобытной высотѣ онаго; вѣроятно, также и ровъ, коего остались примѣтные слѣды, былъ очень глубокъ и наполненъ водою. Въ городъ въѣзжали четырьмя воротами, которыя защищаемы были башнями и бойницами. Извѣстно, что Димитрій Шемяка первый въ Россіи ввелъ въ употребленіе пищали, которыя, вѣроятно, заимствовалъ

изъ Литвы. Можно представить ужасъ, наведенный на Московскія полчища дѣйствіемъ сихъ адскихъ орудій. «Аже не взвидѣвъ Божіяго свѣта, пали лицемъ на «землю; токмо храбрые ограждашася знаменіемъ кре«ста, чая преставленія свѣта.» Такъ говоритъ одинъ современный лѣтописецъ, описывая осаду В. К. Васильемъ Васильевичемъ Галича, въ 1450 году. Одну изъ сихъ первобытныхъ пищалей показывали нѣкогда любопытнымъ въ магистратской кладовой.

Древность загородныхъ урочищъ Галича простирается до вѣковъ язычества. Первый памятникъ сихъ временъ есть *Поклонная* Гора, находящаяся недалеко по Архангелогородской дорогѣ. Здѣсь, говоритъ преданіе, находилась кумирня Мерячей, въ которой покланялись идолу Ярило. Когда же Христіанская Вѣра низпровергла кумирни язычества, потомки Мерячей, Галичане, собирались сюда ежегодно отправлять трехдневное гулянье въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ. Мѣсто другаго идола, Купалы, было при озерѣ, въ которомъ язычники въ послѣдствіи приняли святое крещеніе, и можетъ быть, воспоминаніе сего событія празднуютъ 24 іюня; горожане, мужчины и женщины, собираются гулять по берегу и кататься по озеру съ пѣснями и весельемъ, оканчивая третій день гулянья обливаніемъ другъ друга водою и купаніемъ въ струяхъ чистаго озера. На противуположномъ берегу Галицкаго озера, возвышается конусомъ гора, извѣстная подъ именемъ Туровской. Нѣтъ сомнѣнія, что имя сіе уцѣлѣло еще отъ первобытныхъ народовъ, имѣвшихъ на вершинѣ сего исполинскаго кургана языческую кумирню. Два подобные кургана, меньшей величины, служили ему какъ бы подножіемъ, или ступенями,

по которымъ можно было достигнуть вершины святилища. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ, крестьяне, роя землю, открыли большой глиняный сосудъ, наполненный разными металлическими вещицами. Многія изъ нихъ доставлены были помѣщицѣ села Туровскаго, которая отправила ихъ въ Общество Русскихъ Древностей. Большая часть вещей сихъ изъ красной мѣди, самой грубой работы; остальныя серебряныя, и представляютъ изображенія змѣй, мышей, гребни и тому подобныя символическія подвѣски, коими доселѣ шаманы обременяютъ свои облаченія, когда приносятъ жертвы или совершаютъ волхвованія. Язычники, оставляя мѣста сіи, вѣроятно, зарыли въ средину кургана священные предметы своего вѣрованія.

Въ послѣдствіи Туровское было любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Галицкихъ Князей, забавлявшихся здѣсь разнаго рода охотами въ дремучихъ лѣсахъ и глубокихъ водахъ озера, омывающаго подошву Туровской Горы. Изъ древнѣйшей описи города Галича видно, что Туровское называлось иначе селомъ Мыльнымъ, безъ сомнѣнія, по мыльнымъ своимъ заводамъ, и въ немъ было девять церквей.

Здѣсь кстати сказать подробнѣе о древнемъ Галицкомъ языкѣ, называемомъ Елманскимъ. Желательно, чтобъ какой нибудь этимологъ разобралъ его и объяснилъ, къ какому племени оный принадлежитъ: языкъ сей совершенно отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи. Многіе купцы и рыбаки говорятъ на немъ довольно бѣгло, и нерѣдко употребляютъ его съ пользою для себя, при своихъ расчетахъ, что замѣчено

нашими лѣтописцами и въ исторіи ихъ предковъ Мерячей (*).

Извѣстно, что въ Галичѣ, при удѣльныхъ Князьяхъ, была выбиваема своя собственная золотая и серебряная монета. На монетахъ В. К. Василія Васильевича 1453 года изображался всадникъ, поражающій змія.

Галичь былъ отечествомъ четырехъ свѣтильниковъ Русской Церкви, Св. Іоны Митрополита Московскаго, Павла Обдорскаго, Макарія Унженскаго, Паисія Галицкаго и — увы! самозванца разстриги Отрепьева. Галичь былъ мѣстомъ заточенія знаменитыхъ изгнанниковъ: Князя Андрея Шуйскаго, сосланнаго Борисомъ Годуновымъ, и Василія Іоанновича Шуйскаго, посланнаго сюда самозванцемъ. Въ Галицкихъ темницахъ послѣ того содержались Поляки и Литовцы, пришедшіе съ Лжедимитріемъ разорять Россію.

Галичь славился своими монастырями и церквами; первыхъ нѣкогда считалось до десяти, а вторыхъ вдвое болѣе. Теперь изъ монастырей остались два: мужской Паисіевъ и женскій Староторжскій Никольскій, а прочіе обращены въ приходскія церкви. Преображенскій Соборъ, перенесенный Юріемъ на нынѣшнее его мѣсто въ Кремль, находился прежде въ Староторжьѣ. Въ немъ замѣчательно убранство иконостаса зимняго собора: кармазинная яркая краска съ зо-

(*) Галичь называется по-Елмански *Галивонъ*, озеро Галицкое *Перонъ*, братъ *катюръ*, домъ *захъ*, ѣсть *швоить*, мать *мамыза*, дѣвушка *корьякъ*, мужикъ *логъ*, баба *ламеха*, лошадь *ловакъ*, корова *трубеха*, рубль *бирсъ*, гривна *марка*, грошъ *башъ*, пять рублей *охтень*, сотня *бутень*, тысяча *кусоха* и проч. Галичане по Елмански *Кривита:* нѣтъ ли здѣсь намѣка на Кривичей, можетъ быть, зашедшихъ сюда изъ окрестностей Смоленска?

лотомъ придаетъ ему величественную оригинальность, пріятную для глазъ. Есть еще храмы замѣчательные своимъ устройствомъ и благолѣпіемъ, Рождества Христова, у озера, Великомученицы Варвары, Св. Василія Великаго и другіе.

Изъ старинныхъ улицъ остались: *Гамбина, Царевская, Староторжская, Овиновская, Пробойная, Глинникъ.* Домовъ считается въ Галичѣ около тысячи, изъ коихъ до 70 каменныхъ, принадлежащихъ обывателямъ, и три казенныхъ. Жителей около 5000 обоего пола душъ.

Очень замѣтно постепенное улучшеніе города зданіями, что служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ довольства жителей; но, къ сожалѣнію, должно замѣтить, что убываетъ число капиталистовъ, которыми Галичь славился, и которые вели довольно обширную торговлю съ обѣими столицами и сѣверными портами государства. Не далѣе какъ въ 1812 году считалось въ Галичѣ 140 капиталовъ; нынѣ же почти вчетверо менѣе. Не смотря на то, Галицкіе купцы отпускаютъ въ Петербургъ, Москву, Архангельскъ и на Нижегородскую ярмарку, въ большомъ количествѣ, пшеницу, масло, сало, кожевенный товаръ и грибы, а получаютъ наоборотъ желѣзо, вина, чай, сахаръ, сукна и прочіе предметы необходимости и роскоши, и Галицкіе купцы развозятъ ихъ по всѣмъ ярмаркамъ, бывающимъ по разнымъ селамъ уѣздовъ Галицкаго, Буевскаго, Макарьевскаго и Чухломскаго. Есть въ Галичѣ лавки, въ коихъ изъ числа издѣлій можно купить отъ самаго дорогаго Французскаго фарфора и драгоцѣнныхъ ковровъ Англійскихъ до черепка и рогожи, отъ лимоновъ и апельсиновъ до мучнаго меду, отъ шампанскаго до

ложки дрозжей. На базарные дни, по понедѣльникамъ и четвергамъ, привозятся въ городъ изъ окружныхъ деревень всякіе деревенскіе припасы и издѣлія, и съѣзжается множество крестьянъ. Какая жизнь! Какое движеніе видно въ эти дни! Рыба, вылавливаемая ежегодно въ озерѣ, составляетъ значительный предметъ дѣятельности и оборотовъ Галицкихъ жителей. Рыбачья слобода, лежащая на южной сторонѣ города, и имѣющая до 400 человѣкъ жителей, вся вообще заселена рыбными промышленниками по широкому Галицкому Озеру, которое, по толкованію нѣкоторыхъ, въ старину называлось Нерономъ, не отъ Императора Римскаго, а отъ слова неуронъ, потому что въ немъ не бываетъ никогда урона въ рыбѣ; и подлинно, ежегодно въ семъ озерѣ вылавливается болѣе 10,000 пудовъ разной рыбы, а изобиліе не умаляется (*). Рыбная ловля продолжается во весь годъ, но лучшее время для ней весна и осень. Зимою на Галицкомъ Озерѣ повторяется способъ рыболовства Уральскихъ казаковъ. Здѣсь, такъ же какъ и тамъ, борзая лошадь, прискакавъ прежде другихъ къ лучшему, богатѣйшему мѣсту лова, которое заранѣе узнается рыбаками по количеству рыбы, избирающей покойныя логовища для зимовки, доставляетъ ему большія предъ другими выгоды. Озеро Галицкое есть принадлежность города, утвержденная многими царскими граматами, которыя, начиная со временъ В. К. Василья Іоанновп-

(*) Галичане производятъ немалый торгъ снятками; но они, по видимому, не составляютъ особенной породы, какъ снятки Псковскіе и Бѣлозерскіе, а суть не иное что, какъ молодое племя рыбокъ, коимъ не даютъ сгодовать и прійти въ настоящій ростъ. Ерши Галицкіе мелки, но вкусны.

ча и Грознаго Царя Іоанна до Петра Великаго хранятся въ оригиналахъ въ правленіи рыбачьей слободы. Оно приноситъ ежегодно до 40,000 рублей дохода, и избытки ловли развозятся по разнымъ сосѣдственнымъ городамъ, и даже въ Кострому. Въ весеннее время, при полноводіи рѣкъ, открывается для Галича водяное сообщеніе съ Волгою, и около 30 лодокъ, занимающихъ болѣе ста человѣкъ, употребляются для перевозки тягостей. Рѣки, впадающія въ озеро, изобилуютъ налимами и раками, въ особенности Чолмска и Шокша, изъ коихъ первая отличается еще высокими берегами, напоминающими, по живописнымъ видамъ своимъ, Швейцарію и Богемію.

Извѣстно, что Галицкіе плотники и печники почитаются лучшими въ государствѣ. И прочіе ремесленники, нужные въ домашнемъ быту, находятся здѣсь во множествѣ. Въ самомъ городѣ есть пять кожевенныхъ и два замшаныхъ завода. Галичъ, подобно многимъ Русскимъ городамъ, имѣющимъ свои особенности въ торговой промышленности, хвалится ершовыми пирогами, которые могутъ удовлетворить самаго прихотливаго лакомку.

Въ Галицкомъ духовномъ училищѣ болѣе 200 воспитанниковъ, и наставники ихъ люди съ хорошими познаніями. Прекрасная аптека, хорошій лекарь, искусная повивальная бабка, — все это путешественникъ отыщетъ въ Галичѣ.

Староторжскій дѣвичій Никольскій Монастырь находится подъ самымъ Столбищемъ, на берегу озера. Стараніемъ почтенной игуменьи Таисіи, обведенъ онъ высокою каменною стѣною, и отличается устройствомъ и благолѣпіемъ. Нынѣ за монастырскою стѣною от-

страиваются каменныя гостинницы, которыя обѣщаютъ удобство и спокойствіе для семействъ, пріѣзжающихъ сюда проводить нѣсколько дней Великаго Поста въ постѣ и молитвѣ, и великолѣпная кладбищенская церковь въ видѣ пантеона. Монастырская соборная церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Въ обители сей 45 инокинь, а вообще живущихъ болѣе 100. Одна изъ усердствующихъ помѣщицъ подарила ей землю въ 20 верстахъ отъ города, гдѣ почтенная игуменья завела усадьбу, снабжающую монастырь всѣми потребностями жизни.

Древній Галичскій уборъ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ДРЕВНІЙ

ПОДВѢНЕЧНЫЙ УБОРЪ

ВЪ ГАЛИЧѢ.

Древніе женскіе головные уборы Русскіе отличаются особеннымъ великолѣпіемъ и красивостію. Большая часть изъ нихъ напоминаютъ Грецію, и служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ изящнаго вкуса нашихъ предковъ. Напрасно захотимъ сравнивать съ ними нынѣшнія шляпки, тюрбаны, чепцы! — Русскіе кокошники, повязки, остаются и останутся прекрасными для глазъ всякаго, между тѣмъ, какъ первыя мѣняются чрезъ самое короткое время: довольно, иногда, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, часто нѣсколькихъ дней, чтобъ самый модный уборъ показался смѣшнымъ и страннымъ.

Жители старищнаго Галича сохраняютъ постояннѣе многихъ другихъ городовъ древнія свои убранства; между прочимъ доселѣ ведется обычай вѣнчать дѣву-

шекъ въ жемчужной повязкѣ, похожей на корону, которая и называется *вѣнцомъ*. Повязка сія принадлежитъ богатому купцу Зиновьеву, и онъ съ охотою ссужаетъ ею всѣхъ невѣстъ, такъ, что большая часть дѣвицъ въ Галичѣ вѣнчались въ сей повязкѣ.

Свадебные обряды между Галицкими горожанами напоминаютъ также любезную простоту нашихъ предковъ, и заслуживаютъ быть замѣчены, пока еще не исказились, или совершенно не изгладились отъ нововведеній, которыя, къ сожалѣнію, пробираются и въ самые отдаленные уголки Россіи.

Когда какой нибудь отецъ семейства задумаетъ женить сына, то сзываетъ къ себѣ ближайшихъ родственниковъ и предлагаетъ на ихъ разсужденіе свое намѣреніе. Потомъ изъ среды ихъ выбираетъ самаго расторопнаго, рѣчистаго, котораго и посылаетъ сватомъ.

Сватъ, по приходѣ къ дому невѣсты, стучитъ желѣзнымъ кольцомъ у воротъ три раза, и вызвавъ отца ея для переговора, объявляетъ ему о причинѣ своего посѣщенія. Отецъ невѣсты, какъ обыкновенно бываетъ, требуетъ времени хорошенько подумать о сдѣланномъ предложеніи, и съ тѣмъ отпускаетъ свата назадъ. По возвращеніи въ свѣтлицу спрашиваетъ невѣсту, *любъ али нелюбъ ей такой-то*. На вопросъ сей она отвѣчаетъ одними слезами или двумя словами: *на то воля родительская*. Сказать свое мнѣніе считается величайшимъ неприличіемъ и неблагоразуміемъ. Заботливый отецъ развѣдываетъ о поведеніи и положеніи дѣлъ жениха. Когда вѣсти добрыя, и въ назначенное время явится сватъ за отвѣтомъ, его уже просятъ пожаловать въ горницу, сажаютъ за столъ,

честятъ, угощаютъ, а настойчивый сватъ разными шутками и прибаутками старается скорѣе выманить у отца невѣсты согласіе на бракосочетаніе. Тогда зажигаютъ восковыя свѣчи предъ иконами; всѣ присутствующіе начинаютъ молиться, и отецъ невѣсты бьетъ съ посланнымъ по рукамъ. Сватъ тотчасъ же отправляется за женихомъ. По приходѣ послѣдняго, возобновляется тотъ же обрядъ, съ тою только разницею, что при немъ находится сама невѣста, которую отецъ отдаетъ жениху *изъ полы въ полу*. Святость сего богомоленія столь много уважается, что ни которая сторона, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ нарушить даннаго слова: всѣ увѣрены, что на измѣнившаго оному прольются всѣ бѣды и несчастія.

Съ сего времени женихъ каждое утро навѣдывается о здоровьѣ будущей своей супруги, а съ наступленіемъ вечера опять отправляется къ ней пить чай, въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ. Въ переднемъ углу горницы, назначенной для пріема дорогаго гостя, приготовленъ маленькій столикъ, уставленный различными лакомствами, въ числѣ коихъ почитаются необходимостью пряники и каленые орѣхи. Ласковая теща съ низкими поклонами сажаетъ за столъ будущаго зятя. Между тѣмъ проворная, досужая сваха выводитъ невѣсту, убранную въ самый лучшій нарядъ: если она дочь человѣка зажиточнаго, драгоцѣнный жемчугъ въ видѣ сѣтки лежитъ на ея груди и покрываетъ ея голову; ее становятъ посреди свѣтлицы. Ловкій женихъ беретъ свою суженую-ряженую за бѣлую ручку, и ведетъ за столъ. Когда они усядутся, отворяютъ широкія ворота настежь, толпы народа всякаго пола и возраста приходятъ

смотрѣть на сговоренную чету и слушать пѣсеньки дѣвушекъ:

«Ты, камочка, камочка моя,
«Ты камка мелкотравчатая,
«Не давайся развертываться
«Ни по атласу, ни по бархату,
«Ни по аксамиту на золотѣ.
«Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
«Хрущату камку развернулъ,
«Всѣ узоры повысмотрѣлъ,
«Всѣ круги позолоченые.
«Какъ барскій сынъ волю взялъ,
«Онъ Аннушку за руку бралъ
«Ивановну за бѣлую;
«Онъ повелъ за дубовый столъ
«За скатерти браныя,
«За яства сахарныя.

Большая часть Галицкихъ свадебъ совершается осенью, а какъ въ это время бываютъ самыя темныя ночи, то должно замѣтить, что Галицкія красавицы, которыя выходятъ днемъ не иначе, какъ закрывшись большимъ опахаломъ, и ставятъ въ безчестіе, если увидитъ ихъ въ лице мужчина, оставляютъ на эту пору азіятскую свою застѣнчивость.

Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, всѣ невѣстины подружки собираются къ ней въ домъ, топятъ баню и съ пѣснями провожаютъ ее туда. Тамъ расплетаютъ ей косу, а она, по обыкновенію, плачетъ надъ нею, тогда какъ дѣвушки поютъ пѣсни:

«Не трубушка трубила рано на зарѣ,
«То плакала свѣтъ Аннушка по русой косѣ.
«Ахъ ты, моя косынька, русая коса!
«Разобьютъ тебя косыньку на шесть доль,
«Заплетутъ тебя косыньку на двѣ косы . . . .

Ввечеру женихъ привозитъ туалетъ (небольшой

ящикъ съ зеркальцомъ), въ которомъ положены башмаки, чулки, мыло, бѣлила, румяна и другія мелочи, и даритъ невѣсту, а та раздаетъ эти бездѣлки подружкамъ, которыя на дѣвичникѣ споютъ ей въ утѣху:

«Залетала пташечка
«Во соловью клѣточку,
«За серебряну сѣточку,
«За золочену рѣшеточку,
«За жемчужну переплеточку;
«А сама-то встоскуется,
«А сама-то взгорюется . . .

Или:

«Разлилась, разлелѣялась
«По лугамъ вода весенняя,
«Унесло, улелѣяло
«Чадо милое, дочь отъ матери и проч.

Въ день свадьбы, лишь только начнутъ звонить къ заутренѣ, невѣста, вмѣстѣ съ молодыми родственницами своими идетъ въ церковь служить молебенъ. Исполнивъ христіанскій долгъ и возвратясь домой, она испрашиваетъ благословенія у отца и матери. Послѣ этого укладываютъ приданое, которое, у достаточныхъ, состоитъ изъ жемчужныхъ уборовъ, парчевыхъ и шелковыхъ сарафановъ, душегрѣекъ, полушубковъ и т. п. Потомъ сбираютъ невѣсту подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей волосы, примачивая квасомъ, и братъ ея, по старинному заведенію, самъ обуваетъ ее, послѣ чего надѣваетъ на нее парчевую юбку и шубу, опушенную куницами или соболями, не смотря на то, что свадьбы иногда бываютъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ; голову, сверхъ жемчужной поднизи, покрываютъ фатою. Для сбереженія невѣсты отъ дурнаго взгляда и другихъ непароковъ, по старому повѣрью, сваха вты-

кастъ украдкою ото всѣхъ иголку въ низъ ея платья и подпоясываетъ поясомъ, выплетеннымъ на подобіе сѣтки. Послѣ того уже надѣются, что къ ней не прикоснется ни какое лихо; ни какой дурной глазъ не сглазитъ.

Такимъ образомъ убранная невѣста дожидается жениха; онъ пріѣзжаетъ за нею въ сопровожденіи священника и большаго поѣзда, состоящаго изъ холостыхъ его родственниковъ, которыхъ невѣста даритъ ширинками или тому подобнымъ, смотря по состоянію. Отправляясь въ церковь, строго наблюдаютъ, чтобъ не проѣзжать ни подъ какимъ видомъ мимо дому жениха, дѣлая часто для того большіе объѣзды. Самая невозможность избѣгать этого поглазья почитается худымъ предзнаменованіемъ.

По совершеніи священнодѣйствія, всѣ свадебные гости слѣдуютъ за молодыми въ домъ жениха, гдѣ бываетъ уже приготовленъ роскошный столъ. Во время пиршества новобрачную *крутятъ,* т. е. свиваютъ ей двѣ косы, и надѣваютъ на голову огромный кокошникъ. Изъ-за четвертаго блюда отводятъ молодыхъ на покой. Молодой садится на постелю, и предъ нимъ съ рабскою покорностію и подобострастіемъ стоитъ супруга его въ ожиданіи приказаній. Тутъ, по завѣту блаженной старины, самовластный мужъ протягиваетъ ногу, и молодая жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка въ намекъ, что отъ мужа она должна ожидать и награды и наказанія. Свадебные пиры нерѣдко продолжаются по двѣ недѣли и болѣе; самые бѣдные не смѣютъ праздновать менѣе шести дней.

Галичанка

Рисовалъ съ нат.

ГАЛИЧАНКА.

Мы сказали уже, въ похвалу Галицкихъ горожанокъ, что онѣ болѣе другихъ придерживаются своего древняго паряда — особенно красиваго, когда видишь ихъ въ толпѣ мужчинъ, въ разноцвѣтныхъ сибиркахъ и кафтанахъ. Небольшая отмѣна въ этомъ уборѣ противъ прежняго — въ понижeніи кокошниковъ, хотя высокіе старинные также очень шли къ румянымъ, круглымъ лицамъ Галицкихъ красавицъ. Богатая фата, большею частію прозрачная, коею онѣ покрываются, роскошно упадаетъ на ихъ стройныя таліи, и развѣваясь при малѣйшемъ вѣтрѣ, то скрываетъ, то выказываетъ прелестныя формы. Кокошники нижутся большею частію изъ мелкаго Кафинскаго жемчуга.

XXXVI

Развалины Болгаръ

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

РАЗВАЛИНЫ

ГОРОДА БОЛГАРЪ.

Подъѣзжая со стороны Спасска (Казанской Губерніи), еще въ отдаленности, верстъ за 12, примѣчаешь на синѣющейся возвышенности бѣлую башню. Это Болгары, столица Болгарскаго Царства, нынѣ село Успенское, населенное Русскими. Долго еще башня сія представляется столбомъ, стоящимъ посреди темнаго лѣса; но съ приближеніемъ къ ней показывается вокругъ ея большое селеніе, расположенное по хребту горы, которая, можетъ быть, не что иное, какъ прежній высокій берегъ Волги, протекавшей здѣсь въ древнія времена, а нынѣ уклонившейся на 9 верстъ къ западу. Ежегодные извороты сей рѣки въ ея теченіи дѣлаютъ правдоподобнымъ сіе предположеніе; съ другой стороны и столица народа богатаго, производившая обширную торговлю, нигдѣ не могла быть лучше устроена, какъ на судоходной рѣкѣ, и безъ сомнѣнія, не нуждалась въ прѣсной водѣ, которую нынѣ достаютъ въ Болгарахъ изъ колодцевъ! Послѣ

сего можно утвердительно сказать, что положеніе города Болгаръ, съ его огромными мечетями и великолѣпными минаретами, было самое прелестное и величественное, если представимъ сей городъ стоявшимъ при живописной Волгѣ. Берегъ сей, значительно высокій, спускаясь постепенною отлогостію, могъ доставлять большія удобства для торговли, а нынѣ покрытъ садами и огородами.

Взойдя на башню, видѣнную издали, путешественникъ съ самаго возвышеннаго пункта оной можетъ ознакомиться съ мѣстомъ, которое намѣренъ осмотрѣть; очаровательные виды открываются глазамъ его, особливо съ полудня и запада! Волга въ разныхъ оборотахъ и измѣненіяхъ, то ровнымъ спнѣющимся каналомъ, то свѣтлымъ, круглымъ озеркомъ, то во всемъ своемъ величіи широкою, быстрою рѣкою разстилается предъ нимъ. Множество богатыхъ селъ и деревень, какъ драгоцѣнности въ вѣнцѣ Казанскаго Царства, блестятъ по злачнымъ берегамъ ея. Городъ Тетюши, на правомъ берегу Волги, а въ 30 верстахъ съ противуположной стороны Спасскъ на рѣкѣ Безднѣ, ограничиваютъ сей обширный горизонтъ съ двухъ сторонъ. Всходъ на башню труденъ, но вознаграждаетъ за трудъ удостовѣреніемъ въ предположеніи на счетъ теченія Волги у подошвы Болгаръ. Отсюда ясно видно уклоненіе рѣки сей вправо верстъ за 10, и черное болото, поросшее мѣстами кустарникомъ, а въ другихъ прерываемое озерами, указываетъ на древнее ея русло (*). При обращеніи взоровъ къ сѣверу вид-

(*) Сіе самое подтверждаютъ Татарскіе писатели: Таваришъ-Удъ-Даваилъ, Раузъ-Уль-Мяктару и Инбнъ-Эль-Варда, коихъ со-

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

но, какъ на планѣ, пепелище древняго города Болгаръ. Земляной валъ, большею частію обвалившійся, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно изгладившійся, и ровъ съ внѣшней стороны мѣстами до 3 саженъ глубины — достаточно означаютъ пространство города, заключавшее верстъ 7 въ длину и около 4 въ ширину, въ видѣ неправильнаго овала. Можно ли равнодушно смотрѣть на могилу обширной столицы народа, нѣкогда богатаго, могущественнаго? можно ли безъ чувствъ, безъ размышленія видѣть сіи нѣмыя, скудныя свидѣтельства его существованія? Нѣсколько уединенныхъ башенъ, разбросанныхъ по пустынѣ, изрытой буграми, нѣсколько распадшихся стѣнъ, поросшихъ кустарникомъ — вотъ все, что осталось отъ знаменитаго города, отъ великолѣпныхъ зданій, отъ пышныхъ, роскошныхъ гаремовъ! Скоро, можетъ быть, плугъ поселянина изгладитъ съ лица земли послѣдніе ихъ остатки, а вѣтръ полночный разнесетъ и самую пыль ихъ! Постараемся по крайней мѣрѣ описать то, что найдено еще уцѣлѣвшимъ: много уже измѣнилось и даже исчезло изъ сихъ развалинъ со временъ посѣщенія ихъ академикомъ Палласомъ, бывшимъ здѣсь въ 1768 году.

Какъ ни трудно всходить на башню, но несравненно еще опаснѣе съ нее спускаться; кромѣ того, что въ лѣстницѣ не достаетъ весьма многихъ ступенекъ, большая часть изъ нихъ столь рыхлы, что зыблются подъ ногами, и, при первомъ неосторожномъ шагѣ,

---

чиненія въ рукописяхъ находятся у нѣкоторыхъ Абызъ въ Казани и Касимовѣ. По словамъ перваго, Волга измѣнила свое теченіе спустя 54 года по завоеваніи города Болгаръ Тимуромъ.

готовы обрушиться. Послѣ такого перехода обыкновенно чувствуешь боль въ колѣнахъ, но Татары приписываютъ ее дѣйствію заклинаній ихъ муллъ на Христіанъ, дерзающихъ попирать стопами сіе святилище. Двери въ башню съ полуденной стороны; лѣстница круглая, узкая, освѣщаемая нѣсколькими отверзтіями, пробитыми въ толстой стѣнѣ въ видѣ четвероугольныхъ окошечекъ, имѣетъ 74 ступени. Почти на срединѣ стѣны примѣтны въ ней знаки Арабской надписи.

Башня сія вышиною до $12^1/_2$ саженъ, и есть одна изъ развалинъ, лучше другихъ уцѣлѣвшая отъ всеразрушающаго времени, не столько по крѣпости толстыхъ стѣнъ ея, или по огромности дикихъ камней ея фундамента, соединенныхъ съ удивительнымъ искусствомъ, сколько по заботливости Петра Великаго о сохраненіи памятниковъ древности: его попеченія простерлись и сюда. Государь, посѣтивъ развалины Болгаръ во время Персидскаго похода, приказалъ верхнюю часть сей башни, или столба, оковать двумя желѣзными обручами. Въ послѣдствіи Г. Гурьевъ, бывшій Казанскій Вице-Губернаторъ, движимый подобнымъ уваженіемъ къ сей древности, покрылъ башню досчатою кровлею. Вотъ какъ мало стоило сохраненіе сего памятника въ первобытномъ его состояніи (*)!

Признаки большаго четвероугольнаго зданія, находившагося близъ сей башни, даютъ поводъ думать,

(*) Кажется, что весьма легко можно убѣдить богатыхъ Татаръ, сюда пріѣзжающихъ для богомолья, сдѣлать значительное пожертвованіе для сохраненія сихъ развалинъ, изъ коихъ многія у нихъ считаются священными.

что оно было не что иное, какъ мизарь, принадлежавшій къ мечети, и весьма вѣроятно, султанской, ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на семъ мѣстѣ былъ отдѣльный укрѣпленный замокъ, обнесенный толстыми стѣнами, кои по всѣмъ угламъ имѣли низкія башни. Двѣ изъ нихъ доселѣ еще довольно цѣлы: одна нѣкогда обращена была въ Христіанскую церковь, во имя Св. Николая Чудотворца, а другая служила монастырскимъ погребомъ. По построеніи, въ 1734 году, новаго каменнаго храма, усердіемъ купца Вихляева, церковь упразднена. Башня имѣетъ видъ осьмиугольника, до 5 саженъ въ длину, столько же въ ширину, и $3^1/_2$ въ вышину, со сводомъ, съ двумя небольшими въ немъ окошечками; входъ съ южной стороны. Можно полагать, что и прочія три башни были подобнаго размѣра и вида. Въ подкрѣпленіе предположенія, что въ семъ замкѣ было жилище Султана или Хана, археологъ увидитъ еще слѣды дворца, объ огромности коего свидѣтельствуютъ остатки фундамента, имѣвшаго до 80 футовъ въ длину и ширину; углы также оканчивались башнями различной фигуры и величины. Нѣсколько ступеней, обложенныхъ тесанымъ камнемъ, указываютъ мѣсто широкихъ лѣстницъ, служившихъ входомъ въ сіи башни.

Въ фундаментѣ новой церкви замѣтно нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями. Они собраны сюда, какъ сказываютъ со всѣхъ развалинъ, ибо теперь весьма трудно найти тамъ хотя одну подобную доску. Попеченіемъ и любовію къ наукамъ безсмертнаго Петра I, намъ объяснилось содержаніе ихъ; изыскатель древностей обязанъ тѣмъ любознанію сего Великаго Царя. Но и тогда, едва най-

дено было только 49 надписей, кои можно было разобрать; всѣ онѣ оказались Татарско-Арабскими (большею частію съ искусно вырѣзанными куфическими литерами) и Армянскими. Для списыванія первыхъ избранъ былъ ученый Ахунъ Кадырмамемъ Сюнгалей (на Русскій языкъ переведены онѣ Юсуфомъ Ижбулатомъ), а для послѣднихъ Армянинъ Иванъ Васильевъ (*). Изъ числа надписей было только 3 Армянскихъ; но самая любопытнѣйшая принадлежитъ къ симъ послѣднимъ, относясь къ 557 году Эгиры (около 1260 года нашей эры). Другая Армянская надпись, хотя и позднѣйшая, замѣчательна по выраженію *славный*, приданному городу Болгаръ (**).

Арабскія надписи, начинаясь съ 619, продолжаются до 742 года, и наиболѣе относятся къ 623 году (***). Въ слогѣ ихъ замѣтенъ духъ восточнаго витійства, и мысли взятыя изъ Алкорана. Напримѣръ, на камнѣ, бывшемъ надъ могилою Абдула, 624 года, начертано: «Смерть подобна полной чашѣ питія: всѣмъ людямъ «ее пить, никому не миновать. Гробъ — врата смерти, «всѣ люди пройдутъ въ нихъ.»

На другомъ камнѣ, надпись оканчивается слѣдующими словами: «то неминуемо, что грозный день суда Божія пріидетъ: нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что «Господь воздвигнетъ всѣхъ умершихъ.

На третьемъ: «Онъ Господь Богъ живый (****).

(*) Это было въ 1722 году.

(**) Въ надписи сказано: «Сей камень положенъ въ семъ славномъ градѣ надъ Армяниномъ Назаромъ и женою его Мариною»

(***) Числомъ 22.

(****) Симъ стихомъ изъ Алкорана начинается большая часть Арабскихъ надгробныхъ надписей. См. Днев. Зап. Лепехина. Стр. 272 — 273.

«Сіе домовище великаго и превеликаго и высокаго повелителя, избраннаго отъ Бога, почтеннаго, благороднаго, призирателя учителей и защитителя сирыхъ, Акиста Хаджи сына Мумикова; Мумикъ сынъ Мурсина Болгарскаго. О Господи Боже! удовольствуй его довольствомъ нескончаемымъ и учести его, отпустивъ грѣхи его, и помилуй согрѣшенія его. Мѣсяца марта 27, 720 года.

На четвертомъ: «Всѣ живые вскорѣ умрутъ, кромѣ Господа Бога. Имя, Абубекиръ Осливяга-Мамукъ, сынъ Баклятевъ. Воспомни его, Господи, милосердіемъ, и украси, Боже, въ царствіи, небесномъ бесѣды его, и упокой его, отпусти грѣхи его. Отыде къ милосердію Всевышняго въ лѣто отъ Магомета 619.»

Надписи надъ женскими гробницами въ такомъ же родѣ и еще, кажется, болѣе испещрены пышными эпитетами. Укажемъ нѣкоторыя:

1) «Се послѣдній пріютъ прецѣломудренныя, прекрасныя и преблагочестивыя княгини Сафары, дщери Рысаевой, родомъ изъ Шамахіи. О Боже! удовольствуй ее довольствіемъ нескончаемымъ, учести отпущеніемъ грѣховъ ея, помилуй и освяти ее въ грозный судный день.»

2) «Сіе домовище пречистыя, премногомилосердыя, прекрасныя, превысокородныя и непорочныя и препочтенныя и чистѣйшія, многовѣрныя княгини Сары, дочери Ахметовой.»

3) «Сіе домовище прецѣломудренныя, чистѣйшія, непорочныя, многотерпѣливыя и многопостныя Раммы, дочери Любовой. Любъ сынъ Магометовъ, а Магометъ Юносовъ царства Болгарскаго. О Господи! удовольствуй ее довольствіемъ нескончаемымъ! Отыде къ

милосердію Всевышняго 22 лѣтъ отъ рожденія своего.»

Камни сіи различнаго вида и величины, и, по замѣчанію ученаго Палласа, весьма сходствуютъ съ надгробными памятниками, находившимися въ Касимовѣ (*).

Въ церкви есть весьма замѣчательная древность, открытая лѣтъ за 40 въ развалинахъ Болгарскихъ: это мѣдный, вызолоченный образъ древней Греческой работы; драгоцѣнность сія долго находилась въ рукахъ одного здѣшняго крестьянина и служила предметомъ особеннаго уваженія въ окружныхъ мѣстахъ, откуда безпрестанно стекались на поклоненіе сему образу усердные богомольцы. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе мѣстнаго начальства, и образъ приказано было перенесть въ церковь. Онъ имѣетъ около одного фута въ діаметрѣ и заключаетъ 10 изображеній святыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю. Они расположены по пяти съ каждой стороны крестообразно, и каждый нарисованъ на выпукломъ кружкѣ. Съ одной стороны въ срединѣ Іисусъ Христосъ, вверху Архангелъ Михаилъ, внизу Архангелъ Гавріилъ, съ правой стороны Богоматерь, а съ лѣвой Іоаннъ Креститель. На другой сторонѣ: въ срединѣ Св. Козьма, возлѣ него Св. Василій Великій и Св. Николай, сверху Св. Кириллъ, а внизу Св. Даміанъ. Арабески, коими наполнены промежутки, выполнены съ величайшимъ искусствомъ и разнообразіемъ; но въ изображеніи ликовъ святыхъ видно, какъ и въ прочихъ Византійскихъ произведеніяхъ живопи-

(*) См. Путешествіе Палласа, Т. I, стр. 192.

си, недостаточное знаніе рисунка и перспективы. Но художники того вѣка превосходили новѣйшихъ въ химическомъ составѣ красокъ. Это доказываетъ и сія рипида; не смотря на то, что она столь долгое время находилась въ землѣ, по видимому въ известкѣ, и была подвержена дѣйствію всѣхъ стихій, краски и позолота на ней еще живы и довольно свѣжи. Образъ сей становится еще достопримѣчательнѣе, если будешь смотрѣть на него, какъ на свидѣтельство вѣроятности о существованіи Греческаго монастыря въ стѣнахъ Магометанскихъ Болгаръ!

Влѣво отсюда видны остатки другой башни, подобной первой. Башня сія имѣетъ въ окружности 8 саженъ, но обвалилась такъ, что отъ высоты ея осталось не болѣе 3 саженъ съ половиною (*); далѣе замѣтенъ фундаментъ мечети, образующій неправильный четвероугольникъ въ 3 сажени длины. Съ юга и запада, видны остатки двухъ небольшихъ отдѣльныхъ зданій. Татарскіе бытописатели повѣствуютъ, что здѣсь погребены 5 Мусульманъ, почитаемыхъ ими за святыхъ, именно: Султанъ-Уль-Арефинъ, Шеингъ-Гассанъ-Баери, Шеикъ-Шибли, Мулла Гассанъ-Уддинъ и Шеикъ-Култи Саманъ. Татары изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ пріѣзжаютъ сюда на поклоненіе, и нерѣдко остаются здѣсь по нѣскольку дней для отправленія богомолья своего, привозя съ собою и муллъ.

По буграмъ и ямамъ, означающимъ слѣды жилищъ, можно съ нѣкоторою достовѣрностію заключить, что отселѣ пролегала улица въ средину города

(*) Въ бытность здѣсь Палласа, имѣла она еще 9 саженъ въ вышину, а стѣны мечети и другихъ зданій болѣе 2 саженъ.

на большую площадь, на коей возвышалось огромное зданіе изъ тесанаго камня, называемое здѣшними жителями Черною или Судебною Палатою. Первое наименованіе дано ему, вѣроятно, по мрачной, угрюмой наружности стѣнъ его, а другое по назначенію его; ибо по внутреннему и внѣшнему расположенію сего зданія, видно, что оно могло служить для собраній Дивана или судилищъ.

Зданіе сіе о 4-хъ ярусахъ, изъ коихъ каждый уменьшается вверхъ небольшимъ уступомъ, образующимъ снаружи родъ узкой террасы. Оно четвероугольное; при подошвѣ около 4 саженъ, а въ вышину до 6-ти; покрыто куполомъ, имѣющимъ на срединѣ круглое окошко; прочіе ярусы отдѣлялись внутри деревянными полами или накатами, что замѣтно еще на стѣнахъ, покрытыхъ мѣстами толстою штукатуркою. Нижній этажъ имѣетъ одинъ входъ чрезъ полукруглое отверзтіе или арку, до половины углубленную въ землю, надъ коею утверждена въ стѣнѣ гладкая каменная доска, содержавшая, вѣроятно какую нибудь надпись изъ Алкорана, которой однако жъ не осталось ни малѣйшаго слѣда. Кромѣ двери, въ этажъ сей не было никакого другаго отверзтія или свѣта, а потому можно полагать, что это была темница. Съ наружной стороны видны примыкавшія стѣны низменнаго строенія, коимъ былъ обнесенъ вокругъ сей этажъ и которое, вѣроятно, служило галереею для втораго яруса. Зданіе сіе, какъ видно, раздѣлялось: съ запада, на три небольшіе четвероугольные покоя, съ юга на два нѣсколько болѣе первыхъ, съ востока и сѣвера имѣло по одной длинной залѣ. Во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ,

сверхъ того по два окошечка съ южной и западной стороны. Третій ярусъ освѣщенъ только 4-мя окошками, устроенными надъ дверьми втораго яруса и украшенными карнизомъ; четвертый ярусъ, представляя видъ осьмиугольника, имѣетъ столько же окошекъ. Въ 50-ти шагахъ къ сѣверу, замѣтны остатки фундамента стѣны, коею, вѣроятно, была окружена сія палата.

Еще замѣчательнѣе для любителя древности развалины огромнаго зданія, отсюда во 100 саженяхъ къ полудню, называемаго деревенскими жителями Бѣлою Палатою. Оно около 12 саженъ въ длину (*) и 3 въ вышину, подъ куполомъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя болѣе другихъ потерпѣли отъ времени съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его наши академики. Кирпичная пристройка, бывшая съ сѣверной стороны и заключавшая двѣ большія переднія комнаты, или сѣни, совершенно разрушилась; нынѣ остаются только два отдѣльные столба или полуарки. Правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесанаго камня, замѣнилась неровностями и заросла терновникомъ. Отъ южной пристройки остался одинъ фундаментъ; стѣна съ сей стороны обрушилась, и образовала проломъ, чрезъ который внутренность развалинъ представляется весьма живописно, такъ, что сей пунктъ можно почитать лучшимъ для изображенія Болгарскихъ развалинъ. При входѣ во внутренность главнаго зданія еще можно получить понятіе о первоначальномъ расположеніи онаго, но чрезвычайно трудно опредѣлить,

(*) Во время путешествія академика И. Я. Озерецковскаго она была длиною 30, а шириною 7 саженъ.

для какой цѣли воздвигнуто было сіе зданіе? Былъ ли это Греческій храмъ, или Мусульманская мечеть или баня, какъ полагаютъ, разногласно, ученые путешественники, находя для каждаго изъ сихъ заключеній вѣроятныя доказательства.

Внутренность храмины устроена правильнымъ крестомъ, образовавшимся въ большомъ квадратѣ изъ четвероугольныхъ отдѣленій по всѣмъ угламъ. Надъ срединою креста, составляющею самую большую залу, возвышается огромный куполъ, имѣющій по срединѣ осьмиугольное отверзтіе и два окошка по бокамъ; равно и каждое изъ угловыхъ отдѣленій покрыто было особеннымъ круглымъ сводомъ, или куполомъ съ окошечкомъ наверху. Входъ въ зданіе съ сѣверной стороны чрезъ узкую дверь, находящуюся по срединѣ креста; четвероугольныя же отдѣленія сообщаются посредствомъ отверзтій, сдѣланныхъ въ капитальной стѣнѣ, во внутреннихъ углахъ оной.

Палласъ, почитая зданіе сіе мечетью, называетъ подземные ходы, устроенные подъ зданіемъ на сводахъ, погребомъ, въ который становили тѣла умершихъ, находя что входъ въ оный подъ южною стѣною совершенно сходствуетъ со входомъ въ Касимовскую мечеть на ханскомъ кладбищѣ. Онъ же замѣчаетъ сходство сего зданія съ древними школами въ Ташкентѣ (*).

Напротивъ того, профессоръ Эрдманъ (**) старается доказать, что зданіе сіе было не что иное, какъ

(*) Путешествіе Палласа, Т. I, стр. 192.

(**) Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Von D. I. F. Erdmann. Riga und Dorpat. 1821. T. I. S. 285.

баня, и приводитъ въ доказательство открытые имъ пять параллельныхъ каналовъ, идущихъ подъ каменнымъ поломъ креста и угловой комнаты отъ сѣвера къ югу, и столько же отъ запада на востокъ, такъ, что они пересѣкаются прямыми углами. Каждый изъ сихъ каналовъ, по мнѣнію его, былъ въ $1^1/_2$ фута ширины и $2^1/_2$ глубины, и всѣ соединялись въ общій каналъ, въ длинной поперечной комнатѣ съ южной стороны, и имѣли тамъ стоки сквозь своды. Кромѣ сего, замѣчены имъ въ стѣнахъ признаки разныхъ водопроводовъ, а въ одномъ углу даже остатки желѣзной трубы въ 2 или 3 дюйма въ діаметрѣ. Сверхъ того, въ стѣнѣ обѣихъ сѣверныхъ и юговосточныхъ угловыхъ комнатъ найдены имъ подъ поломъ четыре широкія горизонтальныя борозды, въ коихъ лежали жолобы или трубы, а въ западной стѣнѣ сѣверозападной угловой комнаты слѣды перпендикулярнаго отвѣснаго стока, наконецъ въ южной стѣнѣ юговосточной комнаты мѣсто самаго бассейна.

Въ опроверженіе перваго заключенія, можно представить, что Мусульмане во всемъ и вездѣ избѣгаютъ вида креста, и тѣмъ болѣе не допустили бы они его въ мечети, что нѣтъ никакихъ признаковъ минарета, бывающаго обыкновенно при мечетяхъ. На счетъ неосновательности другаго мнѣнія, т. е. о банѣ, можно указать на камни съ надгробными надписями, замѣчаемые въ полу большаго креста, которыхъ бы, конечно, Мусульмане не положили въ мыльнѣ. Разныя церковныя вещи, въ томъ числѣ и упомянутый образъ, найденные близъ сей храмины, и крестообразное оной расположеніе, хотя и могли дать мысль, что въ зданіи семъ была Греческая церковь, но внимательное

разсмотрѣніе сего зданія убѣждаетъ, что оно переходило, по обстоятельствамъ, изъ одного назначенія въ другое, причемъ и дѣланы были разныя пристройки и поправки. Взявъ въ соображеніе первоначальную архитектуру, которая теперь обнажилась (ибо все побочное совершенно разрушилось), можно полагать, что зданіе сіе ближе подходитъ къ Индѣйскимъ пагодамъ, описаннымъ и изображеннымъ въ путешествіяхъ Даніэля и Ланглеса, и построено было еще въ то время, когда, можетъ быть, дѣятельные въ торговлѣ Индѣйцы имѣли свои храмы въ Болгарахъ. Сходство стиля сего зданія съ Индѣйскимъ зодчествомъ примѣтно не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ онаго, напримѣръ: въ карнизѣ, оставшемся во внутренности одного изъ четвероугольныхъ отдѣленій. Наконецъ крѣпость стѣнъ и сводовъ убѣждаетъ достаточно, что они воздвигнуты не Мусульманскою рукою. Подземные ходы, сколько можно замѣтить, были устроены не только подъ самымъ зданіемъ, но и вокругъ онаго на большое пространство, и были довольно просторны, такъ, что, по видимому, человѣкъ могъ свободно ходить въ нихъ.

Въ лѣсу, версты за полторы отъ Черной Палаты, на самомъ валу, показываютъ развалины довольно обширнаго зданія, которое простолюдины называютъ Греческою Палатою. Нѣтъ ни малѣйшаго признака, по коему археологъ могъ бы угадать и подтвердить истину сего преданія: развалины сіи такъ обрушены рукою времени и такъ древни, что на нихъ выросли уже толстыя березы.

На южной сторонѣ, въ 20 саженяхъ отъ вала, замѣтенъ еще четвероугольникъ, обнесенный земля-

нымъ валомъ. Мѣсто сіе называется Малымъ Городкомъ. Г. Озерецковскій, въ 1768 году, нашелъ во внутренности онаго 4 развалины; теперь слѣды ихъ совершенно исчезли; но въ разрѣзѣ вала, который, вѣроятно, служилъ входомъ въ сей городокъ, замѣтно еще существованіе каменныхъ воротъ.

Вотъ все, что осталось отъ богатаго, обширнаго нѣкогда, города Болгаръ; при Палласѣ и Озерецковскомъ еще было до 44-хъ развалинъ; теперь отъ многихъ не представляется ничего болѣе, кромѣ множества разсѣянныхъ по полю бугровъ и ямъ, въ коихъ еще замѣтны основанія каменныхъ зданій, большею частію четвероугольныхъ, отъ 3 до 5 саженъ въ длину.

Весною, послѣ стаявшаго снѣгу, и послѣ каждаго дождя, часто вымываются водою на поверхность земли разнаго рода металлическія вещицы: ожерелья, зарукавья, перстни, серги, разноцвѣтные камешки и монеты. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, одна крестьянка нашла здѣсь нѣсколько серебряныхъ палочекъ. По словамъ ея, двѣ изъ нихъ были въ три и болѣе вершка длины и толще большого пальца; вѣроятно, это были древніе рубли Русскіе. Она продала ихъ Татарамъ, которые, пріѣзжая сюда на моленье, покупаютъ дорогою цѣною, все, что ни приносятъ имъ изъ вещицъ, найденныхъ въ развалинахъ Болгаръ. По сей причинѣ, деревенскіе мальчики и многія старухи занимаются симъ выгоднымъ для нихъ ремесломъ (*).

(*) Говорятъ, въ здѣшнихъ развалинахъ найдены были два золотые идола. Драгоцѣннѣйшій изъ сихъ кумировъ перешелъ къ одной знатной особѣ, пріѣзжавшей въ Казань, въ царствованіе Императора Александра, а другой вскорѣ утратился.

Лѣтъ за 25, былъ здѣсь старикъ, который помнилъ еще посѣщеніе Болгаръ Петромъ Великимъ, и еще недавно былъ другой, въ молодости своей бывшій свидѣтелемъ пребыванія здѣсь Императрицы Екатерины II, во время путешествія Ея водою въ Симбирскъ, въ 1767 году. Онъ разсказывалъ, что на Волгѣ, за 7-мь верстъ отсюда, устроена была пристань и проложена мостовая деревянная дорога, которыхъ слѣды донынѣ еще сохраняются. Государыня со свитою Своею прибыла сюда въ 3-хъ каретахъ, высланныхъ къ пристани богатымъ сосѣднимъ помѣщикомъ Молостовымъ, прошла прямо въ церковь, осмотрѣла всѣ древности, на монастырскомъ подворьѣ находящіяся, заходила потомъ въ Черную Палату, но далѣе не пошла за худою погодою. Въ послѣдствіи, развалины сіи были посѣщены, въ 1816 г., Государственнымъ Канцлеромъ, Графомъ Н. П. Румянцовымъ. Въ числѣ ученыхъ посѣтителей сихъ мѣстъ, кромѣ академиковъ Палласа и Озерецковскаго, должно наименовать Гг. профессоровъ Френа, Эрдмана, Фукса и знаменитаго Гумбольдта.

Переходя къ историческимъ преданіямъ о судьбѣ сего города, воспользуемся немногими свѣдѣніями, какія можемъ почерпнуть изъ извѣстныхъ намъ источниковъ, пополнивъ ихъ недавними открытіями академика Френа, столь много принесшаго пользы историческимъ изысканіямъ изслѣдованіями въ восточной нумизматикѣ.

Нѣкогда на восточномъ берегу Волги, отъ впаденія въ нее Суры до самаго Каспійскаго Моря, существовалъ народъ, именуемый Болгарами. Откуда получили они сіе названіе, еще недостовѣрно извѣстно.

но, кажется, заслуживаетъ вѣроятія то мнѣніе, что они, какъ и многіе другіе народы, получили наименованіе свое отъ рѣки Волги, при которой обитали. Слово Б легко могло измѣниться въ В. Замѣтимъ еще, что *Ра* было также древнее названіе Волги. Греки называли ихъ Вулгарами. Они раздѣлялись на Волгайское, Камайское и Шализинское племена, изъ коихъ послѣднее обитало при Каспійскомъ Морѣ. На земляхъ ихъ жили и другіе народы, которые ими терпимы были, либо вступили съ ними въ союзъ, либо, по видимому, были ими покорены, и подъ ихъ-то именемъ нерѣдко разумѣли Булгаръ. Имя ихъ въ Россійскихъ лѣтописяхъ иногда замѣнялось названіями Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и даже Вотяковъ.

Вѣроятно, что Булгары, также какъ и сосѣдственные съ ними Хозары, Уссены, Печенѣги, суть Татарско-Турецкаго происхожденія. Ибнъ-Гаукалъ повѣствуетъ, что ихъ языкъ былъ тотъ же самый, что и Хозарскій, а Татарское повѣствованіе изъ Фергсигъ-Наме, подтверждаетъ, что для обращенія Булгаровъ къ вѣрѣ, отправлены были три пророка, изъ коихъ одинъ, Гантала, держалъ рѣчь предъ ханомъ, потому что онъ совершенно разумѣлъ Турецкій и Румейскій языки. Хотя же монета, чеканеная въ Булгаріи, и найденныя тамъ надписи, по большой части суть на Арабскомъ языкѣ, но сіе не удивительно у такихъ народовъ, которые приняли Исламское исповѣданіе, ибо вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ употребленіе и Арабской языкъ. Но притомъ же замѣчательно, что Арабскій языкъ въ надписяхъ ограничивается одною выпискою изреченій Алкорана; прочіе обстоятельства объяснены Татарскимъ языкомъ.

Весьма трудно опредѣлить, далеко ли простирались земли, принадлежавшія древнимъ Булгарамъ: границы измѣнялись по обстоятельствамъ, а притомъ, у народовъ, ведущихъ по большей части кочевую жизнь, опредѣленныхъ границъ и быть не могло.

По мнѣнію Бентинка, Булгары владѣли пространствомъ между Волгою, Уральскими Горами и Самарою. По мнѣнію другихъ, они жили между Дономъ и Волгою. Ибнъ-Эль-Варда утверждаетъ, что обширное владѣніе Вулгаръ граничило съ Румейскимъ, что можетъ быть и правда въ отношеніи къ тѣмъ Вулгарамъ, которые въ позднѣйшія времена перешли съ Волги на Дунай и между коими находились Печенѣги, Башкирцы и Россіяне. Древніе Булгары составляли многочисленный и предпріимчивый народъ, что доказываютъ не только переходы ихъ къ Черному Морю и южному берегу Дуная, но и вторженія въ сосѣдственныя Россійскія владѣнія. Для отраженія ихъ еще во время Рюрика заложена была при берегахъ Оки крѣпость, нынѣшній Муромъ, которою, въ 1083 году, Булгары овладѣли. Въ 1183 году, они снова ограбили сію страну, и также Рязань, а въ 1218 г., овладѣли Устюгомъ. Не однажды также они были аттакованы Россіянами: при Владимірѣ; въ 1164, при Андреѣ Юрьевичѣ, и потомъ опять, въ 1172 году. Въ 1184, ходилъ на нихъ войною Всеволодъ съ своими союзниками; походы сіи возобновлялись нѣсколько разъ; наконецъ, въ 1219, они были побѣждены Великимъ Княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, просили мира и принуждены были согласиться на всѣ его предложенія; но покорность ихъ была не долговременна,

и война съ Россіянами продолжалась до вторженія въ Россію Монгольско-Татарскихъ народовъ.

За Дунай, племена ихъ начали переходить еще въ 6-мъ столѣтіи. Привлеченные пріятностію климата, многіе остались тамъ, а вскорѣ потомъ (въ 678 году) значительная часть Болгарскаго народа переселилась въ нынѣшнюю Булгарію, и въ IX вѣкѣ, просвѣщенные крещеніемъ, смѣшались съ Славянами и уже стали совершенно отличаться отъ единоплеменниковъ своихъ, обитавшихъ на Волгѣ, языкомъ и обычаями, сохраняя впрочемъ Азіятскую пылкость и суровость, проявляющуюся въ самыхъ пѣсняхъ ихъ.

Волжскіе Булгары издревле повиновались Ханамъ. Первый изъ нихъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ Туки или Туфи-Ханъ. Онъ началъ царствовать въ началѣ VII вѣка. Ему наслѣдовалъ Айдаръ-Ханъ, во время коего, какъ полагаютъ, введенъ былъ Исламизмъ. За нимъ послѣдовалъ Мугамедъ Аминъ-Ханъ и другіе. Наконецъ при Илямъ-Ханѣ произошло вторженіе Чингисъ-Хана. Илямъ-Ханъ покорился Чингисъ-Хану, и Болгарское царство сдѣлалось областью Монгольскаго властителя.

Въ то время Булгары строили уже города. Историки упоминаютъ о Брехимовѣ при Камѣ, которымъ Великій Князь Андрей Юрьевичъ овладѣлъ въ 1164 году. О городѣ, при Черемшанѣ, безъ сомнѣнія, Билярѣ, на развалинахъ коего построенъ нынѣ Билярскъ, объ Ашли, на Волгѣ, коего остатки и понынѣ видны при устьяхъ Кирѣлки. (Мус. Пушкинъ, стр. 51). Наконецъ о Соби, *Кулаѣ* (*) и другихъ, положеніе коихъ

(*) На Камѣ есть селеніе *Кулаево*. Не здѣсь ли было мѣсто Кулая?

нынѣ неизвѣстно, но о Булгарахъ упоминается въ Россійскихъ лѣтописяхъ, только съ 1361 года, хотя и видно изъ выбитыхъ тамъ монетъ и найденныхъ надписей, что за 150 лѣтъ предъ тѣмъ, онъ уже процвѣталъ; но, кажется, предки наши называли его *Великимъ Городомъ*, что нерѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ того времени и, вѣроятно, заимствовано ими было отъ Грековъ, кои Волжскую Булгарію означали подъ именемъ *Великой*.

По словамъ рукописи Таваришъ Удъ-Даваиръ, во время Аддаръ-Хана находилось въ Булгарахъ до 520 домовъ. Ибнъ-Эль-Варди, сверхъ того, упоминаетъ о городскихъ Мусульманскихъ синагогахъ, а Абулъ Феда о трехъ баняхъ. Вѣроятно, что въ послѣдствіи городъ распространился; о немъ уже часто упоминалось, какъ о торговомъ городѣ. Древняя лѣтопись (I, 122), говоритъ о нѣкоторомъ богатомъ Христіанинѣ изъ Іерусалима, который, торгуя въ Болгарахъ, получилъ мученической вѣнецъ; упоминаетъ также о наѣздникахъ, которые, въ 1375 году, отправясь изъ Новагорода на 70 судахъ, пріѣзжали въ Болгары продавать добычу. Наконецъ, въ древней лѣтописи (11—70), мы находимъ свѣдѣніе, что Тохмамышъ, въ 1383 г., приказалъ отнять въ Болгарахъ товары у Христіанскихъ купцовъ. Указанныя нами надгробныя надписи упоминаютъ о многихъ лицахъ изъ Армянъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, могла привлечь сюда только одна торговля. Да и самъ Ибнъ-Эль-Варди (писавшій въ 13 вѣкѣ) говоритъ, что городъ Болгары славенъ былъ, какъ пристань и столица, пока еще въ 358 году Еги-

ры (968—69) не былъ опустошенъ Россіянами (*), послѣ чего обширность его очень убавилась. Въ послѣдствіи Болгары снова возстановлены, и особенно процвѣли въ 13 вѣкѣ, незадолго предъ вторженіемъ Татаръ Чингисовыхъ, что видно изъ указанной нами монеты, носящей имя калифа Назара.

Правда, что Дешти-Кипчатское царство еще около 1219 года разорено было Монголо-Татарскими народами, и даже Болгары съ окружными землями отданы были Чингизъ-Ханомъ въ потомственное владѣніе старшему сыну его Чучии, но кажется, что не прежде, какъ въ 1236 и 37 году утратили всю свою свободу. По словамъ Татарской рукописи Таваришъ, тогдашній Болгарскій Ханъ добровольно покорился, но по Россійскимъ лѣтописямъ, за сею покорностію слѣдовало снова кровопролитіе. Со времени Батыя Ханство Болгарское было навсегда присоединено къ Кипчатскому Царству, какъ то доказываютъ надписи на ханскихъ монетахъ, въ Болгарѣ чеканеныхъ. Хотя извѣстно, что Батый имѣлъ пребываніе въ Сараѣ на Ахтубѣ, но Рюисбрюкъ, которой тогда при немъ находился, повѣствуетъ, что Батый лѣтомъ съ ордою своею ходилъ далѣе на сѣверъ, и вѣроятно, въ Болгаръ, гдѣ велѣно было Татарамъ бить монету. Ферепашъ называетъ даже городъ Болгаръ (Solium aureum) Золотымъ Трономъ, безъ сомнѣнія, по занятію онаго Татарами Золотой Орды.

(*) Изъ Русскихъ лѣтописей видно, что въ это время Святославъ воевалъ съ Дунайскими, а не съ Волжскими Болгарами.

Если принять за достовѣрное, что монета чеканилась только въ столицахъ, то заключить должно, что городъ Болгаръ нерѣдко былъ временнымъ мѣстопребываніемъ Монголо-Татарскихъ хановъ, до 1322 по Р. Х. Правда, что въ концѣ XIII вѣка при Туктачу чеканилось много монеты въ Сараѣ, но еще прежде того и въ самомъ Болгарѣ вырабатывали оную въ большомъ количествѣ; въ правленіе Батыя и Мангу Тимура.

Ханъ Узбекъ, который имѣлъ монетные дворы не только въ Сараѣ, но въ Муксинѣ и Хорезмѣ, билъ также монету въ Болгарѣ. Съ 1322 года, въ теченіе 70 лѣтъ представляется промежутокъ, въ которомъ не отыскивается Болгарскихъ монетъ. Кажется, что въ это время городъ Болгаръ испыталъ разныя бѣдствія; не однажды былъ разграбленъ Новгородскими наѣздниками и искателями приключеній, а еще болѣе, въ 1377 г., опустошенъ Княземъ Московскимъ въ соединеніи съ Княземъ Суздальскимъ. Во время Мамая завладѣли имъ Новгородцы, которые опустошали окружныя земли. Болгаръ однако же не долго оставался во власти Россіянъ; но въ 1396, году снова былъ взятъ Георгіемъ, братомъ Великаго Князя Василья Дмитріевича, и опять не надолго.

Когда Кипчатское Царство, ослабѣло отъ внутреннихъ мятежей, то, по смерти Бердибека, послѣдняго владѣльца изъ роду Батыя, явились многіе требователи престола. Изъ нихъ Тохтамышъ, одинъ изъ начальниковъ Синей Орды, послѣ многихъ сраженій овладѣлъ, въ 1380 году, престоломъ. Тамерланъ, озлобленный Тохтамышемъ, напалъ на него, сперва въ 1391

году, а нѣсколько лѣтъ послѣ, напалъ на весь Дештъ-Кипчакъ и Россію, и вездѣ побѣждая, разорялъ села и города. Изъ числа сихъ послѣднихъ, Илу-Арадъ-Шахъ упоминаетъ о Сарайчикѣ и Хаджи-Тарханѣ (нынѣшней Астрахани). По Татарскимъ историкамъ, Болгаръ не былъ имъ пощаженъ. Тогда въ Болгарѣ владѣлъ Абдуллъ-Ханъ. Тимуръ взялъ городъ приступомъ. 124 изъ Татарскихъ князей были умерщвлены, въ числѣ ихъ самъ Ханъ, и жены ихъ уведены въ неволю.

Не взирая на сіе бѣдствіе, городъ Болгаръ не совсѣмъ былъ истребленъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ ономъ опять били монету, и именно въ 805, въ 810 и наконецъ во время Тимура, въ 818 годахъ эгиры (1403, 1405 и 1414 годахъ послѣ Р. Х.).

Совершенное истребленіе города Болгаръ приписываютъ Георгію, брату Великаго Князя Василія Дмитріевича, въ 1396 году; послѣ сего Россійскія лѣтописи о немъ болѣе уже не упоминаютъ. Новѣйшая найденная тамъ надпись относится къ 1349 году.

Свѣдѣнія о торговлѣ и политическомъ состояніи сего народа еще болѣе недостаточны.

Должно полагать, что Болгары достигли образованности ранѣе другихъ народовъ сѣверовосточной Европы, исключая Хазаровъ. Земля ихъ была складочнымъ мѣстомъ торговли, которая производилась между самыми сѣверными странами Европы и Азіятцами, стремившимися въ Біармію и Новгородъ. По историческимъ извѣстіямъ видно, что во времена Владиміра всѣ они ходили уже въ сапогахъ: «*суть вси въ сапозѣхъ,*» сказалъ Владиміру Великому воевода

Добрыня, разбившій ихъ при помощи Торковъ. Владѣтель Болгарскій носилъ титулъ Царя, хана и даже «владавца Славянъ»: по крайней мѣрѣ Арабскіе писатели и послы Калифовъ давали ему это названіе.

Болгары платили подать своему владавцу кожами, вѣроятно, *юфтью*, которая до сихъ поръ слыветъ въ Азіи подъ именемъ *вулгаръ* или *булгари*, и эта промышленность, кажется, процвѣтала у нихъ изстари, между тѣмъ какъ въ другихъ искусствахъ они были недалеки: для постройки первой мечети и городскихъ стѣнъ, имъ надлежало выписывать зодчихъ изъ Багдада, также какъ Хазарамъ изъ Греціи.

Не сомнительно, что Болгары вели значительную торговлю. Черезъ землю ихъ провозились всѣ товары изъ Мусульманскихъ краевъ на сѣверъ Европы и обратно. По Вяткѣ и Камѣ они имѣли сношенія съ Финскими племенами, на востокъ и на западъ отъ Болгара обитавшими; внизъ по теченію Волги, съ народами, около Каспійскаго Моря кочевавшими, а вверхъ по сей рѣкѣ съ западными и съ сѣверо-западными жителями Россіи. Между Болгаромъ, Харсумомъ и Хорасаномъ производилась постоянная торговля, посредствомъ каравановъ. Парчи и другія роскошныя издѣлія Византіи, не чужды были Болгарамъ; но главные предметы ихъ торговли составляли: мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, юфть и мамонтовая кость. Кизвини говоритъ, что Болгары торговали также и *клинками*, которые изъ земель Мусульманскихъ вывозили къ народамъ Вѣси и Юграмъ. Посольство Калифа осыпано было серебряными деньгами; слѣдственно въ Болгарѣ были деньги, вѣроятно, Арабскія, и Бухарскія, которыя

тогда обильно обращались и во всей Россіи; но по принятіи Магометанской вѣры, эмиры Болгарскіе начали чеканить свои собственныя деньги, по образцу Арабскихъ съ куфическими надписями. Искусство письма Болгары должны были узнать довольно рано; Муктадиръ, царь Болгарскій, читалъ письма калифа и его визиря предъ посланниками. Сіи граматы вѣроятно написаны были по-Арабски, но на Какомъ языкѣ читалъ ихъ царь Альмусъ? Неужели обладатель Славянъ зналъ священный языкъ калифовъ? Ежели онъ читалъ переводъ, то послы, которые называли его обладателемъ Славянъ, не могли представить ему перевода на другомъ языкѣ, кромѣ какъ на Славянскомъ. Сказанія Ибнъ-Фоцлана, что знающихъ и умныхъ людей въ Болгаріи *вѣшали*, безъ сомнѣнія, относится къ знахарямъ и колдунамъ, которые въ Россіи и въ Европѣ почти въ то же время подвергались еще худшей участи: ихъ сожигали на кострахъ. По свидѣтельству того же посла, Болгары преступника за воровство и прелюбодѣяніе разсѣкали пополамъ, а за душегубство запирали въ сундукъ и вѣшали на высокій столбъ, до тѣхъ поръ, пока убійца не задыхался въ немъ.

Торговый духъ Болгаровъ, какъ мы видѣли, не ослаблялъ въ нихъ воинственности: они безпрерывно вели войну съ своими сосѣдями, въ особенности съ Русскими, и заключали мирные договоры, чтобъ тотчасъ же имъ измѣнить; опредѣлить положительно, когда земля Болгарская перешла окончательно во власть Россіи, нельзя въ точности; но вѣроятно, что это современно усмиренію царства Казанскаго: титло *Госу-*

даря Болгаріи носилъ еще Іоаннъ III Великій; въ нынѣшнемъ Императорскомъ титулѣ Государь Императоръ называется также *Княземъ Болгарскимъ*.

ОДЕССА.

Приближаясь къ Одессѣ со стороны моря, прежде всего видишь маякъ на большомъ Бабасѣ, потомъ открывается лѣсъ мачтъ предъ карантиномъ, наконецъ въ самой пристани показывается красивый городъ. Нельзя не замѣтить, что бухта не довольно кругла, и суда открыты для всѣхъ вѣтровъ. За то грунтъ очень крѣпокъ, и рѣдко случалось, чтобъ самый сильный шквалъ срывалъ корабль съ якоря; но часто случается, что рвутся канаты отъ трудности вытащить якорь изъ крѣпкаго ила, въ который якори какъ будто всасываются.

Видъ съ пристани на городъ не очень живописенъ, хотя Одесса и стоитъ на высокомъ берегу; но за первымъ рядомъ домовъ перспектива другихъ улицъ закрывается, и потому для артиста затруднительно составить пріятный рисунокъ. По длинному, покатому спуску всходишь на широкую, великолѣпную улицу, и съ первымъ шагомъ видишь себя посреди богатаго

многолюднаго города. Приблизясь Ришельевскою Улицею къ срединѣ города, еще болѣе удостовѣряешься въ томъ; по обѣимъ сторонамъ встрѣчаешь огромные домы въ два и три этажа, магазины, блестящіе богатствами Европы и Азіи, и роскошные казино, полные посѣтителей.

Безпрерывное движеніе на улицахъ продолжается даже за полночь. Прекрасныя кареты, коляски, кабріолеты, верховые, возы съ товарами, смѣняютъ одни другихъ, показываютъ благотворные плоды торговли, съ властью и могуществомъ коей можетъ равняться одно очарованіе, которая была началомъ всѣхъ важныхъ открытій и усовершенствованій, и не съ большимъ въ 30 лѣтъ населила сіи дикія пустыни многолюдными деревнями и создала городъ богатый, великолѣпный, подобно многимъ древнимъ столицамъ Европы. Едва ли найдемъ примѣръ столь быстраго возрожденія даже въ Сѣверной Америкѣ.

Страна, гдѣ лежитъ Одесса, пріобрѣтена Россіею въ силу мирнаго трактата съ Турціею, подписаннаго въ Яссахъ, въ 1792 году. Находясь между устьями Буга и Днѣпра, на пространствѣ 50 миль ширины и не много болѣе въ длину, она представляла необозримую степь, гдѣ не встрѣчалось ни одного обиталища, и война изгнала даже народы, нѣкогда кочевавшіе на оной со стадами ихъ. На мѣстѣ самаго города находился старинный Турецкій замокъ, Хаджи-Бей, который взятъ былъ у Турокъ, въ 1789 году, адмираломъ Рибасомъ. По заключеніи мира съ Турціею, приступлено было къ устроенію здѣсь порта, столь важнаго по близости съ Украйною, до того времени не имѣвшею возможности сбывать излишки своихъ богатствъ.

Въ уваженіе сихъ удобствъ, и потому еще, что гавань Одесская не всегда замерзаетъ, мудрая Екатерина предпочла сіе мѣсто всѣмъ прочимъ, не смотря на представленія многихъ сильныхъ лицъ того времени, утверждавшихъ, что торговыя пристани должно учреждать при впаденіи большихъ рѣкъ въ море, гдѣ кораблямъ безопаснѣе стоять, и способнѣе нагружаться, произведенія же государства могутъ удобнѣе и дешевле приходить извнутри водянымъ сообщеніемъ, и наконецъ, въ случаѣ войны непріятельскій флотъ встрѣтилъ бы болѣе затрудненія войти въ рѣку, чѣмъ сдѣлать нападеніе на мѣсто приморское. Не смотря на сіи, въ нѣкоторомъ отношеніи, казалось, справедливыя, замѣчанія, Императрица не поколебалась въ своемъ выборѣ, — простерла творческій жезлъ, и въ 1796 году открылся Одесскій портъ, къ коему въ концѣ того же года, пришло до 60 Австрійскихъ, Италіянскихъ, Турецкихъ и Греческихъ кораблей; вокругъ пустыннаго замка образовались улицы, возникли красивые домы, и многіе иностранные купцы открыли здѣсь свои конторы. Вскорѣ Европейскія державы, предвидя выгоды, которыя должна была доставить сія торговля, употребили свои усилія, чтобъ получить право свободнаго плаванія по Черному Морю. И когда Порта даровала оное, въ 1802 году, послѣ Аміенскаго мира, сперва Французамъ, потомъ Англичанамъ, наконецъ Прусакамъ, Голландцамъ, Рагузинцамъ и республикѣ Семи Островов, то Одесса сдѣлалась главнымъ портомъ и средоточіемъ торговли на Черномъ Морѣ. Къ счастію сего города, управленіе онымъ поручено было, въ слѣдующемъ 1803 году, Герцогу де Ришелье, съ полною властію, необходимою въ краю

столь отдаленномъ отъ столицы, и сей почтенный, благонамѣренный мужъ вполнѣ оправдалъ довѣренность къ нему Монарха, доведя мѣрами кроткими и благоразумными торговлю Одессы до самаго цвѣтущаго положенія. Онъ не упустилъ воспользоваться всѣми средствами къ усиленію и распространенію сей важнѣйшей отрасли государственнаго благосостоянія. По его предстательству, уменьшенъ таможенный сборъ, учреждены: Коммерческій Судъ, Банки промѣна и учетовъ, Купеческій Судъ, преобразованъ карантинъ, опредѣлены иностранные консулы, предоставлены городу доходы виннаго откупа и пятая часть таможеннаго сбора. Сіи незначащіе при вступленіи герцога капиталы, ибо первый простирался не свыше 14-ти тысячъ рублей въ годъ, а послѣдній до 23 тысячъ рублей, возведены были имъ въ скорости винный откупъ до 375 тысячъ, а таможенный сборъ болѣе милліона! Въ соразмѣрности съ симъ двинулись впередъ и прочія части благосостоянія Одессы. Не только воздвигнуты великолѣпные храмы, для разныхъ вѣроисповѣданій, но страннопріимные домы и гостинницы для вспоможенія страждущему человѣчеству. Ришелье основалъ и довелъ до цвѣтущаго состоянія гимназію и училище для образованія юношества. Его попеченіемъ устроена большая плотина, охраняющая корабли отъ напора волнъ во время бурь, открыты торговые ряды, казармы для гарнизона. Городъ вообще нуждался въ прѣсной водѣ, какъ для жителей, такъ и для скота, стекающагося въ великомъ множествѣ съ возами разнаго хлѣба. Герцогъ де Ришелье устроилъ огромное водохранилище, удалившее совершенно сіе неудобство. Самыя общественныя удовольствія и уве-

селенія были предметомъ заботливаго вниманія герцога; имъ воздвигнутъ прекрасный театръ, разведенъ публичный садъ, устроена великолѣпная зала для баловъ, и каменные тротуары осѣнены деревьями; наконецъ не доставало ремесленниковъ въ раждающейся колоніи, и Ришелье поселилъ въ ней множество семействъ трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, выбранныхъ изъ числа прибывшихъ въ край Новой Россіи. Скоро населеніе Одессы возвысилось до 35,000 жителей, и имя Герцога де Ришелье останется на вѣкъ благословляемо въ здѣшней странѣ. Въ настоящее время, народонаселеніе Одессы простирается до 54 тысячъ жителей обоего пола.

Всякой любитель археологіи спѣшитъ посѣтить Музей Древностей Новороссійскаго Края, заведенный извѣстнымъ Одесскимъ антикваріемъ Бларамбергомъ. Онъ достоинъ особеннаго примѣчанія по множеству предметовъ, извлеченныхъ изъ развалинъ древней Ольвіи. Въ немъ находились слѣдующіе предметы, (изъ коихъ нѣкоторые по части нумисматики перешли въ Императорскій Эрмитажъ):

1) Собраніе мраморовъ съ надписями Греческими, статуй и барельефовъ, къ сожалѣнію вообще поврежденныхъ. Между ними замѣчательна одна небольшая женская статуя, высокой работы. Въ числѣ надписей, нѣкоторыя въ честь Аполлона, другія посвящены Ахиллесу Пентарху, т. е. покровителю мореплавателей въ Понтѣ Эвксинскомъ. Сіи послѣднія найдены на островѣ Березанѣ, находящемся противъ устья Днѣпра, на коемъ Ольвійскіе Греки имѣли храмъ, посвященный Ахиллесу: тутъ плаватели нѣкогда приносили жертвы для испрошенія себѣ счастливаго пути.

2) Великое число предметовъ изъ горшечной глины (terre cuite), какъ то: амфоръ и другихъ родовъ вазъ, лампъ, статуй и проч. Нѣкоторыя изъ сихъ вещей въ совершенной цѣлости, но и самые обломки примѣчательны. Напримѣръ, въ многочисленномъ собраніи ручекъ, оставшихся отъ глиняныхъ кувшиновъ, въ коихъ, вѣроятно, хранилось вино, видно обыкновеніе мастера оставлять на нихъ свое имя; между обломками вазъ замѣчательны многіе куски съ лѣпными и живописными изображеніями изящной работы, принадлежащей къ лучшимъ временамъ искусствъ Греціи.

3) Множество различныхъ металлическихъ и другихъ вещей, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ обитателей Ольвіи.

4) Богатое и единственное собраніе монетъ города Ольвіи. Въ росписи, изданной Г. Бларамбергомъ, въ 1822 году, въ Парижѣ, описано 200 разныхъ монетъ Ольвійскихъ; но съ тѣхъ поръ собраніе сіе несравненно увеличилось. Мало Греческихъ городовъ, которые бы въ монетахъ своихъ представляли болѣе разнообразія. Въ числѣ ихъ находятся золотыя и серебряныя, съ изображеніемъ Аполлона и лиры, Геркулеса и палицы и проч. Трудно бы было исчислить всѣ мѣдныя, никѣмъ до него не описанныя, и только по его каталогу сдѣлавшіяся извѣстными ученому свѣту. Ольвійскія монеты съ изображеніемъ императоровъ Римскихъ, находившіяся въ кабинетѣ Г. Бларамберга, представляютъ Септимія Севера, Юлію Домну, Каракаллу, Гету, Александра Севера и мать его Юлію. Симъ кончится послѣдованіе императорскихъ монетъ: что и дало мысль Г. Бларамбергу, что Олвія была разрушена варварами вскорѣ послѣ Александра Севера.

5) Прекрасное собраніе древнихъ монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ Чернаго Моря, и собственно въ Ольвіи, и принадлежащихъ разнымъ царямъ, городамъ и народамъ обитавшимъ вокругъ Чернаго Моря. Собраніе сіе Г. Бларамбергъ называлъ нумисматическимъ перипломъ Понта Эвксинскаго. Тутъ замѣчательны многія драгоцѣнныя монеты, удивительно сохранившіяся, найденныя, въ 1824 году на островѣ Тендрѣ, древнемъ Ахиллесовомъ ристалищѣ; далѣе монеты, доселѣ еще бывшія неизвѣстными: Скилура, царя Скиѳо-Тавровъ, современника первосвященника и царя Инѳимея, совершенно неизвѣстнаго по исторіи, но который, вѣроятно, предводительствовалъ Скиѳами въ окрестностяхъ Ольвіи, гдѣ найдена сія монета. Въ числѣ монетъ царей Босфорскихъ, замѣчательна прекрасная и рѣдкая монета царя Левкона, жившаго во времена Филиппа, отца Александра Великаго, найденная въ одной древней гробницѣ, въ Керчи.

6) Небольшое собраніе мраморныхъ и глиняныхъ обломковъ, съ надписями и изображеніями, найденныхъ на островѣ Тендрѣ. На одномъ мраморѣ видно изображеніе Ахиллеса въ шлемѣ и со щитомъ въ рукѣ; на другомъ начертано имя сего героя.

7) Мраморное изображеніе во весь ростъ Потамона Александрійскаго, учредителя школы Эклектической, избиравшей изъ прочихъ сектъ все лучшее и полезнѣйшее. Сей драгоцѣнный памятникъ, превосходной греческой работы, найденъ въ развалинахъ Халкидона, противъ Константинополя, гдѣ, вѣроятно, Потамонъ кончилъ дни свои.

8) Большое собраніе бронзовыхъ кумировъ, лампъ и другихъ древностей, найденныхъ въ развалинахъ Геркулана и Помпеи и пріобрѣтенныхъ Бларамбергомъ въ Одессѣ отъ одного путешественника. Г. Бларамбергъ, не довольствуясь тѣмъ, что богатое собраніе его открыто для всѣхъ любителей наукъ, и особенно исторіи и древностей, сдѣлалъ еще отъ избытковъ своихъ значительное пожертвованіе для положенія и основанія учрежденному въ Одессѣ, по распоряженію Правительства, публичному музеуму, который и былъ открытъ, 9 Августа 1822 года, и устроенъ по образцу знаменитаго Аѳинскаго Тезеева храма. Пожертвованія Г-на Бларамберга, состояли изъ собранія разныхъ древностей Египетскихъ; собранія разныхъ кумировъ и вещей изъ бронзы, найденныхъ въ Геркуланѣ и Помпеѣ; золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ разныхъ императоровъ Римскихъ, начиная отъ Августа; монетъ разныхъ Греческихъ царей и городовъ, особенно странъ Понтійскихъ, и отборныхъ книгъ, касающихся до исторіи и археологіи.

Другое подобное собраніе, не менѣе любопытное и характеристическое, принадлежало покойному Ивану Алексѣевичу Стемпковскому. Въ немъ находилось болѣе 1000 монетъ, собранныхъ большею частію по берегамъ Чернаго Моря. Въ послѣдствіи оно получило приращеніе нѣсколькими любопытнѣйшими медалями, найденными на островѣ Тендрѣ. Собраніе сіе заключало въ себѣ множество монетъ: Ольвійскихъ, Херсонскихъ, Пантикапейскихъ, Фанагорійскихъ и Тирасскихъ. Императорскія монеты сего послѣдняго города, стоявшаго въ сосѣдствѣ Ольвіи на берегу Днѣстра (гдѣ нынѣ Аккерманъ), простираются отъ временъ

Домиціана до Александра Севера. Выше замѣчено, что монеты Ольвійскія оканчиваюся также Александромъ Северомъ, почему ясно видно, что Ольвія и Тира перестали существовать почти въ одно время. Г. Стемпковскій, столь ревностный и просвѣщенный въ своемъ стремленіи изыскивать древности, наиболѣе старался собирать монеты древнихъ царей Воспорскихъ, для объясненія исторіи оныхъ. Между ними особенное вниманіе заслуживаетъ одна очень рѣдкая, царя Митридата III, съ изображеніемъ царицы, его супруги, и три монеты царя Радамсадиса, о коихъ Г. Стемпковскій напечаталъ, въ 1822 году, особенное извѣстіе, и которыя до того времени совершенно были неизвѣстны. Радамсадисъ царствовалъ во времена Константина Великаго (*).

Въ Одесскомъ Музеумѣ находится прекрасная ваза, съ изображеніями въ родѣ Этрурскихъ, найденная, въ 1823 году, въ Одессѣ, и бывшая въ собраніи древностей Г. Стемпковскаго. Она особенно любопытна, какъ памятникъ пребыванія древнихъ Грековъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Одесса. Стемпковскій составилъ особое описаніе сей вазы съ присовокупленіемъ изысканій о древнихъ Греческихъ поселеніяхъ по берегу Чернаго Моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Изъ

(*) Богатѣйшія собранія монетъ царей Босѳорскихъ, кромѣ Эрмитажнаго, находятся въ Вѣнѣ (куда поступилъ славный кабинетъ Тевполо изъ Венеціи), въ Парижѣ и въ Минхенѣ. Сей послѣдній составился изъ драгоцѣннаго кабинета Казинери, бывшаго Французскаго консула въ Смирнѣ и Салоникѣ. Между частными собраніями Босѳорскихъ монетъ, извѣстно въ Парижѣ собраніе Г. Алье д'Отера, находившагося нѣсколько лѣтъ Консуломъ въ Иракліи Понтійской (нынѣ Пендеракліи).

нихъ видно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ построена Одесса, въ древности находился, такъ называемый, Истріянскій портъ (Istrianum portus).

Обозрѣніе храмовъ богослуженія въ Одессѣ займетъ много пріятныхъ и любопытныхъ часовъ.

Здѣшній соборъ можетъ почесться однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Россіи. Полъ выложенъ бѣлыми мраморными плитами, а алтарь устланъ Марсельскими кафелями, на подобіе мозаика. Мѣстные образа хорошей академической работы, и покрыты серебряными ризами, ярко вызолоченными; утвари и ризы церковныя соотвѣтствуютъ имъ своимъ богатствомъ. У сѣверныхъ дверей замѣчателенъ образъ Божіей Матери, высокой Италіянской кисти; это пожертвованіе покойнаго Фродинга. На бронзовой доскѣ описана исторія сего отличнаго произведенія Palmo vecchio, и въ недавнее время одна незнакомка, пришедшая подъ покрываломъ, принесла на сей образъ и серебряную ризу. Плащаница, унизанная крупнымъ жемчугомъ, а вѣнецъ драгоцѣнными каменьями, есть также пожертвованіе частнаго человѣка. Съ особеннымъ удовольствіемъ можно послушать и соборныхъ пѣвчихъ.

Въ Греческой церкви съ благоговѣніемъ поклоняются останкамъ патріарха Григорія, замученнаго Турками въ Константинополѣ, въ день Св. Пасхи, 1821 года, и брошеннаго съ камнемъ въ море; но тѣло его чудеснымъ образомъ принесено волнами къ Греческому кораблю, шедшему въ Одессу, и невредимое отъ тлѣнія, доставлено въ Одессу и погребено съ торжественными почестями. Знаменитый проповѣдникъ и экономъ патріарха, Константинъ Экономосъ, произнесъ надгробное ему слово, умилительное высокимъ

краснорѣчіемъ. — Внутренность храма испещрена разными сказаніями изъ Апокалипсиса, а въ паперти замѣчательно изображеніе ада, написанное въ Іерусалимѣ какимъ-то Русскимъ художникомъ, Димитріемъ, который превзошелъ, кажется, воображеніе самого Данта, напустивъ на употребляющихъ румяны, змѣй, гложущихъ щеки у грѣшницъ!

До 1837 года, въ Одессѣ находилось 17 Греческихъ церквей.

Католическая церковь не велика, но убрана великолѣпно. Въ ней замѣчателенъ прекрасный образъ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный въ сію церковь отъ Г-жи Нарышкиной.

Старообрядческая, сдѣлана по плану собора, въ меньшемъ размѣрѣ, и замѣчательна только собраніемъ старинныхъ церковныхъ книгъ.

Прекрасная Лютеранская церковь устроена въ 1827 году.

Еврейскихъ синагогъ до 8, изъ которыхъ одна Караимская. Онѣ имѣютъ многихъ и богатыхъ прихожанъ.

Успенскій Монастырь, находящійся на Бабасѣ, въ 10 верстахъ отъ Одессы, напоминаетъ о пожертвованіи Г. Теутула, который уступилъ прекрасное мѣсто, со всѣми сводами для основанія сего монастыря и архіерейскаго подворья, между тѣмъ, какъ Католики, предлагали ему за сію землю 50 тысячъ рублей. Исполнилось и желаніе сего почтеннаго мужа: заложенный имъ маякъ, на который онъ также пожертвовалъ 14 тысячъ рублей, оконченъ и освѣщается лампами. Любопытно преданіе о семъ маякѣ: въ одну бурную, осеннюю ночь, Теутулъ слышитъ стукъ у дверей

своего хутора, бывшаго на семъ мѣстѣ, и предъ нимъ является бѣловласый старецъ. «Ты видишь, сказалъ онъ, одного изъ мореходцевъ, пострадавшихъ у сихъ береговъ, отъ тебя: огонь въ хуторѣ твоемъ былъ принятъ мною за городской, и я направилъ корабль мой на камень, о которой онъ разбился. Грѣхъ и проклятія падутъ на тебя отъ многихъ подобныхъ мнѣ, если ты не воздвигнешь здѣсь маяка, для отвращенія бѣдныхъ плавателей отъ вѣрной погибели.»

Одесскій Ришельевскій-Лицей принесъ въ весьма короткое время много пользы просвѣщенію. Въ самые первые годы, питомцы его уже отличались своею образованностію, и не могло быть иначе: Герцогъ Ришелье любилъ душею свое твореніе, посѣщалъ почти ежедневно сіе заведеніе, поощрялъ дѣтей къ соревнованію, отличныхъ приглашалъ къ себѣ въ праздники на обѣдъ, и благосклонно разговаривалъ съ ними. При такомъ поощреніи воспитанники дѣлали большіе успѣхи, и вскорѣ комплектъ Лицея на 120 человѣкъ наполнился; но, по удаленіи Герцога, число воспитанниковъ въ семъ прекрасномъ заведеніи ограничилось; въ 1825 году, было не болѣе 63, изъ коихъ каждый платилъ за содержаніе свое 1200 рублей. Нынѣ, въ 1838 году, считается 280 учащихся въ гимназическихъ классахъ и 20 студентовъ. Въ числѣ тѣхъ и другихъ находилось пансіонеровъ: своекоштныхъ 26, казеннокоштныхъ 10, и въ Институтахъ Педагогическомъ и Восточныхъ Языковъ 14. Плата за воспитаніе въ семъ заведеніи пансіонеровъ уменьшена теперь съ 1,200 до 900 р. въ годъ. Строеніе Лицея довольно огромно; но извѣстно, что Ришелье намѣренъ былъ воздвигнуть для Лицея великолѣпное зданіе за крѣпостію у моря,

которое бы стоило нѣсколькихъ милліоновъ. Планъ онаго былъ уже сдѣланъ Монфераномъ.

Въ Лицеѣ, не только ученіе, но и самыя забавы приноровлены къ лѣтамъ, а потому у каждаго возраста свой классъ и свой дворъ для забавъ. Нѣсколько воспитанниковъ обучались на счетъ пожертвованій Герцога Ришелье, доставляющихъ до 16 тысячъ годоваго дохода съ аренды, пожалованной ему за службу отъ щедротъ Государя, и предоставленной имъ на воспитаніе бѣдныхъ дворянъ, въ особенности сиротъ, оставшихся послѣ отцевъ, которые убиты въ прошедшую кампанію противъ Французовъ. Сіи воспитанники называются педагогами, и должны по окончаніи курса прослужить 6 лѣтъ адъюнктами при Лицеѣ. По ходатайству основателя, Лицей сравненъ былъ съ университетами. Отличнымъ воспитанникамъ предоставлены права студентовъ. Кромѣ Лицея съ Гимназіею; въ Одессѣ находятся Училище Восточныхъ Языковъ, Греческое, Коммерческое, Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ, Училища Лютеранское, Католическое и при Сиротскомъ Домѣ, вообще же 22 заведенія, въ коихъ обучаются до 2,375 воспитанниковъ. Три типографіи и три литографіи, и городская публичная библіотека облегчаютъ средства къ распространенію просвѣщенія. При Обществѣ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи находится также библіотека и опытный хуторъ.

Военная гавань, а также и купеческая, ограждены высокими насыпями или плотинами, вдавшимися въ море саженъ на 200. Онѣ обложены камнемъ, и такъ широки, что по нимъ могутъ безъ затрудненія подъѣзжать повозки къ кораблямъ, для нагрузки или раз-

грузки оныхъ. Глубина купеческой гавани отъ 23 до 8 футовъ; плотина ограждена высокою каменною стѣною, за коею, на самомъ берегу моря, выстроена прекрасная гостинница для пассажировъ и капитановъ, живущихъ на корабляхъ и остающихся въ карантинномъ положеніи. Тутъ стоитъ и ботъ, для спасенія отъ кораблекрушенія, съ полнымъ экипажемъ при офицерѣ, готовомъ подать помощь при малѣйшей надобности кораблю, идущему съ моря. Для заграничнаго и внутренняго мореплаванія, устроено 6 пароходовъ. На военной пристани вдѣлана бронзовая доска съ надписью, означающею тотъ день, когда нынѣ царствующій Государь Императоръ, трое сутокъ носимый страшною бурею на Черномъ Морѣ и охраняемый Промысломъ, на кораблѣ Императрица Марія, благополучно вышелъ на берегъ на сей самой пристани въ 2 часа по полуночи, 5-го Октября 1828 года. Тогда же, не смотря на все утомленіе отъ продолжительнаго бурнаго плаванія, Онъ поспѣшилъ принести жертву благодаренія Божію Промыслу въ Одесскомъ Соборѣ. Живописецъ Воробьевъ, сопровождавшій Государя Императора, изобразилъ превосходной кистью сію бурю, въ воспоминаніе чудесъ Промысла, сохранившаго Россіи ея достойнѣйшаго Вѣнценосца. Картина бури, постигшей корабль, на кормѣ котораго было изображеніе Императрицы въ порфирѣ, и со скипетромъ въ рукѣ, такъ описана однимъ изъ нашихъ поэтовъ:

Дохнулъ Октябрь, чело нахмуря,
На Море Черное какъ ночь простерлась буря,
И воетъ вѣтръ, взвиваясь на крылахъ!
    Ударивъ въ яростныя волны,
    Взрываетъ ихъ въ сѣдыхъ столбахъ,

Иль хляби водъ раскрывъ, крутитъ суда, какъ челны,
И повергаетъ ихъ въ бездонной глубинѣ!
Вкругъ плавателей мракъ пучины,
И геній гибели единый
Надъ бездной бурныхъ волнъ летаетъ въ вышинѣ.
Но кто сіи пловцы, объятые пучиной?
Кого несетъ корабль, кто окруженъ грозой?
Кто сей, отъ Варнскихъ стѣнъ плывущій къ намъ герой,
Среди опасностей, всегда душею сильный?
Я узнаю Его побѣдоносный мечъ,
Обтекшій молніей Турецкія равнины;
Но борется корабль, валы, какъ исполины —
Въ пучину хладную спѣшатъ Его увлечь.
Властителю земли надъ бурею нѣтъ власти,
Вихрь сорвалъ паруса и разорвало снасти.
Но чьи тогда мольбы всходили къ небесамъ?
Ты Матерь, Ты тогда молилася о Сынѣ,
Носящемся въ тотъ часъ въ бунтующей пучинѣ;
Но Ты ли тутъ Сама, противуставъ волнамъ,
Надъ хладной бездною Свой скипетръ возвышала?
Въ порфирѣ и въ вѣнцѣ — Ты морю предстояла.
Вотще стремилися кипящіе валы,
И воздымалися бѣлѣющей горою, —
Ты отрѣвала ихъ, какъ крутизна скалы!
Корабль сей пролетѣлъ межъ бурей и грозою,
И твердый именемъ Маріи, Онъ спасенъ.
Сынъ — Матери, и Царь — Россіи возвращенъ (*). —

Карантинъ занимаетъ все пространство уничтоженной крѣпости. Магазины для прокурки и провѣтриванія иностранныхъ товаровъ довольно обширны, а домики, гдѣ выдерживаютъ пассажиры положенный срокъ, хорошо расположены на горѣ и обсажены деревьями, отъ чего въ нихъ, во время жаровъ бываетъ

(*) Стихи Б. М. Федорова; см. книгу: Засѣданіе въ Императорской Россійской Академіи 16 Января 1836.

пріятная прохлада; находится нѣсколько домиковъ, гдѣ за рѣшетками, отдѣленными довольно большимъ промежуткомъ, имѣютъ свиданіе городскіе жители съ пассажирами, не выдержавшими карантиннаго срока; для сего же устроена весьма красивая галерея, отъ коей недалеко и трактиръ, снабжающій карантинъ кушаньями и виномъ, за весьма умѣренную цѣну: по 50 коп. порція, и рубль за бутылку хорошаго вина. Чумное отдѣленіе выстроено совершенно вновь и съ большими удобностями и предосторожностями, которыя признаны необходимыми послѣ ужаснаго опыта въ 1812 году, когда въ четыре мѣсяца, отъ сего ужаснаго бича рода человѣческаго, Одесса лишилась десятой части своихъ жителей, и торговля возстановилась не ранѣе 1814 года. Носился слухъ, будто бы язва въ то время распространилась отъ сундука, брошеннаго на улицѣ, съ платьемъ и разными пожитками, кои растасканы были народомъ прежде, нежели дошло о томъ до свѣдѣнія полиціи, и этотъ случай относили къ злоумышленію враговъ Россіи. Но въ то же время чума свирѣпствовала въ Константинополѣ, гдѣ въ четыре мѣсяца умерло до 200 тыс. человѣкъ, и когда корабли приходили оттуда въ Одессу въ два или въ три дня, то чума могла прокрасться посредствомъ контрабанды. Одесскіе жители вспоминаютъ съ благоговѣніемъ о попечительности Правительства въ то несчастное время. Тогда какъ Одесса представлялась обширною гробницею, тогда какъ всякой помышлялъ о самомъ себѣ, Герцогъ Ришелье, подвергая жизнь свою безпрерывной опасности, пекся о спасеніи другихъ: однѣ неисповѣдимыя судьбы могли сохранить его для счастія тысячъ его согражданъ. Гер-

цогъ Ришелье нѣсколько разъ входилъ въ больницы, наполненныя зачумленными людьми. Въ 1813 году, онъ не оставилъ безъ обозрѣнія ни одного зачумленнаго мѣста въ Херсонской Губерніи. Можно сказать, что Провидѣніе невидимо охраняло его.

Брантвахта, стоящая въ верстѣ отъ берега, предварительно осматриваетъ всѣ суда, и при малѣйшемъ сомнѣніи на счетъ чумы, не допуская до гавани, отправляетъ судно въ карантинъ.

Городской госпиталь существуетъ съ 1808 года, и содержится въ такомъ же отличномъ порядкѣ и чистотѣ, какими славятся всѣ человѣколюбивыя заведенія въ Россіи.

Сверхъ того, устроены Лечебница, Домъ Призрѣнія Убогихъ, Сиротскій Домъ и Еврейскій Госпиталь.

На Одесскомъ театрѣ даютъ Италіянскія оперы, для чего изъ Италіи выписана особенная труппа. Театръ снаружи гораздо лучше, нежели внутри. Онъ отчасти напоминаетъ знаменитый Аѳинскій Парѳенонъ, хотя съ большими измѣненіями, необходимыми по назначенію зданія. Ложи въ три яруса и раекъ; партеръ начинается у оркестра, за нимъ кресла идутъ амфитеатромъ. Цѣна за ложи въ первомъ ярусѣ 20 руб., а за кресла по 3 руб.

Одесскій бульваръ, по мѣстоположенію своему, можетъ назваться однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ! Онъ расположенъ по возвышенному берегу моря, которое отсюда представляется во всей красотѣ своей съ карантиномъ и обѣими гаванями, усѣянными кораблями. Съ другой стороны, къ бульвару обращенъ рядъ прелестнѣйшихъ домовъ, которые доставили бы украшеніе и самой столицѣ сѣвера, каковы: Генерала

Орлова, Гр. Болеслава Потоцкаго, Кн. Лопухина; но въ особенности великолѣпенъ замокъ Гр. М. С. Воронцова, воздвигнутый у самаго конца бульвара, по крутой горѣ; отъ полукруглой колоннады до военной гавани разведенъ прелестный садъ въ Англійскомъ вкусѣ. На площади предъ бульваромъ воздвигнутъ памятникъ Герцогу Ришелье, увѣковѣчившій заслуги его и благодарность къ нему Одессы, тамъ, гдѣ повсюду видны слѣды его благотворной дѣятельности и заботливости о благѣ общемъ. Памятникъ сей есть одно изъ примѣчательныхъ произведеній знаменитаго нашего ваятеля Мартоса: на гранитномъ подножіи поставлена бронзовая статуя покойнаго Герцога де Ришелье, держащаго въ одной рукѣ свитокъ, а другою указывающаго на пристань, имъ созданную. — Послѣ Герцога Ришелье никто столько не сдѣлалъ благотвореній для Одессы, какъ Графъ М. С. Воронцовъ. Его имя останется навсегда знаменито въ Новороссійскомъ Краѣ, обязанномъ ему своимъ благосостояніемъ. Съ прибытіемъ въ Одессу Ришелье нашелъ въ ней не болѣе 860 домиковъ и землянокъ. При отъѣздѣ онъ оставилъ въ Одессѣ 2000 домовъ въ Европейскомъ вкусѣ, съ сотнею красивыхъ дачъ; при Графѣ М. С. Воронцовѣ, въ началѣ 1837 года, считалось уже въ Одессѣ и предмѣстіяхъ до 3,700 частныхъ домовъ.

Окрестности Одессы доселѣ еще представляютъ гладкія безводныя степи; только покатости, или лучше сказать, крутизны морскаго берега, нѣсколько измѣняютъ картину однообразія и скудости природы, и доставляютъ возможность распространить пріятныя загородныя мызы. Лучшею изъ нихъ можетъ по-

чествуся дача Г. Рено (*). Прелестное, живописное положеніе ея легко можно обратить въ романтическое обиталище феи, съ небольшими издержками. Матеріялы готовы для подземныхъ глубокихъ гротовъ, шумящихъ каскадовъ, великолѣпныхъ фонтановъ, для уединенныхъ морскихъ купалень, между дикими скалами, для разнаго рода храмовъ, бесѣдокъ, капризовъ; только нужны добрая воля и вкусъ. Здѣсь замѣчательна мраморная колонна, взятая, вѣроятно, изъ Турецкой мечети, посвященная памяти добраго Ришелье. Высокій берегъ, какъ стѣною окружаетъ сіе владѣніе, такъ, что только приближась къ краю онаго, можно усмотрѣть окрестные сады и домы. Невдалекѣ находится красивая дача Генерала Куриса, Суворовскаго сподвижника, въ коей особенно замѣчательна длинная крытая лѣстница, ведущая съ горной дороги къ дому, стоящему близъ самаго моря.

Возвращаясь передъ захожденіемъ солнца въ городъ, за версту замѣчаешь пыльную атмосферу, подобно туману плавающую надъ Одессою. Но пыль и грязь несравненно уменьшились въ городѣ со времени вымощенія главныхъ улицъ по Макъ-Адамовой системѣ. Къ сожалѣнію, эта работа не можетъ итти успѣшно, за неимѣніемъ крѣпкаго камня въ окрестностяхъ Одессы. Для поощренія корабельщиковъ привозить камень, вмѣсто баласту, сдѣланы нѣкоторыя облегченія. Таковой баластъ съ судовъ ихъ свозится казенными судами, между тѣмъ какъ для песчанаго отведено отдаленное мѣсто.

(*) Государыня Императрица Александра Өеодоровна изволила занимать ее, во время пребыванія своего въ Одессѣ.

Попеченіемъ незабвеннаго Ришелье разведенъ и публичный садъ. Онъ не великъ, но доставляетъ много тѣни, и подобно Петербургскому Лѣтнему Саду, служитъ отрадою и укрытіемъ отъ лѣтняго зноя, людямъ, не имѣющимъ возможности отлучаться на дачи. Въ немъ есть бесѣдки и палатки, гдѣ во всякое время можно найти прохладительные напитки, плоды и мороженое.

Близъ самаго города устроены купальни въ морѣ, что доставляетъ большое удовольствіе здѣшнимъ жителямъ и пріѣзжающимъ пользоваться морскимъ купаньемъ.

Въ клубѣ, имѣющемъ прекрасную, довольно пространную, залу, построенную во время Герцога Ришелье наподобіе Московской залы Благороднаго Собранія, даютъ по Воскресеньямъ и праздникамъ балы, которые бываютъ блистательны, особливо во время стеченія многихъ фамилій изъ Польскихъ губерній для коммерческихъ оборотовъ и леченія морскими ваннами. Вообще можно легко замѣтить, что Одесскіе жители ведутъ жизнь болѣе на иностранный, нежели Русскій образецъ, то есть, живутъ болѣе на улицѣ, чѣмъ въ домахъ, болѣе участвуютъ въ публичныхъ собраніяхъ, нежели угощаютъ у себя.

Наконецъ, чтобъ довершить картину Одессы, должно сказать съ нѣкоторою подробностію о здѣшней торговлѣ. Она состоитъ почти изъ одного торгу пшеницею, коею отсюда снабжается южная Европа, и которой цѣна отъ самой низкой 6 и 7 рублей за четверть, возрастаетъ иногда до 40 и 50 руб.; смотря по требованію. Вотъ отъ чего: въ 1816, 17 и 18-мъ годахъ, помѣщики вкругъ лежащихъ имѣній и купцы

неимовѣрно обогатились отъ одной пшеницы. Хлѣбъ привозится въ Одессу наиболѣе изъ губерній Подольской, Волынской, Кіевской, Екатеринославской и Херсонской. Ежедневно приходятъ въ городъ несмѣтные обозы, коими заставлена большая часть улицъ и площадей; магазины, находящіеся почти при каждомъ домѣ и составляющіе главный доходъ хозяевъ, наполнены пшеницею: здѣсь ее ссыпаютъ, перечищаютъ или грохотятъ, и на каждомъ шагу видишь сей продуктъ, бывшій главнымъ существеннымъ источникомъ богатства сей пристани, превращающійся въ чистое серебро и золото. Въ 1817 году, Одесса получила за товары около 42-хъ милліоновъ звонкою монетою, въ томъ числѣ за одну пшеницу болѣе 38 милліоновъ; до 100 кораблей приходило сюда за пшеницею, которой вывезено было до 1,200,000 четвертей. Въ 1836 году, къ Одесскому Порту прибыло 1252 корабля. Съ нѣкотораго времени начали вывозить изъ Одесскаго Порта, въ довольно большомъ количествѣ, сало, воловьи кожи и нѣкоторые другіе товары Россійскаго произведенія. Мы уже видимъ, что выпускъ сихъ различныхъ предметовъ торговли годъ отъ году увеличивается, и чрезъ то Одесская торговля, коей благосостояніе зависѣло доселѣ отъ подверженнаго частымъ измѣненіямъ торга пшеницею, нынѣ совершенно упрочилась.

Въ 1836 году, городъ получилъ пошлиннаго дохода съ привозимыхъ товаровъ 1 милліонъ 388 тысячъ рублей.

Пушкинъ, жившій въ Одессѣ, сдѣлалъ вѣрный и прелестный очеркъ ея въ *Онѣгинѣ*. Заимствуемъ нѣсколько стиховъ:

Тамъ хлопотливо торгъ обильный
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышитъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ — и пестрѣетъ
Разнообразностью живой;
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой.
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелый.

Бывало пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жадныхъ винъ?
И гдѣ чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Донской козакъ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

Донская козачка

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

До послѣдней войны Россіи съ Наполеономъ, Донскіе Казаки мало были извѣстны въ Европѣ; съ именемъ ихъ соединяли въ просвѣщенномъ свѣтѣ понятія самыя нелѣпыя, недостойныя званія воиновъ, сохраняющихъ въ обычаяхъ своихъ и духѣ еще много богатырскаго, возвышеннаго. Двукратное посѣщеніе Донцами Парижа и долговременное пребываніе ихъ въ земляхъ Германскихъ, разсѣявъ нѣкоторыя предубѣжденія о ихъ жестокости и свирѣпствѣ, убѣдивъ, что Донскіе Казаки не кровожадные дикари, и даже не Татары, оставили добрую о нихъ память въ Европѣ. Разсказы о казакахъ надолго будутъ составлять любимѣйшую бесѣду мирныхъ жителей береговъ Рейна и Сены; къ повѣствованіямъ неимовѣрнаго, чудеснаго, страшнаго, случившагося въ сію кровавую борьбу Европы — долго будетъ присоединяться имя казака, а потому безъ сомнѣнія, любопытно будетъ и для чужестранцевъ познакомиться покороче съ героя-

ми своихъ сказокъ и былей, и узнать ихъ достовѣрнѣе, изъ сего бѣглаго очерка исторіи и быта Донскихъ Казаковъ, если только книга наша будетъ извѣстна чужестранцамъ.

При описаніи Малороссіи, мы войдемъ въ подробнѣйшія разысканія о происхожденіи казаковъ, а теперь ограничимся взглядомъ на Донцевъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ Уральскимъ, Сибирскимъ и всѣмъ прочимъ казакамъ, исповѣдующихъ одну вѣру — православную, говоря однимъ языкомъ — Русскимъ, дыша одинакою любовью къ войнѣ и наѣздничеству.

Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что Донскіе Казаки, не чужіе Славянскому племени, составились изъ Русскихъ удальцовъ, сбиравшихся съ разныхъ странъ и областей Азіи, Великой и Малой Россіи, на привольные берега тихаго Дона, изобиловавшіе всѣми удобствами и условіями для безпечной, своевольной жизни. Непроходимыя болота и дремучіе лѣса служили сильнѣйшею защитою для ихъ городовъ, разсѣянныхъ вдоль Аксая, и по берегу Дона, около устьевъ Донца, а близость степей представляла возможность дѣлать внезапные набѣги на сосѣдей, укрываться отъ ихъ преслѣдованія или наказаніи, и не признавать надъ собой ни какой верховной власти.

Общество ихъ значительно увеличилось выходцами изъ Новагорода, пострадавшаго отъ меча Московскаго. Дружины буйныхъ искателей приключеній, извѣстные подъ именемъ *Новгородской вольницы*, наводившіе страхъ на приволжскія села и самые города, нигдѣ не могли лучше укрыться и продолжать свои привычные поиски, какъ соединяясь съ подобными имъ

отвагами (*). Съ этого времени опасеніе набѣга Донцевъ озаботило сосѣдственныя державы: то Ханы и Турецкій Султанъ жаловались Русскимъ Царямъ на своевольство Донцевъ, то Цари Русскіе просили Султана унять отъ грабительства казаковъ, поселившихся на Турецкихъ границахъ (**). Царь Иванъ Васильевичъ, при сношеніяхъ съ Ханомъ Крымскимъ, говорилъ: «*Нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ никого, а живутъ тамъ изъ нашего Государства бѣглые люди.*» Въ мирномъ договорѣ В. К. Василья Іоанновича съ Султаномъ Солиманомъ, въ 1515 году, упомянуто, чтобъ Турецкій Султанъ запретилъ казакамъ тревожить земли Князя Московскаго и полонить его подданныхъ. Но еще до того, и кажется, въ первый разъ въ 1500 году упоминаютъ лѣтописи наши о Казакахъ Азовскихъ.

«Въ лѣто 7008 пріидоша Татарове Ордынскіе и «Казаки Азовскіе подъ Казельское, и взяша сельцо Олешкино.» Должно однако замѣтить, что по мѣрѣ введенія между Донцами нѣкотораго внутренняго устройства, набѣги ихъ устремлены были болѣе на области Мусульманскія. Донцы, подобно рыцарямъ Храма, считали подвигами чести и вѣры нападать на почитателей Магомета, разорять ихъ селенія, разбивать на сушѣ и на морѣ ихъ караваны и флоты, увозить прелестныхъ плѣнницъ.

(*) Отвагами назывались на Дону храбрецы, люди, ищущіе опасностей и подвиговъ, подобно странствующимъ рыцарямъ Среднихъ Вѣковъ.

(**) Казаками называлась легкая конница и у Турокъ, и у Крымцевъ, и въ Ордѣ Волжской и въ царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ, и въ другихъ странахъ Азійскихъ.

По полученіи вѣсти, что Татары хлынули на Русскую Украйну, нѣсколько сотъ отважныхъ казацкихъ наѣздниковъ бросались на перевозы и броды, засѣдали въ скрытыхъ мѣстахъ, и выждавъ непріятеля, отомщали ему кровію за раны отечества; плѣнники и сокровища враговъ были наградою мужества храбрыхъ (*).

Иногда они вихремъ неслись въ кочевья Нагайцевъ, на Куму, Кубу, и далѣе въ области Тавриды. Днемъ, западая въ овраги и лѣса, ночью или въ ненастье кидались въ расплохъ на улусы Мусульманскіе, — громили безпощадно, и пользуясь смятеніемъ и ужасомъ, протекали необъятныя пространства подобно молніи, и прежде, нежели врагъ могъ опомниться, возвращались на Донъ съ табунами Татарскихъ коней и богатою добычею. Природныя препятствія ставились ими ни во-что. Преграждала ли путь казаку широкая рѣка: онъ бросаетъ на волны нѣсколько пучковъ камыша, плотно связанныхъ, кладетъ на нихъ сѣдло, одежду и вьюкъ, а съ конемъ пускается вплавь. Ихъ морскіе поиски были еще отважнѣе. Въ ладьяхъ, изъ коихъ самая большая помѣщала не болѣе 50 человѣкъ, они носились по Морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и Требизонта; брали корабли и суда Турецкіе, разоряли прибрежныя селенія, приступали къ городамъ. Нерѣдко удальцы и сами подвергались ужаснымъ бѣдствіямъ, терпѣли по нѣскольким днямъ голодъ, бывали по недѣлѣ безъ воды, утлыя лодки ихъ разбивались о скалы и камни подводные, а спасшіеся отъ потопленія подвергались мести непріятеля.

(*) Русская Старина, стран. 187.

По мѣрѣ умноженія общества, обнаруживается потребность гражданскаго устройства у самыхъ дикихъ народовъ. Такъ было и между своевольными Донцами. Мало по малу водворялись между ими законы подчиненности, порядка, суда и расправы. Приговоры *круговъ* выполнялись свято; обязанности гражданскаго быта опредѣлялись тверже и сообразнѣе съ общественными и частными выгодами.

Наконецъ, они почувствовали и необходимость быть подъ покровительствомъ царства сильнаго, могучаго. Одинаковая вѣра и кровный союзъ обратили ихъ къ Россіи. Напрасно Султанъ хотѣлъ купить дружбу войска Донскаго дачею ежегоднаго жалованья; посолъ его, Кантакузенъ, при всемъ стараніи, не могъ успѣть въ томъ. Въ другой разъ, прислала Порта съ тѣмъ же посломъ войску четыре *золотые* кафтана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣтствовали, что: «у Донскаго войска и съ однимъ государевымъ жалованьемъ всего много.» И чрезъ нѣсколько дней, взявъ приступомъ Азовъ, они казнили самого посла (*). Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ ихъ войско знаменемъ въ знакъ принятія Донцевъ въ свое подданство, и сначала снабженіемъ казаковъ свинцомъ и порохомъ во время разгромленія имъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а потомъ призваніемъ (въ 1579) отъ нихъ нѣсколькихъ полковъ, къ содѣйствію своей рати въ Ливоніи, сдѣлалъ ихъ полезными сподвижниками Рос-

(*) Казаками было перехвачено письмо Кантакузена, коимъ онъ извѣщалъ Турокъ съ пути изъ Азова въ Москву о намѣреніи казаковъ напасть на Азовъ.

сіи (*). Но долго еще не оставляли они своей дикой храбрости и понятій, противныхъ правамъ народнымъ. Вопреки угрозамъ Государевымъ, они не переставали нападать на караваны и пословъ Кизильбашскихъ, и наконецъ ограбили посланника Русскаго, Потемкина, проѣзжавшаго съ подарками въ Константинополь, въ 1562 году. Потемкинъ требовалъ отъ нихъ захваченныхъ ими при семъ случаѣ салтанскаго чауша съ шестью князьями Черкесскими. Казаки отвѣчали: «Бѣлому Царю вѣруемъ, но кого беремъ силою, того «даромъ не освобождаемъ.» *Грозный* не могъ простить Донцамъ такой дерзости, и выслалъ сильное войско наказать ихъ. Одни изъ казаковъ заплатили жизнію за свое ослушаніе; другіе, взятые въ плѣнъ, переселены въ разныя отдаленныя мѣста, а большая часть разсѣялась, но въ послѣдствіи, получивъ прощеніе Царя, возвратилась въ свои жилища. Въ 1569 г., Князь Вишневецкій привелъ на защиту Астрахани пять тысячъ Запорожскихъ Казаковъ изъ Черкаска на Днѣпрѣ. Разгромивъ Турокъ, они сдружились съ Донцами, полюбили Донъ, и остались жить на берегахъ его, заложивъ, въ память прежняго своего жилища, городокъ Старочеркасскъ. Вскорѣ одинъ изъ казаковъ, подвергшихся царской опалѣ, атаманъ Ермакъ, бывшій глав-

---

(*) Изъ нѣкоторыхъ Русскихъ хроникъ явствуетъ, что Русское войско, въ 1576, 1578 и 1579 годахъ, кромѣ собственно называемыхъ Донскихъ Казаковъ составлено было изъ ратниковъ Украинскихъ, народовъ Русскихъ, стоящихъ на Дону и по его притокамъ, изъ Пронска, Ряхина, Козлова, Лебядина, Стефанова, Ефремова, Сапожкова, Михайлова, Воронова, Ельца, Ливенъ, Черкасска, Данкова, Черни. Каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ въ поселеніи своемъ особую *казачью* слободу.

нымъ виновникомъ мятежа, съ дружиною храбрыхъ, отчаянныхъ отвагъ, числомъ около 700, пробрался въ лѣса Камскіе, и тамъ, при содѣйствіи Строгановыхъ, завоевалъ для Россіи неизмѣримое, богатое Царство Сибирское. Конечно, этого одного подвига достаточно, чтобъ Донцамъ дать почетное мѣсто граждан государства. Можно сказать, что имя Ермака соединило ихъ съ Россіею. — Остальная хроника ихъ, особенно со временъ Петра, представляетъ множество свидѣтельствъ ихъ вѣрности и любви къ Россіи, заставляющихъ забыть страшный разгулъ казацкаго своеволія въ бурныя времена 1612 года, когда, по свидѣтельству нашихъ хронографовъ, за вины казаковъ Церковь наложила семидневный постъ на всю Россію. И въ послѣдствіи, случалось, что казаки, по легковѣрію, становились сообщниками мятежниковъ, но они же, связавъ Разина, выдали его на жертву царскому гнѣву, въ проступкахъ своихъ чистосердечно приносили повинныя; между тѣмъ, они же были стражами и оплотомъ для Россіи со стороны самыхъ хищныхъ ея сосѣдей: Турокъ, Крымцевъ, Ногаевъ и Черкесовъ.

Заслуги храбрыхъ Донцевъ со временъ Петра Великаго неисчислимы, и засвидѣтельствованы многими грамотами Государей. — Казаки, съ честію и пользою служили во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею съ Турціею, Персіею, Польшею, Швеціею, и Франціею; въ особенности отличались подъ знаменами Минина, Румянцова, Суворова, Каменскаго и Кутузова; имя ихъ гремѣло и въ Семилѣтнюю Войну, и при переходѣ сѣвернаго Аннибала чрезъ Альпы, но особенно въ безсмертную кампанію 1812, 13, и 14 годовъ, подъ предводительствомъ знаменитаго своего атамана Пла-

това, казаки стяжали неувядаемую славу и заслужили благодарность отечества.

Хвала нашъ вихорь — атаманъ!
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Безсмертный Державинъ также превосходно изобразилъ Платова въ стихахъ къ нему и войску Донскому:

«Въ расплохъ, какъ бы колдунъ всемѣстно
«Падешь, какъ снѣгъ ты съ тучь, иль дождь,
«По черныхъ вороновъ полету —
«По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
«По рыску волчью, видя мету,
»Подходишь къ вражьимъ вдругъ посамъ.
«Въ травѣ ль идешь — съ травою равенъ;
«Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
«На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
»По вихремъ мчится подъ тобой;
«По камню ль черну змѣемъ чернымъ,
«Ползешь ты въ ночь — и слѣду нѣтъ;
«По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
«Плывешь ты въ день — лишь струйки слѣдъ.
. . . .
«Разилъ ты *льва, лунѣ* гнулъ роги,
«Ходилъ противу *солнца* (*) въ бой,
«Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
«Могучей задушалъ рукой.»

(*) Противъ *Швеціи, Турціи* и *Персіи.*

Платовъ, котораго блистательные подвиги напоминаютъ баснословныхъ героевъ древности, былъ въ то же время одинъ изъ прямодушнѣйшихъ людей. Природное остроуміе его выказывалось въ простотѣ его нравовъ. — Однажды приглашенный во дворецъ, онъ въ пріемной Императрицы Маріи Θеодоровны зацѣпилъ саблею за драгоцѣнную вазу и разбилъ въ дребезги, но ни сколько не смутясь, сказалъ Императрицѣ: *Таковъ казакъ, Ваше Величество: чего не унесетъ, то разобьетъ.*

Близъ Выборга, у дороги къ Фридрихсгаму и Вильманстраду, донынѣ еще указываютъ *казакъ-камень*, на которомъ, по преданію, во время *Петра Великаго* храбрый Донецъ, примѣтивъ летящее ядро непріятелей, въ одно мгновеніе отстранилъ Государя, и палъ за него. Но справедиво сказано въ одной изъ книгъ для юнаго возраста (*):

Камень тотъ священъ для насъ,
Гдѣ Казакъ Петра намъ спасъ,
И ударъ летящій зря,
Грудью — заслонилъ Царя.
Палъ Казакъ, но подвигъ живъ;
Славной смертью онъ счастливъ;
Онъ Россіи спасъ Петра!

Въ 1725 году, Донскіе Казаки подчинены были Военной Коллегіи, и съ тѣхъ поръ атаманы и другіе высшіе чиновники Дона получали за отличіе армейскіе чины, а Князь Потемкинъ награждалъ сверхъ того и орденами, доставивъ имъ такимъ образомъ дворянскія права. Императоръ Павелъ далъ этому войску совершенное образованіе, сравнивъ казачьяго Хорунжаго съ Корнетомъ, Сотника съ Поручикомъ, Есаула съ

(*) Дѣтскій Цвѣтникъ на 1828.

Ротмистромъ, Войсковаго старшину съ Маіоромъ. До того же они были всѣ между собою равны, пользовались одинаковыми преимуществами и одинаковымъ участкомъ земли. Заслуги, личная храбрость и всеобщая любовь были единственными правами для полученія какого либо начальства. Случалось, что тотъ самый, кто начальствовалъ въ прошедшемъ походѣ надъ нѣсколькими полками, исправлялъ должность линейнаго Казака въ другую кампанію. Указами 1802 и 1804 годовъ утверждены положительныя и непремѣнныя правила ихъ внутренняго управленія по образцу Россійскихъ законовъ. Войсковая Канцелярія въ Черкасскѣ, подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, раздѣлена была на три экспедиціи: воинскую, гражданскую и экономическую. Имъ были подчинены всѣ другія расправы. Въ 1827 году, даровано войску Донскому новое образованіе, болѣе согласное съ его нынѣшнимъ положеніемъ и выгодами частными и общественными, впрочемъ древнія названія: Урядникъ, Десятникъ, Сотникъ, Есаулъ, Хорунжій, Войсковой Старшина — остались въ распорядкѣ Донскаго войска. Наконецъ, нынѣ дѣйствующее положеніе объ управленіи Донскаго войска Высочайше утверждено 26 Мая 1835 года. Самымъ драгоцѣннымъ отличіемъ для храбрыхъ Донцевъ было назначеніе Государемъ Императоромъ Наслѣдника Россійскаго Престола Атаманомъ Войска Донскаго. Можно повторить:

Тихій Донъ,
Синій Донъ,
И широкъ
И глубокъ,
Казаковъ
Удальцовъ

И поилъ,
И носилъ!

Тихій Донъ
Синій Донъ,
Честь твоимъ,
Честь сынамъ!
Боевымъ
Казакамъ;
Видѣлъ свѣтъ
Ихъ полетъ,
Слышалъ шумъ
Ихъ побѣдъ.

Царь почтить
Наградить
Ихъ желалъ,
Подарить,
Чѣмъ, не зналъ,
— Сына далъ! (*)

Съ распространеніемъ просвѣщенія между Донцами — примѣтно умягчаются ихъ нравы; но еще въ незабвенную кампанію 1812 года безпристрастные наблюдатели дивились въ нихъ чудному соединенію великодушія, мужества и жадности къ добычѣ, въ чемъ они совершенно уподобляются Нѣмецкимъ рыцарямъ временъ феодальныхъ или Аравійскимъ Бедуинамъ. Казакъ презиралъ опасности для полученія малѣйшей добычи, и открывалъ свою суму для перваго нуждавшагося. Много можно привесть разительныхъ примѣровъ въ подкрѣпленіе сказаннаго нами; но вспомнимъ одинъ анекдотъ, случившійся въ нашихъ глазахъ.

«Въ то время, какъ союзныя арміи подходили къ Труа, и по приказанію Наполеона, жители сосѣднихъ селеній перебирались въ городъ, четыре казака вне-

(*) Стихи Б. М. Федорова.

запно явились въ комнатѣ одной богатой помѣщицы, жившей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, которая, уславъ большую часть своихъ пожитковъ въ Труа, оставалась для забранія послѣдняго имущества. Нельзя изобразить ея ужаса при видѣ предъ собою четырехъ людоѣдовъ, какими она воображала казаковъ, по описанію Наполеоновыхъ бюллетеней. Она обмерла; звонитъ, но никто не является изъ прислуги, не менѣе испуганной присутствіемъ неожиданныхъ гостей. Наконецъ Француженка приведена была въ чувство улыбкой молодаго казака, который, подойдя къ ней, просилъ знаками пить и ѣсть. Она предложила все, что только нашла въ шкапѣ, съѣстнаго и вина, и въ страхѣ ожидала своей участи, не смѣя выйти изъ комнаты. Казаки, покушавъ досыта, дали ей знакъ, что имъ нужно денегъ! Здѣсь Француженка нашлась удивительнымъ образомъ: вынувъ изъ сундука мѣшокъ, въ которомъ находилось 1000 франковъ наполеондорами, она отсчитала каждому изъ нихъ по 100 франковъ. Казаки приняли деньги съ учтивымъ поклономъ, поцѣловали ручку хозяйки, выпили еще по рюмкѣ за здоровье мадамъ, и перекрестясь, ушли, оставивъ ее долго дожидаться ихъ возвращенія! Скоро во всемъ Труа говорили объ этой необыкновенной чертѣ казацкой учтивости и умѣренности, gallanterie Cosaque.

Донскихъ Казаковъ легко отличить по огню, блистающему въ ихъ глазахъ, по быстротѣ, выказывающейся во всѣхъ ихъ поступкахъ, въ малѣйшихъ движеніяхъ. Взгляните на этого молодаго казака, изображеннаго на картинкѣ съ нагайкою въ рукѣ, неизмѣнною его подругою, какъ острый томагокъ въ рукахъ Американскаго дикаря, не менѣе страшною въ

сильной его мышцъ. На лицѣ его выражаются смышленость, догадка и смѣлость. Сіи способности казаковъ приводятъ въ удивленіе всѣхъ, кто имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи, и дѣлаютъ ихъ зоркими и надежными стражами для войска. Достать языка, открыть непріятеля, опредѣлить число его по слѣду, по конскому топоту, пробраться скрытно кратчайшею дорогою, по дремучему лѣсу, по голой степи, въ землѣ непріятельской, совершенно неизвѣстной, — никто не можетъ лучше казака. Отъ того въ знаменитую кампанію 13 и 14 годовъ, всѣ желали имѣть себѣ охранителями и проводниками казаковъ; любопытно было видѣть иностранныхъ министровъ и генераловъ, разъѣзжавшихъ по Австріи, Франціи, Пруссіи, Саксоніи за конвоемъ казацкимъ.

Не менѣе замѣчательна вообще во всѣхъ казакахъ способность ихъ къ изученію языковъ иностранныхъ. Въ Сибири, на Кавказѣ они служатъ лучшими толмачами. Правда, что они не мало пособляютъ себѣ догадкою. Многимъ извѣстенъ забавный разговоръ казака въ Парижѣ съ продавщицею хлѣба. Казакъ показывалъ знаками, что хочетъ купить половину большаго хлѣба. Француженка, взявъ ножъ для разрѣзки хлѣба, сказала: Comme-ça, monsieur? «Да мадамъ, комса, и еще *полкомсы!* И такъ каждый объяснился на своемъ языкѣ.

Согласимся, что нерѣдко одна черта, вѣрно схваченная и замѣченная въ характерѣ народа, вѣрнѣе рисуетъ его нравственный бытъ, чѣмъ пространныя статистическія и біографическія описанія. Такимъ образомъ достойна особеннаго замѣчанія горячая любовь, которую питаютъ Донцы къ тихому Дону. От-

правляясь въ дальній путь или походъ, они берутъ съ собою земли съ берега его, завязываютъ ее въ узелокъ, и никогда съ нею не разлучаются. Большая часть поэзіи, пѣсень, посланій, привѣтствій казацкихъ также обращены къ тихому Дону.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, первая забава и упражненіе казака — быть на лошади, пріучать тѣло къ ловкимъ движеніямъ. Изстари велось, что къ колыбели новорожденнаго приносили на зубокъ стрѣлу, пулю, ружье и патронъ пороха. Лишь только прорѣзывались зубы, ребенка сажали на лошадь, а трехлѣтніе сами ѣздили на лошадяхъ на широкомъ дворѣ. Не удивительно послѣ сего, что между казаками много такихъ наѣздниковъ, которые на всемъ скаку подвертываются подъ лошадь, чтобъ опять бодро и смѣло очутиться на ней; сильно и мѣтко управляютъ пикою, и въ то же время стрѣляя изъ ружья и пистолета, попадаютъ въ цѣль, не прицѣливаясь.

Въ воскресные дни часто по цѣлымъ полкамъ Донскіе Казаки собираются забавляться воинскими играми, на равнинахъ, нарочно для того углаженныхъ при станицахъ. Въ такихъ забавахъ участвуютъ малые и старые, потому что «*удальство въ казакѣ не старѣетъ..*»

Лошади казацкія не видны, не статны, но въ дѣлѣ онѣ не уступаютъ ни какимъ другимъ пылкостію, крѣпостью и послушаніемъ; повинуются не только слову хозяина, но даже пожатію колѣнъ. Казакъ подобно Черкесу кидается съ нею съ крутаго берега въ быструю, глубокую рѣку; пускается чрезъ сыпучія, зноемъ палящія степи, чрезъ снѣжные, дремучіе лѣса. Лучшая, регулярная конница не въ состояніи выдержать налета Казаковъ, а въ преслѣдованіи всегда на-

стигается ими. Образъ аттаки Казаковъ хотя всѣмъ извѣстенъ, но всегда производитъ дѣйствіе новости и внезапности: онъ состоитъ въ томъ, что Казаки пускаются на непріятеля въ галопъ, но на близкомъ разстояніи вдругъ разсыпаются въ стороны, и между тѣмъ, какъ нѣсколько отборнѣйшихъ наѣздниковъ летятъ на фронтъ, другіе являются по флангамъ и въ тылу, съ ужасною быстротою и крикомъ приводятъ непріятеля въ разстройство и опрокидываютъ. Блестящій примѣръ того и другаго мы видѣли въ славной битвѣ подъ Лейпцигомъ, когда по мановѣнію Императора Александра, Графъ Орловъ-Денисовъ — такъ сказать въ глазахъ всей Европейской арміи, съ горстію лейбъ-казаковъ кинулся на латниковъ Наполеоновыхъ, не только остановилъ ихъ отчаянное стремленіе, но смялъ и обратилъ въ бѣгство. Не удивительно послѣ сего, что имя казаковъ приводило непріятелей въ ужасъ. Въ 1812 году, преслѣдуемый ими непріятель покидалъ на пути драгоцѣнности, чтобы задержать казаковъ и успѣть скрыться изъ вида ихъ. Такимъ образомъ они отбили большую часть серебра, захваченнаго въ Россіи Французами — но въ свидѣтельство благочестія ихъ, оно блистаетъ въ С. Петербургскомъ Соборѣ Казанской Божіей Матери, гдѣ весь иконостасъ одѣтъ серебромъ, принесеннымъ въ даръ казаками изъ добычи, отбитой при преслѣдованіи Наполеона.

Къ сожалѣнію, и въ Донской области, съ успѣхами просвѣщенія, изглаживаются первобытныя черты, отличавшія казаковъ въ домашней ихъ жизни. Хотя прекрасная, воинственная одежда мужчинъ заставляетъ надѣяться, что они еще долго ей не измѣнятъ, но ме-

жду женщинами, годъ отъ году распространяется вкусъ къ Европейскимъ нарядамъ. Рѣдко увидишь супругу чиновника одѣтую въ кубилеку, составлявшую, не болѣе какъ за 20 лѣтъ, общее одѣяніе Донскихъ казачекъ. Съ этимъ вмѣстѣ почти вывелись между ними и старинные головные уборы, состоявшіе изъ колпака и платка; первые для женщинъ, а другіе для дѣвушекъ. Однѣ щеголихи изъ низшаго класса носятъ шелковые колпаки разныхъ цвѣтовъ, прикалывая кончикъ ихъ къ одному боку на подобіе розетки, а платокъ повязываютъ такимъ образомъ, что длинный конецъ его виситъ сзади клиномъ, которымъ коса обернута, какъ чехломъ, что показано на картинкѣ. — Знаменитый атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, содѣйствуя много къ введенію просвѣщенія и всего полезнаго на Дону, былъ гонителемъ всѣхъ подражателей Французскихъ модъ. Онъ приказалъ посадить на недѣлю въ домъ ума лишенныхъ Донскаго щеголя, встрѣченнаго имъ на улицѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, а въ другой разъ тамъ же продержалъ цѣлый мѣсяцъ молодаго казака за дерзость и неуваженіе къ старику дядѣ, заслуженному казаку.

Наконецъ, чтобъ приличнѣе кончить статью о Донскихъ Казакахъ, сообщимъ въ краткомъ очеркѣ свѣдѣнія о старинныхъ народныхъ обрядахъ Донцевъ, почерпнутыхъ нами на мѣстѣ изъ достовѣрныхъ преданій; они тѣмъ любопытны, что многіе изъ нихъ, какъ говорятъ, еще доселѣ ведутся на Дону по отдаленнымъ станицамъ и уединеннымъ хуторамъ.

Замѣтимъ предварительно, что введеніе Европейскихъ обыкновеній измѣняетъ и древніе народные

обряды; но въ отдаленныхъ станицахъ и хуторахъ, вѣроятно и донынѣ еще держатся Донской старины. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ ней, опишемъ казацкую свадьбу.

Тогда молодыхъ мужчинъ не допускали въ сообщество дѣвицъ, боясь знакомить сердца ихъ съ прелестію прекраснаго пола: быть влюбленнымъ, считалось за стыдъ казаку; и если природа вступала иногда въ права свои, то браки совершались всегда и безпрекословно по выбору родителей, которые нерѣдко засватывали дѣтей своихъ еще въ малолѣтствѣ.

Первый шагъ къ сватовству начинался *рукобитьемъ*, и вотъ какимъ образомъ: женихъ пріѣзжалъ обыкновенно на конѣ, обвѣшанномъ бубенчиками и сопровождаемый товарищами, также на коняхъ. Войдя въ свѣтлицу, онъ становился рядомъ съ невѣстою, съ правой ея стороны, и долженъ былъ послѣ сего обносить подносъ съ чарками вина всѣмъ гостямъ, съ каждымъ цѣлуясь; а вслѣдъ за нимъ обязана была то же дѣлать невѣста, и собравъ поцѣлуи, возвратиться на свое мѣсто.

Тутъ сватъ подносилъ вино помолвленнымъ, причемъ они цѣловались, и этотъ поцѣлуй былъ залогомъ родства и любви, благословляемой родителями.

Родители и сватъ оставляли юную чету съ ближайшими родственниками, дабы они свободнѣе могли ознакомиться и предаться забавамъ, которыя состояли преимущественно въ пляскѣ: женщины ходили вкругъ стола, поставленнаго посреди свѣтлицы, подъ пѣсни: *Ахъ утушка луговая; а кто въ моемъ садикѣ погулялъ?* и другія, стуча въ ладъ каблуками своихъ туфель, а мужчины плясали особо, на крыльцѣ, иногда подъ

звукъ цымбаловъ и дудочекъ, къ которымъ въ послѣдствіи прибавлялись и скрипки. Единообразіе пѣсенъ бывало иногда прерываемо казакомъ, влетавшимъ въ горницу въ шапкѣ, съ завязаннымъ лицемъ, съ торбаномъ въ рукѣ; онъ съ присвистами и приговорками плясалъ въ присядку *казачка*. Женщины и дѣвушки, испуганныя присутствіемъ дерзкаго, безъ сомнѣнія знакомаго молодца, вскрикивали, закрывались, а изъ подтишка любовались имъ.

Четыре пригожія женщины, избранныя въ *позыватыя*, ѣздили по домамъ приглашать на сговоръ: одна пара въ домъ невѣсты, а другая, со стороны жениха, въ домъ свата и свахи; въ каждомъ домѣ подчивали ихъ сладкимъ виномъ, такъ что милыя посланницы по окончаніи своего порученія, возвращались на-веселѣ.

Собравшіеся старѣйшины предлагали невѣстинымъ родителямъ дать позволеніе жениху поцѣловать свою невѣсту; послѣ чего всѣ присутствовавшіе, слѣдуя доброму примѣру, обнимались и цѣловались. Женихъ невѣсту дарилъ деньгами, а она его бумажникомъ или канчукомъ, потомъ подводилъ ее къ отцу и матери, и ко всѣмъ роднымъ своимъ, которые ее цѣловали и дарили жемчугомъ, перстнями и кольцами. Свекоръ и свекровь должны были превзойти всѣхъ щедростію. Потомъ женихъ обносилъ присуствующихъ бокалами съ Донскимъ виномъ, что повторяла и застѣнчивая, трепещущая невѣста.

Тутъ начинались пляски и веселье между молодежью, а невѣстинъ отецъ и мать и почетные гости отправлялись къ жениховымъ родителямъ, и тамъ вполнѣ предавались радости, возглашая при поднятіи

чарокъ: *Здравствуй, Царь Государь, въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе Казаки на тихомъ Дону; здравствуй, войско Донское, съ верху до низу, съ низу до верху.*

Не смотря на строгость нравовъ старыхъ казаковъ, у нихъ велось странное обыкновеніе, по видимому, остатокъ Азіятскихъ обычаевъ. Это было приглашеніе позыватыхъ со стороны невѣстиной *на подушки.*

Когда собирались гости, то *чиберки*, или швеи, вызывали изъ собранія въ ту комнату, гдѣ стояла постель новобрачныхъ со всѣмъ приданымъ, кого нибудь изъ молодыхъ казаковъ, и потомъ дѣвушку; сажали ихъ на парадную кровать, и подносили имъ вино, заставляя непремѣнно поцѣловаться, причемъ мужчина клалъ деньги на подносъ. Когда чиберки были довольны подаркомъ, то начинали кидать подушки въ сидящихъ съ величайшимъ крикомъ: *дарасы сага бусень* (тебѣ того желаемъ), такъ что молодой казакъ долженъ былъ защищать собою свою подругу, и при этомъ случаѣ невольнымъ образомъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ. Разумѣется, что хитрыя швеи напередъ знали взаимное расположеніе выбранной четы; но иногда, желая помучить казака, или расшевелить его щедрость, сажали съ нимъ старую безобразную бабу, заставляя ее цѣловать, отъ чего онъ не могъ отказаться, не наруша пристойности; но за то, какъ велика была его признательность, когда во время тревоги и шуму, сопровождающихъ киданіе подушками, онѣ проворно подмѣнивали и сажали любезную его сердцу.

Дѣвичникъ бывалъ обыкновенно въ домѣ невѣсты. По окончаніи ужиннаго стола, пѣли слѣдующую пѣсню:

Сестрицы подружки!
Несите подушки; —
Сестрицы Марины!
Несите перины, и проч.

Гости шли попарно въ комнату, въ которой стояла парадная кровать съ приданымъ; и взявъ оное, отправлялись въ домъ къ жениху, съ припѣвомъ:

Братецъ сестрицу проводилъ,
Мѣсяцъ дорожку просвѣтилъ.
Будь здорова, какъ вода,
А богата, какъ земля!

По прибытіи къ дому, запѣвали слѣдующую пѣсню:

Матушка! отворяй ворота!
Вотъ тебѣ невѣста молода и проч.

Въ этотъ день невѣста болѣе не надѣвала дѣвичьяго *таркача*, а голову ея убирали, высокою Татарскою шапкою, съ чернымъ околышкомъ и парчевымъ верхомъ, за которымъ накалывалось множество цвѣтовъ и перьевъ; въ косу вплетался богатый золотой вѣнокъ.

Когда наступало время *вѣданья*, заботливые отцы и матери приставляли къ жениху *вѣдуна*, или *сбережатаго*, который вмѣстѣ съ дружкою толковалъ ему объ обязанностяхъ супружескихъ, наблюдалъ, чтобъ въ питьѣ и пищѣ не было никакой порчи, а на порогахъ или притолкахъ никакого лиха.

Въ день *вѣданья* женихъ въ домѣ своихъ родителей получалъ благословеніе со святою иконою, также отъ станичнаго старшины, или крестнаго отца, и отправлялся съ дружкою и вѣдуномъ къ невѣстѣ, гдѣ происходила та же церемонія, сопровождаемая слезами и рыданіями родныхъ, матушекъ и нянюшекъ, про-

щавшихся съ дѣвицею, какъ при погребеніи, до самой той минуты, когда выводили ее въ свѣтлицу, и сажали среди комнаты съ меньшимъ братомъ, или какимъ другимъ мальчикомъ изъ ближнихъ родственниковъ, которому давали въ руки державу, шитую золотомъ, убранную серебряными бляшками, и шелковую плетку.

Женихъ, войдя въ теремъ въ сопровожденіи священника со крестомъ и причетниковъ его съ благословенными образами, прикрытыми пеленою, крестился; тогда дружка подводилъ его къ невѣстѣ, но видя, что мѣсто подлѣ нея уже занято братомъ, употреблялъ всѣ возможныя ласкательства, обѣщанія, приманки и хитрости, чтобъ убѣдить малютку уступить мѣсто жениху, и когда успѣвалъ въ томъ, часто послѣ продолжительнаго спора, который то смѣшилъ, то гнѣвилъ стариковъ и старухъ, — малютка отдавалъ державу, и подружки невѣстины запѣвали:

Ахъ, Татаринъ, братецъ Татаринъ!
Продалъ сестрицу за талеръ, и проч.

Вопль и слезы всего дома сопровождали невѣсту до изготовленной колымаги, въ которую садились съ нею женихъ, священникъ и дружка.

Друзья и братья жениха на борзыхъ коняхъ, вооруженные съ ногъ до головы, провожали своего товарища до церкви, но тотчасъ возвращались, исполнивъ послѣдній долгъ товарищества, думая, что мысли и сердце женатаго не будутъ болѣе лежать къ нимъ, а обратятся къ своему семейству.

Сваха и родственницы въ церковномъ притворѣ расплетали косу невѣсты на-двое, что не мало при-

давало красы трепещущей дѣвѣ подъ брачнымъ вѣнцомъ.

По совершеніи обряда, молодую опять сажали въ притворѣ, и заплетя волосы въ двѣ косы, убирали голову по женски въ соболью шапку, или повойникъ, и отправлялись въ домъ жениховъ, въ сопровожденіи священника, дружки и *сбережатаго*. Въ другой колымагѣ впереди ѣхали церковные причетники и везли благословенные образа; на крыльцѣ родители встрѣчали молодыхъ съ хлѣбомъ, приподнявъ оный такъ, чтобъ молодые могли пройти подъ него, и въ то же время осыпали ихъ житомъ и деньгами. При входѣ въ комнату, священникъ совершалъ молитву, по окончаніи которой начинался свадебный пиръ: молодаго *князя* съ *княгинею* (такъ называли новобрачныхъ) сажали въ первое мѣсто и подчивали; но это было непродолжительно. Скоро дружка со свахою и сбережатымъ отводили ихъ на чердакъ, или въ особую комнату, а гости садились за столъ кушать. Чрезъ нѣсколько времени вводили въ залу счастливую чету, для изъявленія имъ всеобщей радости и поздравленія.

Князь и княгиня садились въ большомъ мѣстѣ; дружка отъ имени ихъ разносилъ коровай присутствовавшимъ, и всякой изъ нихъ дарилъ молодыхъ на новое хозяйство, сколько можно щедрѣе, не только деньгами, оружіемъ, тканями и драгоцѣнными вещами, но даже табунами лошадей, рогатаго скота и овецъ.

Подсвашки и всѣ участвовавшія въ празднествѣ женщины пѣли свадебныя старинныя пѣсни, били въ ладоши, махали широкими рукавами и стучали туфлями, въ доказательство своего усердія и радости.

Всѣхъ слугъ, пріѣзжавшихъ съ гостями, отъ мала до велика, дарили при семъ случаѣ платками, которыми они и подвязывались вмѣсто кушаковъ.

Отецъ и мать невѣстины были величаемы не менѣе новобрачныхъ, за воспитаніе дочери въ законахъ чести и добродѣтели.

Едва новобрачные открывали глаза, какъ являлась къ нимъ няня, присланная отъ матери молодой, и приносила сваренную курицу съ изюмомъ и сарачинскимъ пшеномъ, и кружку ароматнаго взварца, дѣлаемаго изъ Донскаго вина, сваренпаго съ сахаромъ, гвоздикою и корицею. Разумѣется, что няня при семъ случаѣ получала щедрые подарки.

Новобрачный, поздоровавшись съ родителями, ѣздилъ съ дружкою по роднымъ, своимъ и жениньмъ, благодарить за посѣщеніе и получать подарки. То же самое дѣлала и *молодочка* въ сопровожденіи свахи.

На другой или на третій день, родители молодой давали *отводной пиръ*, на который приглашались всѣ родные и знакомые пожилыхъ лѣтъ обоего пола. Не было ли это знакомъ, что новобрачные должны войти въ кругъ степенныхъ людей, и распрощаться съ беззаботными забавами юности?

Такъ Донъ сохранялъ долго на благословенныхъ берегахъ своихъ память старины отечественной, обычаевъ и повѣрьевъ святой Руси, — но приноровленныхъ къ казацкому удальству и молодечеству.

Воронежскія купчихи

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

XXI

Воронежскія мѣщанки

Рисовалъ съ натуры

ВОРОНЕЖСКІЯ

КУПЧИХИ и МѢЩАНКИ.

Въ Воронежѣ мало осталось безмолвныхъ памятниковъ долговременнаго пребыванія въ немъ великаго Преобразователя Россіи; но тамъ является разительно дѣйствіе мощной его воли преобразовавшей нравы жителей, и самую наружность ихъ. Жены Воронежскихъ купцевъ и мѣщанъ сохраняютъ очевиднѣе многихъ въ своихъ нарядахъ памятникъ заботливости его ввести Европейскіе обычаи. Можетъ быть, это произошло отъ того, что Воронежскіе жители нѣкогда болѣе всѣхъ другихъ показали упорства въ подражаніи Европейской одеждѣ. Именитѣйшіе Воронежскіе граждане готовы были скорѣе перенесть гнѣвъ царскій, нежели надѣть Нѣмецкое платье, скорѣе лишиться головы, чѣмъ бороды. Извѣстно, какую хитрость употребилъ Меньшиковъ, желая произвесть переломъ въ упорствѣ членовъ Воронежскаго магистрата. Приближался праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, каждую минуту ожидали Петра, а они не-

соглашались измѣнить старинѣ. Меньшиковъ былъ въ безпокойствѣ и недоумѣніи; преобразованіе Воронежскаго магистрата возложенное на него Государемъ, казалось, не могло исполниться; наконецъ, приходитъ ему счастливая мысль: въ Страстную Пятницу, онъ собираетъ въ ратушу всѣхъ присутствовавшихъ, и, показывая на стоявшія на дворѣ кибитки, объявляетъ, что ослушники царской воли будутъ немедленно развезены по отдаленнѣйшимъ предѣламъ Сибири.. Прибѣгаютъ жены, дѣти, начинается плачъ, рыданія, прощанія, и на что не могли склонить ни страхъ, ни убѣжденія, то произвели слезы прекрасной женщины. Одинъ изъ молодыхъ ратмановъ, недавно женившійся и страстно любившій свою прелестную жену, не могъ перенесть мысли о разлукѣ съ нею, и первый рѣшился повиноваться волѣ Государя. Между тѣмъ, уже все было приготовлено у Меньшикова къ преобразованію упорныхъ, и въ минуту молодой ратманъ былъ выбритъ и одѣтъ по-Нѣмецки. Послѣ сего, стоило уже меньшаго затрудненія уговорить и другихъ купцевъ послѣдовать благоразумному примѣру ихъ товарища. Какъ же удивился и обрадовался Петръ, когда послѣ заутрени подошли къ нему христосоваться члены магистрата, щегольски одѣтые по-Нѣмецки, которыхъ онъ почелъ было за иностранцевъ. Петръ благодарилъ Меньшикова за столь счастливую выдумку, избавившую отъ необходимости принять строгія мѣры въ случаѣ дальнѣйшаго ослушанія членовъ Воронежскаго магистрата; ибо примѣръ ихъ могъ быть полезенъ или затруднить вводимое въ государствѣ преобразованіе. — Нарядныя мантильи, обшитыя кружевами, которыя, въ 1835 году, вошли въ такую моду въ выс-

шемъ сословіи нашихъ дамъ, уже болѣе ста лѣтъ въ употребленіи между Воронежскими купчихами, и эти легкіе, красивые вѣера, которыми такъ искусно играютъ ручки нашихъ модницъ, болѣе вѣка составляютъ необходимую принадлежность убранства Воронежскихъ горожанокъ; а красивая кофточка, такъ живописно обхватывающая талію этой мѣщанской дѣвушки, есть также подражаніе Нѣмецкимъ спенцерамъ, нигдѣ болѣе не употребляемымъ въ Россіи, какъ между Воронежскими Малороссіянками.

XV

Кіевъ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

Со временъ глубокой древности, отъ Броваровъ до Кіева путешественники пробирались 18 верстъ сосновымъ лѣсомъ по глубокимъ пескамъ (*), какъ бы нарочно насыпаннымъ природою, чтобъ увеличить нетерпѣніе жаждущихъ узрѣть мѣста, откуда свѣтъ благотворной Вѣры, какъ изъ средоточія, разлился по лицу Россіи. Сіи-то пески составляли предѣлъ усерднаго странствія богомольцевъ, которые стекаются сюда большею частію пѣшіе, изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, презирая трудности и опасности пути, несутъ дары вѣры и любви къ Всеблагому Создателю міровъ и благоговѣніе къ святымъ мѣстамъ Кіево-Печерской Лавры. Въ продолженіе почти цѣлаго лѣта, эта дорога по обѣ стороны бывала покрыта путниками, съ посохами въ рукахъ, съ котомками за плечьми; множество экипажей разнаго рода также медленно тянулись по песку. Чѣмъ ближе подвигаешься къ Кіеву, тѣмъ примѣтнѣе увели-

(*) Нынѣ устроено здѣсь шоссе.

чивается нетерпѣніе странниковъ. Взоры всѣхъ обращаются на отдаленный горизонтъ, въ которомъ ищутъ Лаврской колокольни. Наконецъ, изъ тумана сверкаетъ крестъ, и слово: Кіевъ! передается отъ одного къ другому съ такимъ же быстрымъ восторгомъ, какъ послѣ многихъ бѣдствій и долгаго странствія по океану, слово: берегъ! повторяется въ устахъ мореплавателей. Вдругъ нетерпѣливая толпа останавливается, и поклоненіе съ крестнымъ знаменіемъ выражаетъ благочестивый восторгъ ея; радость и вѣра вливаютъ во всѣхъ новую крѣпость и отраду, всѣ забываютъ о трудахъ, объ усталости!

До сей поры высокая колокольня Печерской Лавры терялась въ облакахъ; одинъ крестъ блестѣлъ въ странахъ воздушныхъ! Наконецъ открывается путникамъ святая Лавра съ златыми главами своими, а мало по малу и весь Кіевъ, стоящій на горѣ; у подножія извивается широкій, свѣтлый Днѣпръ.

Пораженный красотами сей величественной картины, исполненный великихъ воспоминаній, — путникъ переѣзжаетъ чрезъ длинный дубовый мостъ и поднимается на крутизны извилистой дороги, ведущей въ Печерскъ. Бѣлыя пятна, казавшіяся издали гнѣздами пернатыхъ, прикрѣпленными къ высокимъ берегамъ Днѣпра, являются мало по малу чистенькими домиками. Въ нихъ живутъ большею частію инвалиды и вдовы ихъ, содержащіеся подаяніемъ богомольцевъ. У многихъ хижинъ подъ навѣсомъ густыхъ деревъ сидятъ мирныя семейства. Здѣсь, добрая мать, послѣ бурныхъ явленій жизни, при видѣ храмовъ Божіихъ, наставляетъ птенцовъ своихъ въ вѣрѣ и любви къ отечеству. — А тамъ: «израненный герой, какъ лунь,

во бранях посѣдѣлый,» послѣ грозных подвигов и спасенія своего отечества, покоится посреди семейства, и уроками опыта и вѣры передаетъ въ сердца дѣтей своихъ доблести Русскаго воина!

Въ первый же день пріѣзда въ Кіевъ, каждый благочестивый путникъ спѣшитъ воздать поклоненіе святынѣ Кіево-Печерской Лавры. Чудесный храмъ сей получилъ чудесное начало въ 1072 году при Антоніѣ и Өеодосіѣ Печерскихъ чудотворцахъ. При нихъ, надъ пещерою, ископанною святымъ Антоніемъ въ горѣ, вознеслась деревянная церковь и наконецъ великолѣпный храмъ, для котораго зодчіе притекли изъ Царяграда, а по сооруженіи явились изъ Греціи и художники для приличнаго украшенія священныхъ стѣнъ его.

Богато убранство нынѣшняго Успенскаго Собора, драгоцѣнна его утварь и величественна архитектура его зданій; но сіе великолѣпіе исчезаетъ предъ мыслію о прежнихъ сокровищахъ храма, который возносился нѣкогда на мѣстѣ семъ. Прекрасна живопись стѣнъ собора, но въ древности украшала ихъ превосходная муссія; крѣпокъ чугунный помостъ внутренности храма, но прежде замѣняла его мозаика рѣдчайшихъ мраморовъ; лучезаренъ блескъ позлащенныхъ главъ его и креста, но, по преданію древности, огромный крестъ сей прежде былъ вылитъ изъ чистаго злата.

Но когда гнѣвъ Божій постигъ Кіевъ, то и храмъ Лавры разрушенъ и ограбленъ былъ, въ 1240 году, грознымъ Батыемъ! Послѣ сего болѣе 200 лѣтъ онъ находился въ запустѣніи, и уже въ 1470 году, возобновленъ Княземъ Кіевскимъ и Слуцкимъ Симеономъ Александро-

вичемъ Олельковичемъ, и при всѣхъ нападеніяхъ Татаръ и другихъ непріятелей, приведенъ былъ отъ благочестивыхъ пожертвователей и попеченіемъ настоятелей въ цвѣтущее положеніе; но въ 1715 году превращенъ пожаромъ въ пепелъ съ ризницею и всѣми драгоцѣнностями, въ немъ находившимися, причемъ погибло множество иноковъ. Жемчуги и алмазы, злато и сребро явились снова, но невозвратна потеря книгохранилища и архива съ грамотами Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, Королей Польскихъ и Патріарховъ Цареградскихъ.

Въ 1729 году, церковь снова воздвигнута щедротами Петра Великаго и украшена подаяніемъ отъ всѣхъ царствовавшихъ съ тѣхъ поръ Россійскихъ Монарховъ и дарами ихъ вельможъ, всегда съ ревностію слѣдовавшихъ великимъ примѣрамъ. Изъ новыхъ и прежнихъ приношеній замѣчательны:

1) Богатыя ризы съ жемчугомъ, даръ Царя Алексѣя Михайловича; 2) два богато украшенныя Евангелія, принесенныя Императоромъ Петромъ I; 3) золотые сосуды и парчевыя ризы отъ Императрицы Анны Іоанновны; 4) ризы, осыпанныя жемчугомъ, брилліянтами и другими драгоцѣнными каменьями, и богатая алмазная панагія, даръ Императрицы Елисаветы Петровны; 5) висящая предъ главою святаго Владиміра золотая, осыпанная брилліянтами, лампада, коей кисть составлена изъ крупныхъ Бурмитскихъ зеренъ, приношеніе Императрицы Екатерины II; 6) святая икона высокой живописи въ золотыхъ рамахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, подаренная Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, въ проѣздъ его чрезъ Кіевъ,

съ супругою своею Маріею Θеодоровною, во время путешествія Ихъ Высочествъ за границу; 7) богатѣйшіе потиры, сдѣланные въ Парижѣ и присланные оттуда Императоромъ Александромъ, по примиреніи Европы; 8) драгоцѣнная напрестольная дарохранительница на девяти агатовыхъ столбахъ, приношеніе усердія нынѣ царствующаго Государя Императора, и отъ Его же Величества, богатѣйшія облаченія на весь соборный причетъ, торжественно обновленныя въ недѣлю Пасхи, 1838 года; 9) золотые сосуды, украшенные разными драгоцѣнными каменьями, даръ отъ Князя Матвѣя Петровича Гагарина, и такіе же, подарены Гетманомъ Малороссійскимъ, Іоанномъ Самойловичемъ; 10) ризы богатой парчи, осыпанныя жемчугами и дорогими каменьями, отъ Барона Григорья Строганова; 11) богатыя ризы, присланныя отъ Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, и 12) драгоцѣнная панагія, даръ сына его, Государственнаго Канцлера, Графа Николая Петровича; 13) серебряное большое паникадило, доставленное отъ Атамана Донскихъ Казаковъ, Ефремова; 14) драгоцѣнныя серебряныя врата, сдѣланныя Фельдмаршаломъ Графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, и сыномъ его, Григоріемъ Борисовичемъ.

Неисчислимы богатства сего великолѣпнаго храма; но какъ часто вниманіе любопытствующаго останавливается на предметахъ, по наружности простыхъ и неблестящихъ! Молитвенникъ Императрицы Елисаветы Петровны, который сія Государыня употребляла въ бытность свою въ Кіевѣ, возбуждаетъ умилительныя воспоминанія о благочестіи ея. Фельдмаршальскій жезлъ побѣдителя при Ка-

гулѣ и Ларгѣ, безсмертнаго героя Задунайскаго, принесенный въ даръ Лаврѣ Графомъ Николаемъ Петровичемъ, драгоцѣненъ славою Россіи, знаменитъ ужасомъ враговъ, и въ глазахъ сына отечества служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній святой обители сей, исполненной сокровищами. Здѣсь же хранится святая икона, которую Князь Потемкинъ прижалъ къ сердцу, умирая въ чистомъ полѣ подъ открытымъ небомъ, въ долинѣ, близъ горъ Молдавскихъ. Не менѣе любопытно узнать, что каменная стѣна съ башнями, окружающая Кіево-Печерскую Обитель, воздвигнута гетманомъ Мазепой.

Нельзя не замѣтить, что наружность Успенскаго Собора очень сходствуетъ съ католическимъ храмомъ, и это заставляетъ полагать, что архитекторомъ былъ Италіянецъ, хотя въ Патерикѣ сказано, что зодчіе онаго были Греки, но внутренность его, особливо иконостасъ въ высокомъ Греческомъ вкусѣ, самомъ приличномъ для церкви. Храмъ Божій не долженъ походить зодчествомъ на залу для зрѣлищъ, также какъ языкъ священный долженъ быть отличенъ отъ простонароднаго! Вотъ отъ чего готическіе своды Вестминстерскаго Аббатства или Кіевскаго Софійскаго Собора, представляясь взорамъ, возбуждаютъ благоговѣйный трепетъ.

При входѣ въ Успенскій Соборъ должно спускаться по нѣсколькимъ ступенямъ на помостъ. Хоры поддерживаются огромными четвероугольными столбами; пѣніе монаховъ исполняетъ чувство умиленіемъ. Въ немъ наблюдается важность и та естественная безъискусственная простота, которая даетъ ему превосходство предъ всякимъ другимъ пѣніемъ. Каждое слово внятно, возвышаетъ духъ и трогаетъ сердце!

По правую сторону, внѣ алтаря, сохраняются въ ковчегѣ глава свят. равноапост. Кн. Владиміра. Она обрѣтена въ 1636 году митрополитомъ Петромъ Могилою, близъ Десятинной Церкви, въ древнемъ мраморномъ гробѣ, котораго мѣсто въ послѣдствіи по смерти Митрополита не могли отыскать.

По лѣвую сторону почиваютъ мощи Св. Михаила, перваго Митрополита Кіевскаго и всея Россіи. Онъ прибылъ въ Кіевъ изъ Царяграда съ многочисленнымъ духовенствомъ, сопровождая Владиміра, принявшаго Святое Крещеніе съ вельможами и дружиною въ Корсунѣ. По прибытіи въ Кіевъ, Михаилъ крестилъ 12 сыновей Владиміровыхъ, водилъ всѣхъ Кіевлянъ въ Почайну для крещенія, низвергнулъ съ горъ идоловъ языческихъ и былъ орудіемъ Божіимъ къ обращенію въ вѣру Христову всѣхъ Россіянъ. Такимъ образомъ останки Владиміра и Михаила, сихъ великихъ просвѣтителей Россіи, одни противу другихъ находятся въ преддверіи алтаря!

Подлѣ клироса, въ каменномъ склепѣ, подъ помостомъ покоится прахъ Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго; мѣдная доска съ надписью означаетъ день кончины его, въ 1796 году, декабря 6-го дня. На правой сторонѣ въ придѣлѣ воздвигнутъ ему мраморный памятникъ, сыномъ его Графомъ Николаемъ Петровичемъ.

При входѣ въ церковь, въ склепѣ покоятся бренные останки фельдмаршала Князя Прозоровскаго. Ревнуя герою Задунайскому, онъ и самъ желалъ умереть среди побѣдъ за Дунаемъ, и желаніе его исполнилось. Не мраморъ, не бронза служатъ украшеніемъ его гробницѣ: онъ оставилъ по себѣ нетлѣнный па-

мятникъ, достойный Христіанина, завѣщавъ построить въ Кіевѣ каменный домъ для 60 престарѣлыхъ воиновъ, которые содержатся въ довольствѣ изъ доходовъ съ его имѣнія. Однажды, въ то время, когда онъ начальствовалъ милиціею въ Кіевѣ, разговоръ обратился къ философіи 18 вѣка. «Я не знаю иной философіи, кромѣ Христовой!» сказалъ фельдмаршалъ, и въ этомъ словѣ прекрасно выразилась душа его.

На столбѣ у лѣваго клироса, на мѣдной доскѣ, золотыми буквами начертано, что въ 1780 году, Мая 14, былъ въ семъ храмѣ Императоръ Іосифъ II, все осматривалъ съ любопытствомъ, и вошедши въ алтарь, три раза поклонился предъ запасными дарами.

У западныхъ дверей находится прекрасный гипсовый памятникъ Князю Острожскому. Онъ былъ изъ щедрыхъ дателей Кіево-Печерской Обители, подарилъ Лаврѣ типографію, и опредѣлилъ на содержаніе оной многія села и деревни въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

На правой сторонѣ, у сихъ дверей почіютъ, подъ спудомъ, мощи преподобнаго Θеодосія. Онѣ перенесены сюда еще до нашествія Батыева, въ 1091 году, и почивали открыто въ богатой ракѣ; но въ то время, для сохраненія, положены подъ спудъ. Благочестивый мужъ сей, сіявшій святостію житія своего, былъ великимъ образцемъ христіанскаго смиренія.

Въ 20-ти саженяхъ отъ собора возвышается огромная величественная колокольня, осьмиугольная, о четырехъ ярусахъ, изъ коихъ три верхнія украшены колоннами различныхъ орденовъ. Первый Дорическаго, вторый Іоническаго, третій Коринθскаго, а нижній отдѣланъ рустикомъ. Высота колокольни 43 са-

жени, 2 аршина и 2 вершка; стало быть, она есть высочайшая въ цѣлой Россіи, но со всѣмъ тѣмъ по плану было предположено поднять ее еще на одинъ ярусъ, что̀ примѣчается при первомъ взглядѣ на нее, ибо она кажется сдавленною. Колокольню сію начали строить въ 1731, а кончили въ 1745 году; архитекторомъ былъ Шейденъ. Въ числѣ 10 колоколовъ, на ней находящихся, самый большой въ 1000 пудъ. Разсказываютъ, что въ 1812 году, когда Москва была въ рукахъ непріятелей, и вся Россія страдала, видя истребленіе священной столицы своей, — вдругъ въ одинъ день на Лаврской колокольнѣ раздался сильный звонъ въ необыкновенное время. Народъ взволновался: всѣ бѣгутъ на колокольню, и находятъ тамъ стараго солдата, который на вопросъ: что его побудило къ такому поступку? отвѣчалъ, что онъ въ душѣ своей далъ обѣщаніе, во что̀ бы ни стало, зазвонить на Лаврской колокольнѣ, лишь только услышитъ объ изгнаніи Французовъ изъ Москвы. И въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ самый день получено въ Кіевѣ извѣстіе объ освобожденіи Москвы отъ непріятеля.

Напротивъ колокольни находится домъ о двухъ ярусахъ, бывшій нѣкогда Архимандрита, а нынѣ служащій помѣщеніемъ Митрополиту. Онъ построенъ въ 1727 году. Видъ изъ кабинета, обращеннаго къ востоку, представляетъ прелестнѣйшія окрестности. Синѣющіеся вдали необозримые лѣса, быстро катящійся Днѣпръ, долины, сады, цвѣтники, и наконецъ священныя мѣста, гдѣ покоятся нетлѣнные останки праведниковъ, исполняютъ душу чувствомъ благоговѣнія и любви къ Творцу природы и Искупителю человѣковъ. Вотъ мѣсто, гдѣ мудрый пастырь, созерцая, такъ сказать,

землю и небо, воспламеняется духомъ жить и умереть въ дѣятельномъ, радостномъ исполненіи обязанностей любви къ Богу и ближнему.

Въ домѣ Митрополита сохраняются оригинальные портреты Гетмановъ: Богдана Хмѣльницкаго и Скоропадскаго. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаешь здѣсь изображенія нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей Россіи, которыхъ слава будетъ сіять сквозь мракъ временъ, а подвиги — одушевлять потомство въ грядущія столѣтія! Смотря на изображеніе славныхъ людей, даже чуждыхъ намъ, мы чувствуемъ въ груди сладкій трепетъ. Но герои царствъ земныхъ тогда только наполняютъ наши сердца любовію и благоговѣніемъ къ нимъ, когда они сами дышали любовію къ отечеству и подвизались за вѣру и вѣрность; тогда они побѣждали тамъ, гдѣ казалось не было и надежды къ побѣдѣ; но могущество ихъ было выше земной надежды, истекая отъ Источника силъ.

Теперь обратимся къ другимъ героямъ, къ тѣмъ, которые побѣду надъ самимъ собою, побѣду надъ своими страстями и всѣмъ человѣческимъ, предположили себѣ единственною цѣлію. Оставить свой домъ, отца, отказаться отъ связей міра, оставить все, что́ насъ привязываетъ къ сей жизни, проводить ее къ высшей степени добровольной нищеты, и съ такимъ расположеніемъ заключить себя до конца дней своихъ въ темной кельѣ, и тамъ пламенѣть любовію къ Богу и ближнему, наконецъ, дабы никакіе соблазны міра не потрясли столь твердой рѣшимости, не переступать далѣе трехъ пороговъ и единственно въ церковь, а потомъ возвращаться обратно въ келію, для упражненія въ постѣ, молитвахъ и священныхъ размышле-

піяхъ о ничтожествѣ жизни, о предстоящей смерти и о будущемъ воздаяніи, — вотъ обязанность, вотъ отличіе схимниковъ! Монахъ есть уединившійся; схимникъ — означаетъ отсѣченнаго, отдѣленнаго отъ другихъ въ самомъ уединеніи. Монахъ носитъ платье черное, означающее отверженіе всего земнаго и суетнаго; схимникъ того же цвѣта, но схима его покрываетъ самые глаза его; онъ смотритъ только духовнымъ окомъ.

Одинъ изъ таковыхъ подвижниковъ, Досиѳей, славился во дни Императрицы Елисаветы. Пищу его въ сутки составляла одна просфора, которую каждый день онъ получалъ изъ церкви. Скорбящіе приходили къ его окошечку, и просили у него наставленій и утѣшенія.

Если за глиняную Эпиктетову лампаду платили въ древности нѣсколько тысячъ драхмъ, если за обладаніе рукописью какого нибудь знаменитаго писателя спорили Монархи: то менѣе ли драгоцѣнны должны быть четки подвижника, служившія ему книгою молитвъ?

96-ти-лѣтній схимникъ Михаилъ, не смотря на преклонность лѣтъ, бесѣдовалъ съ живостію юноши и съ ясностію мыслей мудреца, озаряемаго свѣтомъ небеснаго откровенія. Утѣшительно, сладостно было слышать его въ бесѣдѣ съ посѣтившимъ его благочестивымъ странникомъ (*), который, твердый въ своемъ обѣтѣ, совершилъ, въ 1815 году, путь пѣшкомъ въ Кіевъ изъ Петербурга, дабы сею жертвою, великою по слабости человѣка, изъявить чувства благодарности предъ мощами угодниковъ, за благо, изліянное на его родъ и отечество.

(*) Однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ спасителя отечества, Князя Кутузова.

При выходѣ изъ святыхъ вратъ Лавры, представляется величественный арсеналъ. Онъ не оштукатуренъ, но пріятный, природный цвѣтъ его кирпичей далъ поводъ Императрицѣ Екатеринѣ назвать его своимъ фарфоровымъ дворцомъ.

Крѣпость Печерская есть дѣло и памятникъ попечительности Петра Великаго. Онъ заложилъ ее собственными руками 15 Августа 1706 года. Сей оплотъ устроенъ Имъ былъ въ отраженіе Карла XII отъ стѣнъ святыни; Карлъ не достигъ сюда— и предѣлъ ему былъ Полтава. Петръ Великій, надзирая за строеніемъ Печерской крѣпости, часто посѣщалъ Лавру и заходилъ въ кельи. Однажды, бывъ у настоятеля, Онъ приказалъ подать Себѣ водки. Келарь, поднося рюмку, налитую уже, и вмѣстѣ съ нею два графина, оступился и уронилъ все на Государя. Петръ съ гнѣвомъ всталъ съ мѣста; но келарь, ни сколько не смѣшавшись, сказалъ Ему: «Излія благодать на главу Твою, такъ Господь сокрушитъ сопостатовъ Твоихъ!» — Хорошо, увидимъ! — отвѣчалъ Государь. Возвратясь въ Лавру послѣ Полтавской побѣды, Онъ не забылъ Келаря, и наградилъ его.

Кіево-Печерская обитель получила преимущество ставропигіальной Лавры отъ Великаго Князя Андрея Георгіевича, что́ впослѣдствіи было подтверждено отъ всѣхъ Великихъ Князей, Царей и Императоровъ Россійскихъ.

За оградою Лавры находится примѣчательное зданіе: это домъ пристанища бѣдныхъ богомольцевъ. Онъ заключаетъ въ себѣ два большихъ и 18 малыхъ покоевъ, и построенъ, въ 1786 году, на мѣсто другаго ветхаго дома. Христіанство, исполненное толикихъ

совершенствъ, толикихъ обязанностей къ ближнему, возлагаетъ долгъ на каждаго Русскаго содѣйствовать упроченію сего странноприимнаго дома, чтобы безпомощный странникъ, разлученный со всѣмъ свѣтомъ, нашелъ здѣсь не только духовную радость и наслажденіе, но и успокоеніе тѣлесное.

XXVI

Внутренность Кіевскихъ пещеръ

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

КІЕВСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Посѣтитель Кіево-Печерской Лавры съ толпою богомольцевъ спѣшитъ сойти въ глубины пещеръ, и съ умиленнымъ трепетомъ слѣдуетъ съ зажженною свѣчею по узкимъ корридорамъ за монахомъ, который освѣщаетъ темные своды тусклымъ факеломъ, и тихимъ голосомъ творитъ молитвы каждому Святому. Здѣсь ясно представляются чудеса всемогущества Божія, сила помощи небесной въ рѣшившихся жить для единаго Бога. Здѣсь, въ хладныхъ, темныхъ пещерахъ, во всей силѣ чувствуешь ничтожество величія и славы земной. Нѣкогда, въ сихъ священныхъ мѣстахъ раздавались молитвы праведниковъ, проникавшія глубину мрачныхъ сводовъ и возносившіяся до селеній небесныхъ. Здѣсь Россійскіе Вѣнценосцы: Ярославы, Изяславы, Святославы, познавали науку управлять народомъ своимъ въ правдѣ и славѣ, и, ободренные духомъ прозорливости угодниковъ Божіихъ, почерпали силу мужества и исходили на брань подобно воинамъ небеснымъ. Здѣсь укрѣплялся духомъ Петръ Великій, готовясь сразиться съ грознымъ Карломъ XII; сюда приходила вѣнценосная Дщерь преобразителя Россіи, благочестивая Елисавета, для принесенія

жертвы благодарности за ненарушимый миръ и благоденствіе Ея царствія, шествуя бо́льшую часть дороги пѣшкомъ и преодолѣвая всѣ трудности пути, по сыпучимъ пескамъ Кіевскимъ. Здѣсь мудрая Екатерина преклоняла на прахъ святыни главу Свою предъ святилищемъ добродѣтели. Здѣсь понынѣ изумляютъ взоры странниковъ святыя мощи Іоанна Многострадальнаго, закопавшагося по рамена въ землю: предъ нимъ лежитъ раскрытое Евангеліе. Насупротивъ его, въ углубленіи стѣны, покоятся мощи Марка Гробокопателя. Подлѣ нихъ сидитъ старецъ и даетъ богомольцамъ пить воду изъ креста, который служилъ ежедневною мѣрою утоленія жажды святаго, когда онъ изнемогалъ среди многотрудныхъ подвиговъ (*). Вотъ одинъ изъ примѣровъ терпѣнія святыхъ мужей, коихъ подвиги и добродѣтели мало извѣстны намъ, между тѣмъ какъ подобныя черты, находимыя въ жизни древнихъ философовъ, передаются отъ вѣка въ вѣкъ!

Мощи лѣтописца Нестора, притекшаго на подвиги самоотверженія въ самой цвѣтущей юности и оказавшаго великія услуги Россіи историческими своими трудами, напоминаютъ о заслугахъ иноческаго состоянія для Государства и Христіанства. Кто сохранилъ намъ драгоцѣнные памятники событій Церкви и отечества нашего? Кто усерднѣе служилъ и молитвами и благословеніями, и пожертвованіями, и собственными трудами къ просвѣщенію и чести Россіи, какъ не чинъ духовный, среди коего мы видимъ Св. Сергія, Пересвѣта и Ослябя, Діонисія, Авраамія Палицына,

(*) Это изображаетъ прилагаемая присемъ картинка.

и его послѣдователей, Өеофана, Платона, Анастасія, Евгенія, Филаретовъ, Иннокентіевъ..... Нашему духовенству обязаны мы и сохраненіемъ языка Русскаго во всемъ его величіи, при всѣхъ вторженіяхъ иноплеменниковъ въ область Русской земли, и Русскаго слова.

Близъ мѣста, гдѣ покоятся мощи Преподобнаго Антонія, перваго основателя сихъ пещеръ, находится церковь во имя Святаго, и келья его. Въ сей послѣдней сохраняются желѣзныя вериги его. Преподобный Антоній родился въ Любечѣ 983 года, во время княженія Владиміра I Святославича. Въ молодости своей онъ отправился въ Грецію, обозрѣлъ многія обители, и на Афонской горѣ постригся. По мановенію небесному, возвратился онъ въ отечество, и поселился въ Варяжской пещерѣ, ископанной Иларіономъ, священникомъ, въ лѣсистомъ мѣстѣ, называемомъ Берестовымъ, куда Иларіонъ уклонялся отъ суетъ мірскихъ, бесѣдовать въ уединеніи съ Невидимымъ и возносить къ Нему сердечныя моленія. Скоро слава святой жизни Антоніевой разнеслась повсюду. Дѣти нѣкоторыхъ бояръ Изяславовыхъ и другіе ревнители вѣры Христовой, пренебрегая кратковременными радостями жизни, переселялись къ нему, дабы научиться изъ его примѣра жить и подвизаться богоугодно въ монашествѣ. Когда число сихъ сподвижниковъ умножилось, то, не вмѣщаясь болѣе въ пещерахъ, они построили на горѣ деревянную церковь Успенскую, и при ней келіи. Святитель, любя уединеніе, поставилъ игуменомъ Өеодосія, но самъ никогда не принималъ этого званія, и удалился на другой холмъ, гдѣ изрылъ пещеры, называемыя нынѣ Ближними. Но и здѣсь умножились сподвижники его добродѣтелей, и онъ по-

бужденъ былъ чудеснымъ образомъ къ устроенію большой каменной церкви на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Успенская соборная церковь Лавры.

Преподобный Антоній не страшился говорить правду великимъ и сильнымъ вѣка. Когда пришли къ нему, отправляясь на битву противу Половцевъ, три Князя Россійскіе Ярославичи: Великій Князь Кіевскій Изяславъ, Князь Черниговскій Святославъ и Переяславскій Ярославъ, тогда праведникъ, движимый духомъ предвидѣнія, со слезами прорекъ, что ихъ постигнетъ гнѣвъ Божій въ предстоящей брани. И это свершилось. Неутомимо трудясь со всею силою и бодростію юноши въ угодность Богу и на пользу человѣчеству, Антоній жилъ 90 лѣтъ и провелъ въ Дальнихъ пещерахъ 40, а въ Ближнихъ 16 лѣтъ. Укрощеніе страстей даетъ долгоденствіе, а вихри мірскихъ наслажденій быстро подвигаютъ ко гробу!

При выходѣ изъ священныхъ жилищъ, вся природа является какъ бы въ новомъ, чудесномъ видѣ. Зелень кажется ярче, лазурь небесъ яснѣе, извивающійся величественный Днѣпръ и синѣющіяся вдали села — все принимаетъ новую, прелестную наружность. Но и безъ того, взойдя на галлерею, ведущую къ Дальнимъ пещерамъ, всякой будетъ пораженъ изящностію картинъ, представляющихся во всѣ стороны за монастырскою оградой. Природа улыбается, древа гнутся подъ тяжестію зрѣлыхъ плодовъ, чистыя воды журчатъ по золотому песку, вездѣ видны свѣтлые, мирные пріюты отшельниковъ; кажется, все предстоитъ въ наслажденію человѣка, къ содѣланію его счастливымъ; путникъ готовъ завидовать участи живущихъ въ обители благоденствія, готовъ раздѣ-

лять съ ними восторгъ свой, восхищеніе; но, оглянувшись, замѣтитъ нѣсколько мрачныхъ, угрюмыхъ лицъ, и, кажется, прочтетъ отвѣтъ въ тусклыхъ глазахъ ихъ: для проходящихъ! Неужели красоты природы не дѣйствуютъ на тружениковъ? Неужели они не чувствительны къ ея прелестямъ, и не умѣютъ наслаждаться благами земными? Нѣтъ, напротивъ: жизнь монашеская есть не иное что́, какъ безпрерывное покаяніе, всегдашняя недовѣрчивость къ самому себѣ. Кающійся не можетъ предаваться веселію, и въ тихихъ слезахъ находитъ лучшія для себя утѣшенія.

Дальнія пещеры называются Ѳеодосіевы; онѣ не такъ обширны, какъ Антоніевы. Не смотря на близость ихъ къ Днѣпру и множество источниковъ въ окружности, воздухъ въ нихъ чрезвычайно свѣжъ и легокъ; но и въ тѣсныхъ переходахъ пещеръ, поклонникъ, благоговѣйно слѣдуя за старцемъ, несущимъ факелъ, не чувствуетъ страха, который глубина пещеръ, тусклый свѣтъ факеловъ, мертвая тишина или глухой гулъ, раздающійся отъ шаговъ по звонкому помосту, и гробы усопшихъ, должны былибъ произвесть. Напротивъ того, здѣсь исполняетъ душу нѣкое священное умиленіе, вовсе различное отъ того чувства, съ которымъ обозрѣваютъ пещеры Парижскія (*).

(*) Французы могутъ похвалиться, что никому еще кромѣ ихъ не приходило въ голову мысли: изъ человѣческихъ костей и череповъ сдѣлать декораціи и довести ихъ до величайшей степени утонченія. На многихъ стѣнахъ выкладены ими изъ череповъ различные узоры, звѣзды, гирланды и проч. Гирланды сіи начинаются всѣ съ большой головы, или кости, и оканчиваются самою маленькою. Парижскія катакомбы, какъ и многія другія, находящіяся во Франціи, устроены Друидами, отправлявшими тамъ свои таинства. Кости же свезены туда со всѣхъ Парижскихъ кладбищъ,

Кажется, что избраніе мрачныхъ пещеръ для молитвъ кающихся приличнѣе свѣтлыхъ мѣстъ; звѣздная ночь склоняетъ къ высокимъ размышленіямъ, а блескъ призываетъ къ разсѣянію. На входахъ въ пещеры ничего бы нельзя приличнѣе начертать златыми литерами, какъ сіи божественныя слова изъ рѣчи славнаго проповѣдника Левапды, коею привѣтствовалъ онъ митрополита Платона, по пріѣздѣ его въ Кіевъ: *«Здѣсь узришь нетлѣніе тлѣнныхъ и безсмертіе смертныхъ.»*

Есть замѣчательная книга, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, о нетлѣніи мощей въ Кіевскихъ пещерахъ, которую написалъ онъ по желанію Петра Великаго. Эпиграфомъ ей служитъ текстъ изъ Евангелія: *«Аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ?»* Сіе важное сочиненіе служило бы для кичливаго философскаго ума лучшимъ врачеваніемъ.

Императрица Екатерина II, въ бытность Свою въ Кіевѣ, въ 1787 году, кромѣ другихъ даровъ, принесла новыя парчевыя покрывала съ серебряными кистями, для покрова всѣхъ мощей, здѣсь почіющихъ. Императрица Елисавета Петровна и Императоръ Павелъ Петровичъ содѣйствовали, пожертвованіемъ значительныхъ суммъ, для укрѣпленія берега, подмытаго съ одной стороны быстрымъ теченіемъ Днѣпра и грозившаго обваломъ. Вспомнимъ еще, что Римскій Императоръ Іосифъ II посѣщалъ Кіевскія пещеры съ безсмертнымъ героемъ Задунайскимъ, и, въ знакъ благоговѣнія своего, принесъ богатые дары сей обители.

по приказанію Людовика XI, во время сильнаго мороваго повѣтрія, бывшаго въ Парижѣ, и брошены въ сіи пещеры, а потомъ, при усовершенствованіи вкуса, приведены въ нынѣшній изящный порядокъ.

Часть Кіевскаго мозаика

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

КІЕВСКАЯ
МОЗАИКА или МУССІЯ.

Мозаика — искусство, удачно подражающее живописи подборомъ небольшихъ камешковъ, или четвероугольныхъ кусочковъ стекла, по цвѣтамъ и тѣнямъ, сообразно рисунку, основаніемъ коимъ служитъ нарочно приготовляемая клейкая мастика, въ которую они вкладываются; послѣ чего камешки сіи или стекла сглаживаются и полируются.

Изобрѣтеніе мозаики приписываютъ восточнымъ народамъ: у Грековъ и Римлянъ оно доведено было до высочайшей степени совершенства. Послѣ вторженія варваровъ, мозаика сохранилась въ Константинополѣ, на стѣнахъ нѣкоторыхъ опустошенныхъ храмовъ, но не прежде какъ въ концѣ XIII столѣтія, Грекъ Аполлоній возобновилъ сіе искусство въ Италіи.

Къ намъ, въ Россію, вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, перенесена была и мозаическая живопись Греческими художниками. Они украсили ею въ Кіевѣ Софійскій Соборъ, заложенный при Ярославѣ, въ 1037 году, гдѣ

и доселѣ сохраняются многія мозаическія изображенія съ удивительною свѣжестью красокъ. Къ сожалѣнію, иныя изъ нихъ повреждены Батыевыми Монголами, которые, принявъ золотую муссію полей за драгоцѣнный металлъ, отбили ее въ разныхъ концахъ, что̀ можетъ даже угрожать дальнѣйшимъ разрушеніемъ, если не укрѣпятъ тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ и донынѣ по временамъ осыпаются стеклышки.

Эта муссія представляетъ, подъ главнымъ куполомъ, въ срединѣ надъ алтарнымъ сводомъ, образъ Спасителя въ кругу. Інсусъ изображенъ держащимъ въ одной рукѣ свитокъ, а другою благословляющимъ. Синяя хламида накинута у Него съ лѣваго плеча на хитонъ, ярко-пунцоваго цвѣта. По сторонамъ Его, на лѣвой стѣнѣ — изображенія Святыхъ отецъ: Епифанія, Климента Папы Римскаго, Григорія Богослова, Николая и Стефана, а съ правой Тайной Вечери. Въ первой Святые представлены облеченными въ бѣлыя рясы, съ книгою въ рукѣ и крестовою эпатрахилью на плечахъ. Фигуры почти отбиты съ половины, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно истреблена нижняя кайма, которая, вѣроятно, была чрезвычайно блестяща и замысловата, какъ и верхняя, уцѣлѣвшая муссія Тайной Вечери, которая гораздо менѣе пострадала отъ руки Татаръ: въ ней отбита только одна правая фигура. Спаситель представленъ также въ синей хламидѣ, накинутой на хитонъ коричневаго цвѣту. У прочихъ фигуръ хитонъ зеленый, а хламиды бѣлыя. Надъ главами ихъ начертаны слова Спасителя на Греческомъ языкѣ: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое,» и проч. и проч.

Верхняя кайма сдѣлана изъ арабесковъ съ отличною изобрѣтательностію въ рисункѣ и пестротою въ цвѣтахъ.

Еще уцѣлѣло, на поперечной аркѣ церковнаго свода, изображеніе Евангелиста Марка. Предъ нимъ на налоѣ раскрыта книга Премудрости Божіей. Въ одной рукѣ Евангелиста свитокъ, а въ другой писало (стиль). Онъ облеченъ въ хитонъ фіолетоваго цвѣту, а спинка сѣдалища зеленаго цвѣта.

Въ Златоверхо-Михайловской церкви, заложенной въ Старомъ Кіевѣ, при Святополкѣ II, въ 1108 году, находятся еще двѣ мозаическія надписи на Славянскомъ языкѣ: 1) «Пріимите и ядите, сіе есть тѣло Мое, ломимое за вы во оставленіе грѣховъ..... 2) (*) «іите отъ нея вси, се есть кровь Моя Новаго Завѣта, ізливаемая за вы за....» Надписи сіи принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Славянской письменности, и представляютъ много замѣчательнаго для археографовъ.

Въ новѣйшія времена, муссія возобновлена у насъ Ломоносовымъ. Увидѣвъ у Канцлера Графа Воронцова мозаическую картину, представлявшую Св. Петра Апостола, подаренную ему Папою Климентомъ Ламбертини, онъ такъ восхитился ею, что рѣшился подражать ей. Искусный, неутомимый въ опытахъ химикъ, Ломоносовъ безъ затрудненія составилъ мастику и, расположивъ въ ней искусно подобранные камешки и кусочки стекла, чрезвычайно удачно сдѣлалъ съ Италіянской картины копію, которая находится теперь въ Академіи Художествъ. Потомъ, какъ

(*) Повидимому, начальная буква выпала.

усерднѣйшій чтитель Великаго Петра, художникъ-поэтъ обратилъ свое искусство на изображеніе лика и дѣяній безсмертнаго Монарха. Три мозаика сего Государя сдѣланы были Ломоносовымъ съ портрета, писаннаго Донгауеромъ; одинъ изъ нихъ поднесенъ художникомъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и подаренъ отъ Нея Сенату, другой сдѣланъ для Канцлера Гр. Воронцова, и находился въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а третій для Графа Разумовскаго, и теперь украшаетъ великолѣпную залу Россійской Академіи. Петръ изображенъ въ латахъ, сверхъ коихъ накинута Императорская мантія и надѣта Андреевская лента. Сходство превосходное, да и въ подборѣ цвѣтовъ и тѣней замѣтно большое искусство. Мозаикъ сей сдѣланъ на мѣдной доскѣ овальнаго виду, мѣрою 15 вершк. въ длину и 16 въ ширину. На оборотѣ выгравировано печатными литерами: «Михаилъ Ломоносовъ, 1757 года.»

Впослѣдствіи Ломоносовъ, устроивъ у себя надому лабораторію для приготовленія матеріяловъ, предпринялъ сочиненіе большой мозаической картины, представляющей Полтавское сраженіе, на что́ испросилъ даже указъ изъ Сената. Картина сія, въ размѣрѣ 21 футъ длины и 8 ширины, работана имъ въ мѣдной сковородѣ, имѣвшей до 70 пудъ вѣсу, которая повертывалась, для удобства работы, при помощи подставъ, имѣвшихъ до 50 пудъ вѣсу. Фигуры на первомъ планѣ величиною во весь ростъ. Картина сія предназначалась для Петропавловскато Собора, и уже оставалось весьма немного окончить, когда смерть похитила знаменитаго художника, посвятившаго съ большимъ усердіемъ на трудъ сей болѣе двухъ лѣтъ.

Картина послана была въ Академію Художествъ, гдѣ и донынѣ остается въ прежнемъ положеніи. Есть надежда впрочемъ, что она будетъ приведена въ блестящее положеніе отличнымъ нашимъ художникомъ по мозаической части, Веклеромъ, который въ прошедшемъ году сдѣлалъ превосходную копію съ Рафаэлеваго Преображенія, надъ коею трудился болѣе трехъ лѣтъ, и привелъ въ удивленіе своимъ искусствомъ и терпѣніемъ самый Римъ. Художникъ имѣлъ счастіе поднести свою картину Государю Императору. Вышина сего единственнаго въ свѣтѣ мозаика, около 3-хъ четвертей, ширина около 10-ти вершковъ.

Мозаическая работа, будучи механическимъ занятіемъ, никогда, конечно, не станетъ на ряду съ живописью; но имѣетъ великое преимущество предъ нею въ прочности своихъ произведеній. Мозаическія картины, лежавшія тысячелѣтія подъ пепломъ Помпеи, извлекаются оттуда, ничѣмъ не поврежденныя, съ совершенной свѣжестью красокъ, между тѣмъ какъ произведенія живописи всѣ исчезли. Ломоносовъ сказалъ о мозаикѣ:

«. . . . Въ вѣкъ хранитъ геройскихъ бодрость лицъ,
«Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
«Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобна зрится,
«И ветхой древности грызенья не боится . . . .»

И на памятникѣ Ломоносова признательность между прочимъ начертала:

«Мусіи первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю.»

Шведская могила

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

ПОЛТАВА

И

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА НА ПОЛТАВСКОМЪ ПОЛѢ.

Дорога отъ Рѣшетиловки до Полтавы не представляетъ уже того разнообразія въ видахъ, какими богата Малороссія. Это ровная степь, испещренная яркими полосами нивъ и разбросанными скирдами хлѣба; по сторонамъ только мелькаютъ, какъ облачка на чистомъ небѣ, вдали чуть замѣтные хутора, или величественный дубъ, старинный жилецъ Украйны, торжественно и одиноко возносится среди необозримой пустоты. Грунтъ земли, состоя здѣсь, большею частію, изъ чернозема и глины, при малѣйшемъ дождѣ превращается въ топкую грязь, особливо въ осеннее время; лѣтомъ же, при въѣздѣ въ городъ, путешественника окружаютъ облака пыли. Самый видъ Полтавы, съ этой стороны мало имѣетъ живописнаго, хотя площадь и обстроена большими каменными домами, которые были бы приличны и столицѣ; городъ открывается не прежде, какъ, по выѣздѣ изъ селенія Жуков-

*

ки, когда станешь подниматься на гору. Но съ другой, противоположной дороги, Полтава представляется въ самомъ картинномъ видѣ. Городъ, кажется, виситъ на огромной горѣ, у подножія которой разстилается обширная долина, богатая разнообразными группами деревъ, какъ будто растерянными отъ близстоящаго лѣса. Здѣсь, среди луговъ, извивается рѣка Ворскла, чистая, свѣтлая, знаменитая историческими событіями. Обширный косогоръ пересѣкается тремя долинами, раздѣляющими городъ на три части: Городскую, Подольскую и Заполтавскую. Скаты косогора, обнажая свои красноватые обрывы, мѣстами расцвѣченные яркою зеленью, мѣстами опушенные лѣсомъ, спускаются къ лугу рощами деревъ, наклонившихся отъ тяжести вишень, яблокъ, сливъ, грушъ и прочихъ плодовъ, произрастающихъ въ обиліи и красотѣ подъ теплымъ Украинскимъ небомъ.

Полтавскій соборъ не представляетъ особенной древности. Въ немъ не замѣтно и великолѣпія; но два мѣстные образа Божіей Матери, высокой Италіянской работы. Въ соборѣ находится портретъ Князя Долгорукаго-Крымскаго, прилагавшаго большое попеченіе о благолѣпіи сего храма, и выстроившаго колокольню, которая однако не можетъ похвалиться изяществомъ зодчества. Мѣстоположеніе собора на горѣ и виды, отсюда представляющіеся, привлекаютъ надолго взоры очарованнаго путешественника. Но онъ пожалѣетъ, что гора сія, видимая за 30 верстъ, не избрана для постройки памятника и присутственныхъ мѣстъ, которые были бы здѣсь удивительнымъ украшеніемъ для города, между тѣмъ, какъ теперь сіи великолѣпныя зданія помѣщены на ровной площади, имѣющей даже

нѣкоторое углубленіе. Говорятъ, что это произошло отъ того, что боялись обременять новыми зданіями гору, изрытую внутри погребами, и думали, что она не вынесетъ тяжести, а притомъ и частные люди, имѣющіе здѣсь домы, очень дорожили мѣстами, и не легко бы уступили свою собственность.

Съ благоговѣніемъ приближаешься къ древней небольшой церкви, узнавъ, что въ ней Петръ I принесъ благодарственное молебствіе послѣ Полтавской побѣды. Она выстроена въ старинномъ вкусѣ; стѣны ея, покрытыя мохомъ, такъ почернѣли, и сдѣлались рухлыми отъ времени (особенно кровля), что, кажется, угрожаютъ паденіемъ. Внутри ея достойны замѣчанія семь Вселенскихъ Соборовъ, писанныхъ въ 1676 году какимъ-то Герасимомъ Нѣмымъ, и довольно хорошо. Весьма любопытно сохранившееся въ народѣ повѣрье объ этой церкви; оно доказываетъ, что суевѣріе всегда старается самымъ обыкновеннымъ случаямъ придавать видъ сверхъестественнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь, которая, по словамъ старожиловъ, была нѣкогда гораздо обширнѣе и великолѣпнѣе, разобрана по ветхости; можетъ быть еще, что зло умышляли враги православія, какъ бы то ни было, но многіе не сомнѣваются въ разсказѣ, что въ то время, когда церковь вмѣщала въ себѣ нынѣшній остатокъ ея, какъ одинъ изъ придѣловъ, и по срединѣ ея шла подъ сводами пространная галерея, случилось однажды, что богослуженіе прервано было страшнымъ свистомъ, сопровождаемымъ хлопаніемъ бича; большой рыдванъ въ четыре лошади, съ шумомъ и громомъ въѣхалъ въ церковь. Изъ конскихъ ноздрей, казалось, вылеталъ пламень, и черныя, какъ уголь,

лица людей, сидѣвшихъ въ рыдванѣ, такъ были страшны, что ужасъ поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ во храмѣ. Рыдванъ, проѣхавъ по галереѣ, уже готовъ былъ направить путь свой къ алтарю, какъ внезапно былъ остановленъ невидимо кѣмъ, и съ такимъ же шумомъ, свистомъ и хлопаньемъ выѣхалъ вонъ; зрители оцѣпенѣли, думая въ испугѣ, что видѣли нечистую силу; мѣсто, оскверненное такимъ происшествіемъ не могло оставаться; церковь была разобрана, и только оставленъ одинъ придѣлъ ея, обращенный въ церковь, гдѣ Петръ служилъ молебствіе за побѣду, и это воспоминаніе, прославляя древній храмъ, обращаетъ на него особенное вниманіе любителя отечественныхъ достопамятностей.

Недалеко отсюда возвышается памятникъ, въ видѣ пирамиды, устроенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ жилъ Полтавскій герой, спаситель отечества. На немъ начертана золотыми буквами краткая, простая надпись: «Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудахъ своихъ. Благоговѣй! Мѣсто свято есть.» Но нельзя не жалѣть, что не сохранился домъ, въ которомъ жилъ онъ. Домъ сей состоялъ изъ трехъ маленькихъ проходныхъ комнатъ, къ которымъ примыкали находившіяся на дворѣ баня и кухня, но по ветхости кровли проданъ на сломъ, разобранъ, и только срубъ его сохраняется въ деревнѣ помѣщика Магденки. Разсказываютъ, что Петръ, находясь въ Полтавѣ, и услышавъ однажды крикъ младенца, который былъ дѣдъ нынѣшняго Магденки, приказалъ его принести себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, Петръ изъявилъ волю свою, чтобы, когда онъ выростетъ, сказали ему, что самъ Царь нянчилъ его,

почему онъ и долженъ быть усерднымъ царскимъ слугою.

По другую сторону улицы, противъ монумента, находится церковь во имя Іисаакія Далматскаго, въ память дня рожденія Петра Великаго, въ которой замѣчательна вызолоченная доска, вынутая изъ стараго памятника, существовавшаго до построенія нынѣшняго близъ церкви; на сей доскѣ вырѣзана вся Полтавская баталія по модели, собственноручно выдѣланной изъ бронзы Петромъ I, и съ надписью, сочиненною Рубаномъ, который однако же на сей разъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ надписи его къ памятнику, воздвигнутому Петру Екатериной, въ С. Петербургѣ.

Теперь взглянемъ на новый Полтавскій памятникъ; онъ заслуживаетъ похвалу по своей простотѣ и отдѣлкѣ. Жаль только, что колонна не-изъ бронзы, какъ предположено было сдѣлать, а выштукатурена и окрашена подъ бронзу. Кажется, зданія, окружающія памятникъ, какъ то, домы: генералъ-губернаторскій, гимназіи, присутственныхъ мѣстъ и губернскаго собранія, затмѣваютъ памятникъ своею огромностію, хотя и отдѣляются отъ онаго довольно пространною площадью, по сторонамъ которой разбиты четыре палисадника съ цвѣтниками, придающими много красоты мѣсту. Полтавскій памятникъ не огроменъ, но вся Полтава есть несокрушимый, вѣчный памятникъ Петра.

Шведская Могила отстоитъ отъ города верстахъ въ шести, и представляетъ курганъ, вышиною въ 4 саж. и почти столько же въ поперечникѣ верхней площадки. По срединѣ возвышается крестъ, обитый жестью

и выкрашенный бѣлою краскою. Онъ весь исписанъ именами. Видъ съ кургана открытъ на далекое пространство: съ одной стороны выказывается монастырь, а немного правѣе и самая Полтава. Отсюда начинался лѣсъ, раздѣлявшійся на двѣ части небольшою лощиною. Отъ одной до другой были протянуты, прямою линіею, Русскіе редуты, къ которымъ перпендикулярно примыкали другіе редуты, закрывавшіеся также прямою линіею редутовъ. Недалеко отсюда находилась и Шведская армія, за лѣсомъ обширное поле — великій просторъ для военныхъ дѣйствій.

При наступленіи ночи, когда длинныя вечернія тѣни, стелющіяся по полю, сливаются въ одинъ безконечный покровъ, мысль путника теряется во множествѣ историческихъ воспоминаній; окружающіе предметы оживаютъ въ воображеніи, возставая въ блескѣ изъ мрака. Здѣсь-то, въ виду Полтавы, провели нѣкогда ночь два противные воинства Карла XII и Петра I, не смыкая ни на минуту бодрственныхъ очей, безпрестанно наблюдая малѣйшее движеніе сопротивниковъ.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки, дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки;
Сыны любимые побѣды,
Сквозь дымъ окоповъ, рвутся Шведы,
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею

Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ.
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда же свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза,
Идетъ. Ему коня подводятъ —
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой,
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова,
Въ премѣнахъ счастія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ;
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье . . . .
Вдругъ, слабымъ маніемъ руки,
На Русскихъ двинулъ онъ полки,
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, крики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Послѣ столь живаго, превосходнаго изображенія Полтавскаго боя, представленнаго единственнымъ въ поэтическомъ очеркѣ Пушкинымъ, — можетъ быть, покажутся излишними подробности сего боя; но всякая подробность битвы, рѣшившей судьбу двухъ народовъ, замѣчательна, и потому скажемъ, что неукротимый Карлъ еще до зари напалъ на Русскіе редуты и овла-

дѣлъ двумя недоконченными. Движеніе его было такъ быстро, что Шведы провозглашали побѣду; но упорное сопротивленіе Русскихъ въ другихъ окопахъ отразило Карла, стремившагося прорваться сквозь нихъ, со всею арміею. Увлеченные запальчивостью, Шведы погнались было за Русскими эскадронами, но подвергли себя сильному огню съ баттарей, мимо которыхъ проходили. Лошади, впряженныя въ носилки, на которыхъ находился Карлъ, были убиты, и тутъ же при громѣ орудій, при свистѣ пуль впряжены были другія. Карлъ отступилъ, но отъ зоркихъ взоровъ Петра не укрылось, что часть Шведской арміи, съ праваго ея фланга, подъ начальствомъ генерала Росса, все еще вела аттаку противъ редутовъ. Въ 5 часовъ утра, былъ отправленъ противъ него Князь Меньшиковъ съ пятью кавалерійскими полками и пятью баталіонами. Шведскій генералъ отступилъ въ лѣсъ, откуда, приведенный въ совершенное разстройство, устремился на окопы, прикрывавшіе осадныя работы подъ Полтавою, и тамъ принужденъ былъ сдаться окружившимъ его Русскимъ полкамъ. Между тѣмъ, Русская армія выстроилась въ двѣ линіи. Центромъ начальствовалъ Фельдмаршалъ Шереметевъ, правымъ крыломъ генералъ Боуръ, лѣвымъ Князь Меньшиковъ. У Русскихъ было 72 орудія; у Шведовъ только 14. 18 баталіоновъ пѣхоты и 14 полковъ кавалеріи. Чтобы скрыть свою малочисленность и не дать окружить себя, Король приказалъ пѣхотѣ построиться въ одну линію. Въ 9 часовъ утра, обѣ арміи сошлись грудь съ грудью на Полтавскомъ полѣ, и на всемъ пространствѣ его запылала битва, съ которою имя Полтавы не умолкнетъ въ вѣкахъ. Русская армія, выигрывая

въ числѣ, обогнула съ обоихъ концевъ Шведскую линію. Потерявъ выгоды своей позиціи, окруженные Русскими, подверженные безпрерывному грому Русской артиллеріи, Шведы пришли въ ужасный безпорядокъ. Напрасно раненый герой ихъ, на носилкахъ передъ рядами своими, старался заковать сердца въ свое желѣзное мужество, напрасно казался онъ непреодолимымъ, дерзко презирая смерть и всюду являясь передъ своими войсками, какъ страшный геній войны: въ глазахъ ихъ пушечное ядро разщепило и опрокинуло носилки. Не смотря на боль отъ раны, Карлъ мгновенно пересѣлъ на лошадь. Шведы еще показали отчаянное сопротивленіе, но это было послѣднее судорожное усиліе, за которымъ послѣдовало общее бѣгство ихъ.

Провидѣніе видимо оберегало Петра и его мужественныхъ сподвижниковъ: мѣткою пулею прострѣлена у него шляпа; другая была направлена прямо въ грудь вѣнценоснаго героя, но святый крестъ Царя Константина, висѣвшій на персяхъ его, удержалъ смертоносный ударъ ея. Фельдмаршалу Шереметеву пуля также пробила насквозь стальную броню его; подъ Меньшиковымъ были убиты три лошади. Потеря Россіянъ, по числу выбывшихъ изъ строя, кромѣ раненыхъ, простиралась до 1350; Шведовъ почти въ семь разъ болѣе, 9,234 человѣка. Тѣла убитыхъ такъ были перемѣшаны, что невозможно было разобрать, гдѣ Русскіе, гдѣ Шведы, и для того всѣ вмѣстѣ были собраны въ одну кучу, надъ которою насыпанъ высокій курганъ (*), долженствующій по-

(*) Изъ прилагаемаго присемъ письма Петра Великаго къ ге-

читаться основнымъ камнемъ того величія, въ которомъ Россія явилась изумленной Европѣ, въ XVIII вѣкѣ. Хотя бы рука времени и уничтожила скромный Полтавскій памятникъ, но одно мѣсто, на которомъ,

---

нералъ-адмиралу Апраксину, писаннаго 27 Іюня изъ Полтавы, можно видѣть, каковъ былъ уронъ Шведовъ:

Господинъ Адмиралъ!

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатовъ даровать изволилъ, малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ:

«Сегодня на самой утренней зарѣ непріятель нашу конницу со всею арміею и конною и пѣшею аттаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однако же принуждена была уступить съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту мы изъ траншамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ подошелъ аттаковать насъ, противъ котораго наши навстрѣчу пошли, и такъ онаго встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили; знаменъ, пушекъ, множество взяли, тако жъ Генералъ-Фельдмаршалъ Г. Рейншельдъ, купно съ четырьмя Генералы, а именно: Шлиппенбахомъ, Штакельбергомъ, Гомогтономъ и Розеномъ, тако жъ первый министръ Графъ Пиперъ съ секретарями Гамерлихомъ и Цидергемомъ въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробнѣе вскорѣ писать будемъ, а нынѣ за скоростію невозможно, и единымъ словомъ сказать: *Вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла, а о Королѣ намъ не извѣстно еще, съ нами ль или со отцы нашими обрѣтается;* а за разбитымъ непріятелемъ посланы Генералъ-поручики Князь Голицынъ и Боуръ съ конницею. И съ сею неслыханною новизною васъ поздравляю, и прошу господъ вышнихъ и нижнихъ морскаго и сухаго пути поздравить.

Piter.

Изъ лагеря отъ Полтавы,
въ 27 день Іюня 1709 года.

P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктпетербурга положенъ съ помощію Божіею.

видна Шведская Могила, не перестанетъ привлекать сюда позднѣйшее потомство. Русскій гражданинъ и воинъ почтятъ здѣсь возрожденіе славы своего отечества, и самые чужеземцы будутъ жаднымъ взоромъ пробѣгать равнины Полтавскія, гдѣ Петръ восторжествовалъ надъ первымъ полководцемъ своего времени.

Мѣста сіи удостоены посѣщенія трехъ великихъ преемниковъ Петра: Екатерина, во время своего путешествія въ Тавриду, повелѣла войскамъ своимъ, подъ руководствомъ Суворова и Кутузова, произвести здѣсь маневръ, припоравливаясь, по возможности, къ движеніямъ Петра и Карла. Подобное зрѣлище возобновлено было въ 1817 году, когда Императоръ Александръ Павловичъ присутствовалъ при такомъ же маневрѣ, произведенномъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Сакена. Зрѣлище, какъ увѣряютъ очевидцы, единственное, возвышающее сердца чувствомъ народной гордости, и на сей разъ справедливой, ибо можно ли было видѣть равнодушно на поляхъ Полтавскихъ стройное движеніе Русскихъ легіоновъ, за три года предъ тѣмъ торжествовавшихъ, съ Царемъ своимъ, въ стѣнахъ Парижа! Конечно, тѣнь Петра ликовала тогда въ горнихъ селеніяхъ, видя древо, насажденное имъ, принесшимъ столь благодатные плоды! И въ наше время маневры сіи были повторены при посѣщеніи Полтавы нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, котораго побѣдоносное войско торжествовало надъ Персіею, Турціею, и низложило мятежъ Варшавы.

Взоры зрителей, очарованныхъ движеніями войскъ въ сихъ маневрахъ, казалось, слѣдили бѣгущаго Кар-

ла.... И сердце ихъ билось — припоминая тотъ часъ, который такъ превосходно изобразилъ вдохновенный Пушкинъ.....

. . . Близокъ, близокъ часъ побѣды.
Ура! мы ломимъ, гнутся Шведы,
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась.
Убійствомъ тупятся мечи
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ Его,
И царскій пиръ Его прекрасенъ,
При кликахъ войска своего.
Въ шатрѣ своемъ Онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Когда Полтавскій герой, торжествуя на другой день побѣду и тезоименитство свое среди своихъ доблестныхъ вождей и приглашенныхъ имъ Шведскихъ плѣнныхъ генераловъ, поднявъ бокалъ, произнесъ: пью за здоровье моихъ учителей въ военномъ искусствѣ. Шведы спросили, кого онъ разумѣетъ подъ именемъ учителей. Петръ отвѣчалъ, что ихъ; тогда одинъ изъ плѣнниковъ, Шведскій Канцлеръ Графъ Пиперъ примолвилъ: «Худая благодарность учителямъ, Ваше Величество, — учителей не бьютъ.» Великодушный побѣдитель тогда же возвратилъ Шведамъ ихъ шпаги.

Малороссія большею частію была предана Петру. Многіе ненавидѣли Мазепу, и, услышавъ объ измѣнѣ его, тотчасъ отъ него отложились; другіе, не смѣя явно отстать, старались всѣми силами вредить Шве-

дамъ и препятствовать ихъ намѣреніямъ. Безпрестанно было слышно, какъ казаки разбивали Шведскіе обозы и пресѣкали всякое сообщеніе между непріятелемъ. Старожилы разсказываютъ, по преданію своихъ дѣдовъ, объ одномъ казакѣ, именемъ Дзюбѣ, который предложилъ свои услуги Шведскимъ всадникамъ, обѣщая навесть ихъ на спящихъ въ лѣсу Русскихъ; но вмѣсто Русскихъ привелъ Шведовъ къ ихъ же соотечественникамъ. Ночь была темная, ненастная; утомленные Шведы спали въ безпорядкѣ и были умерщвляемы своими же. Многіе пробудились, и жаркая схватка вспыхнула съ равнымъ ожесточеніемъ, пока наконецъ Шведы не узнали обмана. Хватились казака — но его и слѣдъ простылъ.

У Малороссіянъ осталось преданіе о неслыханной зимѣ, бывшей того года въ Украйнѣ. Находили почти безпрестанно обледенѣвшіе трупы Шведовъ и Запорожскихъ казаковъ, коихъ сабли такъ примерзли къ рукамъ ихъ, что съ трудомъ можно было оторвать: Запорожцы имѣли обыкновеніе въ часъ кончины своей браться за рукоять сабли.

Доказательствомъ безпечности Шведовъ могутъ служить двѣ иконы въ церкви, находящейся въ селѣ Жукахъ, съ шашешницами на оборотѣ, которыя были вырѣзаны Шведами. Нѣкоторые изъ Шведскихъ офицеровъ играли въ шашки, и не замѣтили приближенія Русскихъ, такъ, что были взяты живые въ плѣнъ. — Петръ опредѣлилъ 12 рублей на свѣчи и елей къ симъ иконамъ. Точно такія же иконы съ шашешницами находятся и въ селѣ Яковцахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Полтавы. Не должно пропустить безъ вниманія небольшаго урочища, невдалекѣ отсюда находя-

щагося, гдѣ были первыя сшибки, причемъ Шведы были сильно поражены; отъ сего и самое урочище долго было извѣстно въ народѣ подъ именемъ *Побиванницъ*.

Послѣ Полтавской битвы, тѣ изъ Шведовъ, которые не пали на мѣстѣ сраженія, захвачены въ плѣнъ; самъ Карлъ едва спасся отъ плѣна, переправясь съ Мазепою чрезъ Бугъ, просить убѣжища отъ Султана.

Всѣ подробности событій, предшествовавшихъ Полтавской битвѣ и слѣдовавшихъ за нею, должны бы впечатлѣться въ памяти народной. Не можетъ быть, чтобы множество происшествій, пояснявшихъ въ частности характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, особенно Мазепы и его приверженцевъ, также и духъ самаго времени, не передавались въ разсказахъ старожиловъ, но очевидцевъ того времени давно уже нѣтъ; внуки, какъ видно, мало распрашивали дѣдовъ; многіе разсказы забыты, и многому достойному вниманія дали исчезнуть изъ памяти. Лѣтъ за двадцать, умеръ въ Полтавѣ сто-двадцати-лѣтній старецъ, служившій солдатомъ еще въ первый годъ царствованія Елисаветы; въ малолѣтствѣ своемъ, живучи въ селѣ, онъ былъ очевидцемъ Полтавской битвы, и вѣроятно многое разсказывалъ, если только старость не ослабила его памяти.

Полтавскій архитекторъ Абросимовъ сдѣлалъ начертаніе огромнаго памятника на Шведской Могилѣ: онъ предположенъ въ видѣ храма, утвержденнаго на величественной аркѣ въ 16 саженъ, переброшенной черезъ курганъ. Однѣ фигуры Апостоловъ предполагались въ 9 аршинъ. Г. Студенко внесъ для выполненія сего проекта 200,000 рублей. Впрочемъ столь гигантское предпріятіе едва ли можно выполнить и

на два милліона рублей; арка, для сдержанія огромной массы, должна быть сдѣлана изъ гранита.

Дорога въ Преображенскій Монастырь идетъ по холмамъ, и очень пріятна отъ разбросанныхъ по сторонамъ садовъ. — Преображенскій Монастырь стоитъ на высокой горѣ, и достопамятенъ тѣмъ, что изъ церкви его Шведы палили въ Полтаву, устроивъ баттареи въ окошкахъ. Близъ города еще видны остатки земляной крѣпости, выдержавшей непріятельскую осаду; она утверждена на крутомъ косогорѣ, обнесена валомъ, окопана рвомъ, и со стороны Ворсклы защищена крутою утесистою горою. Въ крѣпость велъ подземный ходъ, довольно просторный, въ который свободно могли въѣзжать повозки съ фуражемъ.

При Полтавской Гимназіи, которая переведена на площадь, въ домъ, занимаемый прежде Почтамтомъ, находится Благородный Пансіонъ на 100 дворянъ, въ томъ числѣ на 30 пансіонеровъ; дѣти содержатся очень хорошо, и одѣты весьма опрятно въ губернскіе мундиры, благодаря неусыпному попеченію директора пансіона Ивана Петровича Котляревскаго, извѣстнаго писателя на Малороссійскомъ нарѣчіи. При Гимназіи есть минеральный кабинетъ, котораго лучшіе штуфы подарены Княземъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, и отличаются тѣмъ, что съ одной стороны отшлифованы, а съ другой оставлены въ естественномъ видѣ.

Въ Полтавской больницѣ замѣчательно, что для каждой болѣзни отведено особенное отдѣленіе, помѣщающееся въ особомъ домикѣ, а въ главномъ корпусѣ,

занимаемомъ страннопріимнымъ домомъ, старики и старушки, не имѣющіе способовъ снискивать себѣ пропитаніе, содержатся на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Тутъ же и церковь. Садъ, окружающій зданія и устроенный для больныхъ, хорошъ и обширенъ. Больныхъ около 150 человѣкъ. При банѣ есть сѣрная ванна.

Публичный садъ, можно сказать, есть прекраснѣйшій изъ губернскихъ, какъ по расположенію, такъ и по пространству и чистотѣ. Украшеніемъ его служатъ фруктовыя и виноградныя отдѣленія, разведенныя Кн. Реппинымъ, для распространенія по Малороссіи лучшихъ родовъ плодовитыхъ деревьевъ и винограда, который почитали невозможнымъ разводить въ Полтавѣ. Но черезъ три года послѣ того, какъ положено начало садоводству, уже собрали до 20 пудъ винограду, развели до 18 родовъ онаго, и распродали болѣе 10,000 разнаго рода плодовыхъ деревъ. Положеніе оврага, занятаго подъ садъ, много способствуетъ къ пользѣ прозябенія растеній. Для споспѣшествованія къ улучшенію садоводства, Княземъ Реппинымъ заведена обширная школа; польза такого заведенія очевидна, если только будутъ его поддерживать. Оно уже послужило благодѣтельнымъ образцомъ для многихъ подобныхъ заведеній въ другихъ мѣстахъ.

Домъ Дворянскаго Собранія, съ прекрасною, богато убранною залою для выборовъ, можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Полтавѣ. Широкая улица, обставленная по сторонамъ однообразными, въ одинъ этажъ, низенькими домиками, высокіе досчатые заборы, иногда на довольно длинное разстояніе тянущіеся отъ одного домика до другаго,

утомительны для зрѣнія. Почему бы, отстроивая Малороссійскій городокъ, не подражать отчасти простой, беззатѣйливой, но исполненной миловидности, архитектурѣ туземныхъ деревенскихъ хатъ? Почему бы не позаимствовать того, что въ нихъ лучшее? Тогда бы городъ болѣе представлялъ свой отпечатокъ народности; весело бы было поглядѣть на него, и пожить въ немъ. Къ сожалѣнію, грязь, за недостаткомъ крѣпкаго камня для мощенія улицъ, увеличиваетъ скуку. — Бывали примѣры, что мужикъ, пріѣхавшій въ городъ съ легко нагруженнымъ возомъ, увязнувъ, принужденъ былъ отпрягать воловъ и оставлять возъ среди улицы. Изъ дворянъ немногіе живутъ въ губернскомъ городѣ, и только во время выборовъ и ярмарокъ оживляются уединенныя улицы Полтавы.

Основаніе Полтавы одни относятъ къ 1608 году, другіе утверждаютъ, что Полтава возникла при гетманѣ Конецпольскомъ. Казакъ полку Миргородскаго, прозваніемъ Мисло, родомъ изъ окрестностей Полтавы, первый пришелъ сюда и поселился съ шестью семьями. Селеніе безпрестанно размножалось, такъ что въ послѣдствіи составило родъ маленькаго городка; окружилось рвомъ и уже выдерживало нападенія Крымцевъ; но земляную его крѣпость часто разоряли Татарскіе наѣзды, и жители съ испуга прятались куда ни попало. Это время еще памятно для Малороссіянъ.

Во время Мазепы Полтава была уже главнымъ городомъ Полтавскаго полка. Но историческая и всемірная ея извѣстность начинается со времени знаменитой баталіи 1709 года. По учрежденіи губерній причислили ее къ Екатеринославскому Намѣстничеству; въ

1803 году, со времени учрежденія особенной Полтавской Губерніи, переименовали ее въ губернскій городъ. Съ сего времени, подъ управленіемъ генералъ-губернаторовъ Князя Куракина, Князя Лобанова и Князя Репнина, она значительно обстроилась и распространилась.

Полтавская Губернія принадлежитъ къ числу самыхъ изобильныхъ и многолюдныхъ въ Россіи; жителей въ ней около милліона шести сотъ тысячъ. Но торговля, производимая Полтавою, незначительна. Ежегодно въ Полтавѣ бываютъ четыре ярмарки: на Сплошной недѣлѣ, въ день Николая Чудотворца, 9-го Мая; въ день Самсонія, Іюня 27, на память Полтавской побѣды; и на праздникъ Воздвиженія Креста, 14 Сентября. Матеріи, сукна, ситцы, расходящіеся на ярмаркахъ, большею частію привозныя Московскія, а сама Полтава мало участвуетъ въ промышлености. Только суконная фабрика въ Карловкѣ присылаетъ посильную дань. Другихъ фабрикъ мало; главный доходъ помѣщиковъ отъ винокуренія. Заводы рогатаго скота, считающагося крупнѣйшимъ въ Россіи, заслуживаютъ особенное вниманіе; лучшія Голландскія породы были разводимы въ окружности Полтавы — и съ успѣхомъ.

Нѣсколько селитряныхъ заводовъ, находящихся около Полтавы, могутъ обогатить своихъ владѣльцевъ только во время войны, вообще же приносятъ мало прибыли.

Малороссійскій горожанинъ

Рисовалъ съ натуры П Свиньинъ

XII

Чабанъ и крестьянка

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ.

МАЛОРОССІЯНЕ.

Малороссія, пришедшая въ подданство Россіи при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, была, какъ и самое имя ея показываетъ, издревле неотдѣльною отъ Русской земли; она составляла лучшую часть Россіи, наслѣдіе Князей Кіевскихъ и Черниговскихъ, край благословенный, отторгнутый отъ скипетра Русскихъ Монарховъ насиліемъ сосѣдственной Литвы, но снова возвращенный Россіи въ правленіе Романовыхъ, и тѣсно соединенный съ нею въ одинъ семейный государственный кругъ, къ общему благосостоянію единоплеменныхъ народовъ.

Чтобъ въ короткое время ближе узнать Малороссіянъ, надобно познакомиться въ Полтавѣ съ извѣстнымъ переводчикомъ Энеиды на Малороссійское нарѣчіе, Котляревскимъ.

Изъ бесѣды съ симъ единственнымъ Малороссійскимъ поэтомъ, можно получить много любопытныхъ свѣдѣній, касательно духа и характера его земляковъ, которыхъ постигъ онъ совершенно, и которые, пре-

имущественно предъ многими другими народами, населяющими Россію, сохранили оригинальность въ правахъ, обычаяхъ, въ самомъ нарѣчіи и во всемъ, чѣмъ только могутъ разниться одно поколѣніе отъ другаго. Не менѣе того, въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, также въ прелестныхъ повѣстяхъ *Гоголя*, въ разсказахъ *Основьяненки*, въ театральныхъ піесахъ: *Наталкѣ Полтавкѣ*, въ *Чарахъ* и въ другихъ Малороссія раскрывается во всей полнотѣ своей, со всѣми своими характерными особенностями. По наружности облика, стройности стана, лѣни и беззаботливости, Малороссіяне болѣе сходны съ роскошными обитателями Азіи, но не имѣютъ буйныхъ, неукротимыхъ страстей, свойственныхъ поклонникамъ исламисма: флегматическая безпечность, кажется, служитъ имъ защитою и преградою отъ неспокойныхъ волненій, но часто изъ-подъ густыхъ бровей ихъ блеститъ огонь, жаркая любовь къ родинѣ и чувства пламенныя, прикрытыя природною простотою, одушевляютъ ихъ. Впрочемъ отъ образа жизни, особенно въ сельскомъ быту, и между казаками умственныя способности прикрываются грубою корою, а добросердечная простота, которая однако же не мѣшаетъ имъ быть, когда нужно, лукавыми и смѣтливыми, и невнимательность, происходящая болѣе отъ того, что Малороссіянину часто лѣнь сообразить и подумать, дали случай къ множеству забавныхъ разсказовъ. Напримѣръ: три казака спрятались отъ многочисленной ватаги Татаръ, одинъ за стогъ сѣна, на лугу; другой подлѣзъ подъ плотину, третій вскарабкался на дерево. Татары увидя стогъ, сошли съ лошадей, и начали теребить сѣно руками, для корму коней. Долго сидѣлъ казакъ за

стогомъ, сильно досадовалъ на неловкость Татаръ, наконецъ не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать: *Да возмы хоть вылы, що онъ-онъ стоятъ крый хаты! Хтожъ таки смыче сино руками?* Татары обрадовались нечаянной находкѣ, схватили казака, долго сопротивлявшагося, начали вязать его, какъ услышали голосъ другаго, сидѣвшаго за плотиною: *Гей! не поддавайся, хлопче!* Третій, который былъ старѣе и осторожнѣе прочихъ, видя горькую участь своихъ безразсудныхъ товарищей, произнесъ такимъ жалобнымъ голосомъ, отъ котораго Татары приподняли вверхъ свои головы. *Дурни, дурни! и чего бъ таки крычать? мовчать бы було уже обоимъ.* Другой анекдотъ, въ такомъ же родѣ случившійся, во время Татаръ, можетъ также служить примѣромъ добродушнаго простосердечія Малороссіянъ, которое, кажется, имъ врождено. Одинъ Малороссіянинъ спрятался отъ преслѣдованія Татаръ въ тростникѣ, росшемъ около болота; увидя, что Татаринъ нагнулся и пьетъ воду, онъ забылъ и осторожность и опасность своего положенія и произнесъ довольно громко: *Добре здоровье пивши!* Привѣтствіе, обыкновенное у Малороссіянъ, когда подносятъ питье.

Языкъ Малороссійскій довольно звученъ, хотя въ него много вошло грубыхъ Татарскихъ словъ; онъ даже ближе къ языку церковному Славянскому, нежели Русскій языкъ нашего времени. Подъ вліяніемъ Польши и Литвы, онъ во многихъ мѣстахъ, особливо въ пограничныхъ, потерпѣлъ большое измѣненіе. Полтава можетъ назваться его столицею; здѣсь онъ въ первоначальной чистотѣ своей, безъ посторонней примѣси, звучитъ по хуторамъ и селамъ. Съ приближеніемъ къ Чернигову, онъ замѣтно начинаетъ портить-

ся, за Черниговымъ измѣняется въ Литовскій, въ Кіевѣ смѣшивается съ Польскимъ, а за Кіевомъ совершенно исчезаетъ. Въ оборотахъ отрывистой рѣчи его смыслъ часто не доконченъ, не досказанъ; отъ чего и не иностранцу трудно понимать Малороссіянина, который думаетъ, что говорящій съ нимъ непремѣнно долженъ разумѣть его. Множество уменьшительныхъ именъ и глаголовъ дѣлаютъ Малороссійскій языкъ способнымъ къ выраженію чувствъ нѣжныхъ и кроткихъ, но мелодія его болѣе всего ощутительна въ пѣсняхъ, въ этомъ прекрасномъ достояніи народа, гдѣ онъ выразился съ малѣйшими измѣненіями и оттѣнками.

Въ нихъ встрѣчается шумное веселье, но чаще выраженія глубокой горести и тоски, разлука матери или сестры съ сыномъ, идущимъ на вѣрную смерть. Способность Малороссіянъ къ пѣнію и музыкѣ удивительна; извѣстно, что лучшіе пѣвцы наши большею частію изъ Малороссіи, которую, въ этомъ отношеніи, по справедливости, называютъ Русскою Италіею. Казакъ Климовскій, еще въ царствованіе Императора Петра Великаго, пріобрѣлъ себѣ славу прекрасными пѣснями. Извѣстнѣйшая изъ нихъ.

Ихавъ казакъ за Дунай,
Сказавъ дивчинѣ прощай;
Вы конику вороненькій
Неси, да гуляй!

Отличный нашъ драматическій писатель, Князь Шаховской, оживилъ на сценѣ добраго и умнаго Климовскаго, въ водевилѣ своемъ *Казакъ Стихотворецъ*, и представилъ плѣнительное изображеніе Малороссіянки въ лицѣ Маруси.

Между Малороссійскими пѣснями особенно знаменита пѣсня Богдана Хмельницкаго, напоминающая времена притѣсненія Ляховъ.

Ой бида, бида.
Чайцѣ небозѣ,
Що вывела дитокъ
При битой дорозѣ
Киги киги, злетивши въ гору,
Прійшлось втопиться у Чорному морю.
Жито поспило,
Приспило дило,
Идутъ жиньци жаты
Дитокъ забираты
Киги, киги!

Ой дити, дити!
Гдѣ васъ подити?
Чи минѣ втопиться,
Чи зъ горя убиться?
Киги, киги! . . .

И куликъ чайку
Взявъ за чубайку!
Чайка кигиче:
Згинь ты куличе!
А бугай: бугу! —
Гне чайку въ дугу:
Не кричи, чайко,
Бо буде тяжко.
Киги, киги.

Якъ не кричаты,
Якъ не летаты!
Дитки маленьки,
А я ихъ маты.
Киги, киги — и пр.

Имя Хмельницкаго повторяется во многихъ пѣсняхъ Малороссійскихъ бандуристовъ. Вотъ начало пѣсни о походѣ его въ Молдавію:

Изъ низу Днипра тихій витеръ віе, повиває,
Войско козацке въ походъ выступае:
Тилько Богъ святый знае,
Що Хмельницкій думае, гадае!

Малороссійскія пѣсни нерѣдко представляютъ картину семейной жизни, напр.:

Ой, подъ вишнею,
Подъ черешнею,
Стоявъ старый съ молодою
Якъ и зъ ягодою
И просилася,
И молилася
Пусты жъ мене старый диду на улицу погулять.
Да и самъ не пійду
И тебе не пущу —
Хочешь мене старенького да покинуты. И проч.

Нельзя не замѣтить также, что Малороссіяне имѣютъ необыкновенныя способности къ словеснымъ наукамъ; многіе изъ нихъ ознаменовали себя заслугами и на поприщѣ государственномъ; кому неизвѣстны Ѳеофанъ Прокоповичъ, Безбородко, Разумовскіе, Завадовскій, Трощинскій, Богдановичъ, Гнѣдичъ?...

Женскій нарядъ Малороссіянокъ отличается, большею частію, повязкою на головѣ, называемою намѣткою, а дѣвушки носятъ однѣ алыя ленты, шелковыя или суконныя, красиво оттѣняющія ихъ черныя, длинныя косы. Пестрыя ихъ понявы, замѣняющія сарафанъ или платье, имѣютъ большое сходство съ одеждою Шотландскихъ поселянокъ. На одной изъ картинокъ представленъ горожанинъ въ древнемъ національномъ костюмѣ, заимствованномъ Малороссіянами отъ Поляковъ, который годъ отъ году болѣе выходитъ изъ употребленія, а на другой: чабанъ (пастухъ) въ валеной шляпѣ, широкихъ высмоленыхъ

шараварахъ и съ крюкомъ въ рукѣ, которымъ они ловятъ, съ большимъ искусствомъ, овецъ въ многочисленныхъ стадахъ. Малороссійскіе чабаны весьма схожи и одеждою и нравомъ съ чумаками, то есть съ воловьими извощиками, которые вывозятъ изъ Крымскихъ озеръ или изъ-за Перекопа соль и таранъ рыбу. Привыкшіе къ странническому образу жизни, тѣ и другіе отличаются особеннымъ простосердечіемъ. Въ доказательство того, разсказываютъ слѣдующій забавный анекдотъ:

Нѣсколько чумаковъ, бродя по Кремлю, дивились на золотыя главы соборныя, и одинъ изъ нихъ, загнувъ голову, глядѣлъ на Ивана Великаго. Вдругъ часовой, стоявшій у колокольни, схватилъ его за воротъ и грозно спросилъ: какъ ты смѣешь, невѣжа, загнувъ голову, смотрѣть на царскіе терема? Чумакъ, оторопѣвъ, въ оправданіе свое не придумалъ ничего сказать лучшаго, какъ то, что онъ не на терема глядѣлъ, а считалъ галокъ, сидѣвшихъ на кровлѣ. Этого-то мнѣ и надо, прикрикнулъ служивый, сколько же ты насчиталъ ихъ? «Пять.» Давай же по пятаку за каждую царскую галку.» И чумакъ, не споря, заплатилъ 25 копѣекъ за свое любопытство; потомъ, отойдя отъ часоваго, съ торжествомъ сказалъ своимъ товарищамъ: «Якъ же я Москоля одуривъ! не пять, а «пятнадцать галицъ сидѣло на кровли!»

XXXI

Дворецъ Крымскихъ хановъ въ Бахчисараѣ

ДВОРЕЦЪ
КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ
ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

Самое блистательное время для дворца Крымскихъ Хановъ было, безъ сомнѣнія, въ 1787 году, когда уничтожившая владычество ихъ Екатерина провела здѣсь нѣсколько дней, со всѣмъ великолѣпіемъ царственнаго двора своего; но тогда, въ половинѣ дворца, занимаемой Императрицею, были сдѣланы многія перемѣны во внутреннемъ расположеніи; при всемъ томъ, подвергаясь съ тѣхъ поръ долговременному запущенію, Бахчисарайскій дворецъ представляетъ еще вѣрный образецъ житія Азіятскихъ Хановъ и Халифовъ, вмѣщая въ тѣсномъ кругу своемъ всѣ потребности и увеселенія ихъ жизни: сады, гаремы, фонтаны, мѣсто ристалищъ, диванъ, монетный дворъ, бани, мечети и даже кладбище.

Дворецъ сей, или Ханъ-Сарай, составляетъ почти паралелограмный замокъ. Входъ въ него съ сѣверной стороны въ большія ворота, находящіяся противъ каменнаго моста, черезъ рѣчку Суруксу, которая омы-

ваетъ двѣ стороны замка, и во все протяженіе онаго выложена была тесанымъ камнемъ. Съ какимъ трепетомъ, воображаю, подъѣзжали Крымцы къ обиталищу грознаго властелина, который скрывался еще за двумя другими стѣнами и воротами, не растворявшимися ни для кого другаго, кромѣ его! Войдя на большой дворъ, справа видимъ жилище ханское, составленное изъ разнаго рода домиковъ и кіосковъ, слѣва мечеть и кладбище, а впереди сады, возвышающіеся по косогору, одни надъ другими, въ видѣ террасъ и уступовъ. Пройдя длинный подъѣздъ, или сводъ, вступаешь на маленькой дворикъ, вымощенный плитами. Здѣсь главный входъ во дворецъ чрезъ узорчатое крыльцо и желѣзныя двери, отдѣланныя, въ высокомъ Арабскомъ вкусѣ, золотомъ, и самыми яркими цвѣтами. Оттоманская луна замѣнена двуглавымъ золотымъ орломъ; но кудрявая Арабская надпись, означающая имя основателя Бахчисарая и сего дворца осталась въ цѣлости (*).

Съ первымъ шагомъ въ сѣни, чувствуешь прохладу, столь драгоцѣнную въ южномъ климатѣ во время лѣтняго зноя; она происходитъ отъ двухъ фонтановъ, изливающихся серебряными струями въ мраморныя раковины, на коихъ видны еще остатки по-

---

(*) Ихъ двѣ: одна повыше другой, верхняя означаетъ слѣдующее:

«Вратами сими обладаетъ основатель сего града, великій сынъ «Хана-Гаджи Гирея, Ханъ-Менгли-Гирей. Да Господь Богъ, Хана «Менгли-Гирея вкупѣ съ отцемъ его и матерью, удостоитъ своего «блаженства въ сей и будущей жизни.»

А нижняя:

«Врата сіи сооружены по повелѣнію обладателя двухъ морей и «двухъ Царствъ, великаго сына Хаджи-Гирея, Султана Менгли-«Гирея 895.»

золоты и красиво начертанныхъ надписей (*). Изъ сѣней слѣва дверь въ залу дивана, въ которую есть еще входъ изъ-подъ воротъ. Зала сія можетъ почесться самою пространнѣйшею, и освѣщена съ одной стороны двумя рядами окошекъ: верхнія, какъ и во всѣхъ другихъ парадныхъ комнатахъ и кіоскахъ, составлены изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, что распространяетъ чрезвычайно пріятный свѣтъ, а нижняя изъ пальмовыхъ рѣшетокъ, дабы безпрепятственно входилъ въ покои чистый воздухъ. Потолокъ также представляетъ отпечатокъ азіятскаго великолѣпія: онъ сдѣланъ изъ деревянныхъ дощечекъ въ родѣ мозаики, весьма привлекательной для глазъ по пестротѣ цвѣтовъ своихъ и узоровъ. Замѣтно, что вокругъ всѣхъ стѣнъ залы были широкіе диваны; но Ханъ никогда не присутствовалъ въ семъ судилищѣ, а слушалъ приговоры

(*) Надъ первымъ короткая, означающая, что фонтанъ сей сооруженъ Ханомъ Капланъ-Гиреемъ, сыномъ хана Хаджи-Селимъ-Гирея; но на другомъ, находящемся по лѣвую сторону, у входа, пространная и во вкусѣ восточнаго краснорѣчія. Вотъ самый близкій переводъ сей надписи:

«Слава Всевышнему Богу! Просіяло вновь лице Бахчисарая благотворнымъ о немъ попеченіемъ свѣтлѣйшаго Хана Керимъ-Гирея; его щедрою рукою утолена жажда страны сей, и онъ съ помощію Божіею вознамѣрился оказать ей еще вящшее благодѣяніе. Его неутомимымъ стараніемъ проведенъ сей главный токъ воды, коему нѣтъ нигдѣ подобнаго красотою и обиліемъ, ни въ Испагани, ни въ Багдадѣ. Человѣкъ, томимый жаждою, прочтетъ сіе начертаніе сквозь воду, истекающую изъ тоненькихъ трубокъ, и увидитъ, что оно гласитъ: «Приди, пей сію прозрачную воду, истекающую изъ чистѣйшаго источника, и испьешь здравіе.» Сія послѣдняя рѣчь заключаетъ игру словъ и особенную замысловатость автора Шеихса (коего имя тутъ же означено), ибо, по переводу буквъ на числа, означаетъ годъ основанія фонтана по счисленію отъ Эгиры.

дѣлъ своихъ сановниковъ и султанскіе фирманы изъ тайника, или хоровъ, скрываясь за зеленою рѣшеткой. Отсюда же, покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ изволилъ смотрѣть на обрядъ Татарской свадьбы, который происходилъ въ сей залѣ, для удовлетворенія любопытства Его Величества.

Другая дверь изъ сѣней въ переходы, ведетъ въ домовую ханскую мечеть. Въ сей послѣдней не осталось ни какихъ украшеній, но надъ дверью видна слѣдующая надпись:

»Селимъ-Гирей, Ханъ, сынъ Хаджи Селимъ-Гирея Хана.»

Изъ сего же перехода съ лѣвой стороны входъ въ нижній этажъ кіоска, гдѣ помостъ выложенъ бѣлымъ мраморомъ, что, вмѣстѣ съ мраморнымъ фонтаномъ, довольно высоко бьющимъ по срединѣ залы, распространяетъ пріятнѣйшую прохладу, между тѣмъ, какъ на улицѣ отъ скалъ, раскаляющихся полдневнымъ жаромъ, палитъ убійственный зной. Остальная часть сей прелестной комнаты, или лучше сказать, все углубленіе, находящееся между тремя стѣнами, вдавшимися въ садъ, а съ четвертой стороны освѣщенной небольшими окнами и дверью, занято широкимъ шелковымъ диваномъ и Египетскими рогожками. Здѣсь Ханъ любилъ курить трубку и нѣжиться послѣ трудовъ и роскошнаго обѣда, въ пріятной дремотѣ, при журчаніи свѣтлыхъ водъ, при пѣніи птичекъ, еще доселѣ вьющихъ гнѣзда свои въ садикѣ, гдѣ никто ихъ не тревожитъ.

Другая дверь изъ корридора ведетъ въ гаремъ, который, кромѣ этого хода и еще потаеннаго изъ золотаго кіоска, не имѣлъ другаго сообщенія съ дворцемъ.

Изъ сихъ же сѣней широкая, легкая лѣстница ведетъ во второй этажъ; здѣсь великое множество покоевъ разной величины; но они столько походятъ одинъ на другой расположеніемъ и даже убранствомъ, что стоитъ описать одинъ, дабы дать понятіе о всѣхъ остальныхъ; большая часть изъ нихъ находится въ совершенномъ запущеніи. Къ счастію, золотой кіоскъ, который, безъ сомнѣнія, былъ богатѣйшій изъ всѣхъ, сохранился лучше другихъ, такъ, что по остаткамъ онаго можно легко вообразить прежнее цвѣтущее положеніе дворца. Зала одинакой величины съ мраморною, и въ ней также находится широкій диванъ по тремъ сторонамъ, освѣщеннымъ въ два ряда окнами, изъ коихъ верхнія составлены изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, съ большимъ вкусомъ подобранныхъ. То же можно сказать о потолкѣ, испещренномъ золотомъ и самыми яркими цвѣтами. Въ четвертой или темной стѣнѣ, по срединѣ находится каминъ и по сторонамъ, справа дверь, а слѣва шкафъ для трубокъ. Все расписано арабесками подъ золото; но всего замѣчательнѣе украшенія камина и верхней части шкановъ: на нихъ поставлены, за стеклами, въ два уступа, поддѣльные цвѣты, или садики, на подобіе изготовляемыхъ у насъ для вербной недѣли, а въ простѣнкахъ, въ родѣ барельефовъ, сдѣланы весьма натурально изъ алебастра разные плоды, внутренность арбуза, разрѣзанная груша, и проч.

Въ гаремѣ остался одинъ главный корпусъ и фонтанная бесѣдка; прочія зданія разрушены; но и по остаткамъ должно полагать, что здѣсь удобно могъ помѣщаться многочисленный сераль, коими Крымскіе Ханы старались превзойти одинъ другаго. Въ Алупкѣ,

странствующій Татарскій бардъ пѣлъ мнѣ подвиги Керимъ-Гирея въ Гуріи, этомъ разсадникѣ магометанскихъ гаремовъ, для похищенія прелестной Зюлейки изъ рукъ корыстолюбиваго Армянина, хранившаго благоуханнѣйшій цвѣтокъ Кавказа, въ угодность мощному и щедрому Баязету! Геній Пушкина могъ бы составить превосходную поэму изъ сей любопытной баллады, дышащей всѣми страстями, всѣми отличительностями піитическаго Востока, подобно тому, какъ прелестные стихи его могутъ быть лучшимъ указаніемъ значенія развалинъ пышнаго гарема; волшебникъ-поэтъ отбрасываетъ завѣсу сокровенностей, и взорамъ представляются:

Тамъ жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ,
Подъ стражей бдительной и хладной!
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ Аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Межъ ними ходитъ злой эвнухъ,
И убѣгать его напрасно!
За всѣми слѣдуетъ всечасно
Его ревнивый взоръ и слухъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ и ропотъ томной....

О! какую прелесть придаютъ поэтическія мечты прогулкѣ по развалинамъ Бахчисарайскаго дворца: все

предметы ими животворятся въ воображеніи, все дышитъ правдоподобіемъ!

Сойдешь въ садъ, и, видя остатки купаленъ, припоминаешь, что здѣсь:

Младыя жены какъ - нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры. . . .

Персидская бесѣдка, или лучше сказать, башня на образецъ Китайской, устроенная въ саду, представляетъ въ верхнемъ этажѣ рядъ оконъ съ зелеными рѣшетками. Отсюда ханскія жены смотрѣли на въѣзды пословъ, ристалища и игры, случавшіеся на широкомъ дворѣ. Въ среднемъ этажѣ воспитывались ханскіе ястреба и кречеты, а внизу содержались великолѣпные фазаны, привозимые изъ Персіи, отъ чего, вѣроятно, и башня сія получила названіе Персидской. Съ вершины оной открывается прелестный видъ на городъ и ближайшія живописныя скалы и долины.

Вправо отсюда большой плодовый садъ, посреди коего находился старый ханскій дворецъ, описанный подробно Манштейномъ. Но онъ уже сломанъ, за ветхостію, и только оставлена главная бесѣдка съ мраморными колоннами и лоскутками шелковыхъ занавѣсовъ, бывшихъ между ими. Дворъ, въ Персидскомъ вкусѣ, ведетъ отсюда въ другіе сады, находящіеся противъ большаго дворца. Сады сіи, какъ замѣчено выше, состоятъ изъ трехъ террасъ, постепенно возвышающихся одна надъ другою, и соединяемыхъ каменными лѣстницами, такъ, что самые сады кажутся висящими. Первый насажденъ виноградомъ, а другіе два плодовыми деревьями, приносящими доселѣ са-

мые вкусные и рѣдчайшіе плоды въ Крыму, особенно груши, не уступающія бонъ-кретьеню. Здѣсь-то, въ концѣ самаго отдѣльнаго сада, возвышается каменная гробница Польской княжны, страстно любимой Гиреемъ. Сюда печальный Ханъ, вѣроятно, удалялся оплакивать втайнѣ невозвратную утрату свою, утрату своего сердца, рѣдко знакомаго съ чистою любовію, доставляющею высшее наслажденіе. Гробница сія была долгое время открыта; но какъ съ разрушеніемъ ограды она стала подвергаться засоренію, то Татары испросили позволеніе у начальства закласть всѣ аркады кирпичемъ, такъ, что въ нее не осталось ни какого входа. Старожилы помнятъ, что на поверхности пола не было ни саркофага, ни надписи, ни малѣйшаго знака, могущаго объяснить имя героини, коей посвященъ мавзолей, а нѣкоторые изъ ученыхъ Татаръ даже опровергаютъ слухъ о прекрасной Польской княжнѣ, утверждая, что тутъ погребена Грузинка, любимая жена Керимъ-Гирея.

Возвращаясь отсюда къ главному подъѣзду, проходишь мимо довольно большаго зданія, полу-европейской архитектуры. Тутъ живетъ смотритель дворца по наслѣдству отъ бимъ-баши, который изъ высокаго кіоска своего наблюдалъ за порядкомъ въ цѣломъ замкѣ. Возлѣ онаго казармы, для 12 инвалидовъ, потерявшія свой прежній видъ отъ передѣлки. Здѣсь нѣкогда помѣщалась грозная стража ханская и невольники; тутъ же были и конюшни. Къ зданію сему примыкаетъ высокая стѣна, выдавшаяся нѣсколько на дворъ. Она ограждаетъ ханское кладбище. Ключи отъ двери, ведущей въ сію юдоль вѣчнаго покоя Крымскихъ владыкъ, хранятся у муллы. Какую картину

представляетъ это царство смерти, особенно въ безмолвіи ночи и при свѣтѣ луны! Мраморные памятники въ Восточномъ вкусѣ, осѣненные пирамидальными тополями и раскинувшимися шелковицами, выказываютъ бѣлые верхи свои изъ-подъ плюща и терновника, или бросаютъ широкую тѣнь по зеленой муравѣ, и на каждомъ шагу образуютъ виды, достойные кисти Робера и Панини. И здѣсь путешественникъ повторитъ съ Пушкинымъ:

Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною мольбою. . . .

О! какъ поразителенъ здѣсь этотъ завѣтъ, обрекающій все земное тлѣнію и праху, и представляющій всю ничтожность человѣческой жизни: здѣсь похоронены 16 царствовавшихъ Хановъ и болѣе 100 Султановъ Гиреева дома и ихъ родственниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ погребены въ трехъ каменныхъ склепахъ, или ротондахъ, подобныхъ той, которая описана выше, только несравненно огромнѣе. Въ нихъ только по одной двери, и вмѣсто окошекъ, вверху небольшія скважины. Гробы деревянные, и судя по нѣкоторымъ лоскуткамъ, были обтянуты богатыми тканями чернаго и синяго цвѣта. Куполы сихъ мавзолеевъ снаружи обиты свинцомъ и украшены золотою луною, блестящею на позолоченномъ шарѣ, и точно такъ же, какъ и верхи двухъ минаретовъ, принадлежащихъ къ ханской мечети, примыкающей къ сему кладбищу южною стѣною, подлѣ коей похороненъ по собственной волѣ своей Менгли-Гирей, отдѣльно отъ всѣхъ

другихъ. Гробницы, находящіяся подъ открытымъ небомъ, всѣ безъ изъятія мраморныя, съ длинными узорчатыми надписями. Мулла утверждалъ, что сіи послѣднія заимствованы вообще изъ Алкорана; но со всѣмъ тѣмъ, любопытно бы знать ихъ содержаніе, ибо кромѣ прочаго, могущаго открыться со стороны исторической, по изреченіямъ симъ можно бы получить понятіе о характерѣ того, надъ коимъ оно начертано; вѣроятно, что въ семъ случаѣ соблюдаемо было какое нибудь соотвѣтствующее приличіе, или намѣкъ.

Ханская мечеть есть самое огромное и великолѣпное зданіе въ Бахчисараѣ. Главный входъ въ нее съ улицы, гдѣ журчитъ прекрасный водометъ — для омовенія правовѣрныхъ, а съ двора по высокой, крытой лѣстницѣ только одинъ Ханъ всходитъ на хоры, которые теперь опредѣлены для Европейцевъ, желающихъ смотрѣть отправленіе магометанскаго богослуженія, которое вездѣ одинаково. Бахчисарайская дворцовая мечеть отличается отъ другихъ мечетей сего рода разноцвѣтными стеклами оконъ, съ золотыми надписями, и пестрымъ золоченымъ налоемъ для муллы. На стѣнахъ нѣтъ ни какихъ украшеній; полъ устланъ коврами и Египетскими рогожками.

Служеніе Дервишей

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

СЛУЖЕНІЕ ДЕРВИШЕЙ.

Всякій изъ магометанскихъ богомольцевъ, ходившихъ на поклоненіе въ Мекку, получаетъ наименованіе *хаджи*. Въ числѣ хаджіевъ, преимущественнымъ уваженіемъ пользуются дервиши, составляющіе на Востокѣ особенное духовное сословіе восторженныхъ изувѣровъ, отличающихся странностію своихъ обрядовъ, подобно Англійскимъ *дрожащимъ квакерамъ* (the king kwekers). Изъ Бухаріи, Хивы, Туркменіи, Башкиріи и Киргизскихъ земель, ежегодно отправляется великое множество дервишей въ Мекку, и, что весьма замѣчательно, многіе изъ нихъ, по старой привычкѣ, заходятъ въ Крымъ. Въ Бахчисараѣ во всякое время можно встрѣтить толпу этихъ неопрятныхъ, разнохарактерныхъ пилигримовъ. Тамъ нерѣдко въ полночь, при свѣтѣ луны, собираются они въ оградѣ ханскаго дворца отправлять свое служеніе.

Трудно описать это странное зрѣлище, а еще того затруднительнѣе разгадать и изъяснить сущность сего обряда. Человѣкъ тридцать въ разныхъ одѣя-

ніяхъ и странныхъ шапкахъ, съ страшными лицами, садятся въ кружокъ, охватываются руками, и, качая головою, начинаютъ напѣвать, или лучше сказать, произносить рѣзкимъ, дребезжащимъ голосомъ: Алла! Алла! сначала тихо, но потомъ безпрестанно повышая голосъ и усиливая качанія головою, такъ что, наконецъ, отрывистые звуки превращаются въ ужасный стонъ или ревъ. Тутъ они быстро вскакиваютъ, начинаютъ кружиться и опять садятся; потомъ раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ одна сидитъ, а другая вокругъ ея кружится; потомъ кружатся всѣ вмѣстѣ, и тутъ то, увлекаясь изступленіемъ насильственнаго восторга, начинаютъ бѣсноваться, дико кричать и каждое слово ихъ, въ это время, почитается за прорицаніе или поученіе. Между тѣмъ они не перестаютъ ломаться, скакать вверхъ, вертѣться на одной ногѣ со скоростію волчка или юлы, доколѣ не оставятъ ихъ силы, пѣна заклубится у рта, и они не повергнутся въ оцѣпенѣніе на землю, что между Мусульманами почитается благодатію небесною.

Обрядъ дервишскаго служенія заключается обыкновенно чтеніемъ Алкорана на распѣвъ, что въ Бахчисараѣ отправлялъ 12-лѣтній мальчикъ, бывшій съ отцемъ своимъ въ Меккѣ, и выучившійся тамъ сему искусству, весьма уважаемому на Востокѣ, по трудности въ произношеніи и измѣненіи голоса, наблюдаемомъ при чтеніи священной для Мусульманъ книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, юный Абдала принадлежалъ къ сектѣ Мевлева, знатнѣйшей на Востокѣ, настоятель которой, или шейкъ, происходившій по прямой линіи отъ Джеладина, одинъ только имѣетъ право опоясывать Турецкаго султана Османовою саблею, въ день

вступленія его на престолъ Оттоманскій. Тридцать двѣ секты, старавшіяся превзойти одна другую странностію обрядовъ и неистовствами, возвѣщали магометанство въ Азіи, обѣщая изнѣженнымъ обитателямъ Востока невообразимыя блаженства и наслажденія въ зеленѣющихъ садахъ Фирдевса, на лонѣ вѣчно-юныхъ гурій; самое начальное основаніе сихъ обществъ, возникшихъ въ Турціи на подобіе Китайскихъ бонзъ, Индѣйскихъ календеровъ и Персидскихъ дебуесовъ, приписываютъ Джеладину, главѣ дервишей. Многія преданія, живописующія свойства сего любопытнаго братства, въ особенности ихъ хитрость и лицемѣріе, вошли въ Восточныя сказанія, и составляютъ занимательнѣйшую часть Арабскихъ повѣстей.

Бахчисарайскій фонтанъ

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры на долго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ.
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ,
И, послѣ ужасовъ набѣга,
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.

А. Пушкинъ.

Если искусное перо прозаика можетъ переносить воображеніе читателей въ избранные имъ міры, то одной поэзіи, одному вдохновенному поэту принадлежитъ волшебство въ немногихъ словахъ живописать картину историческаго мѣста, впечатлѣвать ее въ памяти читателя глубокими чертами. Это мы видимъ изъ приведенныхъ выше стиховъ, которые всякой читающій Бахчисарайскій Фонтанъ помнитъ наизустъ;

надобно быть на мѣстѣ, надобно, съ прелестнымъ произведеніемъ Пушкина въ рукахъ — обойти развалины дворца Гиреевъ, подобно какъ съ Энеидою осматривать остатки Трои, чтобъ почувствовать силу генія, согласиться, что истинная поэзія заключаетъ въ себѣ совершенное волшебство. О! какими сладкими минутами посѣтитель Бахчисарайскаго дворца обязанъ произведенію Пушкина, особенно въ этомъ таинственномъ саду, гдѣ незамѣтно проведетъ нѣсколько часовъ въ упоеніи мечтаній, внушаемыхъ очарователемъ-поэтомъ. Какъ прекрасенъ видъ Бахчисарайскаго сада при закатѣ солнца въ лѣтній вечеръ, или въ лунную ночь, когда, окруженный безмолвіемъ, журчитъ фонтанъ, столь прелестно описанный поэтомъ. Сѣдой привратникъ отпираетъ желѣзную дверь сада, и путешественнику кажется, что онъ вступаетъ въ святилище тайны и тишины. Лунный свѣтъ проникаетъ сквозь густоту вьющагося повсюду винограда и розмарина, и плески падающей воды призываютъ странника къ предмету его любопытства. Присѣвъ на мраморномъ подножіи фонтана, видишь бассейнъ, покрытый серебряною пеленой, и, кажется, ниспадаетъ завѣса, скрывающая отъ глазъ новый міръ, міръ волшебный, очаровательный!

Гарема вотъ фонтанъ. Еще бѣжитъ понынѣ
Изъ чаши мраморной струя жемчужныхъ слезъ
И ропщетъ томная въ пустынѣ.
Но слава, власть, любовь! — Токъ времени унесъ
Мечтавшихъ здѣсь гордиться вѣчно;
Онъ ихъ унесъ скорѣй и влаги скоротечной (*).

Воображеніе, перенесясь въ минувшее, летаетъ въ сферѣ разсказовъ Шехерезады, проникаетъ въ сокро-

(*) Крымскіе сонеты въ пер. Козлова.

венности гаремовъ, встрѣчаетъ страшныхъ евнуховъ, слѣдуетъ за грознымъ Ханомъ въ мѣсто его таинственныхъ думъ и свиданій.... Но невольно содрогнешься, вспомнивъ, что сей садъ былъ нѣкогда святилищемъ, въ которое, подъ страхомъ неминуемой казни, не смѣлъ проникнуть взоръ смертнаго, кромѣ нѣсколькихъ получеловѣковъ и самого Хана, любовавшагося втайнѣ изъ небольшаго окошка своего кіоска, какъ:

Раскинувъ легкія власы
Здѣсь идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы;
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы. . . .

Изсякшіе фонтаны, уединенныя деревья, припоминаютъ, какъ красавицы....

—«При шумѣ водъ живыхъ
«Надъ ихъ прозрачными струями,
«Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
«Гуляли легкими роями.» —

И оставя мечты, должно сознаться, что Бахчисарайскій садъ еще и доселѣ дышитъ роскошью Востока, роскошью, которая здѣсь даръ самой природы и климата, между тѣмъ, какъ въ лучшихъ Европейскихъ садахъ искусство и природа въ безпрерывномъ соперничествѣ; и доселѣ еще здѣсь бьютъ фонтаны, распространяющіе прохладу, лелѣющіе нѣгу — посреди зноя лѣтняго; благоухаютъ прелестныя розы и розмаринъ, а дикій виноградъ, віясь по столбамъ, поддерживающимъ окружную террасу, образуетъ природный сводъ надъ бассейномъ.

Татарская кофейня въ Бахчисараѣ

Рисовалъ съ натуры П. [illegible]

ТАТАРСКАЯ КОФЕЙНЯ,

ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

Чтобъ получить нѣкоторое понятіе о нѣгѣ Азіятской, надобно побывать въ кофейнѣ близъ ханскаго дворца. Въ какую пору ни войдешь въ нее, она всегда наполнена народомъ; но при всемъ томъ не слышно ни малѣйшаго шуму. Объясняются по большей части тѣлодвиженіями, медленнымъ наклоненіемъ головы, отрывистымъ *пеки, іокъ* (хорошо, нѣтъ), вырывающимися изъ устъ шахматныхъ игроковъ и безмолвныхъ зрителей ихъ искусства. Иногда только ученый Татаринъ, оставляя кофейню, произноситъ стихи изъ Алкорана, или въ которомъ нибудь углу сказочникъ убаюкиваетъ нѣсколькихъ сибаритовъ волшебными небылицами, а того еще рѣже раздаются тихіе, нескладные звуки лютни, или рѣзкій голосъ хозяина кофейни, который, обнося кофе, повторяетъ *джаба* (безденежно), бывъ заплаченъ тайкомъ за все угощеніе кѣмъ нибудь изъ посѣтителей, возложившимъ на себя, по благочестивому усердію, сей гостепріимный обѣтъ. Въ противномъ случаѣ, всякій Татаринъ кладетъ въ сундукъ 5 копѣекъ за чашку кофе безъ сахара, а гривну съ сахаромъ, такъ, что хозяинъ и не заботится о вѣрности уплаты. Это черта честности сего народа.

Татары, въ которыхъ почти вездѣ замѣтна живость и заботливость, въ Крыму заимствовали много

отъ Турокъ, съ которыми трудно ихъ различить. Взгляните на этого Татарина съ сѣдою бородою. Съ самаго утра онъ забрался за рѣшетку, и не перемѣнитъ своего положенія: сидитъ безмолвно на широкомъ диванѣ, поджавъ ноги и по временамъ пуская вокругъ себя облака густаго дыма изъ кальяна! Вотъ, что называется у Мусульманъ — *дѣлать кейфъ*, вотъ, что почитается роскошью, услажденіемъ жизни на югѣ и востокѣ! У насъ, на сѣверѣ, отдыхъ есть средство къ новому труду; тамъ, напротивъ, на трудъ смотрятъ, какъ на средство доставлять себѣ наслажденіе бездѣйствіемъ тѣла и дремотою чувствъ, коихъ пробужденіе у Азіятцевъ бываетъ буйно и грозно.

Отстранивъ участіе женщинъ, лишенные наслажденій домашней и общественной жизни, Магометане придумали замѣнить то и другое наслажденіемъ общественнаго *уединенія* и *бездѣйствія*, къ чему располагаетъ душу и тѣло вліяніе самаго климата. Житель Востока въ самой кофейнѣ, посреди толпы людей — *одинокъ* и неподвиженъ. Улыбка довольства, когда въ безмолвіи важной думы глотаетъ онъ ароматическій свой кофе, замѣняетъ ему прелесть Европейскихъ бесѣдъ, а струи дыма, выпускаемыя изъ спѣсиво надувающихся щекъ, кажутся для него какъ бы краснорѣчивымъ отвѣтомъ на самый жаркій разговоръ.

Жены ихъ также собираются въ свои роскошныя бани — по цѣлымъ часамъ и даже по цѣлымъ днямъ проводить время въ тихой нѣгѣ, угощая одна другую шербетомъ и конфектами, прыскаясь и натираясь благовоніями, или, въ молчаніи, забавляясь пляскою и играми своихъ невольницъ.

КУЧУКЪ-ЛАМБАТЪ.

Не далѣе какъ за 10 лѣтъ предъ симъ, *Кучукъ-Ламбатъ*, принадлежащій Генералъ-Лейтенанту А. М. Бороздину, могъ исключительно назваться будуаромъ южнаго берега Крыма. Опытный, просвѣщенный хозяинъ на небольшомъ пространствѣ умѣлъ собрать и выставить всѣ красоты прелестной, величественной природы очаровательнаго Крыма, умѣлъ воспользоваться всѣми дарами ея: въ саду рѣдчайшія деревья не только всего Крыма, но и знойныхъ тропиковъ Америки и Африки; тѣнистыя лимонныя, апельсинныя рощи, лавры, піонное дерево, магнолія grandiflora, большецвѣтная вервена, высоко бьющіе водометы, распространяющіе нѣгу прохлады, вмѣстѣ съ моремъ ароматовъ, несущихся изъ тысячи клумбъ, пестрыхъ, какъ ковры Персидскіе, разбросанныхъ искусною рукою между вьющимися гладкими дорожками. Съ одной стороны кипарисы, возвышаясь колоннами, ограждаютъ живою стѣною предѣлы сада, съ другой, стройные ряды виноградниковъ открываютъ величественной Аюдагъ

(Медвѣдь-Гору) во всей ужасной красѣ; у подошвы ея стелется необозримое море.

Люблю я, опершись на скалу Аюдага,
Смотрѣть, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,
Какъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, то пылью снѣговой (*).

А сзади Султанскій Хребетъ, возвышаясь до облаковъ, удерживаетъ какъ желѣзнымъ щитомъ, порывы всесокрушающаго сѣвернаго вѣтра, который не дерзаетъ нарушать весны, вѣчно цвѣтущей въ семъ обѣтованномъ вертоградѣ. Къ довершенію прелестей здѣшней природы, киньте взглядъ на бѣленькія хижины, разбросанныя по неровностямъ сѣдой скалы: онѣ какъ орлиныя гнѣзда, кажется, колеблются, прикрѣпленныя на острыхъ гребняхъ гранита и порфира. У саду изобильныя ловли устрицъ, и тутъ же устроена самою природою спокойная бухта для пристани судовъ. Наконецъ у гостепріимнаго хозяина отличный поваръ, погреба полны Французскихъ винъ, а для ума не менѣе обильная и вкусная пища: въ щегольски убранномъ домѣ богатая библіотека и лучшіе Европейскіе журналы.

Одинъ только Юрзуфъ соперничествовалъ съ Кучукъ-Ламбатомъ, за 10 лѣтъ предъ симъ; но съ тѣхъ поръ, какъ на берега Тавриды, словно очарованіемъ, перенесены съ береговъ Тибра, Рейна, Темзы, Сены, Гвадалкивира, ихъ богатыя виллы, ихъ готическіе замки, ихъ прелестныя котеджи, ихъ безчисленные виноградники, съ тѣхъ поръ, какъ искусство, вкусъ и великолѣпіе воцарились въ Алупкѣ, Мазандрѣ, Оріандѣ, Партенитѣ, Мартьянѣ, Хоренсѣ, Мусьхорѣ, Ку-

(*) Переводъ Козлова Крымскихъ сонетовъ.

чукъ-Ламбатъ и бывшіе тогда единственные Англійскіе его сады должны уступить послѣднимъ. По крайней мѣрѣ за нимъ остается навсегда право старѣйшинства: хозяинъ Кучукъ-Ламбата первый указалъ, какъ на краю Скиѳіи, за стѣною Чатырдага, можно быть гражданиномъ вселенной, можно слѣдить ходъ политики и просвѣщенія въ цѣломъ мірѣ, наслаждаться всѣми утонченными удовольствіями столицъ!

Гладкое, широкое шоссе, проведенное нынѣ по южному берегу, доставляетъ величайшее удобство, для путешественниковъ: за то исчезла вся поэзія ужаса прежняго образа странствованія верхомъ по скаламъ надъ Крымскими пропастями, въ особенности труднаго и опаснаго вокругъ Кучукъ-Ламбата, начиная съ Темиръ-Капо (желѣзныхъ воротъ); когда узкая, скользкая тропинка, вьющаяся по изгибамъ берега, подъ навѣсомъ скалы, при малѣйшемъ дождѣ часто дѣлалась непроходимою для самыхъ привычныхъ лошадей Татарскихъ; когда тучка, упавшая съ неба производила пѣнящіеся каскады, несла съ вершинъ горъ камни и деревья, заслонявшіе стезю путника, и кажется, для того, чтобъ тѣмъ болѣе придать красоты Кучукъ-Ламбату, увеличить цѣну отдохновенія въ пріютѣ гостепріимства и роскоши.

Ламбатъ есть не что иное, какъ древній Лампасъ, почему И. М. Муравьевъ-Апостолъ очень основательно опредѣляетъ здѣсь мѣсто древняго Кріумстопопа.

TAGANROG

ТАГАНРОГЪ.

Объѣзжая обширную Россію, можно убѣдиться опытомъ, что почти все отличное, все полезное первоначально заведено или указано Петромъ Великимъ. И Таганрогъ обязанъ своимъ существованіемъ сему великому Царю.

Нѣтъ сомнѣнія, что при взятіи Азова, въ 1695 году, Петръ I имѣлъ въ виду возобновленіе древняго торга Россіянъ съ Востокомъ, и для прочнѣйшаго обезпеченія онаго, основалъ портовый городъ на ближайшемъ возвышенномъ мысѣ, вдавшемся въ Азовское Море, назвавъ оный Троицкомъ на Таганьемъ Рогу. Исполненіе сего дальновиднаго предпріятія поручено было отъ монарха извѣстному Англійскому инженеръ-капитану Перри, который промѣрялъ съ величайшею точностію и подробностію все Азовское Море до самой Керчи. Уже мощною рукою Великаго Петра пустой мысъ сей, на коемъ найдена была одна каменная башня, служившая издревле маякомъ для судовъ, ходившихъ къ Азову, превратился въ хорошо устроенную крѣпость съ прочною гаванью; уже по-

ложено было начало многимъ нужнымъ для того заведеніямъ, когда по силѣ мирнаго договора, при Прутѣ заключеннаго, должно было Петру I-му не только разрушить все начатое имъ здѣсь, но оставить и всѣ виды свои на Востокъ. Перенесено побѣдоносное оружіе Русское на сѣверъ, въ Балтикѣ пріобрѣтены и заведены многіе порты, а Таганрогъ оставался въ запустѣніи до 1769 года, когда открылась, такъ называемая, первая война Турецкая.

Екатерина II, угадывавшая великія предначертанія великаго Предшественника своего, при первой возможности обратила вниманіе свое на Таганрогъ, и для вспомоществованія торговымъ сношеніямъ сего города съ Левантомъ, пріобрѣтено было Россіею, при заключеніи Кайнарджискаго мира, право свободнаго плаванія по Черному Морю, съ присоединеніемъ Керчи и Еникале, яко ключей къ безпрепятственному сообщенію онаго съ Азовскимъ Моремъ. Въ мудрое царствованіе ея присыланъ былъ сюда извѣстный инженеръ-генералъ де-Воланъ, для освидѣтельствованія и донесенія правительству обо всемъ, что будетъ нужно къ приведенію пристани въ цвѣтущее состояніе. Военныя обстоятельства остановили исполненіе полезныхъ предположеній генерала де-Волана; но не смотря на то, мѣстныя выгоды Таганрога превозмогли природныя неудобства порта, и торговля онаго усиливалась и распространялась ежегодно болѣе и болѣе, такъ что въ скорости важностію торговыхъ оборотовъ не уступала Одесской.

Въ царствованіе блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича, для ободренія и пособія Таганрогской торговли, учреждены

разныя конторы, какъ то: промѣнная, банковая, учетная и карантинная; основанъ коммерческій судъ, появились маклера, возродилось нѣсколько богатыхъ торговыхъ домовъ, выстроено на биржѣ, частными людьми, болѣе 175 каменныхъ складочныхъ анбаровъ, и завелись нужныя артели. Остается обратить вниманіе на углубленіе гавани, весьма засорившейся, и устроеніе по ней пристаней и помостовъ. Недостатокъ въ сихъ послѣднихъ заставляетъ нагружать перевозныя лодки (кои также за мелководіемъ останавливаются на якорѣ не ближе 200 и 250 саженъ отъ берега), можно сказать, необыкновеннымъ образомъ сухопутно по водѣ. Зрѣлище сіе есть единственное, нигдѣ болѣе не представляющееся (*). Надлежитъ представить себѣ обозы, тянущіяся линіею по морю иногда такъ, что изъ воды видны бываютъ однѣ лошадиныя головы и намосты, утверждаемые сверхъ телѣгъ на столбикахъ для сбереженія товару отъ подмочки. Веселые возчики, сидя на нихъ безпечно, попѣваютъ пѣсенки, или забавляются плескомъ морскихъ волнъ. Въ тоже время мочные жилистые работники катятъ по морю огромныя бочки съ масломъ, виномъ, водкою! Нерѣдко случается, что вѣтромъ внезапно разведетъ столь большое волненіе въ морѣ, что обозы должны бываютъ ворочаться съ полдороги, а иногда стоять на берегу по нѣскольку дней съ грузомъ. Съ другой стороны, сильные сѣверозападные вѣтры, угоняя море на 20 и болѣе верстъ отъ береговъ, не допускаютъ пе-

(*) Сіе изображено, по возможности, на приложенной при семъ картинкѣ. Надобно замѣтить, что стоитъ большаго труда пріучить лошадей брести по уши въ водѣ, и везти еще грузъ отъ 20 до 25 пудъ! Для сего избираются самыя рослыя лошади.

ревозныя лодки приближаться къ онымъ съ грузами, принятыми ими съ кораблей, которые, вообще носящіе свыше 120 ластовъ, вынужденными находятся останавливаться въ 10, 15 и болѣе верстахъ отъ порта, и на открытомъ морѣ терпѣть все сіи неудобства (*). Но этимъ онѣ еще не оканчиваются: корабли получившіе полный грузъ и ходящіе нѣсколько глубоко, должны брать съ собою каботажныя лодки чрезъ все Азовское Море, и даже до Еникале, гдѣ опять принуждены бываютъ сгружать на нихъ значительную часть своей тяжести, отъ чего нерѣдко теряютъ драгоцѣнный попутный вѣтеръ (**).

Эти и другія важнѣйшія неудобства, терпимыя для безопасности цѣлаго края, именно выдерживаніе кораблями въ Керчи 16 обсерваціонныхъ дней и полнаго карантиннаго срока по приходѣ въ Таганрогъ, причиною, что, не смотря на близость Константинополя, отстоящаго въ трехъ дняхъ пути отъ береговъ Крыма, корабли не въ состояніи въ цѣлую навигацію сдѣлать болѣе одной поѣздки; причемъ должно еще замѣтить, что большія купеческія суда и совсѣмъ не могутъ входить въ Азовское Море: раннее наступленіе осени и зимы, въ Сентябрѣ бури, а въ Октябрѣ покрытіе, нерѣдко, льдомъ рейда, гонятъ корабли изъ сего опаснаго моря, и заставляютъ пользоваться только тремя лѣтними мѣсяцами.

Велики, необоримы кажутся сіи препятствія для процвѣтанія торговли въ Таганрогѣ; тѣмъ не менѣе,

---

(*) Таганрогскій рейдъ, не ближе какъ въ 15 верстахъ отъ гавани, имѣетъ 14 футовъ глубины.

(**) Глубина Еникальскаго канала не болѣе 13-ти футовъ.

постоянное обращеніе значительной части торговли чрезъ Таганрогъ, служитъ доказательствомъ важныхъ преимуществъ и примaнчивыхъ выгодъ, коими обладаетъ сей портъ. Съ одной стороны Волга и Донъ, сіи неисчерпаемые источники изобилія, влекутъ по теченію своему богатства внутреннихъ губерній Россіи, Сибири, Астрахани и Донской Земли, доставляя желѣзо, медъ, икру, масло, сало, юфть, лѣсъ, и проч. Съ другой, обширныя плодоносныя степи, окружающія отвсюду Таганрогъ, покрытыя хлѣбными полями и тучными пажитями, снабжаютъ такимъ обиліемъ, которое доставляетъ возможность продавать по самымъ низкимъ цѣнамъ всѣ роды жизненныхъ потребностей въ Таганрогъ. Сверхъ того, пшеница, вывозимая изъ сего порта, почитается лучшею предъ всѣми другими, и въ чужестранныхъ приморскихъ городахъ продается дороже. Сухопутное доставленіе сюда товаровъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, несравненно дешевле прочихъ Черноморскихъ портовъ: ибо кромѣ видимой близости Таганрога къ внутреннимъ губерніямъ Россіи, возчики для обратнаго пути находятъ здѣсь всегда себѣ клажу, если не заграничныхъ товаровъ, то рыбы, которою изобилуютъ здѣшнія окрестности (*).

Изъ сего краткаго обозрѣнія Таганрога, явствуетъ, что природа, отказавъ ему въ качествахъ хорошаго приморскаго порта, предоставила въ замѣну, такъ сказать, соединила въ немъ всѣ выгоды, всѣ удобства для произведенія каботажной или перевозной торговли, которая по справедливости почитается у всѣхъ

(*) Большая часть иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Таганрогъ, отправляется сухимъ путемъ въ Москву, и иногда до Мценска, гдѣ нагружаются на барки, идущія въ сію столицу.

торговыхъ народовъ полезнѣйшею отраслію промышлености, и у многихъ была основаніемъ купеческихъ и военныхъ флотовъ, и жизнію внутреннихъ сообщеній между портами. Извѣстно, что нѣкоторыя правительства запрещаютъ подъ строгими взысканіями производить у себя каботажъ иностранцамъ, боясь уступить чужимъ собственные свои способы. Таковъ навигаціонный актъ Англіи.

Здѣсь, по легчайшему направленію правительства, тысячи лодокъ готовы поддержать сію выгоду безъ всякихъ со стороны казны издержекъ. Храбрые Донцы имѣютъ уже и теперь болѣе 300 лодокъ, а Татары, живущіе по берегамъ Азовскаго Моря, и Маріупольскіе Греки весьма скоро могли бы быть приспособлены къ производству каботажа, и обратясь въ сродное ихъ происхожденію состояніе, были бы несравненно болѣе себѣ и государству полезны.

Азовское Море, по распоряженію правительства, объявлено практическимъ, и важность Таганрога время отъ времени возрастаетъ, и вѣроятно еще болѣе увеличилась бы, если бы приведено было въ исполненіе исполинское предпріятіе Петра Великаго, соединить Волгу съ Дономъ, которое открыло бы легчайшіе пути торговлѣ къ сбыту произведеній изъ внутри Россіи и Сибири, такъ и обратно къ доставленію избытковъ Востока. Между тѣмъ, нынѣшній образъ перевоза оныхъ чрезъ переволокъ отъ Дубовки до Качалинской станицы на волахъ усовершенствованъ до такой степени, что перевозятъ, безъ затрудненія и за дешевую цѣну, цѣлыя барки, не разбирая ихъ, на возахъ особеннаго устройства, съ широкими ступнями въ родѣ колесъ. Кажется, видишь предъ собою оживленную древнюю

переправу по сушѣ судовъ Олега, и что недовѣрчивость строгихъ историковъ почитала сказкою, то оживаетъ въ дѣйствительности! Гладкая, крѣпкая дорога, представляющаяся на всемъ пространствѣ 56 верстъ отъ Дубовки до Качальни, доставляетъ удобство перевозить во всякое время года большія тягости, такъ, что пара воловъ тянетъ весьма легко 100 пудъ и совершаетъ сей путь почти въ двое сутокъ.

Торговля въ Таганрогѣ возникла по переводѣ въ оный въ 1776 году изъ Семерюнка (что близъ Ростова) таможни. Мѣстомъ симъ управляли первоначально командовавшіе Азовскою флотиліею, потомъ коменданты Таганрогской крѣпости, а съ 1803 года, градоначальники.

Городъ занимаетъ пространство земли 600 десятинъ 590 саженъ. Жителей считалось въ немъ, въ 1825 году, болѣе 8000 мужескаго и женскаго пола. Главныя занятія ихъ состоятъ въ торговлѣ особенно хлѣбомъ. Въ прежнее время, рыболовство также доставляло имъ значительное обогащеніе; но съ 1819 года, по запрещеніи производить ловлю рыбы нѣкотораго рода спастями и по назначеніи границъ, гдѣ оная дозволяется, сія промышленость менѣе значительна.

Многія зданія въ Таганрогѣ очень хорошей архитектуры; есть нѣсколько и огромныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ; главная улица, красотою строеній, также какъ шириною и правильностію своею могла бы служить украшеніемъ столицы, Она убита довольно крѣпкимъ камнемъ, и отъ того никогда не бываетъ грязною, между тѣмъ, какъ другія непроходимы, во время дождей осенью и весною. Греческая улица заключаетъ въ себѣ также мно-

го хорошихъ домовъ и, бывъ выстроена ближе къ берегу, доставляетъ выгоды пріятныхъ видовъ на море и отдаленные берега.

Церквей считается въ Таганрогѣ болѣе 10. Домовъ обывательскихъ: каменныхъ 197, деревянныхъ 694.

Общественныя заведенія.

Домъ Призрѣнія Бѣдныхъ, содержится на счетъ частныхъ приношеній и помѣщается въ каменномъ домѣ, пожертвованномъ извѣстнымъ благотворителемъ Варваціемъ, который подарилъ городу еще дачу и домъ для заведенія предполагаемаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, для чего уже собрано отъ разныхъ приношеній до 11 тысячъ рублей.

Гимназія и Нормальная Школа.

Коммерческое Собраніе.

Городовой Садъ. Подъ нимъ земли 12 десятинъ 1720 саженъ. Онъ заведенъ бывшимъ здѣсь градоначальникомъ, Барономъ Кампенгаузеномъ, и посѣщается нерѣдко здѣшнею публикою, которая особенно избрала для своихъ прогулокъ главную аллею, обсаженную орѣховыми деревьями, и ведущую къ бесѣдкѣ. Сія послѣдняя заключаетъ въ себѣ огромную залу, а въ саду посажено до 5000 вишневыхъ деревъ.

Городовая Роща, занимающая 100 десятинъ и 1650 саженъ земли, находится въ 5 верстахъ, и доставляетъ также пріятное гулянье для жителей Таганрогскихъ.

Частныя заведенія.

Гостиница. Къ сожалѣнію, не въ лучшемъ положеніи.

Два трактира, содержатся болѣе на Азіятскій образецъ, чѣмъ на Европейскій.

Заводы: водочные, салотопные, кирпичные, черепичные, и проч. *Фабрики:* канатныя, макаронныя, кузницы, вѣтряныя мельницы, коихъ до 25.

Учрежденія, зависящія отъ градоначальства.

Строительный Таганрогскій Комитетъ.

Таможня. Мѣсто, занимаемое Таможнею и принадлежащими къ ней анбарами, находится подъ горою на сѣверозападной сторонѣ оной, и занимаетъ довольно большое пространство. Анбары расположены большею частію по самому прибрежію морскому, а нѣкоторая часть оныхъ пристроена къ горѣ, такъ что посрединѣ ихъ составилась гладкая площадка. Они принадлежатъ частнымъ людямъ, и товары, за неимѣніемъ казенныхъ, сохраняются въ нихъ, какъ оплаченныя, такъ и не оплаченныя пошлиною. Для пѣшеходцевъ устроена съ пристани прекрасная каменная лѣстница, на сумму, пожертвованную Грекомъ де-Пальдою, который завѣщалъ, при смерти своей, 15 тысячъ рублей для сего предмета. Лѣстница идетъ прямо въ Греческую улицу, и на верху оной сдѣлана площадка въ родѣ открытой террасы со скамьями. Невольнымъ образомъ отдохнешь здѣсь лишніе полчаса, ибо видъ на рейду, особливо ввечеру, когда возвращаются всѣ каботажныя лодки и замелькаютъ огоньки въ каютахъ, очень хорошъ.

Говоря о Таможнѣ, кстати сказать нѣсколько словъ и о торговлѣ здѣшняго порта. Въ 1825 году, пришло

сюда, подъ различными флагами, 212 кораблей, привезено товаровъ и иностранной монеты на 3 милліона рублей. Отбыло отъ порта кораблей съ грузомъ 217; товаровъ отпущено за границу на сумму до 5 милліоновъ рублей. Таможеннаго дохода, за привозимые и отвозимые товары, получено 1,325,000 рублей.

Карантинъ находится на другой сторонѣ города, въ 5 верстахъ. Рейда раздѣлена на карантинную и практическую. Суда, на нихъ стоящіе, останавливаются въ разстояніи трехъ верстъ отъ Карантина, исключая большіе, которые становятся еще далѣе. Для осмотра кораблей, назначаются двѣ брантвахты изъ Черноморскаго Флота.

По отдаленности Карантина отъ Биржи, учреждено на оной карантинное биржевое отдѣленіе, для осмотра товаровъ, выгруженныхъ прямо изъ судовъ на Биржу. Оно имѣетъ особеннаго своего директора.

Таможенная береговая стража разставлена отъ Таганрога, по правую сторону на 450 верстъ, и лѣвую, на 680 верстъ, и состоитъ изъ 4 дистанцій.

Для указанія отмелей, устроены на берегахъ два каменные маяка, одинъ на Бѣлорусской Косѣ, а другой на мысѣ Фанасѣ, да 6 бакеновъ, поставленныхъ на косахъ, вмѣсто бывшихъ пловучихъ маяковъ, пришедшихъ отъ ветхости въ совершенную неспособность.

Греческій Магистратъ завѣдываетъ одними только Греками: купечество освобождено отъ взноса процентовъ съ капитала, а мѣщанство отъ подушныхъ, участвуя только въ земской повинности и бывъ навсегда избавлено отъ рекрутства.

Въ Таганрогѣ бываютъ двѣ ярмарки: одна изъ нихъ, 9 Мая, въ день Св. Николая, а другая 15 Ав-

густа въ праздникъ Успенія Богородицы. Къ городу принадлежатъ еще разныя Греческіе дачи и хутора, расположенные на берегахъ моря и при рѣкѣ Міусѣ, и Николаевская волость, имѣющая три селенія съ хуторами. Жители оной большею частію Малороссіяне, поселившіеся здѣсь съ давняго времени. Главное занятіе ихъ хлѣбопашество.

Остается кинуть общій взглядъ на Таганрогское Градоначальство. Оно состоитъ изъ городовъ: Таганрога, Ростова, Нахечивани, и Маріуполя, съ принадлежащими къ нимъ селеніями и хуторами. Тучная почва земли съ избыткомъ награждаетъ труды земледѣльца. Мѣста, прилежащія къ морю, гористы и изобилуютъ строевымъ камнемъ.

Таганрогское Градоначальство граничитъ съ землями Донскаго Войска и съ Екатеринославскою Губерніею, прилегая съ другой стороны къ Азовскому Морю; Маріупольскій Округъ ограничивается съ запада Таврическою Губерніею. Въономъ протекаютъ: Донъ, Міусъ, Кальміусъ и многія другія небольшія рѣчки; лѣсовъ и озеръ нѣтъ.

Жителей въ округѣ Таганрогскаго Градоначальства считается около 52 тысячъ мужескаго и болѣе 27 тысячъ душъ женскаго пола, большею частію изъ Грековъ и Армянъ, еще доселѣ соблюдающихъ многіе восточные обычаи.

Почтовыхъ дорогъ на земляхъ градоначальства 3, а станцій 7.

Таганрогъ, подобно всѣмъ портамъ, оживаетъ ежегодно при начатіи торговаго сообщенія; улицы наполняются людьми разныхъ племенъ. Здѣсь еще можно видѣть Турецкія суда, строящіяся по древней Вене-

ціянской или Рагузинской конструкціи, признанной неудобною: корма и носъ возвышаются въ равной линіи, и переломъ на срединѣ въ видѣ дуги.

Прогулка на катерѣ очень пріятна. Она можетъ лучше всего ознакомить съ положеніемъ Таганрога, и даетъ возможность подивиться игрѣ природы, какъ будто нарочно для сего выдвинувшей гору въ море, и по обѣимъ сторонамъ образовавшей гавани. Можно представить, какъ сіе удобство поразило Петра Перваго, помышлявшаго о заведеніи флотовъ въ Россіи, и глядѣвшаго отсюда зоркими глазами на Востокъ. Какъ тяжело было для него разстаться съ симъ драгоцѣннымъ мѣстомъ, послѣ несчастія при Прутѣ; но онъ, кажется, не совсѣмъ терялъ надежду возвратиться, при первомъ случаѣ, къ своимъ любимымъ предположеніямъ, и писалъ къ Апраксину: «Не теряйте «изъ виду, при разрушеніи укрѣпленій, что они намъ «впередъ пригодятся.» И точно, большая часть укрѣпленій, и въ особенности оборонительная линія отъ Міуса къ морю, осталась безъ большаго поврежденія до сихъ поръ.

Таганрогъ не можетъ похвалиться климатомъ. Хотя жары здѣсь нерѣдко прохлаждаются морскими вѣтрами, дующими большею частію съ юго-востока или сѣверо-запада, но при сихъ послѣднихъ море уходя далеко, оставляетъ тиноватое ложе свое, что и производитъ зловредныя испаренія. Съ другой стороны, осень дождлива и обильна густыми туманами.

Еще замѣчательно въ Таганрогѣ, что, не смотря на обширную его торговлю, и множество лавокъ, здѣсь мало капиталистовъ и не встрѣчается товаровъ, относящихся къ роскоши: первое происходитъ отъ того,

что всѣ здѣшніе обороты дѣлаются прикащиками, бывающими здѣсь наѣздомъ, а другое отъ того, что большая часть жителей состоитъ изъ Греческихъ шхиперовъ или торговцевъ бакаліею, которые, пріобрѣтая себѣ небольшой капиталъ, не измѣняютъ ни сколько привычкѣ жить умѣренно и бережливо.

Заключу сію статью пріятною данью великодушію Варвація, который и здѣсь оставилъ по себѣ незабвенный памятникъ; соорудивъ на собственный счетъ великолѣпный монастырь, онъ обезпечилъ навсегда его существованіе, положивъ для него въ Ломбардъ 6,0000 рублей. Архимандритъ и прочее духовенство перемѣняются чрезъ каждыя пять лѣтъ, пріѣзжая изъ Іерусалима.

Но извѣстность Таганрога болѣе всего утверждается въ Исторіи воспоминаніемъ о кончинѣ здѣсь Императора Александра I, 19-го Ноября 1825 года, въ 10 часовъ и 50 минутъ утра.

Дѣянія сего великаго Монарха, совершившаго съ такою славою свое земное поприще, есть достояніе Исторіи, а потому и скажемъ только нѣсколько словъ о послѣднихъ минутахъ его жизни въ Таганрогѣ.

Осенью 1825 г., Императоръ отправился въ Таганрогъ для свиданія съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, которою Таганрогъ былъ избранъ временнымъ пребываніемъ, по совѣту врачей, соотвѣтственно ея болѣзни. 1-го Сентября, Государь оставилъ столицу — и навсегда!

Къ необыкновенному стеченію случаевъ, замѣченныхъ при семъ горестномъ событіи, воспоминаютъ, что Александръ подъѣхавъ къ Пулковой Горѣ, велѣлъ остановиться коляскѣ и, взойдя на гору, стоялъ

нѣсколько минутъ, смотря на Петербургъ, а отъѣзжая изъ Царскаго Села, объѣхалъ оное кругомъ, какъ бы прощаясь навсегда съ любимымъ своимъ жилищемъ, между тѣмъ какъ дорожная коляска его была уже давно подана къ крыльцу. Камердинеръ Его Величества полюбопытствовалъ знать, когда можно ожидать Государя назадъ. Александръ указавъ на образъ Спасителя, сказалъ: *«Ему одному извѣстно это!»*

Проведя нѣсколько времени съ Августѣйшею Супругою своею въ спокойствіи уединенія, и видя ея здоровье чувствительно поправляющимся отъ благорастворенннаго воздуха, Императоръ вознамѣрился обозрѣть Крымъ и близлежащія при-Донскія области, но при посѣщеніи Георгіевскаго Монастыря, почувствовавъ себя дурно, отъ внезапно подувшаго сильнаго вѣтра съ моря, онъ не поѣхалъ далѣе, и возвратился въ болѣзненномъ состояніи. Вскорѣ открылись припадки лихорадки, и въ нѣсколько часовъ недугъ усилился въ такой степени, что, не смотря на крѣпкое сложеніе и примѣрную терпѣливость Государя, онъ долженъ былъ лечь въ постелю.

9-го числа больной почувствовалъ облегченіе, но не надолго. Вскорѣ послѣдовала сильная нервическая горячка, которая увеличилась до такой степени, что Государь, съ 12 по 15-е число, находился почти безпрестанно въ безпамятствѣ и страданіяхъ. 15-го, войдя въ себя, онъ пріобщился Святыхъ Таинъ и, казалось, теплая вѣра и твердость духа, съ коими онъ исполнилъ сей утѣшительный долгъ христіанства, изліяли благодать Божію на страдальца: къ вечеру жаръ утихъ и онъ успокоился. Послѣ причастія, по-

цѣловавъ Животворящій Крестъ, поднесенный священникомъ, Государь произнесъ прерывающимся, но выразительнымъ голосомъ: *«Я никогда не бывалъ въ «такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахо«жусь теперь.»*

На другой день, Августѣйшій больной былъ въ самомъ опасномъ положеніи; но 17-го числа, опять сдѣлалось ему легче, и такъ хорошо, что врачи получили надежду. Государь узналъ всѣхъ его окружавшихъ, и съ Императрицею, не отлучавшеюся отъ больнаго во все время его страданій, разговаривалъ довольно продолжительно и твердо. Взявъ руку Государыни, онъ прижалъ ее къ сердцу. Съ утѣшительною надеждою протекъ и слѣдующій день; но 19-го, нервическіе припадки снова усилились, жаръ и безпокойство возрасли до высочайшей степени: въ 10 съ половиною часовъ, Государь приказалъ открыть окно, взглянулъ на ясный день, сказалъ: *Какое прекрасное время!* и вскорѣ душа его воспарила въ прекраснѣйшія небесныя селенія.

Вѣсть о кончинѣ благословеннаго Монарха дошла до столицы не прежде 27-го Ноября, и распространила всеобщую горесть (*), а для Таганрогскихъ жителей была тѣмъ поразительнѣе и горестнѣе, чѣмъ живѣе они чувствовали благодѣянія, оказанныя имъ Императоромъ въ короткое время его тамъ пребыванія. Благодѣтельное вниманіе Монарха обращено было не только на все могущее служить къ выгодамъ, но и къ удовольствію Таганрогскихъ жителей,

(*) Нѣкоторые наблюдатели замѣтили, что въ сей день былъ въ Петербургѣ столь густой туманъ, какого никто не запомнитъ.

коимъ пожалована была значительная сумма на улучшеніе общественнаго сада и выписанъ изъ Ропши искусный садовникъ Грей.

И на берегахъ Невы кончина Александра обнаружила множество примѣровъ его доброты и милосердія. Когда сія печальная вѣсть сдѣлалась извѣстною въ гвардейскихъ полкахъ, одинъ изъ кавалергардовъ, зарыдавъ, предался слезамъ, съ горестію необыкновенною. Это обратило на него вниманіе начальства, его стали спрашивать о причинѣ, и онъ нашелся вынужденнымъ признаться, что однажды во время караула во дворцѣ онъ вздремалъ и былъ разбуженъ покойнымъ Императоромъ, который, объяснивъ ему съ кротостію всю важность его преступленія, простилъ его, но съ приказаніемъ не открывать о томъ никому во всю его жизнь, примолвивъ, что если онъ нарушитъ свое молчаніе, то лишитъ Государя возможности спасти его!

Бренные останки Императора Александра были торжественно перевезены изъ Таганрога въ С. Петербургъ, повсюду встрѣчаемые слезами и сопровождаемые благословеніями народа, и положены вмѣстѣ съ его знаменитыми предками въ Петропавловскомъ Соборѣ, 13-го Марта, ровно почти черезъ 25 лѣтъ по восшествіи его на Россійскій престолъ.

Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ сего соединилась съ нимъ въ вѣчности и незабвенная подруга его жизни, Императрица Елисавета Алексѣевна, которая, по кончинѣ Александра, жила, казалось, одною только надеждою на скорое съ нимъ соединеніе у Престола Всевышняго. Государыня скончалась, въ Бѣлевѣ, 4-го Мая 1826 года, на пути изъ Таганро-

га въ Москву, и столь же тихо, столь же мирно, какъ протекла ея жизнь, исполненная высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, которыя тщетно скрывала она подъ покровомъ удивительной кротости. Рѣзецъ Исторіи откроетъ ихъ міру, для подражанія и удивленія потомства.

XXXVII

Керчь

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

КЕРЧЬ,

ДРЕВНЯЯ ПАНТИКАПЕЯ.

Путешественникъ, обозрѣвшій полуостровъ Тамань, можетъ въ пять часовъ перенестись изъ Азіи въ Европу, переѣхавъ въ Керчь чрезъ проливъ, раздѣляющій древнее Тмутараканское Царство отъ древней Пантикапеи. Хотя и здѣсь ширина Босфора Киммерійскаго не болѣе 30 верстъ (*), но, при недостаткѣ въ Тамани большихъ и надежныхъ судовъ для плаванія, переѣздъ сей, при малѣйшемъ вѣтрѣ, не безопасенъ. Какъ привлекательно представляется Керчь взорамъ путешественника, приближающагося къ ней въ ту самую минуту, когда заходящее солнце освѣтитъ ее яркимъ лучемъ своимъ, вырвавшимся изъ-за Митридатовой Горы, у подошвы коей расположенъ сей небольшой, но красивый городокъ, и предъ глазами открытъ

(*) Самая большая ширина между Заливами Таманскимъ и Керченскимъ; самая меньшая отъ Еникаля до сѣверной косы 4 версты, и столько же отъ Павловской баттареи до южной косы.

весь портъ, по справедливости славящійся сходствомъ своимъ съ Константинопольскимъ. Въ вечеру видъ сей еще очаровательнѣе, когда зажгутся огни въ хижинахъ, разсѣянныхъ по отлогости горы. Портъ сей состоитъ изъ залива, вдавшагося на 5 или на 6 верстъ въ особый полуостровъ, и раздѣляется на два бассейна крѣпостію, у основанія коей еще видны въ водѣ остатки древней плотины. Кромѣ обширности, портъ сей, огражденный со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и волнъ морскихъ, удобенъ и безопасенъ до такой степени, что шхипера купеческихъ кораблей, для сбереженія канатовъ, ставятъ на зимовку суда свои, единствено въ тинистое дно, и корабли могутъ находить здѣсь пристанище во всякое время. Сіи преимущества порта и многочисленныя удобства и выгоды торговли, объясняютъ причины блистательнаго состоянія древней столицы Босфорскаго Царства и богатыхъ въ ней заведеній Генуэзцевъ и Венеціянъ.

И не будучи страстнымъ любителемъ древностей, ни обожателемъ изящной природы, нельзя оставаться равнодушнымъ при видѣ картинъ, открывающихся съ славной Митридатовой Горы, съ того мѣста, которое называется *креслами Митридата*. И можно вѣрить преданію, что знаменитый царь Понта, Колхиды и Босфора, заставлявшій трепетать Римъ, нерѣдко приходилъ сюда обозрѣвать свое царство?

Съ одной стороны открывается грозное Черное Море съ синѣющимися берегами Абхазіи, теряющейся изъ вида въ отдаленной синевѣ воздушной, мысъ Таманскій рисуется въ волнахъ пролива Киммерійскаго, а тамъ степь полуострова Крымскаго, похожая также на море, отъ безчисленнаго множества кургановъ, се

покрывающихъ, и представляющихъ какъ будто безпрерывное волненіе.

Пантикапея, какъ и всѣ древніе города, лежавшіе по обоимъ берегамъ Киммерійскаго Босфора, была основана Милезійцами. Еще въ древности славилась пристань ея, покрытая лѣсомъ мачтъ, крѣпость, хранилище оружій, сады, обилующіе роскошными плодами. Митридатъ, заставившій Перисада II уступить себѣ Понтійское Царство, прибавилъ много къ великолѣпію знаменитаго города, и если бъ его великіе замыслы не остановлены были бѣдственнымъ концемъ его послѣдней войны съ Римлянами и возстаніемъ противу него, сына его, Фарнака, то, вѣроятно, Пантикапея была бы возведена имъ на степень перваго торговаго города въ мірѣ, и сдѣлалась бы соперницею самому Риму.

Нѣтъ сомнѣнія, что видимые остатки плитъ и камней, названные Митридатовыми креслами, составляли башню, устроенную на вершинѣ сей горы. Слѣды лѣстницы убѣждаютъ въ семъ предположеніи. Нельзя не пожелать, чтобы выполнилась счастливая мысль, устроить на площадкѣ, выдавшейся къ сторонѣ моря, великолѣпное зданіе въ древнемъ вкусѣ, для помѣщенія музеума, составленнаго изъ вещей, находимыхъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ (*). Такимъ образомъ сохранились бы памятники лучшаго времени Греческихъ искусствъ, изъ коихъ многія погибали безвозвратно, пока не обратилось на сей предметъ вниманіе просвѣ-

---

(*) Счастливая мысль сія уже и выполнена съ блестящимъ успѣхомъ, и зданіе уже построено, которое фасадомъ своимъ напоминаетъ древній храмъ Тезея, въ Аѳинахъ.

щенныхъ изыскателей и цѣнителей древности. Первая мысль къ изысканію памятниковъ древности въ Керченскихъ курганахъ принадлежитъ покойному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову; по порученію его, Г. дю-Брюксъ, Керченскій житель, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ раскапывалъ здѣшніе курганы, и говорятъ, доставилъ Графу многія достопамятности. Но примѣчательнѣйшимъ изъ открытій, было открытіе склепа на Золотомъ Курганѣ Г. капитаномъ 1-го ранга Папаніоти, причемъ найдены были многія драгоцѣнныя вещи изъ янтаря, какъ то: 1) кольцо въ 19 вершковъ въ окружности, со львиными головками по концамъ; 2) нѣсколько статуй изъ янтаря же, изображающія, по мнѣнію нѣкоторыхъ антикваріевъ, Геркулеса Филопатійскаго; 3) серебряное яблоко, покрытое барельефами, служившее, безъ сомнѣнія, булавою жезлу полководца; 4) бронзовая чаша, употреблявшаяся древними при жертвоприношеніи; 5) глиняная амфора, съ надписью: Яварисъ, сынъ Аристоновъ; 6) нѣсколько золотыхъ зарукавьевъ, множество стрѣлокъ, колецъ, золотыхъ пуговокъ, бахрамы тончайшей филаграмовой работы, и т. п. Кости скелета, вокругъ коего найдены сіи вещи, величины необычайной. Г Бларамбергъ издалъ, въ 1822 году, любопытное описаніе сихъ древностей; но, къ сожалѣнію, онѣ не дошли до него вполнѣ, а потому долженъ онъ былъ о многомъ судить гадательно, особенно на счетъ амфоръ, которыя, кажется, не всегда заключали въ себѣ пепелъ; ибо за пять лѣтъ предъ симъ открыта была могила не далеко отъ первой, въ которой нашли урну съ пепломъ, а вокругъ нея амфоры, поставленныя въ видѣ пирамиды, и на срединѣ каждой была особен-

пая буква, такъ, что вмѣстѣ онѣ, вѣроятно, составляли какую нибудь надпись. За нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, одинъ Грекъ, говорятъ, рылся въ ближайшемъ изъ кургановъ, и выкопавъ большія сокровища, скрылся внезапно, боясь преслѣдованія начальства. Назначеніе Бларамберга блюстителемъ Босфорскихъ древностей, положило преграду симъ хищничествамъ, и музей, собранный имъ, представляетъ весьма много драгоцѣнныхъ предметовъ, извлеченныхъ имъ изъ мрака вѣковъ, протекшихъ надъ гробницами языческой древности. Въ здѣшнемъ музеумѣ находится уже большое количество Воспорскихъ медалей, золотыхъ, серебряныхъ, и бронзовыхъ, урны съ пепломъ умершихъ, большія амфоры, въ которыхъ древніе хранили вино и деревянное масло, лакриматоріи разныхъ составовъ, формъ и величины, глиняные сосуды и маленькія статуйки, очень хорошо сохранившіеся, пять или шесть колоссальныхъ мраморныхъ торсовъ и множество обломковъ архитектуры и скульптуры, въ которыхъ знатоки находятъ искусство и прекрасную отдѣлку, — дѣлаютъ сіе собраніе весьма любопытнымъ. Есть также очень много хорошихъ золотыхъ вещей, вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ, открытый въ могилѣ какой то царицы, множество золотыхъ перстней съ рѣзными камнями, браслеты и проч.

Находящаяся въ крѣпости Греческая церковь, во имя Св. Іоанна, есть одинъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ въ Европѣ: она существуетъ уже XII столѣтій. Куполъ сего прекраснаго зданія поддерживается четырьмя огромными столбами изъ сѣраго мрамора, основанія коихъ ушли въ землю болѣе, чѣмъ на сажень глубины. Великое множество надписей,

барельефовъ, отломковъ отъ колоннъ, вмазанныхъ въ стѣны церкви и находимыхъ вокругъ ея, заставляютъ полагать, что она построена была первыми пришедшими сюда Христіанами, изъ развалинъ храма знаменитаго Эскулапа Пантикапейскаго, о коемъ упоминаютъ древніе писатели. Есть еще преданіе, что церковь сія сооружена на мѣстѣ другой, воздвигнутой однимъ изъ Св. Апостоловъ, притекшимъ на берега Чернаго Моря проповѣдывать святое Евангеліе. Хранящееся здѣсь рукописное Евангеліе на пергаменѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, принадлежитъ не менѣе какъ къ XI вѣку.

Нѣсколько разбитыхъ Греческихъ барельефовъ и колоннъ разбросано по разнымъ угламъ церковнаго двора, а по срединѣ онаго стоитъ женская статуя, изсѣченная смѣлымъ рѣзцемъ, между тѣмъ какъ торсъ мужчины, тутъ же видимый, гораздо низшей работы. Къ сожалѣнію, рѣдкія изъ сихъ статуй съ головами. Татары, при первомъ еще нашествіи на Крымъ, изъ варварства и изувѣрства, разрушали храмы, разбивали памятники изящныхъ искусствъ, и драгоцѣнные остатки Греческаго и Римскаго художества употреблялись на основанія крѣпостей и мечетей. Крѣпость построена Турками, вѣроятно, для обороны со стороны пролива, ибо съ Митридатовой Горы весь гарнизонъ можно закидать каменьями; въ ней примѣчательна одна древняя башня, говорятъ, еще Генуэзская.

Въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, по дорогѣ въ Еникале, привлекаетъ любопытство путешественника выдавшійся въ море *каменный мысъ*. На мѣстѣ семъ нѣкогда существовалъ богатый городъ Мирмикіонъ, отъ котораго осталось только нѣсколько огромныхъ

камней отъ толстыхъ стѣнъ и круглыхъ башень Акрополиса, и на семъ же мѣстѣ, нынѣ открывается картина возрожденія Пантикапеи — въ устроеніи здѣсь карантина, открытаго въ 1827 году. Это одно изъ прекраснѣйшихъ зданій и заведеній сего рода въ Европѣ, особенно въ отношеніи предосторожностей къ открытію и устраненію чумы. Въ карантинѣ семъ заключается все, что есть лучшаго и полезнаго въ карантинахъ Марсельскомъ, Генуэзскомъ, Ливорнскомъ и Тріестскомъ; сверхъ того, все устроено по новому плану, который можетъ быть увеличиваемъ по мѣрѣ распространенія торговли. Въ Керченскомъ карантинѣ останавливаются всѣ корабли, приходящіе изъ Леванта за Россійскими товарами, привозимыми изъ Таганрога на каботажныхъ судахъ.

Со временемъ Керчь можетъ сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ торговли между Европою и Азіею, по близости береговъ сей послѣдней и даже тѣхъ урочищъ, въ кои нѣкогда Генуэзцы доставляли громады товаровъ для мѣны съ народами Востока, преимущественно споспѣшествовавшей къ обогащенію и усиленію сей предпріимчивой торговой націи.

Къ выгодамъ Керченскаго порта принадлежитъ возможность, не только доставить сбытъ произведеніямъ жителей Черноморья, но и завести непосредственное сношеніе даже съ дикими обитателями Кавказа, привлекая ихъ жезломъ Меркурія.

Жители въ Керчи большею частію состоятъ изъ Грековъ, служившихъ въ нашемъ флотѣ, и вызванныхъ изъ Мореи щедротою Екатерины II, которая даровала имъ, при безопасномъ убѣжищѣ, разныя

привилегіи на 30 лѣтъ. Но Греки, подобно предшественникамъ своимъ, Татарамъ, не извлекли еще доселѣ тѣхъ выгодъ, кои могло бы доставить имъ приволье новаго ихъ отечества. Прелестные долины и холмы Пантикапейскіе остаются донынѣ въ дикомъ своемъ положеніи, и питаютъ единственно многочисленныя стада рогатаго скота и овецъ, между тѣмъ, какъ искусная рука опытнаго хлѣбопашца могла бы произвести здѣсь всѣ извѣстные на Земномъ Шарѣ роды плодовъ и хлѣбныхъ растеній. Довольно сказать, что каперсовые кустарники, столь нѣжные и чувствительные къ холоду, въ окрестностяхъ Керчи, сами собою растутъ на берегахъ Чернаго Моря, а виноградъ здѣшній и выдѣлываемыя изъ онаго вина, принадлежатъ къ числу лучшихъ Крымскихъ.

Нерадѣніе Грековъ, о многихъ средствахъ промышлености, можно приписать преимущественно изобильной рыбной ловлѣ, по всему Босфору и въ самомъ Керченскомъ портѣ, гдѣ даже попадаются устрицы. Здѣшніе осетровые балыки, особенно Еникальскіе, и икра приманиваютъ гастрономовъ вкусомъ своимъ. Наконецъ важный источникъ богатства составляетъ соль, добываніемъ коей значительно подкрѣпляется судоходное сношеніе между жителями береговъ Азовскаго Моря.

Въ окрестностяхъ самаго города находятся: сѣрные ключи, горное масло, ломка аспиднаго камня, руды желтой вохры, синильно-кислаго желѣза и цѣлые холмы чрезвычайно тонкой глины, которая при древнихъ обитателяхъ странъ Босфорскихъ, употреблялась, безъ сомнѣнія, для драгоцѣнныхъ вазъ, безпрестанно находимыхъ въ развалинахъ ихъ древней

столицы, и которая можетъ послужить новою отраслію для промышлености и торговли, ибо изъ нее можно дѣлать превосходный фарфоръ.

Въ городѣ не много прямыхъ улицъ; остальныя состоятъ изъ кривыхъ переулковъ и домовъ, разбросанныхъ по отлогости Митридатовой Горы. Строеніе вообще каменное, для котораго здѣшнія окрестности доставляютъ превосходные матеріялы. Вновь воздвигаемые домы принимаютъ Европейскую наружность, а старые, равно и здѣшній базаръ, устроены на образецъ Азіятскій, и еще живо напоминаютъ бывшее владычество Татаръ. Тутъ безпрерывно слышатся отголоски Татарскаго, Греческаго и Русскаго языковъ. Но и Англичане нерѣдко посѣщаютъ Керчь. Былъ примѣръ, что двое изъ нихъ, одинъ ѣхавшій изъ Петербурга, а другой изъ Калькутты, назначили Керчь мѣстомъ свиданія, и были такъ точны, что одинъ прежде другаго пріѣхалъ только за четыре дня.

Золотой Курганъ, о которомъ выше сказано, находящійся въ 3 верстахъ отъ Керчи, по дорогѣ къ Θеодосіи, заслуживаетъ особенное вниманіе и самое строгое изслѣдованіе археологовъ, какъ превосходнѣйшій памятникъ, представляющій двѣ эпохи зодчества: Циклопскую и Босфорскую. Циклопскія постройки были предметомъ величайшихъ споровъ между испытателями древности; но, кажется, доказано, что онѣ не Египетскія, а существовали въ Греціи до поселенія тамъ Египетскихъ колоній; и образецъ сей постройки, то есть, огромными неправильными многоугольниками, перешелъ изъ подражанія даже къ Римлянамъ. Отъ нея осталось нѣсколько саженъ стѣны, окружавшей Золотой Курганъ и возвышавшейся,

какъ утверждаютъ старожилы, до облаковъ. Генералъ Розенбергъ, желая проникнуть во внутренность кургана, взорвалъ порохомъ сію пирамиду; но и сильный зарядъ могъ разрушить только наружныя стѣны ея: сводъ склепа донынѣ остается невредимъ. Подлѣ самаго кургана находится утесъ, изъ коего, по видимому, брали камни на сооруженіе сей гигантской стѣны, и складывали ихъ, какъ извѣстно, безъ извести: камни сплачивались собственною своею тяжестію. Другая стѣна, идущая вокругъ купы главнѣйшихъ кургановъ, обработана глаже и сплочена какимъ-то цементомъ, а потому построеніе оной слѣдуетъ отнести къ позднѣйшимъ временамъ, и она, вѣроятно, Босфорской работы. Золотой Курганъ съ незапамятныхъ временъ почитался хранилищемъ несмѣтныхъ сокровищъ, и народное суевѣріе окружило ихъ, въ разсказахъ, ужасными призраками, а нынѣ уже открыто, что онъ служилъ мѣстомъ погребенія Босфорскихъ царей. Доказательствомъ служатъ найденные здѣсь царскіе вѣнцы, наподобіе лавровыхъ, съ длинными листочками изъ чистаго золота, зарукавья и другія украшенія, удивляющія тонкостію и изяществомъ работы во время столь отдаленной древности. Множество сихъ драгоцѣнныхъ вещей, памятниковъ богатства и знаменитости Понтійскаго Царства, перенесены уже въ столицу Русскихъ Монарховъ, и сохраняясь въ Императорскомъ Эрмитажѣ, сближаютъ предъ нашими взорами минувшія тысящелѣтія съ вѣкомъ славы и величія Россіи.

Въ послѣднее время открытіе древности обогатилось драгоцѣнностями, найденными въ гробницѣ супруги царя Рискупорида. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: золотая маска съ лица царицы, діадема изъ того же ме-

талла, зарукавья и ваза для благовоній, украшенная Сирійскими гранатами, перстень съ камнемъ, на которомъ рельефомъ изображенъ амуръ, опирающійся на лукъ; большая бронзовая чаша, на которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась позолота, четыреугольная колонна съ нарѣзами, на которой изображенъ Сатиръ, увѣнчанный виноградными листьями, серебряный круглый плоскій поднос съ Греческою надписью: Царя Рископора, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ разнаго вида, серебряный жезлъ и пр., и множество мелкихъ золотыхъ украшеній съ одежды, представляющихъ цвѣты и звѣзды, поясняющихъ домашній бытъ древнихъ, вкусъ къ роскоши, великолѣпію, и степень ихъ искусства въ изящныхъ художествахъ. Конечно для любителей древности нигдѣ почти нѣтъ столь богатой жатвы, какъ въ окрестностяхъ Керчи. До сихъ поръ насчитали 1200 кургановъ, но и половины, кажется, не насчитали; немногіе изъ нихъ взрыты, остальные можно почитать неисчерпаемымъ источникомъ: когда откроютъ курганъ и найдутъ въ немъ разные предметы въ Греческомъ вкусѣ, то надобно рыть еще глубже землю: тамъ находятся другія гробницы народовъ, нынѣ уже неизвѣстныхъ. Эти подземелья весьма пространны, обыкновенно въ нишѣ или впадинѣ находятся человѣческія кости, близъ которыхъ на каменномъ столѣ почти всегда каменная чаша и желѣзныя орудія, копья и стрѣлы, а немного подалѣе на каменномъ канапѣ скелетъ лошадиный.

Крымскій Грекъ

КРЫМСКІЙ ГРЕКЪ.

По вызову героя Чесменскаго, Графа А. Г. Орлова, выѣхало изъ Мореи великое число Греческихъ семействъ. Ихъ поселили по разнымъ городамъ Таврическаго Полуострова, надѣливъ землями, и освободивъ на 30 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей. И доселѣ они составляютъ въ Крыму значительную часть жителей, удерживая свои обычаи, одѣяніе и самый характеръ. Болѣе всего замѣчательно это въ Керчи и Еникалѣ. Балаклава вся исключительно населена Греками, которые тутъ составляютъ военное поселеніе. Богатые Греки перенесли съ собою много и Турецкихъ обычаевъ, заимствовавъ отъ повелителей своихъ важность и спѣсь. Взгляните на этого деспота, развалившагося на широкомъ диванѣ съ длинною трубкою въ зубахъ; безусловный властелинъ въ домашнемъ быту, неприступный, гордый съ низшими себя, онъ все еще потомокъ Синопа, хитръ съ высшими, ищетъ прибытка и преданъ нѣгѣ.

Эта наклонность къ безпечности причиною, что Крымскіе Греки охотнѣе занимаются рыболовствомъ, какъ самою легкою изъ всѣхъ промышленостей, и производятъ оную преимущественно крючьями.

Въ Еникалѣ и Керчи рыбная ловля доставляетъ занятіе 200 Греческимъ семействамъ, хозяевамъ лодокъ и заводей, и обезпечиваетъ пропитаніе 600 работниковъ, большею частію Татаръ, употребляемыхъ для вязки сѣтей и отдѣлки крючковъ, называемыхъ *кармяки*. Владѣльцы береговъ, простирающихся за предѣлы земель, пожалованныхъ Грекамъ Императрицею Екатериною II, отдаютъ рыбныя ловли на откупъ, съ платою отъ 300 до 400 рублей съ одной заводи.

Собственно Таврическіе Греки принадлежатъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Крыма, удержавшимся тамъ при всѣхъ переворотахъ. По грамотѣ Екатерины Великой, данной 21 Мая 1779 года, на имя Игнатія Митрополита Готѳійскаго и Кофайскаго, часть сихъ Грековъ переселилась въ тогдашнюю Азовскую Губернію. Главное мѣсто ихъ нынѣ Маріуполь, гдѣ они неохотно отвыкаютъ отъ своихъ Татарскихъ привычекъ, употребляя преимущественно Татарскій языкъ не только въ сношеніяхъ между собою, но въ дѣлахъ и даже Богослуженіи. Сіе послѣднее весьма замѣчательно и обращаетъ особенное вниманіе наблюдателя.

Крымская Гречанка

Рисовалъ съ натуры П. Свиньинъ

ГРЕЧАНКА.

По Восточнымъ обычаямъ, глубоко укоренившимся между Крымскими Греками, женщины доселѣ содержатся здѣсь въ большой скрытности и покорности, особенно между купечествомъ и среднимъ классомъ Керчинскихъ и Еникальскихъ Грековъ. А потому не только трудно ознакомиться съ ихъ нравами и обычаями, но даже опредѣлить ихъ наружность. Совсѣмъ тѣмъ, по нѣкоторымъ встрѣчамъ съ Гречанками высшаго образованія и простолюдинами, можно сказать, что и онѣ удержали свой народный обликъ, отличную правильность и благородство въ чертахъ, отлично черные глаза и даже древнее обыкновеніе красить шафраномъ черныя кудри свои, что, какъ извѣстно, почиталось красотою еще со временъ Гомеровыхъ во

многихъ мѣстахъ Мореи и Архипелага, и дало поводъ поэтамъ называть Греческихъ дѣвъ — *златовласыми.*

Врочемъ одежда Крымскихъ Гречанокъ, какъ видно изъ картинки, мало разнится съ одѣяніемъ туземныхъ Татарокъ.

ЦЫГАНЫ.

Группа, представленная на картинкѣ, изображаетъ семейство Цыганъ, остановившихъ на большой дорогѣ крестьянина, ѣдущаго съ возомъ, и между тѣмъ, какъ жена ворожитъ ему на рукѣ, мужъ смотритъ въ зубы лошади. Вотъ вѣрный очеркъ жизни и характера сего неразгаданнаго народа.

Разысканія археологовъ о происхожденіи Цыганъ еще очень неудовлетворительны, и также не совершенно мы знаемъ, когда вторглись они въ Европу. А что это племя самобытное, въ томъ сильнѣе всего убѣждаетъ постоянство ихъ въ отвращеніи отъ всякой гражданственности и посторонней подчиненности, для избѣжанія которой, Цыганъ готовъ переносить всѣ возможныя бѣдствія, голодъ, холодъ и самыя истязанія. Доселѣ оставались также безъ большаго успѣха старанія нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ правительствъ отучить ихъ отъ кочевой, праздной жизни, и дать имъ нѣкоторое образованіе. Цыганъ, при первой возможности,

подобно жителю Кавказа или дикарю Америки, покидаетъ жилище, довольство, обиліе привольной жизни, и бѣжитъ въ лѣса подъ изодраный отцовскій шатеръ, бѣжитъ предаться нѣгѣ, одному ему понятной, лежать въ перинѣ, куря трубку, ничего не дѣлая, оставаясь часто безъ куска хлѣба. . . . Но тѣ же самые враги подчиненности, чуждые общежитія и гражданскаго порядка, могутъ служить образцами повиновенія и уваженія, которое питаютъ къ властямъ, ими самими избраннымъ. Въ Англіи, они имѣютъ своихъ королей, изъ коихъ послѣдній еще недавно умеръ, въ 1785 году, оставя послѣ себя наслѣдницею молодую, прекрасную дѣвушку. Въ Венгріи, въ каждомъ комитатѣ Цыгане управляются своимъ начальникомъ, называющимся Ажилесъ. Въ Молдавіи и Валахіи, они избираютъ изъ среды своей воеводъ, подъ именемъ Булубассовъ, наблюдая притомъ, чтобъ онъ былъ пожилыхъ лѣтъ, высокаго росту и значительной наружности. Въ Швейцаріи, предводители Цыганъ называли себя Герцогами Египетскими. Въ Россіи, каждый таборъ подчиняется бурмистру.

Основываясь на показаніяхъ хронологіи, согласимся съ общимъ мнѣніемъ, что кочующій Цыганскій народъ показался прежде всѣхъ другихъ мѣстъ въ Молдавіи въ 1417 году, въ царствованіе Александра Добраго, дозволившаго имъ *«кочевать въ воздухѣ и на землѣ, брать огонь и желѣзо для ковки,»* и оттуда уже разлился по лицу Европы, гдѣ и получалъ прозвища, по тому вліянію, которое производилъ ихъ видъ, свойства и обычаи, и потому, какъ они выказывали себя. Напримѣръ, во Франціи, они явились подъ именемъ жителей Нижняго Египта, будто бы принужденныхъ Са-

рацинами отложиться отъ Христіанской Церкви, и ходившими въ Римъ за испрошеніемъ у Папы прощенія, который и наложилъ на нихъ эпитимью, скитаться въ продолженіе семи лѣтъ сряду и спать на голой землѣ. Въ другомъ мѣстѣ, Цыганы увѣрили, что Императоръ Сигизмундъ далъ имъ особенную привилегію хищничать въ городахъ и селахъ во все время семилѣтняго странствованія. Такимъ образомъ чернь во Франціи дала имъ прозваніе кающихся грѣшниковъ (Pékansiero). Но вообще Французы называютъ ихъ Богемцами (Bohemiens); Нѣмцы называютъ ихъ Zigeuner, имя пропроизводимое, вѣроятно, отъ двухъ словъ: ziehen и Gauner: первое означаетъ скитаться, кочевать, а послѣднее воръ, или человѣкъ, склонный присвоить себѣ чужую вещь, что согласно съ характеромъ Цыганъ; Англичане, Египтянами (Gypsees); Венгерцы, Фараоновымъ отродьемъ (Pharaons Nemzetseg); Голландцы, идолопоклонниками (Heydens); Датчане и Шведы, Татарами; Баски, *Ежиптокуакъ* (Egyptocouac); Мавры и Арабы, разбойниками (Chazami); Испанцы, Хитанами; у Грековъ, Κανζιβελει; сами себя называютъ Цыганы *ромни чель* (сынъ жены) или *ромъ* (люди). Повсюду объявлено было противъ нихъ гоненіе: Испанская Инквизиція жгла ихъ на кострахъ, въ Голландіи рѣзали имъ уши, во Франціи сѣкли ихъ и ссылали на галеры.

Судя по сходству нравовъ и языка Цыганъ съ Санскритскимъ и Малабарскимъ, можно бы заключать, что они Индѣйскаго происхожденія, можно бы согласиться съ докторомъ Ричардсономъ, производящимъ ихъ отъ касты Базигуровъ, кочевыхъ пѣвцовъ, плясуновъ, или судровъ, Индусской касты, состоящей изъ

бродягъ, не имѣющихъ постояннаго жилища; но пребываніе Цыганъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ Азіи, не достаточно ли было сроднить ихъ съ обычаями и языкомъ тѣхъ народовъ, тогда какъ и теперь они перенимаютъ то и другое въ самое короткое время отъ тѣхъ народовъ, между коими водворяются? Замѣтьте разницу, какая существуетъ между Цыганомъ Англійскимъ, Молдавскимъ и Русскимъ! Первый пляшетъ *джигу*, припѣвая ея съ національнымъ Англійскимъ присвистомъ; второй *танану*, вытягивая голосъ носомъ изъ горла на манеръ Азіятскихъ напѣвовъ, а третій *барыню*, горланя во всю мочь, притопывая и прищелкивая, какъ веселый Русскій крестьянинъ. И хотя они разительно разнятся ухватками, одеждою, въ которую они вмѣшиваютъ самую нелѣпую пестроту и роскошь безъ всякой мѣры и безъ всякаго порядка, но черты національности остаются вездѣ одинаковы, вездѣ: и подъ сюртукомъ Британскимъ, и подъ феcкою Мусульманина, и въ кафтанѣ Русскомъ, Цыганъ не теряетъ природныхъ своихъ отличительныхъ признаковъ: та же желтоватая смуглость лица, тѣ же черты рѣзкія, правильныя, тѣ же глаза большіе, черные, выразительные, полные огня, магнетисма, и наконецъ, та же любовь къ независимости, къ жизни кочевой, безпечной, одинаковое непризнаніе ни какой религіи, хотя на Западѣ называютъ они себя Христіянами, на Востокѣ — Магометанами, а между Евреями выдаютъ себя за Жидовъ. Брачные обряды совершаютъ они почти вездѣ слѣдующимъ образомъ: предъ выбраннымъ изъ среды семейства старшиною, женихъ и невѣста разбиваютъ глиняный горшокъ, внимательно считаютъ черепки, и чис-

ло ихъ определяетъ, на сколько лѣтъ бракъ совершенъ. Мертвыхъ они хоронятъ безъ обряда, молитвы и сожалѣнія.

Если надъ Іудеями совершается наказаніе Іеговы, то почему отметать вѣроятіе, что Цыгане первоначально происходятъ отъ древнихъ Египтянъ, коихъ разсѣяніе по шару земному и бѣдствіе также были предсказаны? Писатель Цирмай сохранилъ весьма замѣчательную присягу, даваемую ими въ судилищахъ Венгерскихъ, подкрѣпляющую сіе предположеніе. Вотъ ея начало: «Какъ Господь потопилъ Царя Фараона въ «Чермномъ Морѣ, такъ да будетъ проклятъ Цыганъ, «если не покажетъ правды, да превратится при пер«вомъ обмѣнѣ лошадь его въ осла,» и т. п. Эта клятва Фараономъ не есть ли свѣтлый лучъ для археолога, а врожденная любовь къ лошадямъ, не изобличаетъ ли въ Цыганѣ кровь Бедуина, любящаго своего коня любовью родственною, поэтическою? Прося милостыни, Цыганы говорятъ: желаю долго жить вашимъ лошадямъ!

Хотите ли видѣть полную картину цыганскаго быта. Возьмите поэму Пушкина; очарователь-поэтъ перенесетъ васъ въ Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ,
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ

Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ,
Одна съ небесной вышины,
И тихій таборъ озаряетъ.

Въ Бессарабіи и Молдавіи Цыганы употребляются на добываніе металла въ золотоносныхъ рѣкахъ, но болѣе любимое для нихъ занятіе бродить по селеніямъ съ медвѣдями.

Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги
Близъ Молдаванскаго двора,
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ
На посохъ опершись дорожной
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ.

Переходъ Цыганъ съ одного мѣста на другое, представляющій самую живую картину, и все ея разнообразіе и движеніе, Пушкинъ счастливо представилъ своею поэтическою кистію.

Шатры разобраны, телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Всѣ вмѣстѣ тронулись, и вотъ
Толпы валятъ въ пустыхъ равнинахъ;
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;

Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ, вослѣдъ идутъ,
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы;
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье;
Лахмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрыпъ телѣгъ —
Все скудно, дико, все не стройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ!

Заключимъ розысканія наши о семъ неразгаданномъ народѣ взглядомъ на ихъ бытъ въ Россіи (*).

Цыганъ считается въ нашемъ отечествѣ до 10,000 мужескаго пола душъ. Они разсѣяны по всѣмъ почти губерніямъ; но средоточіемъ сборища ихъ есть Москва. Здѣсь населенъ ими цѣлый кварталъ, прилегающій къ Никитскому бульвару. Мужчины промышляютъ большею частію коновальствомъ, барышничествомъ, кузнечествомъ и нанимаясь въ кучера; женщины и дѣвушки гаданіемъ на рукѣ, пѣснями и плясками.

Доселѣ ведется въ Москвѣ старинное обыкновеніе брать труппу Цыганъ на всякое пиршество, даваемое за городомъ дружескимъ обществомъ; ихъ звонкіе голоса, ихъ шумная веселость приличествуютъ свободному разгулу сельскихъ пировъ. Таковыхъ труппъ въ Москвѣ бываетъ всегда по нѣскольку; но любопытнѣйшая изъ нихъ, обращавшая на себя даже вниманіе строгихъ любителей изящнаго, была та, къ кото-

(*) Подробности о Цыганахъ можно найти въ сочиненіяхъ Бланкенбурга, начальника Фридрихлорской Цыганской колоніи, близъ Наумбурга, а также въ сочиненіяхъ Дав. Ричардсона, Марденса, и особливо Грелльмана.

рой принадлежала извѣстная, знаменитая въ своемъ родѣ Стешка, исторгнувшая дань удивленія самой Каталани, которая подарила ей драгоцѣнный перстень: *въ знакъ признательности за наслажденіе, ею доставленное.*

Труппа Стешкина состояла изъ двухъ мужчинъ и трехъ женщинъ, не болѣе: одинъ игралъ на скрипкѣ, а другой на гитарѣ, женщины вторили, а изъ всего этого выходилъ такой хоръ, что нельзя было не поразиться его согласіемъ. Не смотря на то, голосъ Стешки покрывалъ всѣ инструменты и голоса, а въ адажіо — отзывался особенною гармоніею. Большая часть пѣсень была расположена такимъ образомъ, что Стешка или запѣвала, или оканчивала напѣвъ каждаго куплета, или, такъ сказать, перехватывала и выливала своимъ звучнымъ голосомъ самыя разительныя слова. Кромѣ простонародныхъ пѣсень, они еще пѣли обработанныя по методѣ Италіянской; сверхъ того знали, нѣсколько Малороссійскихъ и Польскихъ пѣсень, и даже лучшіе изъ Русскихъ романсовъ, лучшихъ нашихъ поэтовъ. Какая внезапная тишина распространялась между слушателями, когда черноокая, роскошная во всѣхъ движеніяхъ своихъ, однимъ словомъ — Египтянка Державина — Стешка запѣвала прекрасные стихи:

Дубрава шумитъ,
Сбираются тучи,
На берегъ зыбучій.
Склонившись сидитъ,
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица краса!»

Никто не смѣлъ дышать, и у всѣхъ стѣснялось, трепетало сердце, когда отчаяннымъ голосомъ оканчивала она второй куплетъ:

«Жила и любила, и друга лишилась!»

Дабы почувствовать во всей силѣ красоту лирической поэзіи, узнать языкъ страсти, должно было слышать изъ устъ ея извѣстный романсъ:

»Мой другъ, хранитель ангелъ мой!»

Каждое слово достигало прямо въ душу, каждое выраженіе приводило въ восторгъ слушателей! Этотъ же романсъ она пѣла еще дуэтомъ съ своею дочерью.

Невыразимы чувства, коими бывали объяты слушатели самой простой пѣсеньки:

«Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь. . . .

Эта пѣвица обладала непонятнымъ искусствомъ: въ звукахъ ея голоса передавалось воркованье грустной горлицы и достигало до сердца.

Въ простонародныхъ Русскихъ пѣсняхъ Стешка показывала еще болѣе искусства, одушевляя картины, начертанныя сильною кистію и живыми красками съ природы, показывала еще болѣе умѣнья управлять своимъ голосомъ, упадая вдругъ съ высокихъ тоновъ на низкіе, выдерживая всѣ измѣненія, сливая томное съ веселымъ, въ первомъ наводя неизъяснимо-сладкую задумчивость на слушателей, терзая ихъ души; во второмъ, распространяя безпечную радость и чистое удовольствіе., такъ что отъ ужаснаго поднимались у всѣхъ волосы дыбомъ, отъ жалостнаго замирало сердце самое холодное, отъ веселаго оживлялись руки и ноги самыя неподвижныя.

Кромѣ пѣнія, Стешка, подруга ея и товарищи отличались и пляскою. Одна изъ Цыганокъ была несравненна въ плавной Русской, а другія двѣ неподражаемы въ своей народной пляскѣ, живостію и ловкостію,

не имѣвшими ничего оскорбительнаго для вкуса; онѣ выражали тѣлодвиженіями самыя пылкія страсти: подбѣгая съ огненными взглядами, волненіемъ груди, пожиманіемъ плечъ потрясали, какъ будто электрической искрой, манили, казалось, къ наслажденію, и вдругъ удалялись съ быстротою молніи, какъ будто убѣгая отъ преслѣдованія, въ то же время какъ бы увлекали за собою. Можно подумать, что Державинъ описалъ этихъ Цыганокъ въ извѣстныхъ стихахъ своихъ:

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай,
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

*

Какъ ночь съ ланитъ сверкай зарями
Какъ вихорь, прахъ плащемъ сметай,
Какъ птица, подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Слава Стешки дошла, какъ говоритъ преданіе, и до слуха Наполеона: по приказанію его, Лессепсъ, бывшій губернаторомъ въ Москвѣ, разсылалъ повсюду Цыганъ для отысканія ея, обѣщая имъ значительную награду; но Цыганка съ негодованіемъ отвергла счастіе заслужить дань удивленія Императора Французовъ, и оставалась въ Ярославлѣ во все время пребыванія непріятелей въ Москвѣ.

КОНЕЦЪ I-й ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Hecco

C.Frommel, pinxit

NESSO.

Carlsruhe, im Kunst Verlag

